

СМЕНА

январь
2002

*С новым
годом!*

- Анна Ж. Малышева **Сплошной разврат**
- Алан Милн **Портрет Лидии**

ИДЕАЛЬНАЯ ФОРМУЛА

Моторное масло ЛУКОЙЛ

ТОМАС СЕРТЕНСКИИ/РОБЕН

Предельные температуры.
Экстремальные режимы.
Исключительная выносливость.

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ
ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

 ЛУКОЙЛ

www.lukoil-masla.ru

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чингина

2002
январь (1647)

Сдано в набор 20.11.2001.
Подписано к печати 17.12.2001.
Печать офсетная.
Заказ № 3448
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994,
212-15-07 — для справок.
257-31-37 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"
www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ООО ОИД "Медиа-Пресса"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию:
257-42-29, 257-41-03

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2002.

4 *Ольга Пестрова*
**УЖИН НАКАНУНЕ
РОЖДЕСТВА**

Новогодняя история

34 *Алан Александер
Милн*

ПОРТРЕТ ЛИДИИ

Зарубежный рассказ

94 *Анна Ж. Малышева*
СПЛОШНОЙ РАЗВРАТ

Криминальный роман

246 *Шатъяна Иванова*
РУССКОЕ ЧУДО

Иронический рассказ

15 *Георгий Целмс*
СУД УЛИЦЫ

50 *Светлана
Бестужева-Лада*
ОТ РОЖДЕНИЯ ДО...

236 *Игорь Тимаюнов*
ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ

258 *Николай Зув*
**ХОРОШЕГО
ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНО
БЫТЬ МНОГО**

264 *Борис Смирнов*
**ДОБРЫЕ ВОЛКИ
С ГОЛУБЫМИ
ГЛАЗАМИ**

стр. 264

стр. 78

На 1-ой обложке:
Фото EAST NEWS.

28 *Глеб Пауфилов:*
**"НЕ ЛЮБЛЮ ИГРАТЬ
В СУДЬБУ..."**

56 *Иван Зюзюкин*
**СКОЛЬКО СТОИТ
ВЕЛИЧИЕ?**

66 *Любовь Русова*
**ПЕРВЫЙ ЭСКУЛАП
РОССИИ**

78 *Софья Пискун*
КОРРЕДЖО

272 *Ольга Быстрих*
**...И ДИСКОТЕКИ
ЗАТУРБИЛИСЬ!**

12 *Сергей Топоренко*

243 *Мария Алафонова*

*Александр
Экштейн*

ПУТЬ К ЮПИТЕРУ

"Путь к Юпитеру" — последняя часть трилогии "Плунные бабочки", в которой основной акцент автор делает на научные изыскания российских и американских ученых, связанные с полетом к Юпитеру. Несмотря на отличия, чем-то он схож с Землей — только на Юпитере и Земле наблюдаются полярные сияния, происходят грозы. По версии автора, "в каждом человеке спит Юпитер — память о нем".

Игорь Гамаюнов
**НАЛЕТЧИКИ
ПОНЕВОЛЕ**

Несобычное уголовное дело рассматривал недавно Мосгорсуд: четверо жителей Подмосквы совершили ограбление фирмы с единственной целью — чтобы на похищенные деньги сделать дорогостоящую операцию умирающей дочери своего товарища. Что должны были пережить прокурор и судья, приговаривавшие отца девочки и его трех товарищей к наказанию за содеянное? Об исходе этого дела вы узнаете из судебного очерка нашего корреспондента.

стр. 258

Февраль 2002

АНОНС:

УЖИТЬСЯ на ТРОЛЛЕЙБУС

Ольга ПЕСТРОВА

Тридцатого декабря я, как и многие москвичи, совершала молниеносный рейд по магазинам в преддверии Нового года. При этом совмещала приятное с полезным: то есть покупки с завершением рабочего дня. Зарабатываю я достаточно, чтобы не считать рубли до следующей полочки, и могу себе позволить покупать продукты в супермаркете в центре, а не на оптовом рынке. Но вот автомобиль для меня по-прежнему остается роскошью, а не средством передвижения. Средством же этим как был, так и остался старый, добрый троллейбус, поскольку передвигаться по центру в метро — себе дороже обойдется, тем более в час пик.

Короче, стояла на остановке, безнадежно дожидаясь нужного мне троллейбуса, и чувствовала, что с каждой минутой сумки в моих руках становятся все тяжелее, ноги просто примерзают к тротуару, а резкий ветер грозит превратить в ледяную статую. Чего я вовсе не жаждала.

Женщины меня поймут: после сорока трудно “сохранить лицо” в такой — пусть и достаточно ординарной — житейской ситуации. Начинаешь ощущать последствия пренебрежения физическими упражнениями, недостаток кислорода в том, что с большой натяжкой можно назвать воздухом, начинающиеся неполадки с суставами и продолжающиеся — со всякими другими внутренними органами. Нос, глаза и руки становятся красными, зато жизнь представляется исключительно желтой: позади молодость, впереди... лучше не думать, в данный конкретный момент себя жалко до слез, а изменить ничего нельзя. В общем, сверху сыро, снизу грязно, посредине — безобразно. И это — жи-

кануне дества

ма! И это — накануне Нового года! Нет, счастья в жизни решительно не просматривалось.

И вдруг рядом с остановкой тормозит роскошная иномарка и смутно знакомый голос окликает меня по имени. Понять я практически ничего не успела: через секунду у меня на шее повисла дама в дорогих мехах, издавая восклицания типа: “Ольга, сколько лет, сколько зим!”, “Хоть одно знакомое лицо!”, “Какая удача, что я тебя заметила!”.

Дама, как и голос, были мне как будто знакомы. Но — не более того. Первой мыслью, посетившей меня в то время, было то, что происходит в лучшем случае недоразумение, а в худшем — какая-то хитрая афера. Я попятилась было назад, но меня не отпускали.

— Оль, ты что, не узнаешь? — радовалась дама. — Так я же Катя, Катя Голованова! Сто лет тебя не видела! И такая встреча!

Тут я ее узнала, и у меня буквально отвисла челюсть. Передо мной была моя старинная приятельница, с которой мы давненько не виделись, хотя когда-то вместе учились в школе, а потом были настолько близки, что в моем альбоме по сей день хранится ее свадебная фотография. Тогда, в день свадьбы, мы все Катьке завидовали: красивый, интеллигентный и общительный Вадим, ее жених, был, что называется, из хорошей семьи, с квартирой, машиной, дачей и прочими тогдашними атрибутами “сладкой жизни”.

Да и сама Катя была хороша: всем удалась! Умница, золотая медалистка, закончившая институт с “красным дипломом”, распределившаяся в престижный НИИ. Обладательница роскошной

косы ниже пояса, с обалденной фигурой и огромными глазами. Если бы тогда проводились конкурсы красоты, она бы побеждала на всех без исключения. Мастерница на все руки. И еще — с ангельским характером. Немудрено, что мы все завидовали, еще как завидовали Катерине...

Потом, правда, завидовать перестали. Вадим, помимо материальных благ, обладал, оказывается, типично российской привычкой: бутылку предпочитал всем остальным видам проведения досуга. Рождение дочки лишь притормозило увлекательный процесс перехода от пьющего человека к сильно пьющему — и далее со всеми вытекающими последствиями. Катька пыталась этот процесс остановить, но силы были явно неравными. Так что после десяти лет отнюдь не мирного сосуществования состоялся развод, и моя подруга получила в качестве отступного двухкомнатную малогабаритную квартиру где-то на самой окраине Москвы. Жест, конечно, был шикарным (Вадим им страшно гордился, хотя деньги дали его родители), зато впоследствии полностью компенсировался отсутствием хотя бы намека на алименты.

Кате не повезло с мужем, но явно повезло с характером. Она как-то умела во всем видеть положительные стороны, радовалась мелочам и не слишком горевала над неудачами, по-прежнему любила театры и художественные выставки, души не чаяла в дочке и трогательно пеклась о матери. Мужчины в ее жизни, конечно, были, но все так или иначе пользовались Катькиной фантастической добротой и отзывчивостью, а затем бесследно исчезали. О чем она, впрочем, не слишком сокрушалась, хотя и выводов из своих скоротечных романов никаких не делала. По-прежнему смотрела на жизнь широко распахнутыми прекрасными глазами и готова была оказать любую помощь каждому, кто, по ее мнению, в ней нуждался.

Последний раз мы случайно встретились лет семь назад у одной общей знакомой. Но тогда Катя выглядела на десять лет старше, чем теперь, по-прежнему была разведенкой с дочкой-подростком и больной матерью на руках и ничего интересного о своей жизни, равно как и о планах на будущее, сказать не могла. Жила, как все — на зарплату научного сотрудника, пусть даже и старшего, теперь особо не разгуляешься. Помню только, что мечтала она накопить немножко денег и купить наконец хорошее зимнее пальто. Правда, не себе, а маме, но в этом была вся Катька!

А тут мне на шею бросилась сногшибательная дама: роскошная шуба, дорогая косметика, прическа, сделанная рукой хорошего мастера... Чудеса, да и только!

— Катька! — только и смогла пролепетать я. — Что с тобой?

Катерина выпустила меня из объятий и затараторила:

— Ты куда? Домой? Давай я тебя доведу, ты же замерзла совсем. Ого, сумки у тебя пудовые. Давай сюда, я помогу, ты же надорвешься. Господи, Оленька, как я рада тебя видеть! Слушай,

если ты не торопишься, давай посидим где-нибудь, поболтаем. У меня есть несколько часов до самолета...

— Мне надо только позвонить и предупредить, — замялась я.

— Из машины и позвонишь!

Катя буквально впахнула меня в свой лимузин и впорхнула туда следом за мной. Вынула из сумочки складную телефонную трубку и протянула мне:

— Звони. Или давай сначала решим, куда поедем. Слушай, а давай в “Космос”? Помнишь, как мы там когда-то гуляли?

Кафе-мороженое “Космос” на улице Горького, ныне Тверской, я, разумеется, помнила. В свое время мы там действительно роскошно гуляли — рубля на полтора с носа. После стипендии, разумеется, в другие дни мы ничего такого себе позволить не могли. А ещё помню, как один наш приятель отмечал там свой день рождения, счет ему выставили, по тем временам, чудовищный — на четырнадцать рублей девяносто копеек. Он дал официантке пятнадцать рублей и гордо произнес:

— Сдачи не надо.

Легенды о “крутизне” этого парня потом ходили по институту никак не меньше года... Н-да, времена меняются и мы меняемся вместе с ними, хотя каждый меняется по-разному.

— Поехали, — согласилась я. — Такую встречу грех не отметить.

Дома меня ничего интереснее стояния у плиты не ожидало, да и любопытство разгоралось все сильнее. Машина с шофером, мобильный телефон, самолет через несколько часов...

— Рассказывай! — велела я Кате, когда мы уютно уселись в углу бывшего “Космоса”, а ныне кафе-бара без названия, зато с умопомрачительными цифрами в меню. — Что ты? Где ты? С кем ты? И как ты? Честно говоря, ни за что бы тебя не узнала.

В молодости Катерину отличала некая акварельная прелесть естественной блондинки с голубыми выразительными глазами и тонкими чертами лица. С годами миловидность постепенно таяла, акварельные краски утратили свою свежесть, и, когда я видела приятельницу в последний раз, она выглядела как сорокалетняя женщина “со следами былой красоты” на лице. Не хуже и не лучше, чем 99 процентов ее ровесниц и соотечественниц.

Только глаза оставались яркими и выразительными — два сапфира. Теперь же эти сапфиры получили достойную оправу: передо мной сидела тридцатилетняя — от силы! — женщина, с прекрасным загаром (в декабре!!!), безупречно ухоженной кожей на руках. Раскованная, элегантная — умопомрачительная, одним словом. С обручальным кольцом и еще парой-тройкой перстней не из дешевых. Сказка, а не женщина!

И то, что мне рассказала Катя, тоже было похоже на сказку. Передаю слово в слово услышанное от нее, ничего не добавляя от себя и ничего не приукрашивая. Хотя бы потому, что и добавить, и приукрасить ее рассказ трудно. Практически невозможно.

“Два года тому назад, тоже, кстати, перед Новым годом, в канун Рождества, я стояла, как и ты сегодня, на остановке. У себя, на выселках, возле метро. И тоже с сумками. Погода была — хуже, чем сегодня: мокрый снег сверху, снизу — лед под жидкой грязью. И автобуса нет как нет, а людей все больше и больше. Словом, беда! Как вдруг...

Вдруг возле меня остановился белый “Джип”, и водитель попросил подсказать, где находится такая-то улица. По его словам, он уже полчаса колесит по здешним кварталам и никак не может найти нужную ему фирму. Просто отчаялся, а у него там очень важная встреча предстоит.

Я попыталась объяснить “на пальцах”: уж свой-то район я наизусть давно выучила. Но оказалось, что нужно сделать столько поворотов направо и налево, что водитель попросил:

— Девушка, проводите меня, пожалуйста. А потом я вас отвезу домой. Опаздываю, а время, извините за пошлость, — деньги.

И я согласилась. Во-первых, мне его стало жалко, а во-вторых, я совершенно не боялась никаких приключений. Пожить у меня было нечем: сумка с продуктами да какая-то мелочь в кошельке. На маньяка-насильника этот мужик не походил, да и вряд ли в тот вечер я могла кого-то очаровать: усталая, растрепанная, промокшая... да и не девочка ведь!

В общем, села я к нему в машину, стала показывать дорогу. Он послушно поворачивал, куда надо, без конца благодарил меня за помощь и то и дело отвлекался на телефонные звонки. Тогда я в первый раз увидела мобильник в действии, он меня просто заворожил. Теперь, как видишь, сама таскаю эту игрушку в сумочке. Но два года назад...

Доехали до нужной фирмы. Он попросил меня пойти с ним: дело, говорит, десятиминутное, а потом я вас домой отвезу. Прямо к подъезду, как обещал. Я прикинула: пешком от этой фирмы мне до дома не меньше получаса добираться, да еще закоулками. Пришлось согласиться.

Секретарша на фирме налила мне кофе, положила печенье, сигареты... Шикарно отделанная приемная, кожаная мебель, дорогие жалюзи на окнах, ковер во весь пол. А я сижу в мокрых сапогах с белыми разводами от московского соленого снега и чувствую себя отвратительно. Как нищенка, которую пустили погреться из милости.

Наконец появился мой новый знакомый. Извинился, что заставил ждать, помог надеть пальто. Вышли мы с ним к машине, и вдруг он мне предлагает:

— А давайте поедем куда-нибудь поужинать. В какой ресторан вы хотите?

Я обалдела совершенно. К тому времени я не то что о ресторанах — о кафе забыла. Жили мы с Ниной, дочкой моей, очень скромно, маму я за год до этого схоронила, все сбережения ушли на похороны да на памятник. Одета черт знает как, без прически,

без косметики... Да и странно было: человек приглашает в ресторан, а сам даже не знает, как меня зовут. И я о нем ничего не знаю.

Это я ему все выложила, когда мы в машину сели, а он только улыбнулся и сказал:

— Познакомьтесь — дело недолгое. Меня, например, зовут Артуром. А вас?

— А меня — Катей, — машинально ответила я. — Но все равно я не могу ехать с вами в ресторан. Мне нужно домой. Меня там дочка ждет.

— Предупредите дочку по телефону. Или ждет еще кто-то, кроме дочки?

— Нет, больше никто не ждет, — честно призналась я. — Отвезите меня домой, пожалуйста.

— Может быть, все-таки передумаете? Мне все равно надо где-то поужинать, я в Москве по делам, живу в гостинице. Составите мне компанию, а потом я вас отвезу домой.

Не могла же я ему признаться, что у меня ни туфель, ни платья для похода в ресторан нет. А в тех, которые были, можно было пойти в лучшем случае на день рождения к подруге. Выглядеть же в ресторане оборванкой мне вовсе не хотелось. Довольно было и того высокомерно-жалостливого взгляда, каким меня наградила выхоленная секретарша на фирме. И тут меня осенило:

— Знаете что? Давайте поужинаем у меня. Продукты все в сумке, кое-что есть дома, к празднику запасалась. Как говорится, чем богаты, тем и рады. И деньги ваши целее будут, и дочку покормлю, а то она голодная сейчас сидит.

Он как-то странно на меня глянул, но согласился. Поехали ко мне на Алтуфьевское шоссе. Сама знаешь: обычная девятиэтажка, грязный подъезд... Все, как у людей. Нинка моя немного удивилась, но вида не подала: мы ведь с ней всегда были скорее подругами, чем матерью и дочерью.

Быстро, в четыре руки приготовили ужин, я даже достала бутылочку "клюковки". Очень хорошо посидели мы тогда, далеко за полночь. Артур рассказывал какие-то забавные истории, смешил Нинку, развлекал меня. А между делом признался, что он немец. Правда, только наполовину: мать у него русская. Ее в самом начале войны угнали в Германию, а там она вышла замуж за немца. Уже после окончания войны, разумеется. А потом родилась Артур.

— Вот откуда вы так хорошо язык знаете! — сказала я, оправившись от первоначального удивления. — А в Москве у вас какие дела?

— Да так, разные строительные проекты. Дома у меня свое дело, хочу попробовать и у вас поработать.

Больше мы с ним о делах не говорили, но выяснили, что оба обожаем классическую музыку и живопись, а также долгие загородные прогулки. За разговором как-то забыла о том, во что оде-

та, как выгляжу, и что обои в квартире давно пора переклеить, потолок побелить — настолько обаятелен и интересен оказался мой новый знакомый.

Когда прощались, он сказал:

— Катя, я завтра улетаю домой, во Франкфурт-на-Майне, а через пару месяцев вернусь в Москву. Точную дату назвать сейчас не берусь, но я вам позвоню. И тогда мы обязательно сходим в ресторан. Договорились?

Договорились, конечно. Я продиктовала ему свой номер телефона и постаралась в следующие дни сделать все возможное, чтобы выбросить новое знакомство из головы. Артур мне очень понравился, но тешить себя несбыточными мечтами не хотелось. Как ни крути — скоро сорок лет, а в мои годы женихов ждать... согласитесь, глупо. Вот я и не ждала.

А через два месяца он позвонил. И не из Германии, а уже из Москвы. Сказал, что через час за мной заедет, ужинать мы на сей раз будем в ресторане, а чтобы Нина не обижалась, возьмем ее с собой. И никаких отговорок.

Я заметалась по квартире, начала лихорадочно причесываться, поправлять облупившийся маникюр. Только-только успела. Артур приехал с огромным букетом роз и несколькими свертками. В свертках были... платья и туфли для меня и для Нины. Все он, оказывается, понял в прошлый раз. Понял — и сделал выводы.

Мы втроем прекрасно провели вечер в "Национале". А потом, уже у меня дома, когда Нина отправилась спать, Артур... предложил мне стать его женой. Я настолько оторопела, что в лоб, невежливо спросила: почему?

— Потому что я впервые в жизни встретил женщину, которая отказывается пойти в ресторан, а вместо этого кормит незнакомого мужчину ужином из последних своих припасов. Потому что вы не допрашивали меня о моих делах и доходах. Ну и потом... вы мне очень понравились с первой минуты, когда согласились показать дорогу. Вы очень добрый и отзывчивый человек, Катя. И очень красивая женщина.

И я, конечно, согласилась. Помимо того, что Артур мне нравился, он совершил сразу два поступка, которые покорили окончательно. Во-первых, пригласил в ресторан не только меня, но и мою дочку. А во-вторых, не пытался затащить меня в постель ни при первой, ни при второй встрече, с чем я в своей жизни еще не сталкивалась. Обычно мои поклонники — а их можно по пальцам пересчитать — на Нину не обращали ни малейшего внимания, скорее, считали обузой, а вот в постель норовили затянуть как можно быстрее.

Через два месяца мы поженились. Все это время Артур мотался между Россией и Германией, да и в Москве был занят с утра до вечера, но находил время съездить со мной выбрать свадебное платье и обручальные кольца, а также оформить все необходи-

мые документы. Я настояла на том, чтобы жил он у меня, а не в гостинице — деньги-то платить приходилось бешеные! — и он со мной согласился, только опять очень странно на меня посмотрел. А после довольно скромной свадьбы забрал меня с Ниной к себе, в Германию! Там я и узнала, что вышла замуж... за миллиардера.

И родители Артура были людьми небедными, и он сам приложил немало сил, чтобы его строительная фирма процветала. Свой первый миллион “сделал”, когда ему было тридцать лет. В это же время в родах трагически погибла его первая жена, и Артур все силы и время посвятил работе. Незадолго до смерти его отец унаследовал колоссальное состояние своего старшего брата, который перед войной уехал в Америку и сколотил там несколько сотен миллионов долларов. Что в пересчете на марки составляло без малого миллиард. В Москве же строительная фирма Артура занималась работами на Манежной площади.

Все это, повторяю, я узнала только после свадьбы, когда Артур привез нас в свой особняк. Больше всего я боялась знакомства со свекровью. Но она оказалась совсем не страшной, очень радовалась, что в доме будет звучать русская речь, и полностью взяла Нину под свою опеку. А потом у меня родился сын...

Да, в сорок лет я родила и очень рада. Как видишь, ни на моей фигуре, ни на здоровье это никак не отразилось. Больше, конечно, я рожать не буду, но очень рада, что Артур заставил меня не принимать никаких мер и рискнуть. Теперь у нас есть все, чего только пожелать можно. А в Москву я еще, конечно, буду приезжать: тут все друзья остались, квартиру я для Нины сохранила, вырастет, сама решит, где и как жить.

Я так счастлива, ты себе не представляешь! И даже не потому, что могу себе позволить все, чего только пожелаю. Обо мне заботятся, в первый раз в жизни я кому-то, кроме Нины, нужна и интересна. Нина будет учиться в хорошем колледже. Сын никогда не узнает, что такое детский сад и уж тем более ясли. И подумать только, что всего этого могло не быть, если бы два года назад у меня были бы модные сапоги. Или я имела бы возможность поехать с работы домой на такси. Но вот в ресторане мы после того раза не были. Оба предпочитаем домашнююстряпню. И вообще дом”.

Катя завезла меня домой, чмокнула в щеку и укатила через зимний неуютный московский вечер в аэропорт, а оттуда — к мужу и детям в далекий, не известный мне город, встречать Новый год.

Дома я порылась в старых альбомах и нашла свадебную фотографию — ту, где Катя впервые выходит замуж. До встречи с Артуром еще оставались годы. Но лицо юной Кати-невесты все время заслонялось воспоминанием о Кате Головановой, теперь — фрау Катрин Шмидт, история которой так напоминает любимую всеми женщинами сказку о Золушке.

Что ж, чудеса случаются не только в новогоднюю ночь. Нужно только верить в то, что они и с вами могут случиться. ■

Сергей ГОНЧАРЕНКО

*Поэзия, — а не стихосложенье, —
Не стоит даже жалкого гроша,
Когда не совершает обнаженья
В ней, в общем-то, стыдливая душа.
Душа того, кого зовут поэтом
И у кого иного нет пути,
Чем исповедь перед глумливым светом
В надежде отклик в ком-нибудь найти.
Он словно невзначай проговориться
О том обязан, что для всех — табу.
Ему простят. Всё, кроме той страницы,
Где исказит он грех свой и судьбу.*

*Свет в тоннеле... Еле-еле
Различимый луч вдали.
Неужели в самом деле
Мы надежду обрели?
Обрели ли? Обретали
И теряли столько раз
Мы и высь ее, и дали,
Ибо луч далекий гас...
Но тоннель, пролегший между
Входом в мрак и дверью в свет,
Твердо знает, что в надежду
Троп иных, чем вера, нет.
Что ж? Поверим еле-еле
Различаемым лучам?
Может, выход из тоннеля
В этот раз и вправду — там?
Впрочем, свет — все ярче... Солнце,
Как твой луч сюда пророс?
Черт возьми!.. На нас несется
По тоннелю паровоз!*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Памяти Ген. Иванова

*Ты откуда, печаль? Что за пифия спьяну
Из какого оракула мне предрекла
Эту скорбь, что скорее похожа на рану
И на вас, погребальные колокола?
Где месила, мука, ты мне горькое тесто
Не для хлеба — для снеди снедающих мук?
Где нашла ты, тоска, это лютное место:
Трюм, откуда бессилен я вывернуть люк?*

Где ключи от кручины, скрутившей в темнице?
Где потерянный к свету секретный пароль?
Бог с ним, светом... И дальше в темнице томиться
Я готов, — но откуда во мне эта боль?

* * *

Льется струйкою песок
Не в часах песочных,
А в стихах промежду строк
Выстраданно-точных.
Как ни тесно в них словам,
Мыслям ни просторно,
Но сочится тут и там
Он сквозь них упорно.
Пусть Господь и освятил
Лично эти строки,
Но с годами из чернил
Истекают соки.
Чует самый лучший стих,
С прочими со всеми,
Как песчинками из них
Вытекает время.
Сквозь слова, как в решето, —
А ведь Он святил их!..
Остается то, лишь что
Время взять не в силах.
Время, ты стираешь в прах,
По словам науки,
Все... Так что ж тебе в стихах
Не дается в руки?

* * *

Вроде бы еще не тают льды:
Не слышать ни треска и ни хруста...
Но свербит предчувствие беды:
Значит, говорит седьмое чувство.
А шестое знай себе нудит:
Дескать, будь настороже... Однако
Лишь седьмому только и открыт
Звездной интуиции оракул.
У шестого все-таки узка
Щель догадок, что сродни природным.
А седьмое, как весной река,
Круглый год должно быть полноводным.
Жутковато? Поодаль держись
От его стремнины... Помни просто,
Что шестому тайны дарит жизнь,
А седьмому —веряют звезды.

* * *

Все костры однажды станут дымом.
Все дымы найдут у туч приют.
Все кострища, не переча зимам,
Всю золу под снегом погребут.
Но и дым, перемешавшись с тучей,
И зола, став снегом с неких пор,
Не забудут, как пылал над кручей
Меж рекой и лесом их костер.
Дым падет на землю вместе с ливнем.
Снег растает, угли обнажив.
Разве пепел может быть счастливым,
Собственное пламя пережив?
Может, может... Пусть метельны зимы,
Пусть всю осень льет как из ведра, —
Никогда душа золы и дыма
Не забудет своего костра.

* * *

Пусть он крыт соломенной кровлей,
Хижиною замок не зови.
Чувство чести — это голос крови,
Тот, что у семи колен в крови.
Кто сказал, что Богом-де обижен
И душою чуть ли не зачах
Каждый, кто живет под крышей хижин,
Даже если теплится очаг
У него в дому?.. Свое участие
Выразить ему не торопись:
У него, быть может, больше счастья,
Чем твои вмещают ширь и высь.
Да, видна звезда в прорехе кровли,
Но в душе не смолкли соловьи...
Чувство чести — это голос крови,
Что у всех колен его в крови.
Чувство чести — не мечта о мести,
А всего лишь клятва предпочесть
Умереть сейчас на этом месте,
Защищая поправную честь.

СУД УЛИЦЫ

Георгий ЦЕЛМС

Так обычно
называют суд
с участием
присяжных
заседателей.
Звучит устрашающе.
Похоже на самосуд ...

**Вот уже семь лет
суды присяжных
"в порядке
эксперимента"
имеются в девяти
регионах России.
В ближайшие два-три
года предполагается
создать их во всех
субъектах Федерации.
А пока можно
подвести
предварительные
итоги.**

"Присяжные оправдали убийц!"

Убийство скандально известного депутата Госдумы и водочного короля Подмосновья Сергея Снорочина было громким. Люди, одетые в камуфляжную форму, ворвались в кафе г. Зарайска "У Виктора", где с британскими партнерами пировал депутат. Налетчиков было пятеро, все в масках, броненилетах, с автоматами наперевес. С криками: "Московский ОМОН! Всем на пол — лицом вниз! Оружие? Наркотики?", они, пиная замешавшихся ногами, разбив телефонный аппарат, телевизор и кучу посуды, зановали в

наручники Скорочкина и, несмотря на предъявленное депутатское удостоверение, вывели его из бара. Затем, затолкав в машину, увезли куда-то. Почти никто в баре не усомнился, что это были настоящие омоновцы. Лишь один посетитель, и то не сразу, а спустя время, позвонил в милицию. Примчавшиеся оперативники сгоряча несколько раз почему-то пнули британцев, а затем начали допросы. Вскоре труп Скорочкина с огнестрельными ранениями был найден в лесополосе.

Президент России тогда взял дело под свой контроль. Высшие чины милиции и прокуратуры поспешили лично поучаствовать в расследовании. (Что, наверняка, лишь мешало делу.) В конце концов более дюжины подозреваемых оказались за решеткой. Надо ли говорить, что с ними не церемонились? "Методы физического воздействия", а попросту — пытки, как свидетельствовали подсудимые, применялись на всю катушку. В конце концов обвиняемых осталось шестеро.

У следователей вроде бы все сходилось. Первым делом был вычислен заказчик убийства — нижегородский коммерсант Лопухов. Указывала на него найденная расписка, которая удостоверяла, что Лопухов должен Скорочкину крупную сумму за купленный у него спиртзавод. Чем не мотив? Лопухов был в контакте с ним Липкиным, бывшим офицером-декантником и руководителем спортивного клуба. По оперативным данным тот являлся криминальным авторитетом. Кроме того, у Липкина, как считали следователи, были свои счета с убитым. Его сообщников обнаружили тоже

легко. Ими оказались члены спортивной секции. Скажем, Липкин дружит с Нургиным, тот с Зориным... Вот и цепочка.

Следствие и ожидание суда длилось три года. И наконец бандиты (по версии обвинения) предстали в клетке перед очами присяжных. То есть "людей с улицы". Надо еще добавить, что незадолго до суда один из телеканалов и ряд газет назвали всех обвиняемых убийцами. Презумпция невиновности, как известно, на русский не переводится...

Два месяца в Московском областном суде шло слушание дела. Два месяца присяжные заседатели — а были это самые разные люди, которых волею судьбы-жребия призвали вершить правосудие — напряженно ловили каждое слово, пытались убедиться в доказанности обвинения. Понять, что происходило у них на душе, нам, сидящим в зале, было невозможно — контакты с ними кого бы то ни было категорически запрещены. А между тем обвинение рассыпалось прямо на глазах и рвались все гнилые нитки, которыми шивалось дело.

Очень скоро выяснилось, что обвинение целиком основывается на "признательных показаниях" (настоящих "вещдоков" оперативники не обнаружили). Однако о том, что эти признания получены "под воздействием", иначе — под пытками, присяжные могли только догадываться. Верховный суд в своих разъяснениях почему-то посчитал подобную информацию "процессуальными вопросами". А посвящать присяжных в процессуальные тонкости по закону не положено. Поэтому председательствующий по делу обязан немедлен-

но прерывать даже намерения на это. Иначе быть отмене приговора. (Подобный идиотизм заслуживает особого разговора.) Но присяжные слышали, что почти все подследственные, заявившие на первых допросах о желании иметь адвоката, на последующих от этого отказались. Причем, совершенно одинаковыми словами: "Не желаю приглашать защитника, так как не хочу огласки своего деяния". Имеющий уши, да услышит.

Не буду перечислять огромное количество неувязок, нестыковок, нелепиц обвинения — тема статьи у меня другая. И все-таки казалось, что разглядеть все дыры следствия могут люди лишь искушенные и желательны с юридическим образованием. На скамейке же присяжных сидели домохозяйка, шофер, учительница, бухгалтер...

Считается, что нам, россиянам, жестокости не занимать — исторический опыт у нас соответствующий. Послушайте только разговоры на улице, (в трамвае, в метро), только и предлагает кто-нибудь того — расстрелять, этого — повесить. Опросы показывают: абсолютное большинство населения за смертную казнь. Но вот когда эти же "люди улицы" садятся на скамейку присяжных, происходит чудо. (В деле "убийц Снорочкина" мне пришлось еще раз в этом убедиться.) Присяжные, без исключения, стараются вникнуть во все детали дела, не пропускают ни одного слова, пробуют доказательств, как говорится, на зуб, не желая никому верить на слово. И проявляют, вынося вердикт, мудрость и чуткость. Профессиональным судьям бы у них

поучиться! Так что сегодня это самый справедливый суд в России. А между тем каждый оправдательный вердикт воспринимается в штыки. И не только прокуратурой, поддерживающей обвинение в суде (это-то понятно), но и "вышестоящими судебными инстанциями". И самое странное — пресой. "Присяжные оправдали убийцу". "Присяжные выпустили насильника" — вот типичные заголовки статей по поводу оправдательных вердиктов. Присяжные, конечно же, о таком общественном настроении знают...

Суд над "убийцами Снорочкина" завершился тоже по сути дела оправдательным вердиктом: четверых отпустили прямо в зале суда, двоих же (Липкина и Нургина) посчитали виновными в куда более мелких преступлениях, чем убийство. Однако на этом история не закончилась. Сразу после приговора прокурор, поддерживавший в суде обвинение, и, надо сказать, бездарно поддерживавший (все время мямлил по бумажке), не смог сдержать эмоции и предрек защитникам Жидкову и Егоровой "осложнения в жизни". Страж закона, не стесняясь присутствия журналистов, зловеще пошутил, что теперь РУБОП (региональное управление по борьбе с организованной преступностью) не допустит участия адвокатов ни в одном серьезном деле. И в нужный момент, например, у них в кейсах обнаружат наркотики. Такой вот зловещий юмор. Прокурор заявил также, что обязательно обжалует приговор, поскольку "старости присяжных защита взяла на телефонное довольствие". Иначе, имел место якобы подкуп. А произошел "подкуп" буквально на мо-

их глазах. После вынесения вердикта — время было позднее — староста попросила секретаря суда достать у кого-нибудь сотовый телефон. В здании телефоны были отключены за неуплату, а женщина хотела предупредить родных — чтобы не беспокоились. "Мобильник" нашелся у защитника Жиднова. Вот и весь грех. Забегая вперед, сообщу, что оправдательный вердикт действительно был отменен и через восемь месяцев суд начался заново. О чем ниже я еще расскажу...

И опять некоторые СМИ и телевидение поспешили объявить, что "присяжные в очередной раз оправдали преступников". Здесь и слову сказать, что оправдывают суды присяжных по России примерно 20 процентов подсудимых. Да и то не вчистую. Большинство оправдательных вердиктов отменяет Верховный суд. Оно и понятно. В обычных судах у нас выносятся меньше процента оправдательных приговоров. Для сравнения: в европейских странах и в США суды оправдывают каждого четвертого из десяти. То есть 40 процентов. Стало быть их шерлоки холмсы, то есть оперативники и следователи, работают в сорок раз хуже наших. Можете поверить?

В нашей стране издавна прививалась мысль: у нас зря не сажают. Отсюда и поговорка: был бы человек, статья найдется...

Естественно, последовал протест прокуратуры и весьма странное решение Верховного суда об отмене приговора. Странное, потому что высшая судебная инстанция страны проявила полное неуважение к Конституции и к установлению своего собственного

Пленума. Конституция России статьей 51-й дает право допрашиваемому не свидетельствовать против себя и своих близких. Она же обязывает это право задержанному обязательно разъяснять. Пленум Верховного суда еще в 1995 году в связи с этим довел до сведения всего судебного сообщества простую истину: доказательства, добытые в нарушение 51-й статьи Конституции, не могут быть положены в основу обвинения и должны из него исключаться. Именно так, как предписано, и сделал на первом процессе судья Ельчев. Но при чем тут Конституция, когда Генеральная прокуратура давно отрапортовала самому президенту, что убийцы политического деятеля Снорочкина обезврежены и изблещены. Вот Верховный суд и посчитал "подобные нарушения незначительными", и, следовательно, исключение "доказательств" незаконным. И отменил вердикт.

Итак, было назначено новое слушание дела с новым составом жюри присяжных.

Несколько месяцев все никак не удавалось сформировать следующее жюри присяжных. Из 27-30 человек, отобранных кандидатами, многие брали самоотвод. Нстати говоря, найти присяжных, готовых исполнять свой гражданский долг, да еще на затяжных процессах, чрезвычайно трудно. Государство за их работу в суде платит копейки, да еще ухищряется эту плату подолгу задерживать. Кроме того, и это, пожалуй, главное, у многих из-за длительного отсутствия в связи с заседаниями в суде возникают проблемы со своим начальством. И начальству, а то и хозяину плевать на офици-

альные письма из суда. Ему нужен работник, а не присяжный. Слова о гражданском долге чаще всего воспринимаются как пустой звук. Россия — это вам не западное законопослушное общество. Словом, проблема. И еще каная, если суды присяжных, как того требует продолжающаяся судебная реформа, возникнут во всех субъектах Федерации.

Но вернемся в зал суда, где идет отбор нового состава жюри. В итоге присяжных оставалось меньше, чем того требовал закон. Несколько раз проводили довыборы, на что уходила не одна неделя. Но когда в конце концов был отобран полный комплект и суд приступал к слушанию дела, на очередном заседании опять недосчитывалось нескольких членов жюри. Кто-то заболел, у кого-то возникали "семейные обстоятельства", кому-то на работе за длительное отсутствие пригрозили увольнением. Словом, жюри, используя уже всех запасных, опять было не в полном составе. И всю процедуру предстояло начинать заново.

В общей сложности составлялось уже пять списков присяжных. Но и это не предел — из отобранных 14 человек (пятый список), на последнее судебное заседание явилось лишь 10. И, стало быть, четверых пришлось добирать. Однако и после этой процедуры суд не смог начаться — двое присяжных заболели и скамейка запасных опустела. Годовой юбилей всей этой тянучки отметили новыми выборами присяжных. И вот, наконец, процесс начался: обвинительное заключение и все, что за ним следует (допрос потерпевших, подсудимых, свидетелей)

пришлось в очередной раз начинать сызнова...

Здесь надо бы, думаю, хотя бы кратко разъяснить нашим читателям закон. Согласно ему коллегия присяжных формируется методом случайной выборки (скажем, каждый сотый, тысячный из избирательных списков). Из отобранных таким образом кандидатов в заседатели каждая из сторон, то есть обвинение с потерпевшими и защита с подсудимыми, имеют право забраковать двоих без объяснения причин, и двоих "по мотивам". Итого, 8 человек. Отобрать же требуется 14 человек — 12 присяжных и 2 запасных. Запасные обязаны исправно посещать все заседания, чтобы иметь возможность в любую минуту заменить выбывшего члена жюри. Вердикт выносится простым большинством голосов. "Ничейный счет" в пользу подсудимых. Каждый присяжный (и запасной) должен получать из кошелька Минюста свою среднюю заработную плату. Естественно, официальную, а не ту, что выдается по "двойной бухгалтерии". Неработающим полагается МРОТ — минимальная расчетная оплата труда. Само собой, всем должен оплачиваться проезд.

Понятно, что отобрать 14 человек, скажем, из 40-50 легче, чем из 20-30. Но суды обычно, желая сэкономить деньги, приглашают для отбора по минимуму. В итоге после отводов и самоотводов остается меньше, чем требуется. И процедуру приходится бесчисленное количество раз повторять. И оплачивать всем заново рабочий день и проезд. Скупой, как известно, платит дважды. В суде (а точнее, в попытках суда)

над предполагаемыми убийцами Скорочкина именно так все и происходило.

Когда в конце концов жюри было сформировано и приступило к работе, все подсудимые снова были за решеткой. Судье Козлову так, очевидно, было удобнее, и он арестовал всех ранее выпущенных прямо в зале суда. На первом же заседании в зале вдруг появился конвой и все оказались в клетке. Так присяжным нагляднее была видна их преступная сущность.

Судья Козлов все время процесса вел себя отнюдь не нейтрально: всячески старался показать, что подсудимые — убийцы и их должно по всей строгости осудить. По крайней мере такое у меня сложилось мнение. Однако обвинение рассыпалось и на этот раз. И присяжные, чуждые политического заная и "революционной целесообразности", как говорили наши предки, все это могли наблюдать.

Суд с участием присяжных заседателей, когда происходит подлинная состязательность сторон, наглядно демонстрирует безграмотность следствия, беспомощность и косноязычие стороны обвинения. Пронуроры не привыкли состязаться с защитой. Такая у нас сложилась многолетняя практика. В обычных судах им достаточно что-нибудь пробубнить и дело сделано — обвинительное заключение переписывается судьей в приговор почти слово в слово. А тут защитники работали блестяще, вытаскивая на свет Божий, а точнее, на суд присяжных все несуразности и натяжки обвинения. И прокурор — государственный обвинитель ничего не мог им про-

тивопоставить. Вот он, значительный плюс подобных судов. Присяжные воспитывают следователей и обвинителей, заставляя их переучиваться и профессионально работать. Потому что халтура и профессиональная безграмотность не проходят. С судьей "правоохранители" зачастую могут договориться. С присяжными это сделать невозможно.

В конце концов закончилась эта история все-таки "хэппи-эндом": несмотря на печальный опыт своих предшественников, присяжные вновь не захотели признать "липу" доказательств. И вынесли оправдательный вердикт. К этому времени "малолетка" Нургин успел уже отсидеть свой срок сполна. Как если бы он был виновным, а вина его доказана в суде.

Два суда — две системы

Сергей Пашин, заслуженный юрист России и один из конструкторов судебной реформы 1993 года, сказал мне: "Сегодня в России существуют две судебные системы: традиционная советская, когда суды инквизиционные (то есть, не взвешивают доказательства вины-невиновности, а сами ведут следствие и ищут улики), и суды присяжных, которые ближе к европейским стандартам".

Конечно, процедура суда присяжных дорога и громоздка. Но и время, и все прочие затраты подобный суд мог бы с лихвой вернуть уже хотя бы тем, что он не отправляет дело на доследование (хроническая болезнь наших традиционных судов), а непременно обязан выносить вердикт. Однако, несмотря на это свое явное

преимущество, эксперимент по внедрению суда присяжных в России чашет просто на глазах. И переходить к массовому внедрению подобных судов власти никак не спешат. (А судебные власти и во все тому противились.) И вдруг в последние годы наступил перелом. Инициированная Кремлем судебная реформа (второй ее этап) вроде бы началась. По крайней мере Государственная Дума приняла уже во втором чтении некоторый пакет документов. В частности, и по организации судов присяжных. Ясно, что дело это пойдет с большим скрипом — слишком много противников у реформы. Сейчас самое время проанализировать накопленный опыт, что поможет, наверняка, избежать многих ошибок.

Об этом у меня и состоялся разговор с Сергеем Пашиным, отцом-прародителем, как я уже говорил, этого института в нынешней России.

— *Что означало, Сергей Анатольевич, по замыслу реформаторов, понятие "эксперимент"?*

— Эксперимент предполагал учебу на опыте первых таких судов, корректировку законодательства и поэтапное внедрение суда присяжных по всей России. Ничего этого сделано не было.

— *Может, стоило не начинать с "эксперимента", а сразу законодательно ввести такой суд повсеместно? Чего уж тут экспериментировать? Дело ведь проверено всем миром...*

— Постепенность нужна прежде всего потому, что нельзя в одночасье переломить тенденцию нашего исконно инквизиционного суда. Суду, в котором соблюдается состязательность сторон — а

суд присяжных именно таков — надо достаточно долго обучаться. И не только процедурно, но и перестраивая сознание. Однако то, что произошло у нас, никаким экспериментом назвать нельзя. И учебой тоже. Назалось бы, все делалось специально, чтобы сном прометировать идею. Вот и суды над предполагаемыми убийцами Скорочкина это наглядно подтверждают. Начнем с отмены приговора Верховным судом. Кстати, вердикты присяжных у нас отменяются очень часто. То есть присяжным постоянно оказывается недоверие. И их усиленно приучают выносить только обвинительные приговоры. У нас и по обычным судам, которые и так-то редко рискуют выносить оправдательный приговор, существует подобная практика. Кассационная палата Верховного суда, например, отменяет лишь 0,05 % обвинительных приговоров и 42% — оправдательных. Чувствуете разницу?

— *А как в других странах, где существуют суды присяжных? Имеют ли высшие судебные инстанции право их корректировать?*

— В англосаксонских странах право на апелляцию имеет только осужденный и его защитник, но никак не прокурор. То есть речь может идти лишь о смягчении наказания или оправдании. Обычно за одно и то же преступление не судят дважды. Однако в некоторых странах Европы высшая судебная инстанция может вмешаться, но лишь в случае процессуальных нарушений судопроизводства. Кстати, так было и в царской России, так же предписано и нашим законодательством. Но в России существует давняя

традиция нарушать этот принцип. То есть традиция вмешательства высшей судебной власти в существо дела. Правда, в старой России осуществлялось это куда тоньше, чем сейчас. Вот, скажем, вердикт присяжных, оправдывающий террористку Веру Засулич, был отменен Сенатом. (Сама революционерка к тому времени уже эмигрировала.) Сенат выставил две причины отмены приговора: увидел в напутственном слове судьи подсказку присяжным и придрался к аплодисментам зала, которые раздались дважды — после выступления адвоката и после выступления подсудимой. Если по поводу первой причины можно спорить (не исключено, что Сенат извратил суть), то по поводу аплодисментов ничего не возразишь. Судья обязан был после предупреждения удалить публику из зала. Ведь она своими эмоциями воздействовала на присяжных. А теперь перейдем к процессу над предполагаемыми убийцами депутата. Согласно Пленуму Верховного суда, на который ссылалась коллегия, отменившая вердикт, подсудимые не имеют права рассказывать присяжным об избиениях, которыми они подвергались в момент следствия. Почему-то это считается сугубо правовым вопросом, не являющимся компетенцией присяжных. Получается, что вопрос кто кого, скажем, стукнул по голове топором, это вопрос факта, а кто кого дубинкой по почкам — вопрос права.

— *Как преодолеть трудности с формированием жюри присяжных? Народ у нас бедный, растет безработица. Вот и берут самоотводы граждане, попавшие в список кандидатов в присяжные. И,*

действительно, адова работа довести одним составом присяжных процесс до конца. Вот и приходится постоянно все начинать сызнова. Может, стоит изменить законодательство и уменьшить количество членов жюри? Может, стоит больше иметь запасных? В конце концов стало чуть ли не нашей национальной чертой неуважение к закону и гражданскому долгу. Вот присяжные и пренебрегают часто своими обязанностями.

— Как я уже говорил, эксперимент и предполагал корректировку законодательства. Вполне допускаю, что численность жюри может быть изменена. И процедура принятия вердикта тоже. В Британии, например, если из 12 присяжных присутствует хотя бы 10, они правомочны принимать решение. Правда, у них признается только единогласно принятый вердикт. кое-что можно сделать и не дожидаясь законодательных актов. Так сказать, по прецеденту. Ну, например, посадить на скамейку запасных не двоих, а четверых. Из тех, понятно, кто прошел отбор. Материально бы это несомненно окупилось. Ведь когда растягиваем суд на года, теряем гораздо больше.

— *Сергей Анатольевич, сегодняшний мораторий на смертную казнь подкрепляется тем, что Конституция закрепляет право на вынесение "высшей меры" исключительно судом присяжных. А поскольку таких судов пока в большинстве регионов нет...*

— Да, право воспользоваться судом присяжных имеет каждый гражданин России. И не его забота, что такого суда в его регионе, например, нет. Вместе с другими адвокатами мы поддерживали в

Конституционном суде жалобы наших подсудимых, которые давали нам отвод, чтобы предстать перед присяжными. В конце концов Конституционный суд признал за ними это право.

Убеден, что столь долгая пауза в распространении судов присяжных на всю Россию объясняется отнюдь не отсутствием денег, а отсутствием политической воли. Слишком сильное сопротивление оказывают высокопоставленные сотрудники МВД и Прокуратуры. Но сегодня уже политическая воля проявлена... Что же касается моратория на смертную казнь, то любой мораторий всегда носит временный характер. Кроме того, это акт законодательный. А у нас существует лишь соответствующий указ президента. Сегодня указ есть, завтра его нет. Скажем, "по просьбам трудящихся" президент его отменил. А "просьбы трудящихся" в лице депутата Госдумы Райнова уже поступают... Да, сегодня Конституция ставит смертной казни заслон в виде суда присяжных. И высшим судебным чинам приходится изворачиваться. Например, заместитель председателя Верховного суда РФ Радченко дает указание своим кровожадным коллегам: "Если подсудимый достоин смертной казни, вы так и пишете в приговоре. Достоин, мол, но в связи с решением Конституционного суда...". Понимать надо так, что сам он за смертную казнь, но Конституция и Конституционный суд тормозят...

— Думаю, что судьи хорошо чувствуют настроение масс. Большинство населения за смертную казнь. И никого не убеждает ста-

тистика, доказывающая на многолетнем опыте, что введение смертной казни отнюдь не ведет к снижению преступности. Сегодня вернуть смертную казнь призывают не только военные, не только популисты-политики, но даже А.И. Солженицын.

— Во всем мире общественное мнение за смертную казнь. Но дальновидные политики не должны идти на поводу у масс. Такие вопросы нельзя решать голосованием. Тут решающим должно быть мнение криминологов.

Радуюсь решению ввести повсеместно суды присяжных, не могу избавиться от подозрения, что их внедрение будет использовано для того, чтобы снова заработала гильотина. Тогда ведь конституционный барьер будет преодолен.

Ниже я продолжу разговор на эту тему с Марой Федоровной Поляковой, председателем Независимого экспертно-правового совета, авторитетнейшей организации, объединившей известных правоведов страны. Мара Федорова по поводу моих опасений высказалась примерно так: "Конечно, в России немало сил, которые попытаются воспользоваться судами присяжных для возвращения смертной казни. Но если мы хотим считаться правовым государством, то этого не произойдет... Согласно проекту нового УПК за судами присяжных хотели оставить только "мокрые" дела, то есть превратить их в своеобразный морг. Но благодаря настойчивости заместителя главы президентской администрации Д. Козака и всей его рабочей группы удалось при "втором

чтении" ввести поправку. И теперь судам присяжных будут подсудны все дела, которые нынче находятся в юрисдикции судов субъектов Федерации. Это большая победа".

Кукловоды

Повсеместное введение судов присяжных, конечно, обострит новые проблемы. И, в частности, охрану присяжных и полную изоляцию их от публики, в том числе и от родственников подсудимых, а также их защитников. Но, на мой взгляд, новым судам грозит куда большая опасность. За годы так называемого эксперимента судебные чиновники приобрели большой опыт манипулирования присяжными. Рассказу в связи с этим об одном заурядном краснодарском деле, когда, чтобы вынести обвинительный вердикт, пришлось сменить четыре "скамейки" присяжных. И это судьям с блеском удалось. О самом преступлении сообщу кратко. Не в нем суть.

Итак, согласно версии предварительного следствия, картина преступления выглядела так. В ночь на 12 июля 1996 года в городе Крымске (Краснодарский край) некто Павлов "на почве личных неприязненных отношений совместно с Щадриным А. напал на Бурнакина и нанес ему два удара ножом..., причинив...ранения". Затем Павлов, совместно с Щадриным, приобрел четыре гранаты, которые передал своим сообщникам Березину и Щадрину И. (брату Щадрина А.). Эти двое 10 декабря 1996 года, чтобы скрыть якобы следы предыдущего преступления (ранение ножом), приехали к местонахождению Бурнакина. И Березин забросал его грана-

тами. Сам Бурнакин был тяжело ранен. Вместе с ним пострадали его друзья. В том числе, двое скончались на месте. Такой вот краснодарский вестерн.

Достаточно быстро оперативники вышли на след подозреваемых, и вся четверка была арестована. Два года шло следствие, после чего дело передали в суд. Подсудимые выбрали суд присяжных...

В суде выяснилось много странностей. Ну, например, прежде, чем получить рану ножом, Бурнакин нанес своим противникам две огнестрельные раны. Так что, не исключено, имел место факт необходимой обороны. Следствие не смогло представить суду убедительных доказательств, что четверка действовала сообща — Березин показывал, что гранатами он распорядился сам, так как Бурнаков, являющийся преступным авторитетом, чинил беспредел. Не буду приводить другие несуразности следствия. Скажу только, что у присяжных заседателей было очень много поводов для сомнений. И сомнения эти никак не удавалось разрешить в суде.

По причине этого первый состав присяжных (первая скамейка), полтора месяца внявая в дело, скорее всего, оправдал бы подсудимых "за недоказанностью". Но внезапно резко ухудшилось здоровье подсудимого Павлова, и суд пришлось переносить. Соответственно была распущена первая скамейка присяжных. Кстати, Павлов оказался в больнице, так как выяснилось, что хирург, делавший операцию после выстрелов в него Бурнакина, забыл в его теле иголку.

Вторая скамейка присяжных вынесла вердикт после месяца

слушаний. Березина присяжные признали полностью виновным, а вот с его так называемых содельников самые страшные обвинения были сняты. Председательствующий судья Н.Н. Пушкарев вынес соответствующий приговор. На этот приговор был немедленно принесен протест прокурора в Верховный суд РФ. Обычная наша практика: пожалуй, нет ни одного оправдательного приговора, который бы не опротестовывался прокуратурой. На сей раз прокурор мотивировал свой протест тем, что "с участием присяжных исследовались недопустимые доказательства". В частности, адвокат, в подтверждение алиби Павлова, оглашал справку о состоянии здоровья его бабушки. А закон запрещает знакомить присяжных с обстоятельствами личной жизни подсудимых. Подобных "блох" — нарушений уйма в каждом процессе. Тем более в судах присяжных, деле новом не только для самих присяжных, но зачастую и для адвокатов, и даже для судей. Прошло еще три месяца, и Кассационная палата Верховного суда частично отменяет приговор. Не вдаваясь в подробности, снажу лишь, что отмене подверглось оправдание некоторых подсудимых по "тяжелым статьям". И дело было направлено на новое рассмотрение.

Потребовалось еще 3,5 месяца, чтобы завершился отбор присяжных заседателей очередного состава: сформировалась третья снамейка. Подсудимые все это время, естественно, томились в следственном изоляторе. На сей раз председательствует по делу судья Н.В. Стус. Легко предположить, что оправдательного верди-

кта присяжных она очень боится. Поскольку знает, что приговор, вынесенный на его основе, скорее всего, будет отменен и ей это будет поставлено начальством в вину. Присяжные, между тем, чем больше вникают в дело, тем больше склоняются к оправданию. При помощи разведки (секретаря суда) судья узнает об этом и пытается принять меры. Первым делом она разжалует старосту присяжных Р. Дроздову. Поводом для этого служит "нарушение процедуры". При словах государственного обвинителя "я не верю показаниям этого свидетеля" (в пользу обвиняемых), Дроздова не выдерживает и спрашивает его: "Почему же вы не задали свидетелю ни одного вопроса?". Нарушение заключается в том, что присяжные имеют право задавать вопросы только через судью. Понятно, что исправить оплошность Дроздовой очень легко: снять вопрос и разъяснить старосте ее ошибку. Но судья применяет санкцию по полной программе. Так выведен из строя человек, который явно не желает принимать обвинение на слово.

Как уже говорилось, о настроении присяжных судья хорошо осведомлена: в совещательную комнату регулярно наведывается секретарь суда Оксана. Ее разъяснения, что судят, мол, банду, а место банды в тюрьме, присяжные не принимают на веру. А материалы предварительного и судебного следствия отнюдь не убеждают их в полной виновности подсудимых. Словом, опять назревает оправдательный вердикт. Тогда применяется весьма изощренный прием: за полчаса до завершения работы присяжных секретарь суда вдруг предла-

гает им перенести заполнение вопросного листа на завтра. Еще только 17 часов и присяжные горят желанием завершить дело. Но секретарь проявляет настойчивость. Уходя, староста присяжных спрашивает Оксану: как быть с вопросным листом? Та советует взять его домой, потому что в совещательной комнате нет сейфа. Наутро присяжные вновь уединяются в совещательной комнате: начинают заполнять вопросный лист. А в это время в зале суда прокурор заявляет ходатайство о роспуске жюри присяжных "в связи с тем, что накануне старшина с вопросным листом вышла за пределы суда". Председательствующая демонстрирует по этому поводу крайнее удивление — можно ли себе вообразить, что секретарь действовала исключительно по своей собственной инициативе, прерывая работу присяжных? — и вызывает из совещательной комнаты старшину. Затем пытается ее: было — не было? Старшина рассказывает все честно. Тотчас же судья принимает решение о роспуске жюри "в связи с нарушением тайны совещательной комнаты". Ничего не скажешь — ловкий маневр. Присяжные, понимая, что их грубо "кинули", пишут жалобы. Да что толку?

Проходит еще почти полгода, пренде чем отобрана четвертая скамейка присяжных. (Подсудимые, понятно, продолжают сидеть в тюрьме.) И суд начинает слушание дела в четвертый раз. Через месяц с лишним вердикт готов. И он опять в значительной степени оправдательный. На сей раз уже новый судья находит в нем массу противоречий и заседателям

предлагается эти противоречия назавтра устранить. Тут судья действует по закону — противоречий не должно быть. Но в этот же день заседателям выдается зарплата, и наутро в суд приходят не все. Впрочем, и сейчас еще не все потеряно. Закон позволяет призвать присяжных к исполнению гражданского долга. И даже оштрафовать неосознательных. Однако председательствующий по делу после являющихся нескольких тщетных попыток созвать присяжных напугивает. И четвертый уже состав жюри опять распускается.

Проходит еще четыре месяца (подсудимые, конечно, парятся на нарах), и начинается пятая скамейка присяжных. Лыко-мочало, слушание дела начинается сначала.

Судья уже в самом начале делает ряд странных шагов. Например, говорит присяжным о неких угрожающих анонимных письмах, поступивших будто бы в адрес одного из заседателей. Под видом разъяснения техники работы присяжных судья наведывается в совещательную комнату. И, как замечают присяжные, покидает ее весьма конспиративно — дорогу сначала разведывает секретарь суда. Нет ли вблизи посторонних глаз?

На сей раз секретарь суда по имени Света ведет себя точно так же, как и секретарь по имени Оксана — неоднократно нарушает тайну совещательной комнаты. По этому поводу присяжный заседатель Тагира Рильская обращается с жалобой в Краснодарскую коллегия адвокатов и в президиум крайсуда. Защита ставит судью в известность о грубом наруше-

нии УПК, который гласит, что "присутствие иных лиц, кроме присяжных заседателей, в совещательной комнате не допускается". И реакция наступает незамедлительно. Прокурор С. Кривоношко, поддерживающий в суде обвинение, вызывает возмутительницу спокойствия Рылскую повесткой. Проводит с ней соответствующую "профилактическую" беседу. После чего она оказывается в больнице.

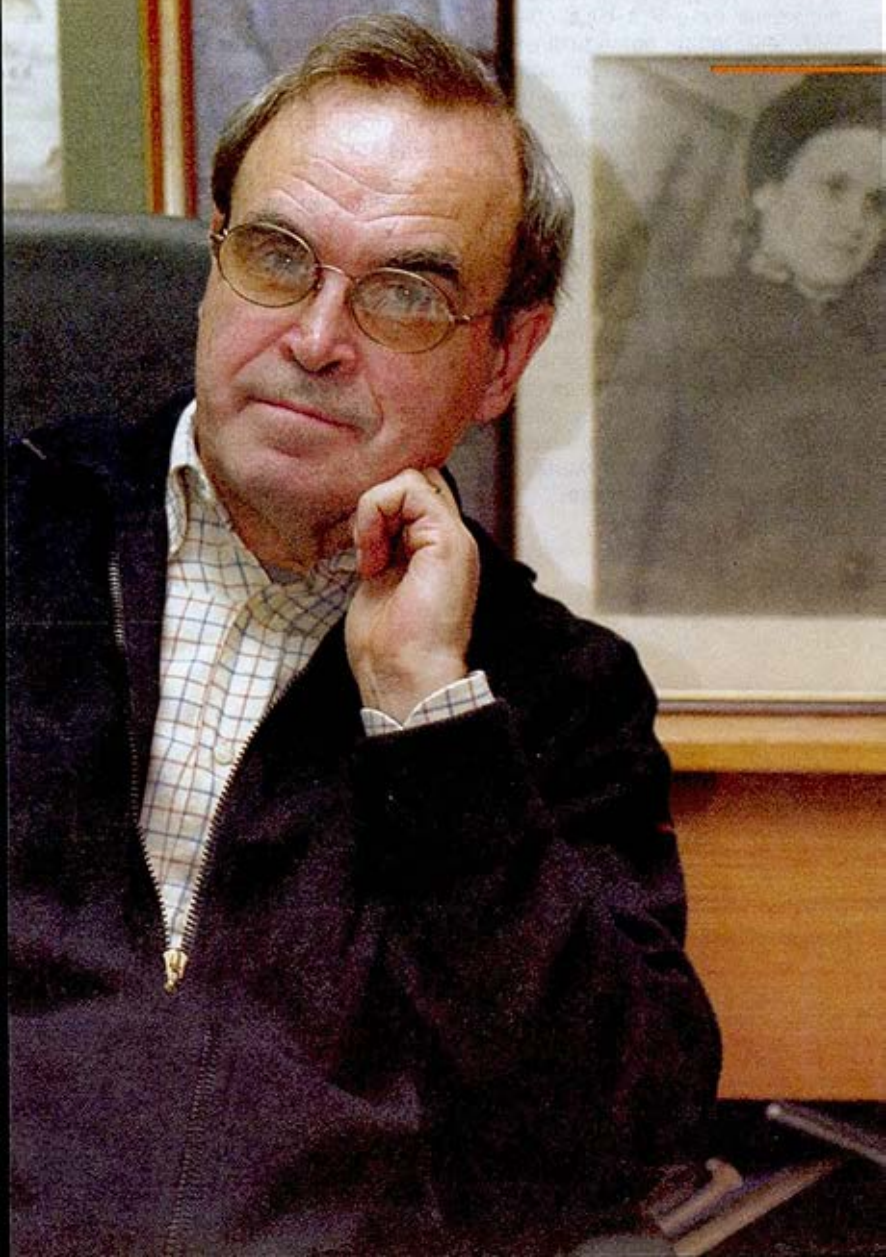
В конце концов присяжные с пятой, так сказать, попытки со счетом 7 : 5 выносят столь желанный обвинительный вердикт. На его основе судья дает подсудимым от 8 до 15 лет лишения свободы. Присяжные заседатели потом расскажут, что когда судья заходила к ним в совещательную комнату, они спрашивали ее: какой срок грозит подсудимым? Она назвала именно эти сроки.

На этом неприятная краснодарская история еще не кончилась. Защита оспаривает дело в Верховном суде. Оснований на этот счет у нее предостаточно.

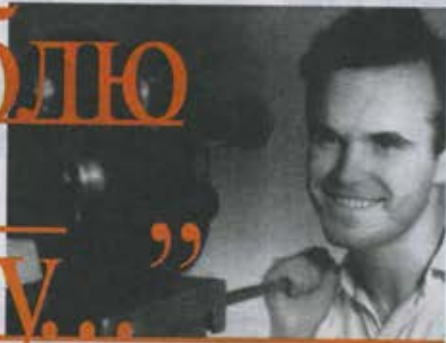
И все-таки хотел бы закончить эти свои рассуждения о суде присяжных на оптимистической ноте. "Люди улицы", при всех издержках, безусловно будут способствовать тому, что в залы судебных заседаний вернется состязательность сторон: обвинения и защиты. А, значит, их равенство в процессе. Это альфа и омега подлинного правосудия.

Пока же "в наших колониях содержится более половины заключенных, которых не следовало бы лишать свободы". Это слова отнюдь не правозащитника, а бывшего начальника Главного управления исполнения наказаний (ГУИН), ныне заместителя министра юстиции России Юрия Калинина. ■

**Глеб
ПАНФИЛОВ:**

“Не люблю играть в судьбу...”

По профессии он технар. Химик. А в кино пришел, можно сказать, прямо с завода, где работал после окончания Уральского политехнического института. И снял замечательные фильмы, собравшие множество призов на международных фестивалях, которые мы с удовольствием смотрим до сих пор: “В огне брода нет”, “Начало”, “Прошу слова”, “Васса”, “Мать”... Последняя работа режиссера Глеба Панфилова — “Романовы”, о трагической судьбе царской семьи. Когда фильм вышел в прокат, высказывались предположения, что он станет основным номинантом на “Оскара”. И вот буквально в конце прошлого года пришло сообщение, что Американская академия Киноискусства включила фильм в номинацию “Лучший зарубежный фильм”. Станет ли он обладателем самой престижной в мире кинопремии или нет, наверное, не так важно. Главное, что его оценили в родном Отечестве.

— *Глеб Анатольевич, вы никогда не выбирали тему просто так, наобум. Тем более, что фильм*

“Романовы” вынашивался долго и снимался десять лет. Хотели показать, каким видите путь развития России?

— Я не политик, а художник. И в фильме речь идет о семье. Все знают, что стало с царской семьей, но не знают, какими они были. А мне хотелось это показать — через личность, характер каждого, через их взаимоотношения. Как они переживали тяжелое время и как держались вместе. Николай в заключении, в Екатеринбург, признался супруге, что только теперь понял, как сильно любит ее. Что все остальное — корона, власть — ничто в сравнении с этим чувством. Ему навязали роль диктатора, а по характеру он диктатором не был. Он не умел действовать в критической ситуации быстро и жестоко.

Наверное, я с детства подсознательно вынашивал этот фильм. Для меня с царской семьей связаны детские впечатления. Когда-то бабушка показала дом, где расстреляли венценосных Романовых. Меня это жутко поразило. И впечатление застряло во мне как заноза.

Рабочий момент съемок фильма «Романовы».

— Может быть, то впечатлени-
е и стало первым душевным ре-
зонансом, с которого вы начали-
сь как художник?

— Не совсем так. Я закончил школу в 52-м, поступил в Уральский политехнический. Получил специальность «химик-технолог». Как все нормальные люди, любил кино, театр, литературу. Но к художественному творчеству себя не готовил.

Неожиданно все изменилось. Я работал тогда на пенициллиновом заводе, начальником смены. Пошел однажды в кинотеатр на калатозовские «Летят журавли». Этот «культпоход» и перевернул всю мою жизнь. Картина потрясла! Возникло желание тоже снимать кино... И внезапно понял, что всегда подспудно мечтал об этом. Поговорил с друзьями, ув-

лек их. Мы организовали маленькую киностудию, написали сценарий. Сняли игровой фильм в двух частях — «Нейлоновая курточка». Лирическая история о девушке-студентке. Потом сняли фильм о народных дружинниках. Его показывали по всей стране. Успех окрылил, и я поступил на заочное отделение операторского факультета. На очном учиться не было возможности — уже обзавелся семьей, родился сын, требовалось зарабатывать деньги.

Вскоре в Москве открылись Высшие режиссерские курсы. Я сдал туда экзамены, и меня приняли. Стипендия оказалась большая, чуть ли не равная моей тогдашней зарплате. Поэтому материальные проблемы сами собой разрешились. Закончив курсы, снял на «Ленфильме» первую про-

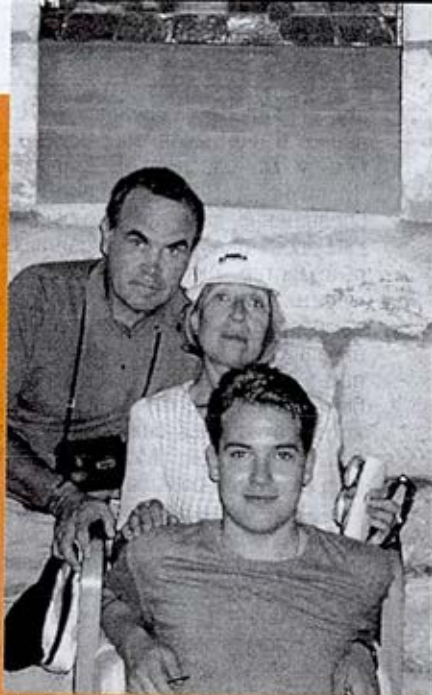
фессиональную картину "В огне брода нет". Так "родился" кинорежиссер Панфилов.

— Где вы откопали историю о Тане Тёткиной, чем она вас увлекла?

— Я искал тему для дипломной работы. В старом журнале "Красная Новь" за тридцать шестой год наткнулся на небольшой рассказ Евгения Габриловича "Случай на фронте". Какая девочка, какой характер — неожиданный, парадоксальный! Позвонил писателю и попросил написать сценарий. Габрилович заартачился. Но в конце концов согласился на вариант — писать сценарий должен я, и если получится, то он готов стать соавтором, а не получится — никаких обид. Через сорок три дня я написал сценарий. Фильм оказался судьбоносным во многом. Мы встретились с Инной Чуриковой. Я нашел исполнительницу, которая была абсолютно адекватна героине.

— Как это произошло?

— Я работал в Свердловске над сценарием и уже приглядывался, искал актрису на главную роль. Видел ее так ясно, что даже нарисовал. И вот однажды включил телевизор, и вдруг на экране появилось лицо девочки, танцующей с молодым человеком. Да вот же она, Таня Тёткина! Передача кончилась, титров не было. Так и остался со своим впечатлением. Я в Свердловске, а передача из Москвы. Потом, чуть позже, дал друзьям в Ленинграде и Москве фотографии со своего рисунка и попросил поискать. Параллельно подбирал других исполнителей. Пригласил Ролана Быкова на роль комиссара, но он тогда занимался своим "Айболитом"

С сыном Иваном.

и отказался. Впрочем, сценарий ему понравился, и он заявил, что знает актрису, которая сыграет Таню Тёткину: это Лидия Чурикова из Московского ТЮЗа. Я немедленно отправил туда своего ассистента. А тот привез не Лидию, а Инну Чурикову. Помню как сейчас... Захожу, сидит девушка, поворачивает голову — она! То самое лицо, из телевизора! Вот так мы встретились с Инночкой... Это был подарок небес.

— Не все воспринимали тогда Инну Чурикову как перспективную актрису. Многие говорили о ее необычной, не "киношной" внешности.

— Прежде всего меня потрясли ее глаза, их выражение. То, что глаза зернало души, это правда. Я сразу почувствовал ее индивидуальность, талант. А потом все

подтвердилось и умножилось. Конечно, Инна менялась. В этом есть и моя заслуга. В фильмах "Морозно" и "В огне брода нет" — совершенно разные Чуриковы. А в "Вассе" она уже большой зрелый мастер. Актера нужно очень любить. Думаю, что моя любовь помогала Инне. Поначалу действительно приходилось ее отстаивать, доказывать, спорить. Особенно много "крови" нам стоило, когда готовились снимать фильм о Жанне д'Арк. Мой любимый проект, самая большая мечта.

— Почему же она так и не реализовалась?

— Денег не дали. Видимо, по идеологическим причинам. Ну почему Жанна д'Арк, а не, скажем, Зоя Космодемьянская? Почему Франция, а не Россия? Художнику трудно ответить на эти вопросы. Образ Жанны всегда интересовал меня своей мощью, одухотворенностью. У нее была большая идея — сделать свою страну свободной. И она осуществила ее — это феноменально. Жанна всегда волновала и волнует меня как личность.

Я убежден, что, какова бы ни была у человека профессия, жизнь его плодотворна лишь когда освещена большой идеей. Вот об этом я страстно мечтал сделать картину. Мне поставили условие — прежде снять фильм на современную тему. Я снял "Прошу слова". После чего мне предложили довольно мизерную сумму — бери и ставь на здоровье. Получилось примерно как у Сталина с дочерью (по ее воспоминаниям), когда он дал Светлане десять рублей и сказал, чтобы ни в чем себе не отказывала. То есть, в моей ситуации — это была просто форма от-

каза. Вели переговоры с французскими продюсерами. Но они тоже зашли в тупик. Французы хотели видеть в главной роли либо Катрин Денев либо Ванессу Редгрейв. А я не представлял себе фильма без Инны Чуриковой. Так что не удалось... Для нас и по сей день большое переживание, но мы не оставляем надежды сделать этот фильм. Тема не закрыта.

— Незаурядная личность, ее столкновения с повседневностью, поиски своего пути. — Наверное, первый этап вашего творчества. Второй, к которому вы пришли сейчас. — тема семьи как частицы большого общества.

— Семья для меня — все. Мы писали сценарий "Романовых" вместе с Инной и сыном Иваном. Над декорациями работал старший сын. Так что это семейный фильм, что сказалось на его стиле. Мы имели возможность провести глубокий анализ взаимоотношений в императорской семье как бы изнутри.

В молодости ставишь на первое место творческую самореализацию, работу, стараешься добиться успеха, славы. А потом, когда становишься старше, вдруг понимаешь, что все это второстепенно, а самое главное — семья, дом, дети. Правда, дети хотят, чтобы родители работали, были сильными, добивались успеха. Им слабые родители не нравятся. Это я тоже понял. И это подталкивает, мобилизует.

— Расскажите о вашей семье.

— Старший сын Анатолий талантливый художник. Иван, младший, — юрист-международник. Конечно, мы любим собираться вместе. Готовим сюрпризы ко дням рождения друг друга. На сто-

ле у нас обычно в такие дни фирменные уральские пельмени и пироги. Когда-то я научил Инну все это готовить. Вместе посещаем родные места. Я 28 лет прожил в Екатеринбурге, здесь мои корни. Отдыхать тоже предпочитаем вместе. Любимые места — подмосковные Гнель и Инша.

— Наверное, когда заканчивается работа над последним фильмом, появляются идеи, замыслы уже следующего...

— Прислушиваюсь к себе. И думаю, что вот-вот явится на свет новая ТЕМА... Может быть, это будет фильм о том, как в большой бесхозной стране, где нужно бы прежде всего наладить экономику, люди занимаются политической. Решают глобальные проблемы, забыв о том, что нужно вовремя заменить элентропроводку. Представьте, человек находится на отдыхе, наслаждается тишиной, лением птичек, и вдруг благостный поной разрушает жесткая реальность. Вот вам и сюжет! Это не будет черный фильм. Все равно жизнь прекрасна. И в войну люди любили, женились, рожали детей.

— Не кажется ли вам, что в советское время проблем возникало меньше? Можно было целенаправленно отдавать себя творчеству и не думать о реализации фильма,

об этом заботилась хорошо отлаженная система проката.

— Ныне у нас реальные трудности, а раньше — идеологические замечания были искусственными, и на преодоление этого уходило много сил. А сейчас главное — деньги достать. У меня есть идеи, но я знаю — прежде нужно реализовать картину, вернуть кредиты...

— Нанова прокатная судьба "Романовых"?

— В Москве и Питере, слава Богу, он прошел с успехом. Что касается провинции, там все очень сложно. В моем родном Екатеринбурге, например, его демонстрировали только в одном кинотеатре. Как я понял, кассу в провинциальных кинотеатрах держат американские фильмы. Отечественные картины не имеют никакой рекламной поддержки. А может быть, в кинотеатрах, которые сейчас в руках коммерческих структур, заламывают слишком высокие цены? Картина дорогая, и на сегодняшний день мы из-за ряда обстоятельств в долгах. Радует, что видеокассеты с записью "Романовых" раскупаются мгновенно, значит, интерес к фильму большой...

Беседовала

Татьяна ХАРЛАМОВА.

ПОРТРЕТ ЛИДИИ

Алан Александер МИЛН

Артур Карстерс родился в Лондоне в 1917 году, под звуки одного из воздушных налетов, которые тогда всех пугали, а на самом деле были сущей ерундой. Его мать, однако, постоянно испытывала страх за своего мужа, воевавшего во Фландрии, где его вскоре и убили. Миссис Карстерс и Артур перебрались в коттедж на окраине маленького городка Кингсфилд, и жили, как могли, на те деньги, что у них оставались. Когда Артур подрос, он начал ходить в школу Кингсфилда. Не удивительно, что мальчик он был тихий, даже застенчивый, трудолюбивый, без пороков, но и без выдающихся достоинств, привязанный к матери, скорее из чувства долга, чем от нежелания общаться с другими людьми. Она умерла, когда ему стукнуло двадцать, и за все годы, предшествовавшие этому печальному событию, он не поцеловал девушку, не залез на гору, не поплавал в море, не провел ночь под открытым небом. Приключения, выпавшие на его долю, он делил с героями книг, приключения романтические, захватывающие, но, как он полагал, не доступные ему в реальной жизни. Мистер Маргейт, один из трех солиситоров¹ Кингсфилда, добрый друг его матери, взял Артура в ученики и пообещал сделать партнером после сдачи экзаменов. И теперь, в двадцать один год, ему казалось, что он навечно останется в Кингсфилде, маленький адвокат мимо которого будет проходить жизнь большого мира. Возможно, иной раз посещала его крамольная мысль, что ему следует, сдав экзамены, попытаться счастья в Лондоне. Там приключения, как уверял его Стивенсон, ждали молодого человека на каждом углу...

После смерти матери коттедж продали, и теперь Артур жил в пансионе неподалеку от конторы мистера Маргейта. Иной раз, после обеда, он заходил в "Чашу и колокола", чтобы выпить

¹ Солиситор — юрист, консультирующий клиентов (в т.ч. организации и фирмы). Подготавливает дела для барристеров, имеет право выступать в низших судах.

кружку пива. Не потому, что любил пиво или атмосферу питейных заведений, а чтобы ближе познакомиться с жизнью. Парень он был симпатичный, с невинным лицом, какие очень нравятся стареющим официанткам. Они называли его “душка”, и, вроде бы, искренне, что ему льстило. Однажды в “Чаше” с ним познакомился моложавый джентльмен по фамилии Платт, предпочитавший пиву шерри-бренди, и Артур много чего рассказал ему о себе, поскольку увидел в Платте человека из другого мира. Встреча эта позволила ему более оптимистично смотреть в будущее. Он решил, что после сдачи экзаменов будет чаще бывать на людях, приходиться в “Чашу” не меньше трех раз в неделю, даже научится играть в бильярд.

Одним январским вечером 1939 года, когда Артур только что пообедал и сел за книги, его хозяйка всунула голову в дверь и заговорщическим тоном сообщила, что его хочет видеть дама.

Артур в изумлении вытаращился на нее, пытаясь сообразить, что к чему, и нервно спросил: “Кто она?” Почему-то в голове мелькнула абсурдная мысль, что к нему пришла Дорис, официантка, а это определенно не могло понравиться миссис Хевитри.

— Она не назвалась. Сказала, что хочет видеть вас по делу.

— Ага! Знаете ли, контора закрыта, она, должно быть, зашла к мистеру Маргейту домой, но тот отлучился, вот ее и направили... — Он осекся, подумав: “Ну почему я такой трус? Почему оправдываюсь, хотя ее не должно волновать, кто и когда приходит ко мне”, и заговорил твердо и решительно, как положено солиситору, каковым он намеревался стать: — Пожалуйста, пригласите ее, миссис Хевитри.

Он поспешил в спальню, чтобы причесаться. На столе остался недоеденный пудинг, но Артур решил, что удастся, раз уж пришла дама в годах, обратить все в шутку.

В дверь постучали. Он крикнул: “Войдите”, — и она вошла. Артур поднялся ей навстречу. Уже собрался сказать: “Добрый вечер, миссис... э... не затруднит ли вас присесть и объяснить, чем я могу вам помочь?” Но вместо этого с губ сорвалось: “Святой Боже!”

Потому что пред ним предстала молодая, красивая девушка, можно сказать, девушка его мечты, если таковая у него была. Он застыл, не отрывая от нее глаз. А она заговорила удивительно мелодичным, нежным голосом:

— Извините меня, мистер Карстерс, что пришла в столь поздний час.

К Артуру вернулся дар речи.

— Ничего страшного, пожалуйста, присядьте.

Он хотел извиниться за пружины, едва не пробивающие обивку кресла и неубранные остатки пудинга на столе, но ее милое: “Благодарю” и ослепительная улыбка вновь превратили его в негомого.

— Мистер Карстерс, вы — солиситор, не так ли?

— Ну... э... да, и... э... нет. Я хочу сказать, что стану им... надеюсь на это... через короткое время, как только сдам экзамены, но пока у меня нет соответствующего сертификата. Это имеет значение?

— О, дорогой мой, — в голосе слышалось разочарование. — Я думала, вы — солиситор.

— В определенном смысле — да. Если есть такая необходимость, я могу дать совет, неофициально, то есть, без оплаты... — и торопливо добавил: — Разумеется, я бы ничего и не попросил, я хочу сказать...

Она улыбнулась.

— Вы хотите сказать, я могла бы отблагодарить вас, не нарушая ваш юридический этикет?

— Да, разумеется, я хочу сказать.. э... может, вы скажете, в чем, собственно, дело. Надеюсь, это возможно?

— Речь идет о завещании. Завещание человеку может написать только зарегистрированный солиситор?

Этот вопрос затруднений у него не вызвал.

— Завещание может написать кто угодно. Люди нанимают солиситора, чтобы тот учел все нюансы, и солиситор зачастую использует особые, юридические обороты, чтобы не допустить неправильного истолкования написанного. Но если обычный человек на обычном листке бумаги напишет просто и понятно: “Я оставляю мой золотой портсигар Джону Смиту”, — и этот листок будет должным образом подписан и заверен свидетелями, Джон Смит получит этот портсигар.

— Так вы мне и нужны! — Девушка просияла. — Вы прочитаете завещание, которое написал мой отец, вы скажете ему, как друг, что юридически все написано правильно, завещание подписано и заверено свидетелями, как должно, и тогда мы отблагодарим вас, выкажем свою благодарность... — ее восхитительные глаза поймали его взгляд и долго, долго, долго не отпускали, — ... как вы того пожелаете. При условии, разумеется, что благодарность не будет включать в себя наличные. — Она рассмеялась, и смех этот показался ему божественной музыкой. Никогда он не слышал такого удивительного смеха.

— Заранее согласен, — с улыбкой ответил он.

— Тогда вы поедете со мной?

— Конечно, даже...

— В Нортон Сент-Джайлс?

Он-то хотел сказать: “...на край света”, но вовремя прикусил язык.

— Нортон Сент-Джайлс? Вроде бы я не...

— Это деревня в двадцати пяти милях отсюда. Мы живем совсем рядом. Наш дом называют “Старый амбар”.

— Двадцать пять миль! Однако! Но я не понимаю, — он нахмурился, дабы напомнить ей, что он без пяти минут солиситор. — Это бессмысленно.

С продавленного кресла она поднялась, как с трона, и протянула к нему руку.

— И тем не менее... потому что я вас прошу... вы поедете, Артур?

Он вскочил, взял ее за руку, заверил, что, конечно же, поедет, потому что без труда представил себе, какой мерзкой покажется ему эта комната после того, как она уйдет, унося из его жизни романтику и красоту. Она сжала ему руку, поблагодарила взглядом и, к его удивлению, снова села.

— Я знала, что вы мне не откажете. Теперь позвольте объяснить, в чем дело.

Он отодвинул книги в сторону, наклонился вперед, упершись локтями в стол, и положил подбородок на ладони, не сводя с нее глаз.

— Меня зовут Лидия Клайд. Мой отец и я живем вдвоем. Кроме меня в этом мире у него никого нет, и я сама очень к нему привязана. Он, к сожалению, очень болен. — Она прижала руку к левой груди. — Врачи говорят, что он может умереть в любой момент, но он и я... не верим врачам. И все же иногда, вы понимаете, мы им верим. Многие недели отец настаивал на том, что должен написать завещание и оставить мне все, что у него есть. Отец умоляет меня найти какого-нибудь адвоката и привезти к нему. Он не может и дальше тянуть с завещанием. Глупо, нелогично, я знаю, он может прожить еще двадцать лет, но... — Лидия пожалала плечами. — У больных своя логика. А волноваться ему нельзя, это точно. Отсюда и мой визит к вам!

— Да, но...

— Вы встречались с неким Роджером Платтом, не так ли? В баре "Чаша и колокола?"

— Он — ваш друг? — удивленно спросил Артур.

— Мы давно знаем друг друга, но это не значит, что я одобряю некоторые его привычки. Бедный Роджер! Он... — она доверительно улыбнулась Артуру, — ...не из нашего круга. Но рассказал мне о вас. Просто восхищен вами, знаете ли. И вот когда мне понадобился друг, друг, который еще и адвокат, я тут же вспомнила все добрые слова, которыми он вас охарактеризовал. Вы поедете? Моя машина у дома.

Артуру льстило, что он произвел столь неизгладимое впечатление на, в общем-то, незнакомого человека, но, тем не менее, недоуменно глянул на Лидию. Кое-что по-прежнему не складывалось.

— В чем дело? — в ее голосе зазвучала тревога.

— Ваш отец... Вы — его единственный ребенок. С чего такая срочность с завещанием? Вы и так унаследуете все.

Такого трагического взгляда видеть ему еще не доводилось. Потом она отвернулась, очаровательная головка поникла.

— Так вы не понимаете? — прошептала Лидия.

Чтобы показать, что он — много чего повидавший мужчина и, опять же, почти что сертифицированный солиситор, Артур тут

же ответил, что понимает, конечно, понимает, но... и замолчал, ожидая ее объяснений.

— Я не хотела вам говорить, — шептала девушка. — Я хотела сохранить мою маленькую тайну. Но, разумеется, у меня не может быть секретов от моих друзей. Видите ли, Артур, я — его дочь, но... неужели я должна это говорить? — и она затравленно посмотрела на него.

— Ага! — он наконец-то понял. — Вы хотите сказать... он так и не женился на вашей матери?

Она печально вздохнула.

— Я — дурак, простите меня. Только возьму пальто.

Едва он исчез за дверью спальни, она посмотрела на часы. До восьми вечера оставалось ровно тринадцать минут.

По пути они практически не разговаривали. Когда плохо освещенные улицы сменились густой чернотой полей и зеленых изгородей, она спросила, не страшно ли ему ездить на автомобиле. “С вами — нет”, — ответил он. Лидия на мгновение сжала его руку. “Я — хороший водитель, и в этот час дороги практически пусты”. Переполненный счастьем, он действительно не испытывал страха. Раз или два у него екнуло сердце, но ее уверенная улыбка и короткие извинения вновь возвращали ему прекрасное настроение. Они проскочили деревню. “Бартон Лэнгли, — прокомментировала Лидия. — Половину пути проехали”. Тут он взглянул на часы. Самое начало девятого. Двенадцать с половиной миль, пятьдесят миль в час! Лететь сквозь чернильно-черную ночь на скорости пятьдесят миль в час с очаровательной девушкой за рулем — вот это, сказал он себе, и есть жизнь.

— Мы прибыли. Тридцать три минуты! По ночам быстрее я ехать не могу. Пойдемте.

Лидия выключила двигатель, взяла его за руку, потянула за собой и открыла входную дверь, за которой их встретила темнота. Он порадовался, что она по-прежнему не отпускает его руку. Они прошли в комнату, освещенную многочисленными свечами. Простая обстановка, два удобных кресла, диван, зеленые чехлы, на них — ярко расшитые подушки. Столик с изогнутыми ножками под скатертью в клетку, пожилой мужчина, раскладывающий пасьянс. Он поднялся, смешал карты.

— Дорогой, это мистер Карстерс. Он любезно согласился приехать, чтобы помочь нам.

“Человек из другого времени, — думал Артур. — Весь в черном, монокль на черной ленточке. Длинное, бледное меланхоличное лицо, седые волосы, но глаза блестят, а протянутая рука не трясется. И не удивительно, отцу Лидии, наверное, не больше пятидесяти. Старят его только волосы”.

— Я принесу что-нибудь выпить. — Лидия подошла к камину. — Завещание у тебя здесь, папа? Мы не должны задерживать мистера Карстерса. — Она взяла подсвечник с каминной

доски и вышла. Провожая ее взглядом, Артур наткнулся на картину на стене и ахнул от изумления.

— А, вы увидели моего Коро, — отреагировал мистер Клайд, перебиравший какие-то бумаги, должно быть, завещание.

Слова мистера Клайда еще больше удивили Артура. Во-первых, он никогда не ассоциировал Коро с обнаженной натурой, во-вторых, просто не укладывалось в голове, что Коро мог написать именно эту ню. Девушка сидела на валуне, вода едва прикрывала стопы. Она отклонилась назад, опираясь руками о валун, подставив лицо солнечному свету, ее глаза сверкали радостью жизни. Такая живая, такая настоящая, что, казалось, позови ее, и она повернется, одарит лучезарной улыбкой и воскликнет: “Так вы мне и нужны!” — как воскликнула Лидия, когда пришла к нему. Ибо в том, что у девушки на картине лицо Лидии, сомнений быть не могло.

Артур быстро отвернулся и увидел на другой стене ту самую картину Коро, о которой упомянул мистер Клайд. Бледная, изящная фантазия, призрачный мир, хрупкий, как яичная скорлупа, рассыпающийся при прикосновении, сказочное, несуществующее видение, тогда как вторая картина бурлила жизнью, едва ли не компенсируя отсутствие в комнате самой Лидии.

— Очаровательно, — пробормотал Артур, и старик довольно хохотнул.

А Артур тем временем нашел новый повод для восхищения. На маленьком столике у окна на шахматной доске стояли расставленные фигуры, красные и черные, искусно вырезанные из слоновой кости. Никогда он не видел такой красоты. Рыцари в доспехах на конях, настоящие слоны. Те, кто сидел за доской, не играли партию — вели сражение. Он задался вопросом, а сколько понадобится времени, чтобы привыкнуть к новым фигурам, и как это отразится на уровне игры. Ему ужасно хотелось сыграть с мистером Клайдом.

Вернулась Лидия с полным подносом. Артур смутился. Ему хотелось вновь взглянуть на картину, потом — на нее. Но он боялся, боялся вскинуть глаза на картину в ее присутствии, боялся посмотреть на нее: она сразу бы поняла, что он знает, кто изображен на картине.

— Должно быть, оставил в другой комнате. — Мистер Клайд вышел из-за стола. — Нет, нет, Лидия, — остановил он дочь, — я не умираю, и, конечно, смогу дойти до другой комнаты. Я же не собираюсь подниматься на второй этаж, — и вышел с подсвечником в руке.

Лидия почувствовала, что Артура как-то не по себе. Взяла его за руку, развернула лицом к картине. Теперь они вместе смотрели на нее.

— Вы шокированы? — мягко спросила она. Он густо покраснел.

— Да нет же. Я никогда... это же истинная красота. О, Лидия!

— До того, как отец вновь нашел меня, я работала натурщицей. Мне оставалось или это... или другое. Вы меня презираете?

— Нет, нет, нет!

— Я думаю, узнать меня могут лишь несколько людей, способных заглянуть мне в душу. Для большинства это... — она пожала плечами, — ...Аврора, или Июньская Заря, или Морская Дева. Но вы — другой. Я знаю... я уже говорила об этом... что от вас у меня не может быть секретов. — Она сжала ему руку и отпустила, лишь когда в комнату вернулся старик.

— А вот, мистер Карстерс, и мое завещание. Оно короткое, как вы сами видите, в нем не указаны никакие жилые дома с хозяйственными постройками и земельными участками и имущество, могущее быть предметом наследования, потому что у меня ничего этого нет. Врачи постоянно гоняют меня с одного места на другое, так что вся моя жизнь, можно сказать, череда арендованных домов.

Артур внимательно прочитал завещание.

— Вроде бы, все нормально. Но вы написали "моей дочери Лидии". Я думаю...

— Именно! Как вы заметили, я оставил свободное место.

— Ну, юридически... это... вопрос в том... я имею в...

— Я ему сказала, папа, — прервала его Лидия.

— Что вы там мямлите, молодой человек? Выкладывайте.

— Ее фамилия Клайд?

— Да. Она взяла ее, как только... ну, несколько лет тому назад.

— Это хорошо. А второе имя?

— Лидия Розлайн, — ответила Лидия.

— Тогда почему бы вам не написать "моей дочери Лидии Розлайн Клайд, которая в настоящее время проживает со мной", и я думаю, что ни у кого не возникнет никаких сомнений.

— Этого я и добиваюсь. Благодарю. — Мистер Клайд сел и начал писать.

— Нам, разумеется, понадобится второй свидетель, — заметил Артур.

— Нас двое, не так ли? — спросила Лидия. — Вы и я. В чем дело?

Он и представить себе не мог, что кто-то не знает простых истин, известных любому начинающему юристу, поэтому улыбнулся, как улыбаются неразумному ребенку.

— Видите ли, свидетель не может упоминаться в завещании. Нам нужен еще один не связанный с вами человек. К примеру, служанка.

— Но у нас нет служанки! — воскликнула Лидия. — К нам приходит женщина, но она болеет и на этой неделе не придет... Что же нам делать?

— Кто-нибудь из соседей?

— Мы с ними практически не знакомы. Папина болезнь... О, если б я знала, то захватила бы и Роджера!

— Раз уж не захватила, предлагаю самый простой выход. Почему бы тебе не съездить за ним?

— Но папа! — она взглянула на часы. — Половина девятого, я смогу вернуться только без двадцати десять. Неудобно заставить мистера Карстера так долго ждать...

— Ему придется ждать гораздо дольше, если ты будешь тыкаться в дома к незнакомцам и уговаривать их поехать куда-то в темную, холодную ночь. Возможно, ты никого и не найдешь. О мистере Карстере не волнуйся, я за ним пригляжу. Вы играете в шахматы, мистер Карстерс?

— Да, в общем, я... э...

— Так вот, если эта игра вам нравится...

— Да, очень.

— Тогда, дорогой мой, вы — не единственный в этом доме шахматист. А ты не теряй времени, поезжай.

— Если вы действительно не возражаете, Артур...

— Все нормально, Лидия.

— Вы такой милый. — Она нежно улыбнулась ему, искоса глянула на свой портрет, и добавила шепотом: — Я буду за вами наблюдать. Иногда посматривайте на меня, — и сжала его руки.

Мистер Клайд уже усаживался за столик с шахматной доской.

Партия вышла странная. Необычность фигур, постоянное присутствие Лидии, желание взглянуть на нее, мешавшее сконцентрироваться на игре, ощущение, что каждый ход — ошибка, за которой следует разящий контрудар... и в конце концов в голове остались только мысли о прекрасной и желанной Лидии. Партия завершилась аккуратно в тот момент, когда по гравию подъездной дорожки зашуршали шины: старик полностью контролировал ситуацию.

— Тридцать пять десятого! — радостно воскликнула Лидия. — Я побила наш рекорд, Артур!

— Должен подтвердить, что побила, — воскликнул Платт. — Добрый вечер, Карстерс. Меня до сих пор трясет.

Артур кивнул ему, как должно кивать семейному адвокату при появлении нежеланного родственника, с которым, однако, приходится вести дела.

— Хорошо, что ты смог приехать, старина. — Мистер Клайд пожал Платту руку. — А теперь, мистер Карстерс, говорите, что мы должны сделать.

— Покажите, в какой строке надо расписаться, — Платт достал ручку, — и следите, как я пишу свою фамилию. Вы удивитесь.

На завещании появилась подпись: "Филип Клайд", которую заверили два свидетеля.

— Тяжелый труд, я просто без сил. — Платт убрал ручку. —
Надо бы выпить, Лид.

— Только самую малость, потому что тебе везти нас назад.

— Согласен.

— И у тебя дорога займет ровно сорок пять минут.

— Если она вам что-то говорит, Карстерс, не спорьте, просто выполняйте.

— Артур? — Ее рука с графинчиком виски застыла над стаканом.

— Чуть-чуть, — нервно откликнулся он. Раньше пробовать виски ему не доводилось.

— Вот. И еще меньше для меня. Я люблю ездить быстро, но не люблю, чтобы меня мчали, как на пожар. Мы спокойно посидим на заднем сиденье, не подпрыгивая до потолка. Поедем через Бартон Лэнгли, Роджер, этот путь более удобный.

— Как скажешь.

Поднялась луна, чуть рассеяла ночную тьму. Артур и Лидия сидели вместе, укрывшись пледом, и держась за руки. Он видел лишь ее лицо на расстоянии вытянутой руки, ее портрет на стене и удивительное будущее, в котором они никогда больше не разлучались...

— “Чаша и колокола”. — Платт остановил автомобиль. — Для меня путешествие закончилось. Лид, ты сама сможешь отвезти Карстерса домой. Доброй ночи вам обоим.

— Спасибо тебе за все, дорогой, я так тебе признательна.

Платт вылез из машины, помахал им рукой и скрылся за дверью паба. Лидия пересела за руль, Артур устроился рядом с ней. От пансиона их отделяли лишь несколько сот ярдов. На улице не было ни души. Она повернулась к нему, протянула руки. Он приник к ней, неуклюже ткнулся губами в щеку, шепча: “О, Лидия, Лидия!” Она направила его рот к своему. Никогда еще он не пребывал в таком экстазе. Ему просто хотелось умереть в ее объятиях!

Артур уже задыхался, когда она освободила его и самодовольно улыбнулась.

— Лучше, чем какие-то деньги, не так ли? — и тут же добавила: — Дорогой, тебе пора. — Она перегнулась через него, открыла дверцу. — Быстро!

— Я тебя увижу... скоро?

— Очень на это рассчитываю, — вновь улыбка. — Через день или два. До свидания, дорогой, и позволь еще раз поблагодарить тебя. И представить себе не сможешь, как ты мне помог.

Артур ступил на тротуар, она захлопнула дверцу, помахала рукой и умчалась. Он же поплелся в свою маленькую комнатку. Часы показывали половину одиннадцатого. Лишь на три коротких часа он перенесся в новый, удивительный мир. Артур разделся и долго лежал в темноте, видя ее портрет на стене.

Случилось это во вторник. А в четверг утром его вызвали к мистеру Маргейту. В кабинет он входил с дурным предчувствием, которое преследовало его с того знаменательного вечера. Он опасался, что совершил что-то недостойное и может понести за это наказание. Компанию мистеру Маргейту составлял не знакомый Артуру мужчина.

— Доброе утро, Артур, — поздоровался с ним мистер Маргейт.

— Это — инспектор Уэллс. Оставляю тебя с ним. Ответь на его вопросы и помоги, чем только сможешь.

В полном недоумении, встревоженный необходимостью общения с полицией, но и испытывающий безмерное облегчение (все-таки не опорочил профессию солиситора), Артур ждал.

А инспектор небрежно уселся на край стола мистера Маргейта, болтая одной ногой в воздухе. Коренастый, приятный мужчина, с мелодичным, но уж очень усталым голосом.

— Всего несколько вопросов, — начал он. — Ничего больше, — и дружелюбно улыбнулся. — Мне, конечно, не положено предлагать вам присесть в вашей конторе, но так, наверное, будет удобнее.

Артур сел.

— Пока не буду говорить, чем вызваны мои вопросы. Если вы догадаетесь, что ж, вы — адвокат, и знаете, что такое конфиденциальность. Эта так?

— Разумеется.

— Вы знакомы с неким Платтом? Роджером Платтом?

— Встречался с ним раз или два.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Во вторник вечером.

— Где? В котором часу?

— Примерно в половине одиннадцатого, входящим в паб “Чаша и колокола”.

— Я стараюсь получить подтверждение его показаний, касающихся того вечера. Среди других людей, которые его видели, упоминаются некие друзья, Клайды, которые живут в Нортон Сент-Джайлсе, и вы. Что вы можете сказать по этому поводу?

Артур подробно рассказал о своей поездке.

Инспектор улыбнулся.

— Как я понимаю, дама — писаная красавица.

— Да.

— Раз уж вы смогли проехать пятьдесят миль глубокой ночью с дамой, вас не затруднит проехать те же пятьдесят миль с полицейским инспектором солнечным утром?

Артур с радостью ухватился за это предложение. В голосе его звучал щенячий восторг.

— Вы хотите, чтобы я поехал с вами в Нортон Сент-Джайлс?

— Совершенно верно. Я предполагал, что вы откликнетесь с энтузиазмом на мое предложение.

— Все лучше, чем сидеть в конторе.

— Несомненно. Еще вопрос, и в путь. Вы, разумеется, присягнете, что ваши друзья, Клайды, честные и благородные люди?

— Естественно!

— Хотя встретились вы с ними только во вторник. Что же, не буду говорить, что вы ошибаетесь. И насчет мистера Роджера Платта вы скажете то же самое?

— Н-нет, — ответил Артур. — Пожалуй, нет.

— Не скажете... и вновь я не говорю, что вы ошибаетесь. Видите ли, полиция не может приходить к таким скоропалительным выводам. Для полиции каждый мужчина может быть лжецом, как и каждая женщина. Я не могу принимать за истину в последней инстанции ни показания Клайдов, ни Платта, ни ваши. Но если вы все говорите одно и то же, возможно, сие соответствует действительности. Вы сказали, что во вторник вечером, в девять тридцать пять, Платт был в определенном месте, вместе с вами, мистером и мисс Клайд. Если он там был, то в четверть десятого не мог находиться в другом месте, на расстоянии тридцати пяти миль от Нортона Сент-Джайлса, и тогда он более меня не интересует. Поэтому мы, с вашего разрешения, только удостоверимся, что вы сказали правду, то есть в девять тридцать пять находились в Нордоне. Надеюсь, вас это не обидит?

— Отнюдь.

— Тогда поехали. Я предупредил их о нашем приезде.

Они спустились к патрульной машине. Водитель-констебль изучал карту.

— Нашли дорогу, Льюис?

— Вроде бы туда можно добраться двумя маршрутами, сэр. Не знаю, на каком остановиться.

— Может, мистер Карстерс нам подскажет?

Артур уже собрался сказать, что ехали они в полной темноте, но потом вспомнил.

— Мы ехали через Бартон Лэнгли, — уверенно ответил он.

— Точно. Я тоже склонялся к этому варианту.

— Хорошо, в машину.

Войдя в комнату, Артур словно вернулся домой: две картины, шахматы на столике у окна, мистер Клайд, раскладывающий пасьянс, Лидия в кресле у камина, вышивающая крестиком.

— Я привез вашего приятеля, — объявил инспектор, и глаза Лидии радостно вспыхнули.

— О, как здорово. — Она поднялась, протянула Артуру руку. Старик хохотнул.

— Привет, юноша, приехали отыгрываться?

Инспектор вел себя предельно тактично, переведя разговор на Роджера Платта, а вот старик показал себя циником.

— Да, вам надо бы приглядывать за этим джентльменом. Суций дьявол. Никогда не знаешь, что он учудит в следующий мо-

мент. А в чем дело? Он ни на кого не наехал, когда отвозил домой мистера Карстера?

— Разумеется, нет, дорогой, — поспешила ответить Лидия. — И я просто не понимаю, в чем дело.

— Мы лишь хотим получить подтверждение его показаний, мисс Клайд, — заверил ее инспектор. — Вы знаете, как это бывает. Один приятель рекомендует книгу, и вы думаете: “Такая ли она интересная?” Второй — вы говорите себе: “Ее надо обязательно прочитать”. Третий — вы просто идете в магазин. С уликами та же история.

И вскоре Артур уже прощался с Лидией. Даже с двумя Лидиями, одной — на портрете, второй — в жизни. Сел в патрульную машину, предчувствуя, что больше не увидит ни первую, ни вторую.

— Итак, во вторник вечером, в девять тридцать пять, вы были в этом доме, мистер Карстерс?

— Да.

— Играли в шахматы с мистером Клайдом, когда пришли мисс Клайд и Платт?

— Да.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Это хорошо, — в голосе инспектора Уэллса явственно слышалось разочарование, и он заговорил о футболе.

Шесть лет спустя Артур оказался в Каире. Он уже объехал полсвета, перецеловал женщин самых разных национальностей, покорял горы, плавал в далеких морях, провел под звездами бесчисленные ночи. Он видел жизнь и видел смерть. А теперь приехал в краткосрочный отпуск в Каир.

Рука легла на его плечо и развернула на сто восемьдесят градусов. Он увидел перед собой приятного вида мужчину средних лет в капитанской форме.

— Карстерс, не так ли? — осведомился мужчина. — Давно не виделись.

— Боюсь... — начал Артур, всматриваясь в мужчину. — Да, я знаю, что видел вас, но, уж простите, не могу вспомнить...

— Тогда я был инспектором Уэллсом. Теперь вот служу в военной полиции. В принципе, та же работа.

— Ну, конечно! Рад новой встрече. Вы служите здесь? Я-то в увольнительной.

— Тогда вы должны позволить угостить вас выпивкой. “Гроппис” вам подойдет?

— Как скажете. Это ваш город.

Они сели за маленький столик, с полными стаканами, очень довольные встречей.

— Не виделись больше с Клайдами? — спросил Уэллс после того, как они рассказали друг другу, где кому довелось повоевать.

— Нет, — коротко ответил Артур. Страстная влюбленность в Лидию по-прежнему болью отдавалась в его сердце. Он все еще вспоминал, как написал ей письмо, с каким нетерпением ждал ответа, а потом, не выдержав, как-то в воскресенье взял напрокат велосипед и покатил в Нортон Сент-Джайлс, чтобы выяснить, что в доме новые жильцы, а прежние съехали, не оставив адреса. И хотя пять лет армии обогатили его массой впечатлений, а красивые итальянки, в которых он влюблялся без ума, затмили ее образ, время от времени он мечтал о том, что вновь увидит ее и окажется, что вспыхнувшее между ними чувство не угасло с годами.

— Если вам интересно, я могу кое-что о них рассказать.

— Правда? Да, я с удовольствием вас выслушаю. — Сердце учащенно забилося при мысли о том, что она здесь, в Каире.

Уэллс попыхивал трубкой, раздумывая, с чего бы начать.

— Все это я мог бы рассказать вам пять лет тому назад или около того. Знаете, я даже заезжал к вам в контору, но вы уже ушли в армию. Забавная у нас тогда получилась встреча. Я часто задумывался над тем, а знали ли вы, чем были вызваны мои вопросы?

— Поначалу — нет. Тогда я практически не читал газеты. А вот потом, когда услышал об ограблении Глендовер Хауз, подумал, а не этим ли.

— Именно этим.

— И вы предположили, что грабитель — Платт? Меня это не удивляет.

— И да, и нет. Для непосредственного грабителя он был староват, там требовался кто-то более шустрый и молодой, но вот особняком он определенно интересовался. Слонялся вокруг, приглашал в кино служанку хозяйки, и все такое. По моему разумению, он провел разведку, тогда как ограбил дом кто-то другой. Возможно, существовал и третий человек, разработавший всю операцию.

— Но вы их так и не взяли?

— Да нет, взяли. Не в тот раз, позже, когда они совершили ограбление в другой части страны и при них нашлись драгоценности, украденные в Глендовере. А потом мы выяснили все подробности, в основном, у Платта. Не лучший представитель человечества этот Платт.

— Платт? — удивился Артур. — Вы хотите сказать, что он участвовал в ограблении Глендовера?

— Да. Непосредственную работу, разумеется, проделала девушка, а разработал все Клайд. Большой специалист этого дела, и вообще очень одаренный человек. Жаль, что ему пришлось сесть в тюрьму, в армии ему нашлось бы дело.

— Девушка? — переспросил Артур. — О ком вы говорите, Уэллс? Какая девушка?

— Лидия.

Артур пренебрежительно рассмеялся. Уэллс поднял брови, пожал плечами и промолчал. В некотором недоумении Артур пошел на попятную.

— Возможно, я чего-то не понимаю. Когда произошло ограбление?

— Все сидели за обеденным столом, спальни пустовали. Прием проходил в Охотничьем зале, но женщины большую часть драгоценностей намеревались надеть после обеда, перед самыми танцами. Так что ей достался богатый улов. Случайно, как нам тогда казалось, она, спускаясь вниз, уронила лестницу. Она упала на террасу, все, конечно же, выскочили на шум. Увидели убегающую фигуру, непонятно какого пола. А вот время установили точно: четверть десятого.

— И двадцать минут спустя она оказалась в тридцати пяти милях оттуда! Ха-ха!

Уэллс промолчал, и Артуру не оставалось ничего другого, как спросить: "От Глендоваера до Нортон Сент-Джайлса тридцать пять миль, не так ли?"

— Глендоваер-Хауз расположен в десяти милях южнее Кингсфилда. Нортон — в двадцати пяти севернее. Всего тридцать пять.

— Тогда как...

— В этом-то вся изюминка. — Уэллс положил руку на колено Артура. — Только не думайте, что вам есть в чем себя упрекнуть. Я прослужил в полиции немало лет, но они провели и меня.

— Что вы такое говорите?

— Видите ли, Карстерс, в тот вечер вы в Нортон Сент-Джайлс не попали. От Кингсфилда вас отвезли максимум на милю, то есть дом, в котором вы находились, и Глендоваер-Хауз разделяли десять миль.

— Но, дорогой мой человек, я же ездил туда с вами!

— Да, на следующее утро.

— В тот же дом.

— Нет.

— Но я мог поклясться...

— Вы не могли поклясться, что это тот же дом, потому что в тот вечер вы видели не дом, а только одну комнату.

— Хорошо, но ту же самую комнату.

— Нет.

— Знаете, Уэллс, я не спорю с тем, что в те дни был наивным молодым лопухом, но ведь не слепым!

— Все слепы к тому, на что не смотрят. Что вы видели в комнате? Тот портрет. Что еще? Давайте опишите мне комнату.

— Другую картину, Коро. Шахматы на столике у окна. Большой стол под клетчатой скатертью... э... черт побери, прошло шесть лет... Да, расшитые подушки и.. э... — он пытался вспомнить что-то еще, но перед глазами стояла Лидия.

— Видите? Все, что вы помните, без труда можно положить в машину и перевезти из одного дома в другой. Из дома Клай-

дов в Нортон Сент-Джайлсе в дом Платта рядом с Кингсфилдом. О, он знал свое дело, этот Клайд. Он знал, что молодой холостяк, живущий в пансионе, воспринимает обстановку комнаты совсем не так, как женщина, даже не так, как женатый мужчина. Если его взгляд на чем-то зацепится, остального он просто не увидит. Вот он и подсунил вам портрет Лидии и шахматы, можно сказать, два ваших увлечения, и они составили для вас всю обстановку.

— Но она привозила меня туда...

— В темноте, до Бартон Лэнгли и обратно. Точно так же, как Платт вез вас домой. Когда Лидия ушла, оставив вас и Клайда играть в шахматы, она поехала прямо в Глендовер-Хауз, расположенный в десяти милях, провернула дельце и вернулась к дому Платта аккуратно к завершению вашей партии. Платт, который сидел в пабе до девяти часов, пришел туда же пешком и встретился с ней у дома. Вошли они вместе, вроде бы после совместной двадцатипятимильной поездки. Вот и все. Просто, как ясный день.

Артур долго сидел, поникнув головой, вспоминая всю ложь, которую он тогда услышал от нее. Наконец спросил: "Он действительно ее отец?"

— Да, несомненно.

Что ж, хоть в этом она его не обманула.

— Ох, извините, я не понял, о чем вы, — добавил Уэллс. — Нет, нет. Клайд — ее муж.

— Муж?!

— Да, он же далеко не старик. Ее отец — Платт.

Ложь, одна ложь, ничего, кроме лжи! Сплошная ложь!

— Пожалуй, с таким отцом у девушки не было шанса не пойти по кривой дорожке. Обыкновенный мелкий преступник. Но вот Клайд — гений, творец в полном смысле этого слова. Он, кстати, нарисовал и картину.

— О? — Артуру больше не хотелось вспоминать картину.

— Типичная для него манера. — Уэллс рассмеялся. — Позировала не девушка. Профессиональная натурщица, каких приглашают, чтобы нарисовать "Зарю" или "Лето". Он же специально для этого случая подрисовал к телу лицо своей жены. Предположил, что в этом случае вы точно ничего не увидите, кроме портрета. Он всегда тщательно все продумывал.

Все ложь, а эта — венчающая все остальные! Он мог бы простить ей что угодно, но только не этот сокрушающий удар по его невинности. К черту ее! Да кому она нужна? Вечером с ним обедала Эдна. Очень хорошая девушка, и такая миленькая.

— Да, ладно, — голос Артура пронизывало безразличие, — все это произошло давным-давно. Я тогда был совсем молодым и зеленым. Еще по стаканчику? Теперь угощаю я.

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

от рожде

В этом номере мы завершаем публикацию о значениях имен. Конечно, далеко не все они попали в поле нашего зрения, но... Но ведь экзотические, иностранные, "самодельные" имена при крещении не дают, а теперь выяснилось, что крещеными были почти все. Поинтересуйтесь, как окрестили того или иного человека, и многие загадки его судьбы отпадут сами собой.

Поинтересуйтесь также, какое имя хотели дать человеку, да почему-то передумали. Не исключено, что подсознательно его долгое время называли совершенно по-другому, оттого Иван, например, может вести себя как типичный Петр, а Мария ничем не отличается от Наталии.

Итак, имена, начинающиеся на буквы "Ф", "Э", "Ю" и "Я".

Фаина. Имя древнегреческого происхождения, означает "лучезарная", "сияющая".

В детстве — непоседа и заводила, "свой парень". Но с возрастом становится удивительно хозяйственной и домовитой, потому и замуж выходит позже своих ровесниц: выбирает не просто мужа, но настоящего хозяина будущего дома. Как правило, не разводится, хотя иногда позволяет себе легкие интрижки на стороне.

Фаина — скромная женщина, иногда даже немного ханжа, никаких легкомысленных разговоров в своем присутствии не терпит, хотя женскому обществу

обычно предпочитает мужское. Детей обожает, ради них готова на все, хотя далеко не всегда встречает понимание или обычную благодарность.

Здоровье среднее, но могут возникнуть серьезные заболевания сердца и сосудов, поскольку Фаина о себе думает в последнюю очередь. По той же причине она — великолепный руководитель, но выше среднего звена поднимается чрезвычайно редко.

Удачным может быть брак с Аркадием, Вениамином, Станиславом, Юрием. Не слишком простые отношения ожидают с Александром, Василием, Михаилом и Романом.

НИИЯ ДО...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Федор. Имя имеет древнегреческое происхождение и означает "Божий дар".

Федор в детстве немного угрюм, молчалив и упрям. Он никогда не выступает заводилой детских игр и находится иногда в стороне от сверстников. Родителям и учителям будет особенно нравиться аккуратность Федора. Вещи у него всегда будут в полном порядке, книги и ручки сложены на столе.

На работе Федор находится на хорошем счету. Он надежен и обстоятелен. С коллегами доброжелателен, в конфликты не вступает, но отношения ограничиваются в основном служебными делами. После работы спешит домой, отнесясь пойти с сослуживцами выпить кружку пива. У Федора золотые руки, умеет делать по дому почти все. Если у него есть машина, то она всегда будет в полном порядке.

В отношениях с женщинами не любит спешки. Прежде чем предложить руку и сердце, Федор должен убедиться, что выбор его правилен и брачные отношения свяжут их на всю жизнь. Женщины, привыкшие к постоянным поклонникам и горячим признаниям, никогда не заинтересуют его. Случайные связи в браке маловероятны. Теща уважает Федора, считается с его мнением.

Здоровье среднее, но при бережном отношении серьезных

проблем практически не возникает.

Брак будет счастливым с Анной, Лидией, Любовью, Марией, Натальей, Раисой, Светланой. Сложности возникнут в отношениях с Аллой, Екатериной, Майей, Надендой, Ниной.

Феликс. Имя имеет латинское происхождение и означает "счастливым".

В детстве Феликс — любимец матери, балованный и эгоистичный. С возрастом отрицательные черты немного сглаживаются, но остается абсолютное неприятие критики в свой адрес и лень. Это не мешает ему добиваться прекрасных результатов там, где может сработать девиз "быстрота и натиск".

Работу, как правило, ищет по тому же принципу, но предпочитает престижную и очень выгодную. К сожалению, Феликс не всегда выполняет свои обещания и крайне непунктуален, а это, в конечном итоге, больше всего вредит ему самому.

Жену выбирает долго и придирчиво, стремится найти абсолютный идеал, но поговорка "бедность не порок" — явно не для него, поэтому обеспеченность избранницы тоже крайне важна.

Здоровье довольно хрупкое, к тому же Феликс очень легко поддается чужому влиянию и может

быстро попасть в алкогольную или наркотическую зависимость. Слабое место — спина и конечности, любая травма очень долго не проходит.

Удачный брак может быть с Аллой, Марией, Зоей, Фаиной. Практически обречен на неудачу союз с Валентиной, Тамарой, Ольгой и Нсенией.

Филипп. Имя имеет древнегреческое происхождение и означает "любящий лошадей".

В детстве Филипп — болезненный и капризный ребенок. Внешне больше похож на мать. Несколько рассеян, склонен к жадности. Многие из Филиппов наделены самыми разными способностями, но, к сожалению, из-за лени они так и остаются не раскрытыми.

Часто имеют сложный характер, любят спорить по любому поводу. Смело берутся за любые дела, но не всегда доводят их до конца. До женитьбы стремятся достичь хорошего материального положения. С удовольствием путешествуют, ездят в командировки. Среди Филиппов чаще всего встречаются врачи, юристы, токари, трактористы, летчики.

Филипп ищет в жене спокойную и покладистую женщину. В отношениях с ней добросердечен, неконфликтен. Помогает вести домашнее хозяйство, любит возиться с детьми.

Слабое место — мочеполовая система, реже — печень.

Семейное счастье Филиппа составит одна из тех, кого зовут Инна, Ирина, Любовь, Маргарита, Тамара. Вряд ли удачным окажется брак с Дарьей, Евгенией, Надеждой, Раисой.

Элеонора. Имя, ставшее в последнее время достаточно распространенным, происходит от датского Элинор.

У маленькой Элеоноры — очень сложный характер, доставляющий много волнений ее родителям. Нервная система у нее очень восприимчива к окружающей обстановке, настроение способно меняться мгновенно.

Повзрослев, Элеонора становится стройной, красивой девушкой. Умна и талантлива. Пользуется огромным успехом у мужчин. У нее всегда много друзей, она с радостью принимает их у себя дома. По натуре — домоседка, ей не нравится надолго оставлять свой дом и семью, отказывается от командировок, ее не увлекут и туристические походы.

Пользуясь своими внешними данными, без труда может эксплуатировать окружающих и добиться желаемого. Выходит замуж за обеспеченного человека, занимающего прочное положение в обществе. Так как не привыкла ограничивать свои потребности, то мужу надо быть готовым на большие расходы и не выдвигать в связи с этим каких-то ограничений.

Элеонора способна достичь значительных высот в профессиональной сфере, но личная жизнь у нее часто складывается неудачно.

Здоровье слабое, склонна к частым простудам, неполадки с женскими органами.

Наибольшие шансы на успех в браке с Антоном, Игорем, Михаилом, Петром, Семеном. Меньше всего шансов — с Анатолием, Владимиром, Николаем, Львом.

Эмма. Имя древнегерманского происхождения, точное значение его неизвестно.

Ребенком Эмма практически не доставляет хлопот своим родителям, спокойна и послушна, но очень инертна. Впоследствии это качество перерастает в нерешительность и даже придирчивость, что существенно осложняет жизнь.

В школе Эмма ничем не выделяется среди своих сверстников, но в институте, если туда поступает, становится одной из лучших за счет терпения и педантичности. Но в профессиональной области она снова оказывается в тени и крайне редко добивается каких-то выдающихся результатов. Самое удачное занятие для Эммы — педагогика, тут она в своей сфере.

Здоровье слабое, но во многом это обусловлено мнительностью и шаткостью нервной системы. Если Эмма ведет спокойную жизнь, то она здорова, но стрессы для нее просто губительны.

Семейная жизнь очень будничная, почти второстепенная. Эмма — верная и преданная, но холодная и крайне требовательная жена. Если она свяжет свою судьбу с Борисом, Иваном, Николаем или Олегом, то этот союз может оказаться стабильным, а вот Василий, Иннокентий, Никита в спутники жизни ей мало подходят.

Эдуард. Это имя имеет германское происхождение. В основе лежат слова, в бумвальном переводе означающие "заботящийся о собственности".

Маленький Эдуард очень любопытен, у него не по годам жи-

вой ум, любит создавать неожиданные ситуации своим сверстникам, может преподнести какой-нибудь сюрприз и родителям, поэтому с ним надо быть всегда начеку.

Учится хорошо. Может стать даже отличником, если возникнет такое желание. Чаще всего выбирает специальность военного, конструктора, врача. На работе за ним прочно держится репутация общительного и доброжелательного человека. С ним легко общаться, он вежлив и общителен. Но если дело коснется личных интересов, то все замечательные качества Эдуарда могут исчезнуть и в нем проявятся черты жесткого и делового человека, лишённого сентиментальности.

Эдуард влюбчив. Его привлекают в первую очередь красивые женщины. Жене Эдуарда придется стойко переносить сложный характер мужа, быть сговорчивой при возникновении конфликтных ситуаций. В семье Эдуард стремится к лидерству, все финансовые расходы берет под свой контроль. Злоупотребляет алкоголем.

Слабое место Эдуарда — нервная система, он подвержен долгим и частым депрессиям.

Хорошей женой ему может стать Лидия, Римма, Светлана, Юлия. Сложной будет семейная жизнь с Дианой, Ларисой, Людмилой, Майей, Марией.

Эммануил. Имя еврейского происхождения, дословно означает "с нами Бог".

В детстве Эммануил ничем не привлекает к себе особого внимания, разве что некоторой не-

поседливостью. Но уже в школе начинают проявляться такие черты характера, как упрямство и честолюбие, стремление любой ценой выбиться в лидеры. Обычно это удается, но если нет, то Эммануил может даже серьезно заболеть от огорчения. В остальном же здоровье не приносит ему хлопот.

Как правило, получает прекрасное образование, но постоянно стремится к новым знаниям, расширяет свой кругозор, совершенствует навыки. В любой профессии — один из лучших, но плохо разбирается в людях. Поэтому сплошь и рядом сталкивается с неожиданными для себя ситуациями.

Зато с женщинами таких проблем не возникает, Эммануил может легко завоевать любую, если прилагает хотя бы минимум усилий. Парадокс состоит в том, что он — однолюб и очень верный муж, которого практически невозможно сбить с пути истинного.

Очень удачен брак с Анной, Ириной, Надеждой. Меньше шансов на прочный союз с Евгенией, Раисой и Светланой.

Юлия. Женская форма имени Юлий, происходит от латинского слова "юлиус" — "кудрявый, пушистый".

В детстве Юлия — очень ранимый и обидчивый ребенок. Настроение может меняться мгновенно, из веселой и жизнерадостной девочки она превращается в обиженную и вялую. Заядлая спорщица, неохотно признает свое поражение в споре. Очень чувствительна — плохо переносит чужие страдания и вид крови. Не любит оставаться одна в темноте и в об-

становне, вызывающей чувство тревоги.

Юлия удачно выходит замуж и сложностей с мужем у нее обычно не бывает. Увлечена домашним хозяйством, хорошо готовит, всегда рада принять гостей, не только вкусно накормит, но и даст возможность выговориться. Она радуется успехам друзей и не завыстлива.

Среди увлечений главное у Юлии — это книги. Она сама много читает и приобщает к чтению мужа и детей. Не позволит никому в семье скучать и всегда придумает какое-нибудь развлечение.

Слабое место Юлии — органы внутренней секреции, за ними нужно очень тщательно следить.

Прочным будет союз с Василием, Владиславом, Евгением, Кириллом, Эдуардом. Часто складывается брак с Анатолием, Андреем, Николаем, Федором, Филиппом.

Юрий. Это имя представляет собой славянскую форму имени Георгий, означающего "земледелец".

Юрий — спокойный, сосредоточенный на своем внутреннем мире человек. В детстве любит смотреть на облака, трогательно относится к животным, может подбрать бездомную собаку и ухаживать за ней. Его внешний облик находится в противоречии со сдержанным поведением и философским складом ума. Жесты, манера говорить отличаются у Юрия некоторой артистичностью.

В школе и институте учится хорошо, усидчив и настойчив в достижении поставленной цели. Успешно может работать инженером, штукатуром, электриком, тренером. В коллективе пользуется

ся уважением сослуживцев, но большие и шумные компании предпочитает избегать. Юрий не заботится о том, чтобы обратить на себя внимание женщин. Они сами обращают на него внимание. Его природная артистичность сразу же вызывает у женщин расположение к нему. Юрий занимает чуть пассивную позицию, и женщине приходится брать инициативу в свои руки.

В семейной жизни анкуратен. Проявляет заботу о детях, помогает жене по хозяйству.

Очень мнителен, поэтому уязвим для множества болезней, в том числе вымышленных, но за ними может запустить серьезные проблемы со щитовидной или поджелудочной железой.

Счастье в браке обретает с Галиной, Ларисой, Лидией, Любовью, Натальей, Ольгой, Полиной, Раисой, Светланой, Софьей, Тамарой. Мала вероятность удачного брака с Аллой, Верониной, Елизаветой, Зоей, Татьяной.

Яков. Имя представляет собой русскую форму от древнееврейского имени Иаков, перевод которого в переносном смысле можно понимать как "второй по рождению".

Яков с раннего детства демонстрирует прагматичность и расчетливость. Он медленно приспосабливается к новой ситуации и новым людям, ему необходимо время, чтобы тщательно все обдумать. Отдает предпочтение старым и проверенным друзьям. С особым уважением относится к своему отцу.

Любит читать приключенческие и научно-фантастические романы. Выбирает профессию, свя-

занную со спокойной и основательной работой. Может быть писателем, портным. Трудолюбив и любое дело старается довести до логического завершения.

Яков выбирает в жены умную и деловую женщину, которая может создать дома уют и теплые отношения в семье. В общении деликатен, мягок, постарается никогда не нанести случайную обиду. Яков с трудом может отказать людям в чем-то, поэтому его жене надо вовремя вмешаться в события и воспрепятствовать возможным негативным последствиям. Любит свой дом, любит принимать друзей. Пьет в меру, много времени уделяет детям.

У Якова легко развиваются респираторные заболевания, он склонен к полноте и гипертонии. Нужно также следить за зрением.

Счастливым браком будет с Галиной, Инной, Клавдией, Полиной, Тамарой. Сложными отношения будут с Диной, Екатериной, Людмилой, Раисой.

На этом, дорогие читатели, мы заканчиваем публикацию рубрики "Имя твое". Но...

Но в следующих номерах мы начинаем новый цикл материалов о таинственном. В данном случае речь идет о снах и обо всем, что с ними связано. В конце концов, почти каждый человек треть своей жизни проводит во сне, и это вовсе не означает, что эти годы потеряны. Важно и полезно просто знать, чего можно ожидать в царстве снов, какую информацию мы там получаем и как ею пользоваться.

Так что до новых встреч! ■

СКОЛЬКО

СТОИТ ВЕЛИЧИЕ?

Когда умрет гениальный итальянский скрипач Никколо Паганини — а умрет он даже по меркам XIX века рано: пятидесяти семи лет, — шквал горестных откликов пронесется по страницам тогдашних европейских газет. Музыканты, композиторы, просто любители музыки, скорбя по поводу утраты, вслед наградят знаменитого итальянца похвальными эпитетами в самой превосходной степени. И, пожалуй, лишь Ференц Лист в статье, посвященной жизни и смерти Паганини, постарается оценить происшедшее событие трезво и даже несколько рассудочно: «Ни один человек не догадывался о чувствах, которые волновали его сердце, золотой луч его жизни не озарил ничьей другой жизни, ни с кем из людей его не связывала общность ни мысли, ни чувства, чуждым он остался всякой духовности, всякой страсти, чуждым даже собственному гению, ибо что такое гений, как не жрец, открывающий в человеческой душе ее божество? Божеством же Паганини было всегда только его собственное мрачно-печальное «я»!..»

Вряд ли поклонники великого итальянца с одобрением отнеслись к суждению Листа. Возможно даже, кто-то из них подумал, что пианист-виртуоз ревнует к посмертной славе виртуоза-скрипача. Между тем, если без предубеждения вчитаться в приведенные строки, приходишь к выводу: в них, если не вся правда, то все — правда. Несмотря на фантастический прижизненный успех, Паганини был очень одиноким и во многом несчастным человеком, может, куда более несчастным, чем многие другие люди той эпохи...

Начнем с внешности и здоровья великого музыканта... Те, кто знал его в раннем детстве (а оно у него прошло на окраине Генуи, в портовом переулке с символическим названием Чер-

ная Кошка), запомнят маленького Никколо настоящим ангелом с большими агатово-черными глазами, сиявшими, рассказывают, даже в темноте, и шапкой густых, вьющихся (а можно сказать и льющихся) волос. Он был ласков, тих, впадал в недетскую задумчивость, когда по тесному, грязному переулку плыли колокольные звоны соседней церкви... Но вот с дошедших до наших дней его портретов на нас глядит взрослый Паганини. И это — совсем другой человек! Те же большие черные глаза теперь угрюмы и холодны и делают его похожим на врубелевского демона. Худое лицо с орлиным костлявым носом и впалыми щеками, пряди длинных волос, безжизненно упавших на плечи, наводят на мысль, что перед нами предельно уставший, истощенный и чем-то озлобленный человек. Говорят, начало одного его концерта было омрачено пронзительным криком впечатлительной зрительницы: до такой степени ее испугает внешний вид музыканта... Но что — лицо? Художники (в особенности, карикатуристы) тех времен запечатлеют своеобразную конституцию тела Паганини. (Конечно, проще было бы сказать — фигуру, но ее, увы, в общепринятом смысле у скрипача и не было.) Что бы вы сказали про человека, у которого левое плечо постоянно вздернуто, а правое неестественно низко опущено? Скрипач высок ростом, вернее, долговяз, но, несмотря на это, во время ходьбы его руки, как у обезьяны, чуть не волочатся по земле. А ступни тощих ног вдеты в огромные туфли, какие для смеха обычно носят ковровые клоуны в цирке...

Что касается здоровья, то и его у Паганини, можно сказать, с самого начала не было. С маленьким Никколо однажды случится такое: после какой-то продолжительной болезни он впадет в каталепсию — состояние настолько похожее на смерть, что родители соборуют сынишку, положат в гроб и, если б он вдруг не шевельнулся, мы бы сегодня знать не знали, кто такой Никколо Паганини! Когда у мальчика обнаружатся уникальное чувство гармонии и абсолютный музыкальный слух, его отец мелкий лавочник Антонио, неудачник по жизни, но обожавший играть в лотерею, сочтет, что ему, наконец-то, выпал счастливый билет: благодаря такому, на редкость талантливому, сынишке можно хорошо заработать! Антонио купит для Никколо маленькую скрипочку и заставит его день-деньской заниматься музыкой. Поразительный, не имеющий аналогов в истории случай: мальчик самостоятельно овладеет тайнами высочайшего мастерства игры на скрипке! (Самородок в музыке, он и образование получит на дому. Фактически никогда не учившийся в школе, Паганини был весьма начитанным человеком, знал несколько языков, хорошо владел литературным слогом.) Когда Антонио приведет сына к учителю музыки, чтобы договориться об уроках, тот, послушав игру юного скрипача, на какое-то время как бы окаменеет и, придя в себя, с обреченным видом признается отцу: «Мне нечего добавить к тому, что он

уже умеет...” Но чего будут стоить Никколо корыстолюбивые расчеты отца, который подвергнет многолетней изнурительной муштровке по сути еще ребенка, об этом Паганини сам однажды расскажет в письме другу: “Он оставлял меня без еды и голодом вынуждал удваивать старания, так что мне пришлось много страдать, и это сказывалось на моем здоровье...”

Впрочем, в том, что Паганини вырастет хилым человеком, вряд ли стоит винить одного отца. Но факт в том, что великий скрипач уже в молодые годы жалуется на быструю утомляемость, невыносимые боли в позвоночнике, у него иногда идет горлом кровь, обнаружатся камни в почках, к сорока пяти годам он потеряет почти все зубы...

Но пусть читатель не думает, что внешний вид и здоровье так уж сильно заботят музыканта. Как все одержимо увлеченные искусством люди, он относится к своей особе достаточно беспечно, порой даже иронично. “Растолстеть? Бедный Паганини! — отвечая на призывы друга укреплять свое здоровье, напишет ему однажды скрипач. — Если и прежде, тощий и изможденный, он походил на живую складную лестницу, каким же он стал за время болезни...” ...Нет, как ни плохо чувствует себя маэстро, он, за редкими исключениями, не отменяет своих концертов. Правда, во время антрактов, скрывшись за кулисами, он бессильно падает в кресло и, весь в поту, сотрясаясь от бьющего его озноба, судорожно хватая ртом воздух. Время от времени, особенно после высочайших взлетов вдохновения, скрипач впадает в жестокую депрессию. Вот всего лишь одна строчка из его письма: “Эти два года, потерянные в тоске...” Он имел в виду 1822-1824 г.г., когда не смог выступить ни с одним концертом... Находясь в таком состоянии духа, Паганини избегает общения с кем-либо, переезжает из одного города в другой, словно хочет оторваться от преследующей его тоски...

Но, великий Боже, что этот несуразного вида, насквозь болезненный человек умел делать! Не станем, покорно следуя легендам и байкам, связанным с его именем, смаковать то, что Паганини вытворял на сцене со своей скрипкой. Да, она у него выводила соловьиные трели, могла мяукать, лаять, кричать по-ослиному, четко выговаривала некоторые слова. Но этими, в общем-то, музыкально-цирковыми трюками в ту пору владели уже многие скрипачи, а Паганини лишь делал это совершеннее других. Нет, его величие в том, что он опрокинет все былые представления о возможностях скрипки как музыкального инструмента и выведет игру на ней на такой уровень, какого и по сей день не достигает никто из скрипачей. Невероятно, но у Паганини одна и та же нота могла звучать одновременно в трех октавах! Приводя в замешательство коллег и неописуемый восторг простых слушателей, он играет на четырех струнах как на одной и на одной — как на че-

тырех, часто использует две несмежные струны, не касаясь тех, что разделяют их. Причем, как пишет одна из тонких ценительниц музыки того времени, "Паганини лучше играет на одной струне, нежели на всех четырех. Более точно, уверенно, чисто, более по-итальянски. В самом деле, он не играет на скрипке... его инструмент поистине говорит, стонет, подражает грозе, безмолвию ночи, птицам, спускающимся с небес..." А вот мнение другого современника великого скрипача: "Музыкальная тонкость слуха Паганини превосходит все, что можно вообразить себе. Среди многочисленного оркестра, во время оглушительного звучания труб и барабанов, ему стоит только коснуться струн, чтобы настроить свою скрипку, и при тех же обстоятельствах он слышит самые незначительные неточности в настройке струн инструментов на невероятно далеком расстоянии. Во многих случаях он доказал совершенство своей музыкальной организации, играя часто на *растроенной скрипке...*"

Пусть читатель не обессудит автора (увы, не имеющего музыкального образования) за столь обильное цитирование. Но кого же и не послушать, как не очевидцев и слушателей гениальной игры Паганини?! Одним из них однажды окажется выдающийся поэт Германии Генрих Гейне. Вот его впечатления, вынесенные им с концерта прославленного скрипача:

"Молитвенная тишина господствовала в зале, — так описывает поэт начало концерта. — Глаза всех были устремлены на сцену. Все уши насторожились. Мой сосед, старый торговец мехами, вынул грязную вату из своих ушей, чтобы лучше впитать в себя драгоценные звуки, стоившие ему два талера. Наконец, на эстраде появилась темная фигура, которая, казалось, только что вышла из преисподней. Это был Паганини в своем парадном облачении: на нем был черный фрак, черный жилет ужасающего покроя... Черные панталоны самым жалким образом свисали вокруг его тонких ног... Держа в одной руке скрипку, а в другой книзу опущенный смычок и почти касаясь ими земли, он отвешивал перед публикой свои невиданные поклоны. В угловатых движениях его тела было что-то пугающе деревянное и в то же время что-то бессмысленно животное. У кого он научился своим поклонам — у автомата или собаки? И что означал его взгляд? И кто такой он сам? Живой человек, который, подобно умирающему гладиатору, в своей предсмертной агонии на подмостках искусства старается позабавить публику своими последними судорогами? Или это мертвец, вставший из гроба, вампир со скрипкой в руках, который хочет высосать если не кровь из нашего сердца, то, во всяком случае, деньги из нашего кошелька?..."

Так, мешая пафос с иронией, Гейне делится с читателем своим первоначальным впечатлением от Паганини. Но вот музыкант кладет на левое плечо скрипку и извлекает из нее первые

невыразимой красоты звуки, тотчас заставляющие зал замереть от наслаждения.

“С каждым новым взмахом его смычка, — продолжает свой рассказ поэт, — передо мной вырастали зримые фигуры и картины; языком звучащих иероглифов Паганини рассказывал мне множество ярких происшествий... Звуки развертывались спокойно, величественно вздымаясь и нарастая, как хорал в исполнении соборного органа; и все вокруг раздвинулось вширь и ввысь, образуя колоссальное пространство, доступное лишь духовному, но не телесному зору. В середине этого пространства носился светящийся шар, на котором высился гигантский, гордый, величественный человек, игравший на скрипке. Что это был за шар? Солнце? Я не знаю. Но в чертах человека я узнал Паганини, только идеально прекрасного, с улыбкой, исполненной примирения... Это был человек-планета, вокруг которого с размеренной торжественностью в божественном ритме вращалась вселенная...”

Теперь зададимся вопросом: кто выпестует Паганини как незаурядную сложную личность, кто разовьет в нем способность играть так, что он будет вызывать у людей одновременно священный ужас и бескрайний восторг? Не отец же его Антонио, умевший лишь надоедливо брэнчать на облупленной мандолине?.. По мнению почти всех биографов и исследователей творчества Паганини, он всему — и своими величайшими достоинствами, и множеством своих недостатков, — всему был обязан прежде всего Музыке, из всех видов искусства, пожалуй, самому таинственному, способному глубже других проникать в душу и разум человека, действующему иной раз (как, например, показывает буйное поведение молодых людей на рок-концертах) подобно алкоголю или наркотику. Но у нас речь не о музыке вообще, а о музыке, которую сочинял и исполнял на своих скрипках Паганини. А они у него были не какие-нибудь, а — Страдивари, Гварнери, Руджеро, Амати! Специалисты считают, что скрипка, простой по виду и несложный по устройству инструмент, как никакой другой, требует от музыканта предельного напряжения сил — духовных и физических. Год от года с присущим ему упорством совершенствуясь в игре на ней, Паганини все дальше и дальше уходит в беспредельный, как космос, загадочно прекрасный мир музыки, открывая в нем свои галактики, свои “черные дыры”. И то, что именно скрипка станет для него главным средством познания мира, людей и самого себя, в этом заключается и счастье Паганини, и его страдание. “...виртуозность скрипки не вполне является результатом механической беглости пальцев и голой техники, как виртуозность пианиста, — знакомимся мы с мнением одного из композиторов XIX века. — Скрипка — инструмент почти по-человечески капризный и находящийся почти в точном соот-

ветствии с расположением духа скрипача: малейшее недомогание, самое легкое потрясение, дуновение чувства находят здесь непосредственный отклик и это, вероятно, происходит оттого, что скрипка, так близко прижимаемая к нашей груди, слышит и биение нашего сердца...” И если все так, то это означает, что на каждом концерте Паганини праздник гениально-виртуозной игры творили как бы два существа: живое — сам Паганини и неживое, но чуткое — скрипка. (Кстати говоря, пророческую надпись оставит Гварнери внутри корпуса своей скрипки, сделанного из тонких пластин дерева: “Пока живо было — молчало, умерло — нежно пою”.) Это также означает, что, хотел того Паганини или нет, но скрипка всякий раз передавала (можно сказать также — выдавала) все, что у него было на сердце. Что же получалось? В то время, как слушатели испытывали неземное наслаждение от его страстной, бурной, будто бы жемчугами сыплющей игры, Паганини — бывали такие случаи — ощущал свои больные почки как два раскаленных, вогнанных ему в спину камня, так что ослепительное чудо его игры было одновременно переведенным на музыку отчаянным криком боли и страдания! Бывали и другие случаи, когда влюбленный (и очень влюбчивый) музыкант, импровизируя на скрипке, с помощью ее звуков объяснял женщине, сидевшей в зале, в своей (конечно же, вечной) любви, а она (как и многие другие женщины, готовые ради него на все) почти дословно понимала все, что он говорил ей, находясь на сцене...

Такое срастание со скрипкой порой сильно осложняет жизнь Паганини, оказывает дурное влияние на его репутацию. В самом деле, раскрывая во время игры тайники своей души, Паганини невольно приоткрывает какие-то теневые стороны своей личности, признается в спрятанных глубоко в подсознании сумеречных желаниях. (Один маститый скрипач так отзовется о музыке Паганини: “...его сочинения так же, как и стиль их исполнения, представляют собой смесь гениального с чем-то детским, наивным, безвкусным, потому они одновременно захватывают и отталкивают”.) Недаром при жизни и даже после его смерти по Европе про него ходят слухи, один страшнее и нелепее другого. И что он продал душу дьяволу за то, чтобы обрести сверхчеловеческие способности в игре, и что он долго сидел в тюрьме, и что убил жену, а одну из струн своей скрипки сделал из ее кишок... Верно, будучи не только честолюбивым, но и тщеславным, Паганини сам иногда нарочно работал на имидж демонической личности. Вот как один музыкальный критик описывает его появление на сцене: “Когда Паганини вышел на эстраду, еще прежде, чем он заиграл, его приветствовали громом рукоплесканий... Он качался во все стороны как пьяный. Руки он то вскидывал к небу, то опускал к земле. Потом снова останавливался с распростертыми объятиями, словно обнимал самого себя... Паганини выделывал такие штуки, что они вы-

зывали смех у самого артиста. Но хотел бы я знать причину этого смеха: глупость публики, знак одобрения своему исполнению или же насмешка над самим собой?" Даже такой великий знаток человеческой души, как Бальзак, понаблюдав за поведением Паганини на сцене и послушав его игру, придет в растерянность. "Самое необычайное чудо, захватившее меня в настоящее время в Париже врасплох — это Паганини, — признается писатель в одном из писем. — Без сомнения, есть что-то загадочное в этом человеке". И другой классик литературы И.В. Гете, назвав итальянского скрипача "столбом из пламени и гроз", добавит: "Демоническое — это то, чего не могут постичь ни рассудок, ни разум. Паганини оно было присуще в высшей степени, чем и объясняется то, что он производил такое неотразимое впечатление"...

Да, союз, а порой и противоборство Паганини со скрипкой таили в себе много тайн и загадок. Но много было и жестокой прозы профессии музыканта и, если на то пошло, той самой голдой техники, о какой вскользь упоминается в одном из приведенных высказываний.

Говорят, труд создал человека. Сия не бесспорная мысль в отношении великого Паганини звучит как абсолютная истина. Косвенно это однажды подтвердит сам музыкант. Когда его спросят, что нужно иметь, чтобы играть так же прекрасно, как он, скрипач ответит: "Талант не требуется. Все, что нужно — это настойчивость и старание". И, думается, отвечая так, он, хорошо знавший себе цену, почти не лукавил: один он во всем мире знал, каких трудов стоило, какие жертвы ему пришлось принести, чтобы овладеть мастерством. Произойдет еще один небывалый случай в истории музыки: чтобы извлечь из инструмента максимум заложенных в нем возможностей, итальянский скрипач настолько приспособится, так подделается под него, что с годами станет в анатомо-физиологическом смысле во многом иным, чем прежде, человеком. Вот откуда проистекают ненормальности и отклонения в конституции его тела, вот отчего музыкант, готовясь к игре, принимает немислимые, порой некрасивые позы, вызывающие в зале недоумение и смешки.

Самое интересное в том, что по своим природным физическим данным виртуоз Паганини был предрасположен к игре на скрипке, но не более, чем многие другие люди. Один итальянский врач, многие годы лечивший его и следивший за изменениями в организме скрипача, сообщает, что, к примеру, пальцы у Паганини были обычной длины. Но при необходимости скрипач мог удлинять кисть своей руки почти вдвое! Эта его уникальная способность порождала в зале иллюзию (и как тут не подумать о его сделке с нечистой силой?), что пальцы музыканта как бы отделились от него и действуют сами по себе. Они

у Паганини также умели “переступать” друг через друга, а самый неповоротливый из них, большой, ногтем доставал до локтевой части руки. Плечи, грудь, подбородок, локти — все скрипач приспособит или, выражаясь техническим языком, подрихтует под инструмент, чтобы достичь вместе с ним высшей гармонии звуков. Даже его ноги участвуют в игре! Меняя позы, он сзади одной ногой подталкивает вперед другую — это делает его похожим на клоуна...

Музыка особым образом повлияет на характер, психику скрипача, но прежде всего на его судьбу. “Не вредит ли скрипка вашему здоровью?” — заботливо спросит его один человек. “Уже нет, — с мрачноватой усмешкой ответит Паганини. — Она отняла у меня все силы”. Как показывает судьба Паганини, иметь большой талант — огромное счастье, но и великое страдание. Музыка, точно птица-чародейка, ревниво закрывает своими крылами от Паганини сверкающий солнцем мир, лишает его полнокровного общения с людьми. Нет, он никогда не был одиночкой в буквальном смысле: имел друзей, а сколько у него было женщин — один он знал. Но в отношениях со всеми он неровен, обидчив и мнителен. Во время гастролей часто предпочитает на досуге находиться в гостиничном номере. Один англичанин, одержимый стремлением выведать тайны мастерства Паганини, повсюду ездит, следит за ним, снимает номера в той же гостинице, что и скрипач, и даже не брезгует подглядыванием в замочную скважину. И что же делает жертва его бестактного любопытства наедине с собой? А ничего особенного. Спит, пьет кофе, читает, пишет письма. Лишь один раз глупый англичанин увидит, как Паганини возьмет в руки скрипку, проведет по струнам смычком и положит ее в футляр... Когда же кому-то удастся затащить его к себе в гости, Паганини, кажется, редко бывает этому рад. Он обычно молчалив и раздражителен, терпеть не может, когда при нем начинают рассуждать о музыке, так что, случается, стремглав покидает гостеприимный дом...

Примечательная особенность его характера: он не любит играть для кого-то персонально, стоя вблизи от слушателя. Невероятно, но у мастера не ладится игра в маленьком помещении. Маэстро нужен большой, битком набитый людьми зал! Некоторые импресарио усматривали в этом либо каприз избалованного кумира, либо признак его алчности. Скорее всего, они ошибались. Главное заключалось в том, что Паганини был не только блестящим музыкантом, но и прирожденным актером. И вот как актер он нуждался в большой аудитории и благожелательной, с “громом рукоплесканий” ауре зала. Неслучайно ведь, что, именно стоя на сцене перед сотнями восхищенных его игрой людей, он весь преобразается, становится красивым и обаятельным человеком!.. Но вот концерт окончен — и на его лице, только что молодом от вдохновения, появляются морщины

и складки, под когда-то прекрасными агатово-черными глазами возникают отечные мешки...

Про Паганини один знаток музыки скажет: "У него с остальными скрипачами общее только скрипка и смычок". Увы, из-за своей неповторимости маэстро не оставит после себя школы. Да, он занимается то с одним, то с другим учеником, доводит их игру до совершенства. Но никто из них даже близко не достигнет уровня учителя. Он и сам это понимает. Однажды бросит фразу, проникнутую усталостью и пессимизмом: "Тому, что есть высшего в искусстве, нельзя ни научить, ни научиться..."

Из-за своей нервности и неприкрытого эгоцентризма он не сможет построить счастливую семью, хотя всеми силами к этому стремится. Он с первого взгляда влюбится в певицу Бьянки, обвенчается с ней — и так же быстро найдет в ней тьму нетерпимых недостатков. Их брак распадется, по сути еще и не начавшись. Но потребность в любви у Паганини столь велика и мучительна, что, пойдя на развод с Бьянки, он по существу выкупит у нее за большую сумму их сына Акилле. И постоянно трепещет за его жизнь и здоровье, повсюду возит его с собой — точно живой багаж. Год за годом слабея, он больше боится не столько смерти, сколько того, что без него сыну придется солоно.

Так оно, между прочим, и случится. Мучиться Паганини будет и после смерти: строгое церковное начальство запретит хоронить его по христианскому обряду. (Говорят, еще надеясь пожить, он откажется от святого причастия. Но, наверное, не последнюю роль в посмертной судьбе музыканта сыграют слухи о его дьявольской сущности.) Бедный юноша Акилле претерпит немало испытаний прежде, чем предаст земле тело отца — для величайшего гения музыки в родной Италии не скоро найдется место погребения... И немало времени пройдет, пока на ветхом доме в переулке Черной Кошки не появится вот эта памятная надпись: "Счастливая судьба выпала на долю этого скромного жилища — в этом доме 27 октября 1782 года — к чести Генуи и на радость миру — родился Никколо Паганини — в божественном искусстве звуков непревзойденный мастер".

Любовь РУСЕВА

ПЕРВЫЙ
СОСТАВ
РОССИИ

рисунок Геннадия Новожилова

“... достопамятно было то, что около сего времени на все наше государство гремело славою и занималось разговорами о появившемся в Петербурге русском лекаре Ерофеиче, вылечивающем всех с преудивительным успехом, так что возмечтали об нем уже и Бог знает что, и почитали его уже сущим Эскулапом...”

/Андрей Болотов/

Одним из излюбленных развлечений на Руси являлись катальные горки, которые были обязательны во время больших праздников. Благодаря крутизне да тяжести саней скорость развилась бешеная. Вот где дух замирает! Крик, визг, смех, покрасневшие щеки и блеск глаз... На этот раз все было как обычно. Ничто не предвещало беды...

Тяжелые сани императрицы скользили по железным рельсам, набирая ход. На запятках стоял богатырь — брат фаворита граф Алексей Григорьевич Орлов. Именно в тот момент, когда, набрав максимальный ход, санки полетели стрелой, они и выскочили из колеи.

“Ох!” стоявших внизу придворных и челяди слились в единый стон. Еще мгновение — и государыня падет вниз, а с такой высоты смерть неминуема. Сотни глаз, расширенных от ужаса, уставились на государыню и ее кавалера.

Для Алексея Орлова время будто остановилось. Медленно, как ему казалось, и спокойно он спускает ноги с полозьев на рельсы и тормозит ими; одной рукой мертвой хваткой цепляется за санки, другой — за перила. Так и застыли на верху горки, словно изваяние, граф и императрица. Наконец, приближенные пришли в себя и поспешили снять государыню. Первым подоспел смертельно бледный Григорий Орлов с братьями. Еще немного — и Екатерина Алексеевна, будто ничего и не произошло, будет стоять на земле и шутить с приближенными. Братья внешне тоже спокойны, только бледность выдает пережитый ими страх за жизнь дорогого человека. Да, сегодня они спасли женщину, которую недавно возвели на трон. Гаврила Романович Державин, обязанный графу Алексею Григорьевичу карьерой, воспел тот подвиг его в оде: “...Минерву удержал в паденье”.

Необыкновенная физическая сила этого человека восхищала современников: он без труда мог раздавить яблоко между двумя пальцами, одним ударом сабли отрубал голову быку. Державин, служивший под начальством Алексея Григорьевича, был свидетелем, как его кумир одной рукой останавливал мчавшийся экипаж, запряженный шестью лошадьми, успев вцепиться рукой за заднее колесо.

Но, видно, всему есть предел — и таким “упражнениям” тоже. Спасение императрицы не прошло даром для богатыря, чрезмерное напряжение сил спровоцировало старые болячки. Еще в период Семилетней войны Алексей Орлов разбился, упав

с лошади на полном скаку. Травмы были настолько серьезны, что он не участвовал в кампании вместе с братьями. Отбитые почки и повреждение других органов надолго приковали его к постели. Но тогда богатырь, к удивлению врачей и на радость братьям и друзьям, выжил. На этот раз, видно, судьба отвернулась от Орловых.

Все знали, насколько дорожила братьями императрица, и врачи желали выслужиться, сохранив жизнь Алехану. Но безрезультатно. Бьются лейб-медики за графа, делают все возможное, чтобы спасти, но дружно разводят руками:

— Рады бы помочь, государыня, да не в наших силах!

Екатерина Алексеевна упрямо не желает мириться с потерей человека, которому всем обязана. Не доверяя своим врачам, она отправляет в разные страны трем европейским светилам подробную историю болезни Алексея Григорьевича. Ответы приходят неутешительные: Орлов обречен.

Императрица сама не своя, братья черней тучи — смотреть на них жалко. Но есть и такие, которые радуются скорой кончине графа. Скоро на их улице наступит праздник. Без Алехана враги надеялись быстро расправиться с братьями.

Дипломаты настожились — шутка ли, грядет перемена в политике. Тревожно следит за состоянием здоровья Алексея Григорьевича английский посол, не с руки ему смерть Орлова: братья с симпатией относятся к его державе. Зато прусский посланник не может скрыть своей радости — со смертью Алехана русскую партию, враждебную его королю, оттеснит их друг — граф Панин.

Последний консилиум врачей рекомендует убитым горем братьям соборовать обреченного, поскольку тот до утра не доживет. Враги ликуют — Орловым конец! Но радость оказалась преждевременной...

В маленьком домике на 2-й линии Васильевского острова возбужденно спорили два человека. Один из них — известный вельможа граф Сиверс. Высокий красавец генерал явно расстроен: ему никак не удавалось уговорить упрямого хозяина. Тот же был полной противоположностью гостю: маленький мужичок в потертом офицерском зеленом мундире.

Секрет невиданного поведения обоих крылся в том, что граф был обязан хозяину спасением жизни сына. Разбитый параличом мальчик угасал. Именитые врачи только разводили руками и "утешали" несчастных родителей тем, что в загробной жизни их страдающее чадо попадет в рай. Утешение хорошее, но упрямому отцу не желалось расставаться с сыном, и он, отчаявшись, плюнув на докторов, обратился к шарлатану Ерофеичу...

— Ерофеич, не упрямясь, поехали к Орловым, — продолжал уговаривать Сиверс.

— А что я могу, коли вся академия медицинская отказалась от графа!

— Так ведь и от моего сына они отказались, а ты спас его.

— Вы, сударь, другое дело. А ежели с его сиятельством что случится, головы мне не сносить.

— Да что же может случиться от лекарств твоих? Сам же говорил, что травы твои никому не вредят и болезни худшего не делают.

— Так-то оно так, да только я никуда не пойду, сам пусть приедет.

— Да ты белены никак объелся?! Алехан какой месяц не встанет! Ерофеич, спаси друга. Ты все можешь.

— Нет такого лекаря, который бы всех вылечивать мог.

— Ну и упрям же ты, братец! Вспомни, как ты недавно не дал похоронить заживо барыню, что на сносях!

Хозяин самодовольно улыбнулся. А ведь и вправду, если бы его не позвали, барынюку ту вместе с неродившимся дитем похоронили бы. Вернул он их, что называется, с того света.

Одна петербургская барыня, будучи беременной, тяжело заболела и “впала в обморок”. Доктор, лечивший ее, констатировал смерть. Заказали гроб. Барыню обмыли, одели и положили на стол. К счастью, приехал проститься с хозяйкой один из родственников, который усомнился в смерти и уговорил безутешного супруга послать за Ерофеичем. Доктор возмущен недоверием, удивился такому обороту, но и обрадовался, предвкушая конфуз ненавистного ему шарлатана. От предстоящего зрелища он потирал руки. Привезли Ерофеича, взглянул он на покойницу и обратился к мужу:

— Хотя мне и кажется, что госпожа мертва, однако не полагаюсь на свое мнение и хочу точнее дело исследовать.

Ерофеич попросил раздеть женщину, приложил пальцы под левую мышку и спустя некоторое время произнес:

— Хотя мне и кажется, что она еще жива, но хочу удостовериться в том еще одним опытом.

Чудак просил повременить с похоронами и дожидаться его, а сам отправился к себе за необходимым. Вернувшись, Ерофеич попросил точные часы, наложил на весь живот пластырь и стал напряженно следить за стрелкой часов. В нужный момент он сорвал пластырь и обернулся к мужу.

— Поздравляю вас, сударь, с не умершей еще женою. Через полчаса она нам по рюмке водки поднесет.

Счастливым супруг прослезился от радости, а доктор злобно рассмеялся — шарлатан он и есть шарлатан: покойницы его еще не угощали. Ерофеич тем временем продолжал свое дело. Он обрезал пузыри, смазал другой пластырь и приложил его.

— Что, ваше превосходительство, — обратился шарлатан к доктору, — можно ли пустить кровь из живота?

— Не знаю, — съехидничал “его превосходительство”, — у нас из живота крови не пускают! Да и можно ли сему статья?

— А вот посмотрите, мой государь, я ее пуцу!

Как только Ерофеич содрал пластырь, кровь брызнула фонтаном. Подождав немного, Ерофеич третьим пластырем остановил кровотечение. "Покойница" стала проявлять признаки жизни, вскоре она открыла глаза и попросила пить.

— Вот, мой государь, не правду ли я говорил, что она нас станет потчевать?

Ерофеич осторожно переложил женщину в постель и попросил ее придержать поднос с рюмками, поскольку он это обещал супругу и доктору.

— А за это, вместо благодарности, я обещаю, что вы благополучно разрешитесь от своего бремени.

Можно представить состояние доктора, который констатировал смерть, и несчастную собирались уже хоронить.

— Барыню ту с наследником я спас, да только ты забыл, ваше сиятельство, что было мне за то.

А было то, что "посрамление" ему не простили. В ближайшую ночь к "шарлатану" нагрянула полиция. По ложному доносу был учинен обыск. Перевернули все вверх дном, сапогами растоптали любовно высушенные травы. Обвиняли хозяина в укрывательстве беглых, в колдовстве, в том, что от него сбежала женщина, которая работала у него. Совсем извели беднягу повальными ночными обысками. Куда только не обращался Ерофеич с "покорным прошением" защитить его честь!

— Коли спасешь Алехана, государыня не оставит тебя, а враги присмирят — не посмеют больше тронуть, — уговаривал хозяина граф.

Ерофеич продолжал упрямо молчать.

— Да неужто тебе не хочется вновь утереть нос этим надменным немцам! — не выдержал Сиверс.

— А пошто братья сами не явились ко мне? Гордыня заела?! Не ровня я им?!

— Побойся Бога, Ерофеич! И ты туда же, точно враг наш: "гордыня заела"! Да видел бы ты их! От горя разума совсем лишились, ничего не понимают, что им говоришь. Лечишь, кого ни попадя, а Алехан пусть погибает?! Не по божески это!

— Верно, твое сиятельство, говоришь — не по-христиански человека без помощи оставлять. Попробую да ничего не обещаю.

— Давно бы так! — радостно воскликнул Сиверс. — Поехали!

Счастливый граф ввел в комнату умирающего Орлова "маленького да плешивенького мужичонка".

— Можешь ли ты меня вылечить? — поинтересовался слабым голосом Алексей Григорьевич.

— А то! Только как лечить: по-китайски или по-русски?

Как ни плох был граф Орлов, а вопрос его удивил.

— Что это значит?

— А то, мой государь! В Китае, ежели взяться лечить, то надобно вылечить, а ежели не вылечишь, — завтра же повесят. А ежели лечить по русскому — то делать частые приезды и выма-

нивать более денег. А ты человек богатый и от тебя можно пожить нашему брату лекарю.

Ответ развеселил графа, и он тотчас послал за братьями. Семейный совет дал согласие на лечение, но тайком от докторов.

В книге “Алехан, или человек со шрамом” Владимир Плугин, обобщив все известное о Ерофеиче, написал: “Нужно сказать, что Ерофеич когда-то, будто бы на китайской границе, раздобыл большую книгу с разнообразными рецептами и врачебными указаниями. Читать он, правда, не умел. Но у него был грамотный мальчик-помощник. Если к Ерофеичу приходил больной, он его внимательно выслушивал, запоминал симптомы болезни, а затем консультировался с книгой. Иногда ответ, то есть способ лечения, находился быстро, иногда мальчику приходилось изрядно попотеть, перелистывая взад и вперед весь лечебник... Когда Алехан внял дружескому совету, Ерофеич не отказался помочь. Он нанес графу почтительнейший визит, расспросил, разузнал, потом полистал, смекнул, составил, приступил — и победил...”.

На самом же деле не так-то просто далось лечение Ерофеичу. Капли и отвар травы сразу не подействовали. Пришлось очистить организм и дать сильного рвотного средства, после чего начать все заново. Наконец, чудодейственные капли подействовали. Ерофеич попросил “зажарить” обе печи, дал Орлову выпить потогонное. Проснулся Алексей Григорьевич в насквозь промокшей постели, но “переродившимся”.

“От Генриха Шарлей к достопочтенному Лорду Виконту Уаймоут. Июля 20 1768 года. Граф Алексей Орлов, находясь несколько времени в смертельной опасности, имел счастье быть спасенным благодаря самой удивительной случайности. В то время как все признанные доктора держались того мнения, что он не переживет двух недель, русский фельдшер одного из полевых полков, бывший некоторое время в знакомстве с китайским доктором, вызвался его лечить и выполнил свое обещание менее чем в шесть недель...”.

“Словом, — писал Болотов, — Ерофеич перебесил всех лекарей и докторов и оставил по себе славу, что и поныне государство пьет “Травник”, составленный с его травами и называемый “Ерофеичем”.

Что и говорить, пощечина Медицинской коллегии была отменная. Вместо “того света” Алексея Григорьевича ждала Европа, вместо соборования — встреча русского флота на Средиземном море. Претендент в покойники покроет славой свое имя, разгромит турецкий флот при Чесме и на четыре года делается полным хозяином далекого Средиземного моря.

А что же нам известно о Ерофеиче — этом удивительном человеке? Сведения о нем настолько скудны и неопределенны, что даже неизвестна его фамилия: то ли Ерофеев, то ли Ерофеевич. Одни называли его фельдшером, другие лекарем, третьи знаха-

рем, но все — шарлатаном. Даже Державин, боготворивший графа Алексея Орлова, называл Ерофеича “наш славный шарлатан”. Одни не знали, кем он был и откуда взялся, другие писали, что он лекарь Академии наук, третьи — Академии художеств, а английский посланник утверждал, что он — полковой фельдшер. Зато все сходились в одном: шарлатан и читать-то не умел. По одним свидетельствам ему читала жена, по другим — грамотный мальчик, бывший у него в услужении.

Самые подробные сведения о “шарлатане” можно прочесть в записках знаменитого Андрея Болотова, зафиксировавшего для потомков рассказы своих друзей, которые испытали на себе искусство Ерофеича. “Слава его чрез самое короткое время сделалась так громка, что обратились и поскакали к нему со всех сторон и краев России страждущие разными болезнями, и многие действительно получали от него великое облегчение... Словом, врач сей обожаем был почти всеми и составлял около сего времени феномен необыкновенный...”.

А сейчас немного о том, как все-таки удалось разыскать хоть какие-то исторические факты об этом “феномене необыкновенном”.

Работая прошлой зимой в Российском государственном историческом архиве в Петербурге, просматриваю карточку за карточкой, ящик за ящиком, фонд за фондом, чтобы найти хоть какие-то следы любопытного преступления, совершенного в XVIII столетии и касающегося кражи и подмены одного из самых крупных в мире бриллиантов на фальшивый.

И вдруг... Маленькая запись ввергает в шоковое состояние. Первая мысль: “Не может быть!” Всего год назад перерыла архивы Москвы и Петербурга — и нигде ничего! Какой алмаз?! Какие преступления?! Когда тут такое! Вновь и вновь перечитываю содержание найденной карточки: “Кабинет Ея Императорского Величества. Фонд 468, опись 1, часть 2, 1768, единица хранения 3882, лист 100. О пожаловании лекарю Академии художеств Воронову (“Ерофеичу”) 3000 рублей за его излечение графа Орлова”. Так вот почему я ничего не находила в архивах! Искала Ерофеева или Ерофеевича, а эскулап-то наш, оказывается, Воронов!

Серафима Игоревна, заведующая читальным залом, удивительная женщина, 46 лет работающая в этой должности в РГИА, внимательно выслушав историю поиска “знаменитого шарлатана”, быстро встает и через минуту возвращается с большим томом описи.

— К сожалению, по Академии художеств за тот период сохранилось крайне мало документов. Но посмотрите, а вдруг повезет, — протягивая опись, она с улыбкой добавила, — удачи вам.

И мне повезло. Вот оно: “Дело лекаря Василия Воронова”!

Первый документ оказался собственноручной запиской императрицы Екатерины Великой к Олсуфьеву: “Адам Васильевич, выдайте Академии художеств лекарю Ерофеичу в награждение от меня три тысячи рублей, коих он весьма заслужил, восстановив здоровье Графа Алексея Гр. Орлова, умалчивая о других многих почти чудеса, кои он ежедневно творит, выливая больных. Екатерина. Апреля 1768 года”.

Так кто же все-таки он, безграмотный шарлатан, к которому стремилась вся Россия?

Ерофеич был из посадских, родом из Иркутска. Юношей он попал с караваном в Китай, где и остался учиться лекарскому искусству, стал фельдшером. По возвращении на Родину отдан был в рекруты. С 1736 года принимал участие во всех походах и сражениях армии, неоднократно был ранен, а в 1752 году он уже — унтер-офицер. Знания, полученные в Китае, Василию пригодились — его определяли при госпиталях ухаживать за ранеными и больными, а также при полковых аптеках.

“Дело лекаря Василия Воронова” было полно сюрпризов. Впервые, Василий Ерофеевич оказался грамотным человеком. Первый документ написан рукой клерка, но к нему сделана приписка другим почерком: “Руку приложил Василий Воронов”. Эти слова всегда писались собственноручно.

“Всепресвятейшая Державнейшая великая государыня Императрица Екатерина Алексеевна Самодержавная Государыня Всемилостивейшая.

Бьет челом отставной унтер офицер Василий Ерофеев сын Воронов, а о чем мое прошение тому следуют пункты...”

В первом пункте Воронов кратко излагает свою биографию. “В службе вашего императорского величества находился я именно с войны 736 и в 738 году определен в первой пехотной полку и бывши во оном полку по 752 год был во многих походах и баталиях и неоднократно ранен и был определен при госпиталях и при полковой аптеке и при надзирании больных а и с того переведен в ингерманландский полк унтер офицером и справлял ту же должность добропорядочно... и ныне нахожуся не у места...”

“А ныне, — пишет он во втором пункте, — имею охоту быть при службе вашего императорского величества при новозачинающемся для обучения детей университете при смотре и при надзирании больных детей... И дабы высочайшим Вашего императорского величества Указом повелено было сие мое прошение в академии художеств принять, а меня именованного определить на положенном по штату жалованием. Василий Воронов”.

Документ этот датирован началом мая 1764 года. 13 мая Императорская Академия художеств обращается в Медицинскую коллегия с просьбой назначить лекарем отставного унтер-офицера Василия Воронова, поскольку “...академии в таком человеке по многуму числу разного званий людей обстоит надобность...”

Только 30 июля соблаговолили чиновники коллегии послать в Академию "Промеморию": "...по освидетельствовании в Государственной медицинской коллегии оной Воронов разве способен быть цирюльником, подлекарем же невозможно; ибо в анатомии ни какова знания не имеет, и начальных правил феории хирургической науки вовсе не знает, да латинского языка нима-ло не разумеет; почему и не имеется надежды, что он когда-ни-будь мог произойти в подлекари...".

Несмотря на этот вердикт, в следующих документах Воронов упоминается как лекарь, которому "...поручено пользоваться учеников, воспитанников и нижних служителей... с жалованьем по триста рублей а за лекарства платить особо по подаваемым от него сметам". (Запись от 7 января 1765 года).

Почему же имя этого замечательного человека кануло для потомков в Лету? Как случилось, что остались одни только свидетельства о "шарлатане"?

Чтобы понять это недоразумение, напомним обстановку того периода. О засилье иностранцев в России в XVIII столетии всем хорошо известно. Но, пожалуй, нигде это не сказывалось с такой силой, как в медицине. Даже в Академии наук не было такой монополии. Борьбу за отечественную медицину начал замечательный человек своего времени барон Александр Иванович Черкасов, получивший образование в Оксфорде. В 1762 году ему, как человеку образованному и долго проживавшему за границей, Екатерина II поручила составить проект образования Медицинской коллегии и назначила Черкасова ее главой. Вступив в управление, он рьяно взялся за преобразование медицинской части в России, стремясь главным образом к тому, чтобы выпускать своих докторов.

Сопротивление иностранцев, главным образом, немцев, реформе было беспрецедентным. Противостояние их русским врачам привело к трагическим последствиям во время чумы в Москве в 1770 году. Русский врач Шафонский забил тревогу при первом же случае появления этой смертоносной болезни. Московская Медицинская коллегия, где заседали одни немцы во главе с Риндером, не признавала появление моровой язвы в Первопрестольной до тех пор, пока разразилась невиданная эпидемия. В результате их преступной деятельности чума унесла в Москве более 200 тысяч жизней.

Разработанный бароном Черкасовым план состоял в том, чтобы поднять уровень образования в госпитальных школах, которые могли бы выпускать высококвалифицированных специалистов и тем освободить Россию от врачей-иностранцев. Императрица его одобрила. Однако Медицинская коллегия, состоявшая на первых порах исключительно из иностранных врачей, не только не выполняла своего предназначения, но всячески противодействовала развитию русской медицинской науки, литературы и выдвижению русских врачей. Показательна в этом плане

история талантливого русского врача Погорельского. Петр Иванович после защиты диссертации в Лейдене был назначен преподавателем Московской госпитальной школы. Он вступает в конфликт с врачами-иностранцами, резко критикует их методику преподавания. Кроме того, Погорельский, без согласия Медицинской коллегии, перевел с немецкого языка на латинский учебник диагностики и лечения болезней И.Ф. Шрейбера, который напечатал за свой счет. За эту "самодеятельность" его освободили от должности и назначили доктором Сибирского корпуса. Петр Иванович отказался подчиниться и поехал в Петербург к барону Черкасову, но по дороге его арестовали и под конвоем отправили в Сибирь. В очередной раз пришлось вмешаться императрице. Узнав суть дела, она приказала срочно доставить Погорельского в Петербург.

При таком положении дел можно себе представить, что должно было ожидать Ерофеича, простого лекаря, к которому со всей России-матушки съезжались больные. Силу ненависти монополистов-немцев Воронов испытал на себе сполна. Клевета и попытки дискредитировать его в глазах обывателей были цветочками. За три месяца до исцеления графа Орлова его изводили обысками. Обыски прекратились, но злоба не исчезла, и она, конечно, многократно усилилась после удачного излечения Орлова.

Возможно, именно во многом благодаря Ерофеичу Екатерина II приняла сторону русских врачей и взяла их под свою защиту. Императрица, чрезвычайно привязанная к графу Алексею Орлову, пригласила ко двору Василия Ерофеевича Воронова, благодарила лекаря, пила за его здоровье. Воронов не только приобрел расположение государыни и получил баснословные по тем временам деньги, но и был пожалован именным указом Екатерины чином титулярного советника с оставлением в прежней его лекарской должности.

В архивном деле находятся несколько любопытных документов, которые характеризуют личность русского Эскулапа. Среди них прошение об освобождении от солдатской повинности его брата и подписка. "1768 года июня 5-го дня. Я, нижеподписавшийся Санкт-Петербургский житель, нахожусь в службе в Императорской Академии художеств при лазарете для пользования больных учеников и воспитанников Василий Воронов, дал сию подписку в том, что обязуюсь я брата своего родного, состоящего в крепости Святого Дмитрия Ростовского солдатом, Василья Малышева (если оной... сам собой прокормица не сможет) по смерть его кормить своим коштом, и по миру ходить не допущу, а ежели в противность сего учиню, то поступить со мной в силу Ея Императорского Величества Указов...". Вот и еще одна загадка — почему у родного брата другая фамилия?

Судьба русского Эскулапа сложилась драматично. Уходят с политической арены братья Орловы, вместе с ними покидают службу их друзья и союзники, в том числе, барон Черкасов. Для

старика “шарлатана” наступают черные дни. Его прогоняют со службы, он остается без средств к существованию и без жилья. Зато ему выдают аттестат с большой печатью.

“Санкт-Петербургская Императорская Академия трех знатнейших художеств.

Сим свидетельствует, что предъявитель сего государственн-ный титулярный советник и лекарь Василий Воронов находился во оной Академии 1764 года с мая месяца при пользовании больных учеников воспитанников и нижних чинов: должность свою отправлял с похвальным усердием, каковою его ревностною службою и честным поведением Академия была довольна; ныне же он по всегдашней слабости с желаемым успехом отправлять будет уже не в силах: того ради по определению Совета сего года мая 5-го числа сей увольнительной Аттестат ему г. Воронову за подписанием оной Академии Президента с приложением Большой Ея печати. Мая 1-го дня 1774-го года. Иван Бецкой”.

“Славный шарлатан”, спасший столько людей жизнь, вынужден обивать пороги кабинетов чиновников различного ранга. Он просит оставить его на службе — отказ. На его место уже назначен другой (естественно, иностранец). Он просит дать ему казенную квартиру, но “в уставе ничего не предписано о даче г. лекарю казенной квартиры...”. Несчастный старик просит для “пропитания” наградить его чином или дать пенсию. “В пенсии и награждении чином отказано за неимением предписаний в Уставе”.

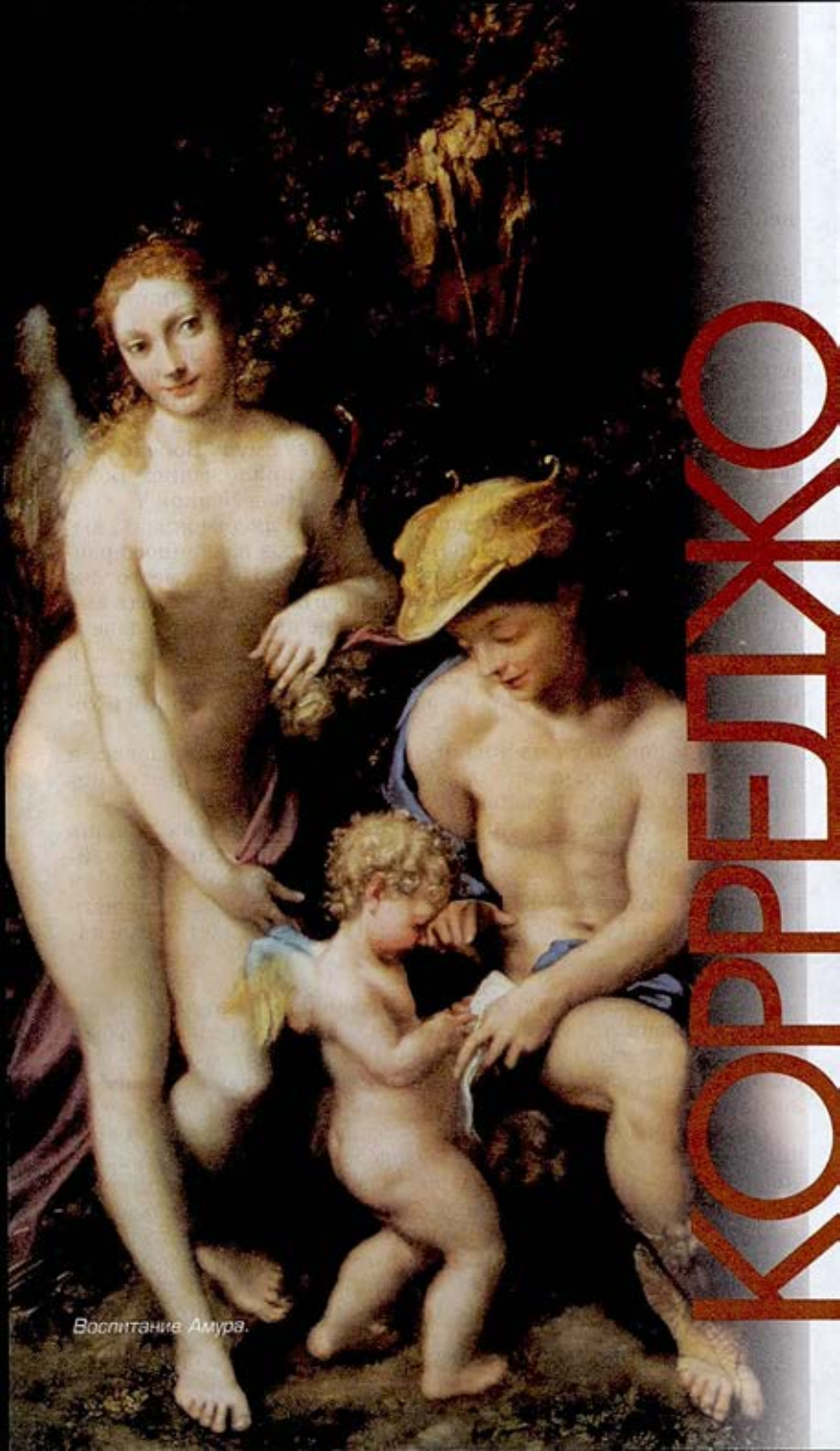
Когда и как ушел из жизни этот замечательный человек, я пока не знаю, но то, что стала известна уже его настоящая фамилия — вдохновляет на дальнейшие поиски.

Вот так и бывает в журналистских расследованиях: ищешь одно, а находишь совершенно другое. Пыталась разгадать тайну, связанную с отечественной реликвией алмазом “Орлов”, а разгадала другую — фамилию русского Эскулапа, спасшего графа Алексея Григорьевича Орлова. Новый год дает новые надежды.

P.S. Что касается знаменитого “Травника”, которым лечилась вся Россия, то считается, что в XIX столетии рецепт его был утерян. Действительно, современная настойка “Ерофеич” — всего лишь дань экзотике, и вряд ли она кого-нибудь поставит на ноги.

Но, перефразируя Булгакова, — рецепты не горят. Он сохранился в одном из архивов. Эта чудодейственная настойка излечивала лихорадку, камень раздробляла, песок выгоняла из организма, от бессонницы избавляла, “хмель сокрушала и похмелье облегчала”, “затмение головное разгоняла” и многое другое.

Но это было в XVIII столетии. То, что выпускали в XIX-м, уже далеко было от настоящей настойки Ерофеича. Достаточно сказать, что вместо 15 компонентов в нее входило всего 4. ■

Воспитание Амура.

KOPPEKO

Воспитание Амура

КОРРЕДЖО

можно реализовать свой талант, добиться признания, а еще сколотить значительное состояние, что тоже немаловажно.

Первыми учителями Корреджо называют его дядю Лоренцо и моденского живописца Бьянки Ферари, типичного кватрочентиста (это когда основой рисунка служит пестрый колорит и скрупулезно выписаны все мелкие детали). Но, пожалуй, основное влияние на художника оказывает творчество Мантеньи, где реальный мир обозначался с помощью точных форм и объемов. В последующие же годы в его работах заметно влияние Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, художников венецианской школы.

Если Леонардо, Рафаэль, Микеланджело жили и работали в крупных городах, среди памятников античной культуры, то Корреджо родился, жил и умер в провинции. Впрочем, некоторые исследователи его творчества предполагают, что Корреджо с 1517 по 1520-е годы провел в Риме и именно там нашел свой индивидуальный стиль.

Биография Корреджо крайне скудна и небогата событиями. Будучи совсем юным, он женится на Джероламе Мерлини, красивой, но бедной девушке, которая родила ему четверых детей. Судя по всему, брак был счастливым... Но, увы, недолгим. Прожив в любви и согласии всего десять лет, Джеролами умирает, и Корреджо остается один с детьми на руках. Чтобы содержать семью, ему приходится очень много работать, браться за любые заказы.

Для современников искусство Корреджо прошло незамеченным. Рассказывали, что известная любительница искусства Изабелла д'Эсте, герцогиня Мантуанская, всего один раз обратилась к Корреджо с заказом, так как предпочитала приобретать полотна лишь у знаменитостей. Только после смерти Корреджо, с середины XVI века, когда его открыл Вазари, известный живописец и историк искусства, начинается культ художника. "...если бы он покинул Ломбардию и переселился в Рим, — сетовал Вазари, — он бы творил чудеса и доставил немало огорчений многим, считавшимся в свое время великими..." Английский художник Джон Рейнолдс, живший в XVIII веке, ставил Корреджо выше Рафаэля, а французский писатель Стендаль писал: "Если с фигурой Рафаэля спорят античные статуи, то так же, как женская любовь не существовала в античности, Корреджо не имеет соперников". У Корреджо оказался свой особый путь. Богатство фантазий, великий дар утонченного живописца опередили его эпоху. Пышность форм и легкость, сложная динамика композиций и чувственность предвосхитили стиль барокко, а "игривость" эротики, пасторальность — стиль рококо. За двадцатилетний творческий путь Корреджо создал не только серию больших алтарных картин, росписи в церквях и монастырях, но и множество полотен на светские сюжеты. Первый заказ на картину для

алтаря в монастыре Сан-Франциско в Парме “Мадонна со Святым Франциском” считается его и первым настоящим произведением. Решение темы еще традиционно: на троне восседает Мадонна со стоящими у подножия святыми, но Корреджо вносит свое видение, вместо статичности — пластика фигур, эмоциональность, нежность, вместо замкнутого пространства — неограниченное, с открывающимся вдаль пейзажем. Эти новые средства выразительности появляются и в следующих его произведениях, но все же Корреджо пока еще испытывает влияние Леонардо, да и других итальянских художников. Например, “Мадонна с Младенцем и маленьким Иоанном Крестителем”. Картина нежна и чувственна. А вот поза и прелестные светлые волосы Мадонны напоминают о Леонардо. Но, пожалуй, на этом сходство и заканчивается. Передача состояния души, яркая одежда, сандалии классического типа, проработанные складки одежды и таинственный свет, как бы выхваченный из тьмы, говорят уже о высоком мастерстве Корреджо.

Интересен его “Портрет знатной дамы”. Многие исследователи сравнивают ее с “Донной Велатой” Рафаэля и с “Джокондой” Леонардо. На картине молодая дама с красивой осанкой, живые выразительные глаза, головной убор, оригинально перевитый лентами, и, наконец, пышный наряд с глубоким декольте, подчеркивающий красоту женского тела. В руке дамы чаша с напитком, помогавшим, как считали греки, забыть горе, о чем свидетельствует цитата из “Одиссеи” Гомера на внутренней стороне чаши на греческом языке. Искусствоведы до сих пор выясняют, кто же изображен на этом полотне. Одни считают, что Вероника Гамбара, правительница города Корреджо, другие — графиня Джиневра Рангоне, воспетая Аристо в песне о неистовом Роланде.

В 1519 году, будучи еще молодым художником, Корреджо получает ответственный заказ. Аббатиса Джованна Пьянченца, умная, образованная женщина с утонченным вкусом, поручает ему расписать готический свод в женском монастыре Сан-Паоло в Парме. И Корреджо создал очаровательный маленький ансамбль в камере ди Сан-Паоло. Здесь он впервые проявил свою фантазию, использовал тонкие иллюзионистические эффекты. Он разделил купол на 16 секторов (сегментов) и превратил его в беседку, увитую свежей зеленью, украшенную лентами и гирляндами. Каждая веточка и декоративные элементы гармонично сплелись, а в овальные окна заглядывают шаловливые мальчишки-путти. Общий вид декора носил фантастический характер и философию бытия. Посещение камеры означало преодоление четырех элементов жизни (воздух, вода, земля, огонь); человек как бы приближался к добродетели, задумывался о воле Рока. А на камине камеры ди Сан-Паоло художник изобразил Диану, богиню раститель-

Портрет знатной дамы.

ности. Как известно из римской мифологии, она была сестрой Аполлона, проводила время в лесах, охотясь в окружении нимф, своих спутниц. Любопытно, что надпись на камине непосредственно относится к аббатисе Джованне Пьянченца и воспроизводит ее отношение к церкви. Она до самой своей кончины категорически выступала против воли пап Юлия II и Льва X, отказываясь вводить правило затворничества для монахинь. И эта победа аббатисы, сохранившей независимость от пап, словно перекликается с аллегорией борьбы Дианы. После смерти Джованны Пьянченца камеру закрыли для посетителей. И только в 1794 году четверо художников, войдя в помещение утром, остались там до вечера "изумленные и лишившиеся дара речи... почти впавшие в транс". Камера ди Сан-Паоло и сейчас обладает исключительной силой воздействия. В конце XV и первые десятилетия XVI века она считалась центром культуры Пармы. Позже монахини монастыря пригласили художников, резчиков, мастеров по инкрустации, которые придали обители особый нарядный и богатый вид, так что Пармская обитель превосходила по красоте другие монастыри города...

Художественная жизнь Пармы, лишенная всяких традиций (до Корреджо и его земляка Пармиджанино, кстати, довольно разных по взглядам и стилям) пребывала в кризисном состоянии. И только с появлением великого Корреджо монастыри и церкви Пармы преображаются. Новый стиль Корреджо наносит удар декоративной живописи Ренессанса. И, действительно, когда Корреджо получает заказ от монахинь бенедиктинок сделать роспись в монастыре Сан-Джованни Эвангелиста в Парме, произошел просто взрыв фантазии художника. С одной стороны, этому способствовало его знакомство с римской культурой, недаром провел несколько лет в Вечном городе. С другой, страсть к новизне, интересные замыслы не давали ему покоя. Он считал, что зритель должен освободиться от архитектурной замкнутости, вместо купола должно располагаться бесконечное пространство. И Корреджо первый из живописцев XVI

века прорывает поверхность купола, изображая необъятное небо, создает впечатление полета фигур и видимость кругового движения.

Сюжет фрески посвящен смерти Святого Иоанна, пережившего всех своих братьев-апостолов. Он умер в начале II века в возрасте более 100 лет. По преданию, в момент смерти ему навстречу явился Христос в окружении одиннадцати апостолов. Фигуру Христа художник изобразил в центре небесного свода, стремительно летящего, озаренного золотым сиянием. Корреджо считал, что должна быть связь молящихся с высшими силами, а не связь композиции с архитектурой здания.

Художник создавал не только фрески, но и выполнял алтарные работы на мифологические и религиозные темы, хотя сам не был особенно религиозен. Излюбленная его тема — женская фигура, образ материнства. Одна из картин “Мадонна, поклоняющаяся Младенцу” считается шедевром. На картине лицо Мадонны излучает нежность, ее опущенный взгляд, с улыбкой на устах, устремлен на Младенца, лежащего на соломе, под которую она, как любящая мать, заботливо подстелила край своего плаща. Казалось бы, обычная бытовая сцена, но сколько в ней тайны и поэзии, возвышенной красоты и совершенства...

В зрелые годы Корреджо написал огромное количество

Общий вид росписи купола и одного из парусов с фигурой святого Илариона.

прекрасных картин. В частности, “Отдых на пути в Египет” — Святое Семейство расположилось на отдых в лесу, и тогда, как рассказывает легенда, пальмовое дерево склонилось, как бы желая одарить своими плодами усталых путников. А под ногами у них неожиданно забил источник, чтобы утолить жажду. Явная связь природы, жизни и божества... “Христос в Гефсиманском саду”, по словам Вазари, — “самое редкостное и прекрасное” произведение. Интересен сюжет картины. Ангел является Христу, освещенный его же сиянием. У подножия горы — апостолы, над ними нависает темная гора, на которой молится Христос. В глубине над далеким пейзажем брезжит рассвет, и видно, как несколько солдат подходят вместе с Иудой. Драматизм сцены подчеркивается эффектами ночного освещения. И, наконец, фреска “Вознесение Марии” в куполе Пармского собора завершает новаторские поиски художника. Прежде чем приступить к этой работе, Корреджо должен был согласовать все практические вопросы с церковным советом Собора, на что ушло достаточно много времени. Но тема настолько его заинтересовала, что он пошел на все условия монахов. Внушительный размер купола дал возможность Корреджо создать в фреске бесконечное и сияющее пространство и еще больше усилить эффект движения фигур ангелов, святых и библейских персонажей. В композиции в центре фрески — фигура Богородицы. С широко распростертыми руками она в окружении ангелов возносится на небо, а навстречу ей на облаках спускается радуга. Фигура Марии, озаренная сиянием небесного свода, словно устремляется навстречу посетителям церкви. Корреджо ставил главную цель, чтобы его фантазия и фантазия зрителя совпадали. Расширяя ограниченное пространство, зритель, как считал Корреджо, попадает в ту сферу, где правят иные законы, создающие впечатление свободного полета в свободном пространстве.

Одновременно работая над росписью купола в Пармском соборе, художник создает еще восемь композиций на тему: любовь богов или любовные истории Юпитера... Одна из таких работ “Даная” — композиция на известную мифологическую тему, когда Зевс проник в спальню возлюбленной под видом золотого дождя. Художник изобразил Даная в любовной истоме, ее лицо и обнаженное тело прекрасно. Рядом с ней Амур, а около ложа два амурика, символизирующие “любовь небесную” и “любовь земную”. В отличие от других художников, к примеру, Джулио Романо, создававших эротические рисунки с изображением любовных пар в непристойных позах, Корреджо избегал даже намека на вульгарную эротику. В его “любовных композициях” — удивительная чистота, возвышенность чувств и в то же время выраженная чувственность. После “Данай” Корреджо пишет “Леду” с очередной любовной историей Юпитера. В облике лебедя Юпитер под-

Апостолы Петр и Павел. Деталь росписи купола Пармы, церковь Сан Джовани Эвангелиста.

Педа.

Ио.

плывает к купающейся Леде. Прекрасный лесной пейзаж. Служанки Леды помогают ей сбросить одежду и наблюдают за приближающимся лебедем. Здесь же музицирующие амурчики, полускрытые за гущей деревьев. Финал сцены — томная Леда в объятиях лебедя. Обе эти картины, по-видимому,

были написаны по заказу герцога Мантуанского Ганзаги. Необычна и несколько запутана судьба "Леды". Вначале ее владельцем становится испанский король Филипп II, затем в 1603 году ее перевезли из Мадрида в Прагу. Лет через пятьдесят картина попадает в Стокгольм, и здесь ее приобретают для герцога

Ганимед

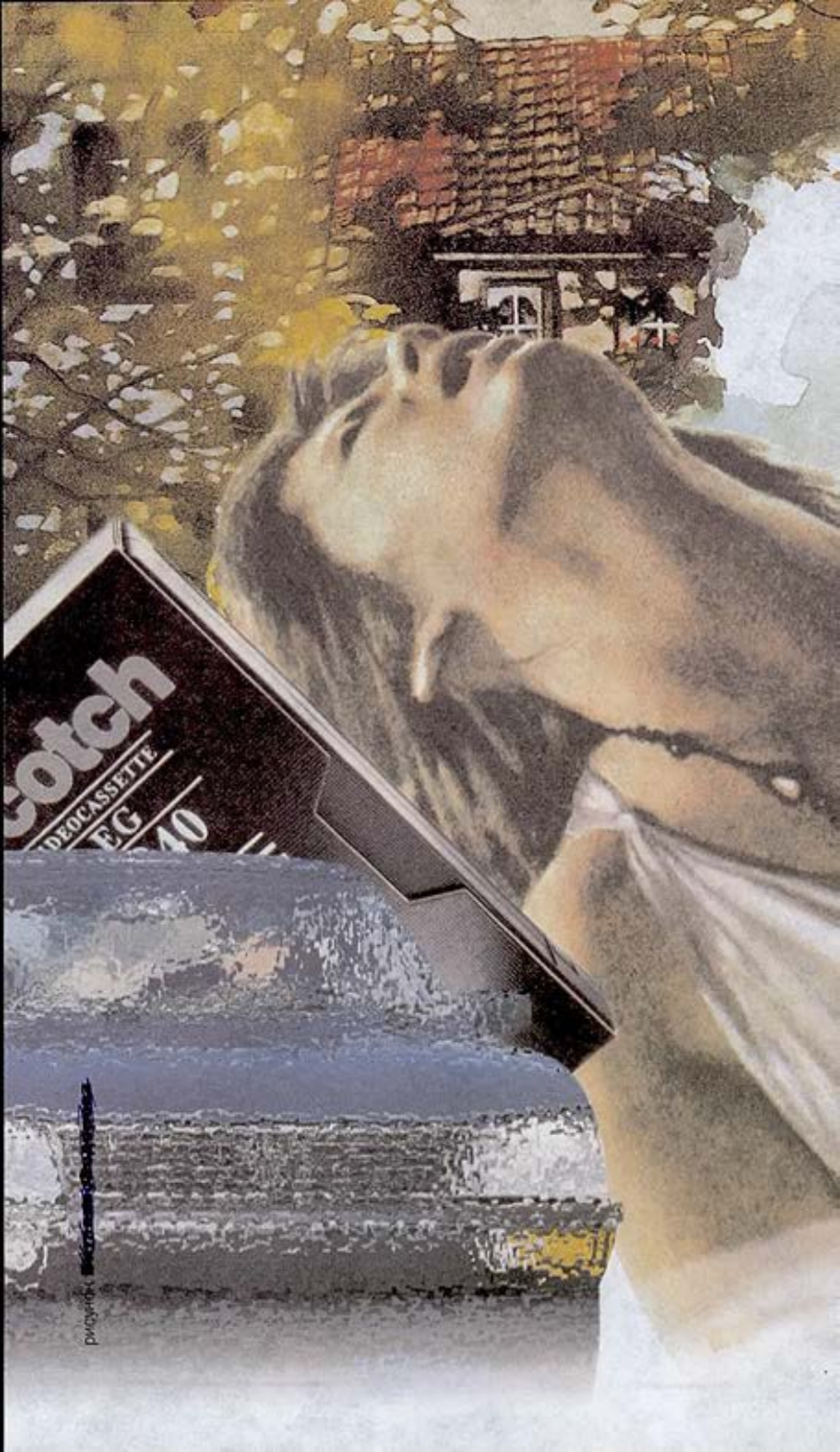
Орлеанского и отправляют в Париж. Сын герцога усмотрел в "Леде" эротические мотивы и в гневе разрезал холст на куски. Особенно была повреждена голова Леды. Купивший картину в таком виде, французский художник Куапель сумел ее восстановить. В 1752 году его наследники на аукционе продали картину коллекционеру Паскье, и лишь после этого она попадает во владение Фридриха Великого Прусского. В настоящее время "Леда" находится в собрании Государственного музея Берлина.

При жизни Корреджо его современники считали, что художнику не хватало серьезности, даже в работах на религиозную тему, и вообще, у него слишком много нежности, чувственности, игривости. Именно того, что потом так ценила эпоха рококо. А небольшой круг почитателей, люди с тонким вкусом, заказывали Корреджо не только светские картины, но и домашние алтарные образы. Так, по заказу Альберто Пратонери для семейной капеллы в церкви Сан Проперо в Реджо Эмилии Корреджо написал "Поклонение пастухов". Эта композиция — первое в европейской живописи произведение с изображением ночной сцены на фоне пейзажа. Сюжет проникнут таинственностью. Пастухи с благоговением склонились при виде Божественного Младенца, от которого исходит сияние и отражается на лице Марии, с нежностью обнимающей своего Сына. Динамичность фигур, их жесты, люминистические эффекты — стиль Корреджо, хотя и чувствуется некоторое влияние Тициана и Леонардо.

В последние годы жизни Корреджо уже волнует не только природа, световые люминистические эффекты, человеческое тело и его красота, а и радость бытия, Таинство Творения. Но ранняя смерть оборвала все творческие замыслы художника. Года за три до кончины Корреджо наконец-то разбогател. За работу над росписью купола Пармского собора ему выплатили внушительную сумму — тысячу сто золотых скудо. Появилась возможность купить в Парме небольшой дом, даже приобрести земельный участок в городе Корреджо. Но пожить в новом доме ему пришлось недолго. Обремененный семейством, он всегда старался беречь деньги, кстати, современники художника сплетничали о Корреджо, что его бережливость граничит со скупостью. И, видимо, эта самая скупость и стала причиной его смерти. Существовала такая легенда. Художник получил в Парме за какую-то работу 60 скудо и решил их отнести в город Корреджо. Тратиться на лошадей посчитал излишней роскошью и отправился пешком. Ему предстояло пройти более сорока километров. Стояла сильная жара, очень хотелось пить. Напившись в дороге холодной воды, он в жесточайшей лихорадке слег в постель и уже больше не вставал... Умер Корреджо 5 марта 1534 года. Похоронили его в родном Корреджо в церкви Сан-Франческо.

*Мадонна с Младенцем и с маленьким
Иоанном Крестителем.*

Scotch
DEDCASSETTE
EG
40

PIRELLA GÖTTSCHE LOWE

Сплюшной Вазврат

Анна Ж. МАЛЫШЕВА

Василий

— Где это? — Старший оперуполномоченный отдела по расследованию убийств МУРа Василий Коновалов подошел к карте, висящей на стене, и ткнулся в нее носом.

— От Камчатки — на юг, а потом направо, — подсказал младший оперуполномоченный того же отдела Леонид Зосимов. — Видишь? Там так и написано: “Пансионат Управления делами Президента РФ “Роца”. Хотя я советую тебе проследовать в кабинет полковника, там у него карта мира, по ней искать еще удобнее. А у замминистра, говорят, есть глобус...

— А я много раз просил тебя, козленка, купить карту Подмосковья, — огрызнулся Коновалов. — Ищи теперь, свищи. Сам поедешь, вот что я решил.

— С удовольствием! — Леонид с хрустом потянулся. — Бабье лето, свежий воздух, четырехразовое питание... Мечта! Хотя я, на твоём месте, начальник, послал бы туда Саню.

— Послал! Я бы ее и не туда еще послал. Но, видишь ли, она работает в бульварной газетенке, а не в МУРе. То есть наши приказы для нее — пустой звук.

— А ты попроси. Вежливо. Жалостливо. Сделай над собой усилие. — Зосимов снял телефонную трубку и протянул ее Василию.

— Не хочу, — капризно отвернулся капитан Коновалов. — Не хочу ее ни о чем просить. Ты же знаешь — стоит сказать ей доброе слово, она тут же на шею сядет и начнет командовать, требовать, нос всюду совать. Не буду ей звонить.

— Не хочешь — не звони, — пожал плечами Леонид и положил трубку на рычаг. — Сейчас, я имею в виду. Позвонишь через час. Или завтра. Все равно тебе без нее не разобраться.

— Скажите, пожалуйста... — начал возмущаться Василий, но вынужден был прерваться, потому что заверещал телефон. Звонила, разумеется, Саня.

— Простите, — начала она, — нет ли там у вас такого противного, грубого, неприятного внешне и запущенного внутренне старшего оперуполномоченного?

— Неприятного? Противного? — Василий подмигнул Леониду. — Я у телефона. А мы как раз о тебе говорим, так что — легка на помине...

— Ну, с поминками вы поторопились, — перебила старшего оперуполномоченного Саша. — Я жива и здорова.

— Это день рождения нельзя праздновать заранее, примета плохая, — уточнил Василий. — А про поминки ничего такого в народном творчестве не говорится.

— А, ну тогда ладно, — легко согласилась Саша. — Как дела?

— Так себе. Преступность растет, криминальные авторитеты вконец обнаглели, — пожаловался Василий.

— Да ну?

* Журнальный вариант

— Точно. И, представляешь, до чего, гады, дошли? — Василий горестно вздохнул. — Собираются проникнуть в закрытый правительственный пансионат и устроить там кровавую резню.

— Ты серьезно? — Саша явно заинтересовалась.

— Более чем. К нам поступило сообщение, что завтра в пансионате “Роцца” Управления делами Президента РФ произойдет убийство. Вот я и подумал — надо бы Санечке позвонить.

— А я-то здесь при чем? Или ты сразу, на всякий случай, заподозрил меня?

— Сообщение анонимное, — продолжил Василий. — Там говорится, что убить должны кандидата в губернаторы Красноярского края Вадима Иратова. Слышала о таком?

— Слышала. Известный человек.

— Да. Так вот, в этой “Роцце” будет проходить семинар главных редакторов: “Власть и пресса: пути конструктивного сотрудничества”. Съезжается всякая элита, мы посмотрели списки и опупели. Кого там только не будет!

— Понимаю. — Саша задумалась. — Могу дать тебе хороший совет — поезжай туда и заслони Иратова своим телом. Родина тебя не забудет и, скорее всего, даст орден.

— Посмертно, — весело подсказал Василий.

— Конечно. Зато мы все, и твои многочисленные бывшие жены, и я, и Леонид, и Гоша, и даже полковник Зайцев, будем тобой гордиться, — пообещала Саша. — Я посажу на твоей могилке анютины глазки...

— ... и танюшины ушки.

— Хорошо, — согласилась Саша, — хочешь ушки — пожалуйста, все, что пожелаешь. Последнего слова героя нельзя ослушаться.

Василий подумал несколько секунд, видимо, взвешивая все “за” и “против”, и все же отказался:

— Нет, не могу. Если я паду смертью храбрых, десятки уголовных дел останутся нераскрытыми.

— Вася, это трусость, — вынесла приговор Саша.

— Нет. Это ответственность. Губернаторов много, и если за жизнь каждого из них расплачиваться телами оперативного состава...

Леонид выхватил трубку из руки старшего товарища.

— Санечка, солнышко, он хотел сказать, что ты нам срочно нужна.

— Да?

— Видишь ли, капитан Коновалов уезжает на Тибет лечить. Нервы у него, сама знаешь, в каком состоянии, и ему требуется наладить контакт с самим собой. И с Богом, конечно. А сделать это можно только путем усиленной медитации.

Василий нахмурился. Что такое “медитация”, он, конечно, слышал, но все равно заподозрил, что ему шьют какую-то гадость.

— А здесь он не может помедитировать? — спросила Саша.

— Ни в коем случае! У нас здесь неправильная атмосфера, плохие люди ходят толпами, а там — святые места и Бог совсем рядом. Пять минут проходными дворами...

— Прекрати, не богохульствуй! — перебила Саша. — Иными словами, вы хотите, чтобы я поехала в пансионат "Роща" и там пошпионила...

— Да. И не только это. Ты знаешь, как наш Василий ненавидит вашу тухлую журналистскую среду и, к тому же, ничего в ней не понимает. Ты нам нужна как эксперт. А то мы сидим тут, два сухих мозга напрягаем.

— Два? — хихикнула Саша. — Ну, один, допустим, твой, а второй-то — чей?

— Хорошо, что у нас нет параллельной трубки, — шепотом ответил Леонид. — Так вот, ты нужна нам как эксперт, но и как шпион тоже. Покрутись около этого Иротова, принюхайся. Послушай разговоры. Ладно?

— А как я туда попаду? Если там сплошной "вип", то простых журналистов быть не должно. Знаю я эти келейные сходки — все свои, и все очень непростые.

— Номер мы тебе организуем, — быстро заговорил Леонид. — Тебе останется сущая ерунда — объяснить свое присутствие.

— Ерунда! Да это самое главное!

— Саня! — взмолился Леонид. — Мы тебя очень просим!

— Ладно, — согласилась Саша. — Попробовать можно.

Леонид показал коллеге большой палец.

— Вот спасибо, лапуля! — заорал Василий, отбирая трубку у Леонида. — Если тебе удастся засечь убийцу, будет классно. Главное, не отвлекайся на глупости, на мужиков то есть, кокетничай поменьше, глазки направо-налево не строй.

— Вась, ты сам-то понял, что сказал? — возмутилась Саша. — Как, скажи мне, можно втереться в доверие, не строя глазки и не кокетничая? И, кстати, не обращая внимания на мужиков. Или тебе доподлинно известно, что убийцей будет женщина?

— Ничего мне доподлинно не известно, — грустно констатировал старший оперуполномоченный.

— Вась, — разволновалась вдруг Саша, — я не поняла, вы что — не намерены предотвращать убийство? Вы уже этого Иротова приговорили? Пусть себе убивают, губернатором больше, губернатором меньше...

— Он еще не губернатор, — перебил ее Василий.

— А-а, тогда понятно. Такую мелочь и жалеть нечего.

— Не совсем так... — протянул Коновалов.

— А как? Я так тебя поняла: сиди, жди, а когда Иротова грохнут, выскакивай из кустов с фотоаппаратом, с понятиями, то есть со свидетелями. Нет? Кстати, вы самого Иротова-то поставили в известность?

— У нас считают, что убивать никто никого не будет. Это такой предвыборный финт — напугать человека, заставить его сидеть дома, не высываться. Короче, нам велено Иратова не волновать. К тому же семинар этот в “Роще” организовал его конкурент — нынешний губернатор Красногорского края, и, говорят, он не хотел, чтобы Иратов там появлялся. Не исключено, что анонимка для того и написана...

— Да, понимаю, — согласилась Саша. — Но все-таки сказать Иратову надо.

— Знаешь что! — разозлился Василий. — Не лезь в наши дела!

— Ничего себе! — возмутилась Саша. — Ты меня посылаешь на задание, а в дела лезть нельзя!

— Саня, — Василий перешел на жалобный тон, — ну, пожалуйста, не вредничай. Мы — люди подневольные, начальство привыкли уважать. Значит, договорились? Выезжай сегодня вечером. Номер мы тебе бронируем. Леонид тоже подгребет, будет изображать... еще не знаю кого. Спонсора, например. Или тоже журналиста. Придумаем. Заскочи перед отъездом к нам, мы тебе кое-что покажем, список участников возьмешь. Целую тебя. — И Василий быстро бросил трубку, опасаясь, как бы Саша не передумала.

— Спонсора? — Леонид скептически посмотрел на свои ботинки. — Опять одежду напрокат брать?

Телефон снова зазвонил.

— Пусть Лёня будет политтехнологом, — очень по-деловому распорядилась Саша. — Потому что в качестве журналиста его разоблачат сразу, а в качестве спонсора — через пять минут.

— А кто такой политтехнолог? — живо заинтересовался Василий.

— Это такая гадина, которая придумывает, как получше оклеветать конкурентов своего клиента во время предвыборной кампании, как их довести до инфаркта или самоубийства и как выставить на посмешище их родных и близких.

— О! — Василий обрадовался. — Это у него получится. Леонид просто создан для такой интересной работы.

— Я сегодня завезу ему книжечку о “черном пиаре”. Пусть за ночь прочтает, — велела Саша.

— О черном... что?

— Паблик рилейшнс. Общественные связи по-нашему. А черный он потому, что грязный.

— И как он делается?

— Очень просто, — охотно начала рассказывать Саша. — Например, у твоего шефа есть конкурент по фамилии, допустим, Пупкин. Тебе нужно добиться, чтобы за него проголосовало как можно меньше народу. Ты берешь его плакаты, ну, где написано: “Голосуйте за Пупкина”, и наклеиваешь их на лобовые стекла автомобилей. Эффект поразительный — озверевшие

владельцы этих машин никогда и ни за что не станут голосовать за Пупкина. Или нанимаешь команду агитаторов из лиц нетрадиционной ориентации — мальчиков в специфических нарядах, в обтягивающих брючках и с покрашенными глазками. Они берут машину — шикарную, желательно, “линкольн”, раскрашивают ее цветочками и бабочками, ездят на ней по городам и весям и в мегафон тонкими сладкими голосами уговаривают народ голосовать за Пупкина. Все вместе это называется “черный пиар”.

— Фу, какая гадость! — плюнул Василий. Он положил трубку и с нежностью посмотрел на Леонида. — Саня придумала тебе роль. Гадом будешь.

— Как? — переспросил Леонид.

— Она сегодня книжку специальную привезет, там написано — как.

— Книжка называется: “Как стать гадом?” — обрадовался Леонид.

— Да. Черным гадом.

— Негром? Но у меня совершенно иной тип лица, не африканский, — усомнился Леонид. — Вот ты гораздо лучше справился бы с этой ролью. Тебе бы и книжки читать не пришлось, так только — намазать морду гуталином.

— Хватит! — гаркнул Василий. — Разговорчики тут.

Через час в отдел влетела запыхавшаяся Саша.

— Прохлаждаетесь? — завопила она с порога. — Пока я за вас работаю?

— Ты уже работаешь? — обрадовался Василий.

— Конечно! Я договорилась с моим главным редактором, он берет меня с собой. Оказывается, тоже собирался туда поехать. И готов рискнуть своей репутацией, потому что многие подумают, что он привез меня в качестве любовницы.

— Что-о-о?! — заревел Василий. — Ты будешь жить у него в номере?

— Ты что — дурак? — Саша постучала себя кулаком по голове. — Конечно, нет. Но мы приедем вместе. Улавливаешь? Это само по себе подозрительно. Ну, рассказывайте, кого убивать будем? Ой, мама! Откуда у вас видеомаягнитофон? Растет, значит, благосостояние репрессивных органов?

— Выдали на время расследования предполагаемого убийства, — похвастался Василий. — Сейчас кино тебе покажем.

— Порнушку? — предположила Саша, зная о кинематографических пристрастиях старшего оперуполномоченного.

— В каком-то смысле — да, — кивнул Василий и вставил в магнитофон кассету. — Смотри внимательно.

На экране телевизора появился известный телеведущий.

— Сегодня в дебатах принимают участие два претендента на пост губернатора Красногорского края — Сергей Семенов и Владимир Иратов. Прошу вас, господа. Каждый из вас имеет возмож-

ность коротко обратиться к телезрителям, а затем вы сможете задать друг другу вопросы. Прошу...

Дебаты Саша слушала со скучающим видом — ничего нового, интересного. Банальные разговоры о благе народа и тоскливо-агрессивные споры, кто же из кандидатов в губернаторы любит народ больше.

— Что скажешь? — спросил Василий, когда передача закончилась.

— Иратов сильнее, — ответила Саша. — Существенно. Так что если анонимка — дело рук Семенова, то он дурак. Такими дешевыми приемчиками ему Иратова не выбить из колеи. Вообще, насколько я знаю, у Семенова шансов нет никаких.

— И поэтому он пытается придумать что-то эдакое. Ведомый паникой, так сказать, — заметил Леонид.

— Возможно. Кино закончилось? — Саша вопросительно посмотрела на Василия.

— Нет. Смотри еще. — Василий нажал кнопку на пульте. — Кусочек из “Новостей”. Вот этот хлыщ — известный политолог Александр Трошкин. Тоже участник семинара.

Саша кивнула, в том смысле, что в представлении политолога Трошкина она не нуждается, он достаточно хорошо известен, равно как и руководимый им общественный фонд “Наша демократия”.

На экране появился вызывающе разодетый господин средних лет: бело-голубая полосатая сорочка и ядовито-желтый галстук ужасали и восхищали одновременно.

— Я бы не назвал свою точку зрения прогнозом, — сказал Трошкин голосом протяжным и немного скрипучим. — Прогноз ведь — это когда может быть, а может и не быть. А политологи, социологи и прочие пытаются вычислить наиболее вероятный вариант. Здесь же все очевидно — победить на выборах может только Иратов, только он. У других, так называемых конкурентов, нет никаких шансов. Ни одного. Здесь нет интриги, и бессмысленно ее искать. Известная поговорка: “Трудно найти черную кошку в темной комнате, тем более, если ее там нет”. Так вот, в той темной комнате, с которой вполне корректно было бы сравнить предвыборную ситуацию в нашей стране, не стоит искать интриги, касающейся Красногорского края.

— Выборы тем и хороши, — встрял стоящий рядом с Трошкиным журналист, — что в самый последний момент они могут преподнести сюрприз, то есть вариант, которого никто не ожидал.

— Но не в этом случае, — покачал головой Трошкин. — Иратов — абсолютный лидер. Он уже пришел к финишу, но для объявления окончательных итогов соревнований судьям нужно дождаться, пока все остальные пересекут черту. Вот, ждем-с.

— А вдруг... — начал журналист.

— Не может быть, — перебил его Трошкин. — Если только его убьют, о, Господи, типун мне на язык. Кроме того, его соперники настолько слабы, что не способны и на такое.

— Ну?! — закричал Василий, останавливая пленку. — Этот типчик тоже про убийство.

— Совпадение, — уверенно сказала Саша. — Для красного словца.

— Не уверен. — Василию явно не нравился Трошкин. Капитан Коновалов на дух не переносил мужчин, так сильно озабоченных собственным внешним обликом и так себе симпатизирующих.

— Когда же вы успели все это насобирать? — спросила Саша. — Кассета с участниками семинара — оперативно, ничего не скажешь.

— Кассету нам дали вместе с анонимкой, — объяснил Василий. — У меня такое чувство, что наш министр болеет за этого Иратова. Ладно, смотрим дальше. Передача “Пресс-клуб”. Здесь целых три интересующих нас персонажа: Алексей Алешин, главный редактор газеты “Политика”, Татьяна Ценз — заместитель главного редактора газеты “Молодежные вести”, и Дмитрий Ценз, ее муж, главный редактор газеты “Слово и дело”.

— Почему они тебя интересуют? — уточнила Саша.

— Потому что ближайшие выходные они собираются провести в пансионате “Роща”.

“Пресс-клуб” Саша смотрела с большим вниманием. Правда, из перечисленных Васей персонажей послушать и оценить она смогла только двоих: Алексея Алешина и Дмитрия Ценза. Что касается жены последнего, она, хотя и присутствовала в студии, всю передачу молчала. Ценз-муж произвел на Сашу впечатление полного идиота, к тому же самовлюбленного, а Алешин, наоборот, понравился.

— Умный, красивый, профессиональный, — сказала Саша. — То, что надо.

— Кому надо? — забеспокоился Василий. — И при чем здесь красивый?

— Да всем надо, — доходчиво объяснила Саша. — Кто ж от такого счастья откажется?

— Знаешь что! — Василий рассвирепел. — Никуда ты не поедешь! Надо ей! Тебя не в брачную контору посылают, а... а...

— Понимаю, Васенька, — томно проговорила Саша, — но женскую судьбу нужно ковать там, где горячо.

— Что-о?!

— И нет места, более подходящего для обустройства личной жизни, чем уютный загородный пансионат Управления делами Президента РФ. Верь мне, Вася, уж я-то знаю.

Александра

...Лёня Зосимов, младший оперуполномоченный отдела по расследованию убийств МУРа — прекрасный напарник. Работать с ним — одно удовольствие. В отличие от своего непосредственного руководителя Василия Коновалова, он чувствует партнера, слушает советы и быстро осваивает любую, даже самую трудную роль. Не зря же он целых два года отучился в Школе-студии МХАТа, откуда своевременно сбежал в Высшую школу милиции, потому, вероятно, что после казарменной обстановки театрального вуза захотел окунуться в атмосферу вольнолюбия и интеллектуального полета.

Книжка о “черном пиаре” его просто заворожила. Правда, до выезда в пансионат “Роцца” он успел прочитать лишь первые двадцать страниц, но этого хватило: целых полчаса Лёня восторженно делился со мной впечатлениями.

— Я горд, что мне выпала почетная роль политтехнолога, — говорил Лёня, прикладывая руки к сердцу. — Кем я был раньше? Пошлым опером, простым ментом. А сейчас я — Человек, вершитель судеб, маг и колдун.

Мы договорились, что Лёня будет вести себя загадочно и слегка высокомерно, то есть так, чтобы его труднее было разоблачить. Он должен произвести впечатление законченного сноба, чтобы у окружающих не возникало ни малейшего желания приставать к нему с лишними разговорами. Тогда у него будет возможность спокойно наблюдать за происходящим в пансионате. Имя мы ему придумали еще в МУРе, а визитные карточки он отпечатал по дороге. Теперь его звали просто, но со вкусом — Гений Львович Манукян. Одет Лёня был подчеркнуто демократично, но строго — джинсы, джемпер ручной вязки и белая рубашка с галстуком. Зато к центральному входу в пансионат он подкатил на “мерседесе”. Его давний приятель — владелец этого автомобиля, талантливо изображал личного водителя: он шустро выскочил из машины, обегал ее вокруг и открыл Лёне заднюю дверцу. Тот неторопливо вылез, взял портфель и жестом отпустил шофера.

Я любовалась сценой приезда политтехнолога через стеклянную дверь центрального входа. Мы с Юрием Сергеевичем Моховым, моим главным редактором, приехали в пансионат на полчаса раньше.

Лёню Зосимова заметили и заинтересовались. Он очень удачно выложил на стойку регистрации бордовую “корочку” с мелкими золотыми буквами “Администрация Президента Российской Федерации” и зеленый дипломатический паспорт, а потом рассеянно предложил девушке-регистратору золотую кредитную карту. Все, разумеется, фальшивое.

Девушка замахала руками:

— Что вы, что вы, за все заплачено организаторами семинара.

— Вот как? — слегка удивился Лёня. — Очень мило. — И сгреб документы в портфель.

— Кто такой? — услышала я за спиной мужской голос.

— Первый раз вижу, — откликнулись несколько голосов одновременно.

А уже через минуту кто-то равнодушно наводил справки у администратора:

— Кто? Манукян? Фамилия, вроде, знакомая.

Отлично! Мы так и планировали. Большинство людей слышали эту фамилию, но не помнят — где и когда.

Вообще, суета у парадного подъезда пансионата вселяла трепет: подъезжали шикарные машины, из них выходили очень хорошо одетые мужчины и очень стильные женщины: сдержанные поклоны чередовались с пылкими объятиями, дружеские похлопывания по плечу — с почти страстными поцелуями. Все заняты только собой, но внимательно наблюдают друг за другом. Светская тусовка, что тут скажешь!

— Как дела, старик?

— О-о, кого мы видим!

— Цветешь, сил нет.

— О чем ты говоришь? Это все видимость.

Женщины направлялись к стойке регистрации за ключами и немедленно отправлялись в свои комнаты, потому что им “срочно, просто немедленно нужно привести себя в порядок”.

Мужчины задерживались на крыльце, курили, обменивались пустыми репликами:

— У вас какой номер? Да что вы? Так мы соседи.

— Вы на все три дня? А что так? А-а, понимаю. А я, знаете ли, решил оторваться по полной программе.

А вечер был чудесный — теплый и мягкий. Потолкавшись в вестибюле, я вышла на улицу и уселась на лавке перед входом — покурить и понаблюдать. Рядом со мной, на той же лавке, расслабленно покуривала женщина лет сорока-сорока пяти, весьма привлекательная, несмотря на избыточный вес. Я все время косилась в ее сторону. Мне показалось, что дама ждет кого-то, хотя она старательно изображала полную безмятежность и отрешенность: сижу, курю, ни на кого не обращаю внимания. Да, в жизни Татьяна Эдуардовна Ценз — заместитель главного редактора популярной газеты “Молодежные новости”, выглядела ничуть не хуже, чем по телевизору. Похоже, ее здесь почти все знали. Из подъезжающих машин то и дело несло:

— Татьяна Эдуардовна, наше вам!

— Танюша, сколько лет, сколько зим! Выглядишь чудесно...

Она мило кивала, улыбалась, время от времени махала кому-то рукой. Но все это до поры, до времени. Ее приятное лицо вдруг стало сосредоточенным, жестким. Не составило труда угадать, что ее так напрягло — она, не отрываясь, смотрела на томную пару, медленно бредущую по березовой аллее. Мужчина-

щеголь в синем пиджаке, бело-голубой полосатой сорочке и ярко желтом галстуке держал под руку эффектную блондинку в спортивном костюме. Пара, действительно, странная, но, похоже, Татьяну Эдуардовну взволновала вовсе не дисгармония нарядов, ей было крайне неприятно, что владелец желтого галстука прогуливается по парку в обнимку с блондинкой.

Между тем пара в вечерне-спортивном неумолимо приближалась к главному входу, и вот Александр Трошкин (а это он, без сомнения) увидел Татьяну Ценз, встретился с ней глазами, подошел к лавочке и, склонившись в почтительном поклоне, молча припал к ее руке. Блондинка сделала вид, что любит закатом.

— Рад тебя видеть, Танюша, — проскрипел Трошкин. — Знал, что ты будешь здесь, и прилетел на крыльях тоски. Скучал, томился...

— Вижу, — перебила его Ценз, выразительно глядя на блондинку. — Нам надо поговорить, Саша. В каком-то смысле я приехала сюда как раз за этим.

— Поговорим, дорогая, — кивнул он. — Нет вопросов. Все три дня — наши.

— Не думаю. — Ценз пожалала плечами. — Но ты найди для меня минуточку. Постарайся.

Трошкин отступил на два шага, блондинка перестала тарачиться на закат, и парочка удалилась в корпус, а к Ценз подскочил молодой человек с диктофоном в руке:

— Извините за беспокойство, вы не подскажете — это был Трошкин?

Ценз кивнула.

— Тот самый?

— А какой вас интересует? Какой из Трошкиных “тот самый”?

Молодой человек окинул Татьяну Эдуардовну удивленным взглядом и ответил вопросом на вопрос:

— А разве есть еще какой-нибудь Трошкин?

— Фамилия достаточно распространенная.

— Ах, бросьте. Александр Трошкин, политолог, президент фонда “Наша демократия”.

— Да. — Ценз почему-то вздохнула. — Да, это он.

И молодой человек с криком: “Ой, у меня же к нему масса вопросов!”, бросился вслед парочке, только что исчезнувшей за дверями.

— У меня тоже, — тихо проговорила Ценз.

Наступали сумерки, и у меня вдруг появилось неприятное предчувствие — как будто что-то должно случиться, что-то плохое, чего уже не избежать. Я уговаривала себя, что тревога моя ложная, она навеяна анонимкой и только ею, но отделаться от мрачных ощущений не получалось. Не позвонить ли Васе? — подумала я. — Не он ли учил меня, что главным орудием опера-

тивника является интуиция, которая успешно заменяет нам ум, честь и совесть. В конце концов, для Васиного же блага стоит оторвать его от ужина и сообщить, что мне не по себе. Потому что, если с Иратовым и впрямь что случится, МУРовское начальство сделает из капитана Коновалова бефстроганов.

Администратор любезно разрешила мне воспользоваться телефоном, но Васи не оказалось ни дома, ни в МУРе. А телефонов трех его бывших жен, которых он любил навещать, я наизусть не помнила. Ладно, пора уже познакомиться с виновником торжества, а именно с Вадимом Сергеевичем Иратовым.

— Не подскажите, — обратилась я к администраторше, — в каком номере живет Иратов?

— В четыреста двенадцатом, — ответила она. — Что-то сегодня все только им и интересуются.

— Да? А кто еще?

Она виновато развела руками:

— Я разве всех знаю?

Мой номер располагался прямо напротив Иратовского, а номер Леонида — через один от моего. Кучно, удобно, наглядно. Поднявшись на четвертый этаж, я прошла из конца в конец коридора, внимательно оглядела все холлы с пыльными пальмами и плюшевыми креслами и даже выглянула на балкончик, в который коридор упирался. Затем посетила свой номер, отметила, что он совсем неплох, приняла душ, то есть, как тут было заведено, привела себя в порядок, и, облачившись в махровый халат, пошла знакомиться с Иратовым. Мне не повезло — дверь Иратовского номера открыла женщина в таком же, как мой, халате. Неудивительно — халаты входили в набор услуг пансионата, так же, как зубные щетки, паста, мыло и шампунь.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство, — сказала я смущенно. — Я — ваша соседка из номера напротив. Нет ли у вас фена? А то я свой забыла.

Женщина смотрела на меня вполне дружелюбно и, казалось, даже обрадовалась моему приходу.

— Фен есть, — кивнула она, — а нет ли у вас геля для волос?

— Поменяемся? — предложила я.

— На время, — кивнула она.

— Люда! — донесся из глубины номера мужской голос. — Это ко мне?

— Нет! — крикнула она. — Ко мне.

Я принесла гель, Люда дала мне фен. Я представилась, предложила заходить, если что. Она сказала, что ее зовут Людмила Иратова, и что она тоже будет рада, если сможет оказаться полезной.

Все шло по плану, контакты налаживались.

Минут через десять я спустилась в ресторан. Народу там было немного, и почти все присутствующие толпились около бара. Рядовые журналисты сидели за отдельным столиком и бросали

жадные взгляды в сторону бара. Не в том смысле, что хотели выпить, а в том, что их интересовали собравшиеся там знаменитости. На меня обратили внимание — то ли благодаря черному шелковому платью с открытой спиной, то ли из-за того, что женщин в ресторане было совсем мало, а если быть точной, то всего три. От группы, сконцентрировавшейся около бара, медленно отделился высокий седой человек, смутно знакомый мне по телеэкрану, и направился в мою сторону с широкой улыбкой:

— Развейте мое недоумение. Что привело столь прекрасную юную особу на наше скромное и, думаю, занудное мероприятие?

— Не такое уж скромное, — поправила я его крайне доброжелательным тоном, — судя по количеству знаменитостей на один квадратный метр.

— О! Вы нас измеряете квадратными метрами! — воскликнул он, из чего я сделала вывод, что он тоже относит себя к числу знаменитостей.

— Что вы, — запротестовала я, — я квадратные метры измеряю вами.

— А, ну да, ну да, — кивнул он. — И как вам здесь?

— Великолепно! — заверила я. — Для меня большая честь соприкоснуться с таким возвышенным и изысканным обществом.

— Вот! И вы, прелестное дитя, не убереглись от тщеславия! — воскликнул он трагическим тоном. — Жестокий век, жестокие сердца.

Я не очень поняла, при чем тут жестокость века и сердец, но охотно заглотила наживку:

— От тщеславия уберечься невозможно. Как от радиации и от дурной экологии. Правда, оно поражает другие органы и системы, не так ли?

— Да, я лишний раз убеждаюсь, что молодым людям очень и очень непросто в этой стране найти себя. — Мой собеседник решительно взял меня за локоть и потащил к бару. — Познакомиться с обществом надо, — шептал он. — Как мне вас представить?

— Александра. Фамилия моя — Митина. Работаю политическим обозревателем "Вечернего курьера".

— Радость моя! Я ведь не спрашивал, где и кем вы работаете! Но... обозревателем? В ваши-то годы? Я-то, грешным делом, полагал, что вы еще в школе учитесь.

— Нет, в школе я не учусь и не училась, а сразу из детского сада пришла в журналистику. И время сэкономила, и нервы. Очень удобно — вот мне сейчас тринадцать лет, а я уже без пяти минут главный редактор.

— Да, умно. А меня зовут Павел. — Он чинно кивнул.

Группа у бара уже с каким-то болезненным любопытством наблюдала за нами, но стоило нам подойти, все отвернулось, демонстрируя полное безразличие.

— Внимание, коллеги, — торжественно начал Павел, — прошу сюда. Девушку зовут Александра. Она — большой человек, журналист, обозреватель политики в “Курьере”. Так что если у кого есть вопросы по текущему моменту — прошу. Не стесняйтесь, спрашивайте, пока у вас есть такая возможность. Сашенька, я надеюсь, вы не откажете моим друзьям и согласитесь провести маленькую, но содержательную политинформацию?

— Не откажу. Только мне нужно подняться в номер за конспектом.

Все рассмеялись так, будто я и вправду выдала первоклассную шутку.

— Виски? Коньяк? Шампанское? — Павел отработанным жестом достал бумажник, и большинство из присутствующих сделали то же самое.

— Нет, позволь мне.

— Да ладно, убери.

— Перестань, сейчас моя очередь.

— Ах, нет, спасибо, — я скромно потупилась. — Я не пью.

— Как?! — вскричали все.

— Болеете? — сочувственно спросил кто-то.

— Нет. Просто не пью, и все.

— Как это “просто”? Почему?

Павел, между тем, почти насильно вложил мне в руку стакан, на одну четверть заполненный виски, я с отвращением посмотрела на коричневую жидкость, поморщилась и пояснила:

— Не переносю спиртного, вот почему.

Все опять рассмеялись, и я с грустью подумала о том, что они запросто могут меня испортить своими подхалимскими восторгами. Чего доброго, я еще поверю в свой клоунский талант.

Через полчаса мне стало ясно, в чем смысл жизни. В близости к власти. За то время, что я провела у стойки, каждый из присутствующих там джентльменов, как бы между прочим, успел помянуть по паре-тройке ведущих политиков.

— Вы здесь одна? — спросил меня человек очень светского вида в смокинге.

— В каком смысле? — уточнила я, хотя смысл вопроса был мне совершенно понятен.

— Вы приехали... — он замялся, — ... сами по себе?

— Нет, конечно. Кто ж меня пустил бы сюда саму по себе? Я приехала по редакционному заданию.

В этот момент в зал вошел Леонид.

— Наконец-то, — вырвалось у меня, а Павел набросился с требованием объясниться, причем в голосе его слышались собственные нотки.

— Кто это? Вы его ждали? Вы приехали вместе?

— Это Манукян, — произнесла я со всем возможным почтением и легкой дрожью в голосе. — Или вы его не узнали? Мне велено взять у него интервью, но, боюсь, он мне откажет. Ману-

кян с журналистами не общается. — Я горько вздохнула. Оставалось надеяться, что правило “голового короля” сработает, и никто из присутствующих не рискнет признаться, что не знает, кто такой “сам Манукян”.

— Хм, хм. — Один из мужчин озадаченно почесал голову. — Понимаю, почему сюда прислали именно вас. Потому что вам, милая Александра, не сможет отказать ни один здравомыслящий человек. Вам отказать невозможно, поверьте старому отшельнику. Я бы лично дал вам не только интервью.

— А Манукян — здравомыслящий? — взволнованно спросила я.

— Насколько мне известно, да, — ответил “отшельник”.

— Откажет! — Я покачала головой. — Вот чувствую, откажет. Готова поспорить... на бутылку виски.

— Идет! — Павел протянул мне руку, и мы заключили пари.

— Берусь поспособствовать, — предложил тот, что в смокинге, — использовать, так сказать, свое давнее знакомство с гражданином Манукяном. Кстати, он мне кое-чем обязан...

Если бы я доподлинно не знала, что Леонида он видит впервые, а никакого Манукяна вообще на свете не существует, у меня бы и тени сомнения не возникло в правдивости его заявления. Такой простой искренний тон... К тому же он дружески помахал Леониду рукой, и тот, подслеповато щурясь, рассеянно кивнул в ответ.

— Идите к нам, — позвал Леонида Павел. — Мы вас уже ждали.

Леонид медленно приблизился, раскланялся со всеми, но руки никому не подал. Взобравшись на высокий табурет у стойки, он углубился в изучение карты вин.

— Не советую экспериментировать, — кашлянув, заметил Павел. — Мы, боясь подорвать здоровье неизвестными напитками, употребляем виски.

— Экспериментировать — моя профессия, — не оборачиваясь, ответил Леонид. — Но я, пожалуй, соглашусь с вами. Виски, пожалуйста.

Пока бармен наливал “политтехнологу” безопасный напиток, Павел втиснулся между стойкой и Леонидом и радостно представился:

— Павел Васильев, политолог.

— Гений, — ответил Леонид и пожал протянутую руку.

— Да? — Павел удивленно вздернул брови. — Про себя такого сказать не могу. В лучшем случае, талант, да и то... Скорее, просто хорошие аналитические способности. Впрочем, я не комплекую, гении сейчас так редки.

— Гений — это мое имя, — терпеливо объяснил Леонид. — Извините уж моих родителей, они были мечтателями.

Павел позорно заткнулся под насмешливыми взглядами окружающих. Действительно, мало того, что он не знает имени самого Манукяна, так еще и иронизирует неизвестно над чем.

— Ваши родители не ошиблись с именем ребенка, — подобострастно пискнула я. Леонид снисходительно кивнул мне, но тут же равнодушно отвернулся. Нет, он был поистине великолепен в своем жлобстве! Даже у меня он уже вызывал отвращение, представляю, что чувствовали остальные.

“Давний знакомый Леонида”, тот, что в смокинге, отважно бросился мне на помощь:

— Позвольте представить вам, Гений, нашу прелестную приятельницу Александру. Она — политический обозреватель и давняя ваша поклонница. В первый раз она рассказала мне о том, что хочет с вами познакомиться, еще два года назад.

— Два года? — Леонид посмотрел на меня с чуть большим интересом. — Но тогда я практически только начинал.

— Но начинали вы ярко! — выкрикнула я.

Вся эта мистификация меня забавляла и пугала одновременно. Неужели так просто ввести в заблуждение бывалых акул, плещущихся в бурных политических волнах? Неужели так легко заставить их поверить в существование могущественного политехнолога, о котором еще час назад никто ничего не знал?

— Два года — это срок, — глубокомысленно заметил “смокинг”, — а для такой очаровательной дамы — и подавно. Женские привязанности сродни погоде, то есть переменчивы. Александр побила все рекорды, так долго храня верность вам.

— Не стоило беспокоиться, — неприязненно проговорил Леонид, и на лице у него явственно проступила тревога, как будто ему напомнили о давнем карточном долге.

— Простите, Гений, а с кем вы сейчас работаете? — спросил Леонида невзрачный тип, все это время болтавшийся где-то на задворках компании. Леонид посмотрел на него, как на безумного, и ничего не ответил.

— Так с кем? — не отставал тип.

— Я не уполномочен сообщать подобные сведения, — с презрением сказал Леонид. — Они относятся к разряду сугубо конфиденциальных.

— Да бросьте! — Уязвленный и разозленный поведением Леонида, “смокинг” скорчил брезгливую рожу. — Они, конечно, сугубо конфиденциальные, зато хорошо известны широкой общественности.

— Да? — Леонид внимательно посмотрел на него. — Возможно. Но не от меня.

В этот момент кто-то дотронулся до моего плеча. Я вздрогнула, оглянулась и не поверила своим глазам — на меня, ласково улыбаясь, смотрел Александр Дмитриевич Трошкин, звезда отечественного политического небосклона.

— Прекрасно выглядите, — сказал он. — Похорошели.

У меня опять возникло странное чувство: с одной стороны, я верила, что он доподлинно знает, как неважно я выглядела раньше; с другой стороны, я точно знала, что раньше мы с ним

никогда не встречались. То есть я-то видела его по телевизору неоднократно, а он меня — нет.

— Вы тоже, — мило улыбнулась я.

Трошкин усмехнулся, и, видимо, стремясь быть оригинальным, предложил мне выпить.

— Она не пьет, — немедленно встрял Павел. — И не вздумай увести от нас Александру. Ты опоздал. Она уже наша.

Я презрительно дернула плечом и отвернулась от Павла. Трошкин заметил мой молчаливый демарш и одобрительно кивнул.

— Так и я не пью, — сказал он, не обращая на Павла ни малейшего внимания, и протянул мне тяжелый стаканчик. Себе политолог взял такой же. — За нас с вами... — Трошкин выпил и принялся выделывать с пустым стаканом что-то немислимое — он крутил его в пальцах, как фокусник, катал по стойке и подкидывал, как мячик. Руки у него были маленькие и ухоженные, как у женщины, и ловкие до безобразия. — Вы мне нравятся все больше. А потому позвольте пригласить вас за тихий столик в уголке. А то здесь слишком шумно и слишком много бестолочей. — В этом месте трошкинской речи Павел как-то нервно дернулся и стремительно удалился. — Нам надо кое о чем потолковать.

Найти тихий столик в уголке не составило никакого труда. Ресторан был скорее пуст, чем полон, и большая часть бомонда по-прежнему толпилась у бара.

— Я хочу сделать вам предложение, и очень надеюсь, что вы его примете, — несколько высокопарно начал Трошкин. — Хочу заказать вам книгу. План такой — вы пишете ее за месяц, мы издаем ее в течение недели.

— Заказать книгу — мне?!

— А что вы удивляетесь? Пишете вы чудесно, быстро, легко...

— Книжка будет называться: "МУР побеждает мафию"?

— Конечно, нет, — хмыкнул Трошкин.

— Неужели "Мафия побеждает МУР"? Вы смелый человек.

— Книжка о нашем фонде, о его деятельности и, уж простите, обо мне, как о президенте фонда, — терпеливо разъяснил Трошкин.

— И вас не смущает, что я всю свою журналистскую жизнь специализировалась на криминальной проблематике? И ни о чем другом никогда не писала?

— Нет, не смущает, — ответил Трошкин. — К тому же сейчас-то вы пишете о политике, не так ли? Думаю, вам полезно будет познакомиться с деятельностью политического фонда.

Я поняла, что уже ничего не понимаю, и лишь растерянно пролепетала:

— Простите, вы, случайно, не знаете, как меня зовут?

— Вас зовут Саша. Фамилия — Митина. Вам двадцать семь. Работаете политическим обозревателем "Вечернего курьера". Что-нибудь еще?

— Достаточно. Большая книга? — слабым голосом уточнила я.
— Восемь печатных листов. Две тысячи — аванс, остальное — после сдачи рукописи. Всего десять тысяч. Долларов, разумеется. Вы согласны?

— А можно без аванса? — жалобно попросила я. — Вдруг работа не пойдет? Дело для меня новое, незнакомое...

— Нет, нельзя, — отрезал Трошкин. — Не пойдет — вернете деньги.

И он тут же выложил на стол пачку стодолларовых банкнот.

Я взяла деньги, положила в сумочку и растерянно оглянулась по сторонам. Первым, кого я увидела, оказался Леонид, и сказать, что он бесстрастно наблюдал за мной, значило бы гнусно соврать. Его большие глаза увеличились как минимум вдвое и переместились на лоб, а мне страшно захотелось показать ему язык: вот, дорогой мой, как надо работать. А потом я увидела блондинку, с которой Трошкин недавно прогуливался по аллее, и задор мой мгновенно улетучился. Она расположилась за столиком в другом "тихом уголке" ресторана и смотрела на меня с такой нескрываемой ненавистью, что жуть брала.

— Спасибо, я, наверное, вам надоела, — тихо проговорила я. — Детали совместной работы мы обсудим... ну, завтра, например.

— Нет-нет, Сашенька! — Трошкин пылко схватил меня за локоть. — Вечер только начинается, не уходите. Вот уже и ужин разносят.

У меня вдруг возникло неприятное ощущение, что он затеял со мной какую-то не совсем честную игру и, возможно, даже знает об истинной цели моего приезда в "Роцу".

В зал ресторана вошел мой главный редактор Юрий Сергеевич Мохов, и, испуганно вскочив из-за стола, я протараторила:

— Ой, начальство, сейчас ругаться будет, он мне столько всего напоручал...

— Работа есть работа, — вздохнул Трошкин. — Но я вас жду.

— Конечно-конечно.

Юрий Сергеевич помахал мне рукой, и я побежала к нему.

— Прекрасно выглядишь, — с удовольствием похвалил он. — Я никогда не видел тебя в вечернем платье. Все джинсы да майки.

— Да, мне уже говорили... Юрий Сергеевич, а вы никому не сказали, зачем я сюда приперлась?

— Да ты что? Ты за кого меня принимаешь? — обиделся Главный.

— А вас кто-нибудь спрашивал обо мне?

— Еще как! — Юрий Сергеевич хитро прищурился. — И знаешь, что странно — сплошь мужики. Кто ты, да что ты, да как тебе понравится. А где твой напарник?

Я глазами показала на Леонида, развалившегося у барной стойки.

— Вон тот красавец? — Мохов удивился. — Поди ж ты, какие сыщики пошли выразительные. Теперь я понимаю, почему ты все время в свой МУР шастаешь. Хорош парень, ничего не скажешь. Тебе помощь моя нужна?

— Да, сделайте, пожалуйста, вид, что вы с ним знакомы. По легенде он — выдающийся политехнолог, специалист по “черному пиару”, зовут его Гений Манукян.

Мохов расхохотался:

— Ты придумала? Молодец.

— Он изображает недоступного жлоба, отказался дать мне интервью, ой, кстати, это интервью вы же от меня и требуете.

— Понял. Ну, смотри теперь, как я вольюсь в ваше тайное общество. Гений! — заорал Юрий Сергеевич на весь зал. — Дружиче! Старый затворник в таком многолюдном месте! Мне говори, что ты приедешь, а я все не верил. Это правда ты?

Леонид важно кивнул.

— Все плетешь свои грязные интриги? — продолжал орать Мохов. — По-прежнему, ничего святого?

Леонид слегка надулся, но ответил тоже громко, работая на всю аудиторию:

— Святого вообще ничего нет. Это поповские выдумки.

— Нет святого? Беда. Твоими стараниями, наверное.

Юрий Сергеевич заметил какого-то своего знакомого и пошел к нему. А я повернулась к столику Трошкина, нет, не для того, чтобы вернуться туда, а так, из любопытства.

Напротив Трошкина сидела Татьяна Эдуардовна Ценз, и, судя по лицам обоих, разговор у них был не самый приятный. Татьяна Эдуардовна явно предъявляла Трошкину претензии, она что-то рассерженно выговаривала, а он оправдывался и все время пытался взять ее за руку. Руку она раздраженно вырывала и продолжала ругаться. Так как Трошкин все время отрицательно мотал головой, Татьяне Эдуардовне, видимо, пока не удавалось его убедить.

— Подсматривать нехорошо, — прошептал кто-то у меня за спиной.

— Кто это вам сказал такую глупость? — ответила я и только потом обернулась. Передо мной стоял улыбающийся Вадим Сергеевич Иратов собственной персоной. Нет, сегодня мне определенно везет. А это не к добру.

— Да кто подсматривает? — начала я оправдываться. — Так просто — наблюдаю.

— Переживаете, что ваше место занято? — Иратов сделал вид, что сочувственно вздыхает.

— Нет. Забыла на столе свои сигареты, хотела подойти и взять, но люди уже разговаривают, неудобно перебивать, — объяснила я.

— Как вы выживаете с таким чувством такта в наше грубое время?

— Плохо живу. Хочу курить, а не могу.

— Придется бросать, — посоветовал Иратов. — Насколько я знаю Таню, она не разожмет челюстей до тех пор, пока от Сашки не останется кучка обглоданных косточек. Так что шансы ваши равны нулю.

— Не преувеличивайте. — Я махнула рукой в сторону холла. — Сигареты можно купить в ларьке.

— Я не о шансах покурить, — сказал Иратов, — я о более серьезных вещах.

— О каких?

— О Трошкине и о тех шансах, которые появились у вас после знакомства с ним. — Иратов перешел на доверительный тон.

— Вы полагаете, что они появились? Вместе с Александром Дмитриевичем Трошкиным? — изумилась я.

— В каком-то смысле... — проямлил Иратов. — То есть... не знаю, как сказать...

— Скажите правду, — с мольбой попросила я. — Вы что-то знаете, я вижу. Он что, завещал мне все свое огромное состояние? Или хотя бы часть его? Знаете, мне бы хватило и части.

— Я полагал... — начал оправдываться Иратов, — то есть мне показалось, когда вы с ним сейчас беседовали...

— А-а, — я окинула его строгим взглядом, — так вы подсматривали?

— Наблюдал, — поправил меня он, и мы оба рассмеялись. — Впрочем, ерунда, извините меня, девушка, я не хотел вас обидеть.

— Вы меня ничуть не обидели, Вадим Сергеевич. Только не называйте меня девушкой, я этого терпеть не могу. Зовут меня Александра.

— Очень приятно. Позвольте, Александра, вам помочь. Готов рискнуть собой и принести ваши сигареты. Но если меня растерзают там, — он ткнул пальцем в сторону Трошкина и Ценз, — то...

— ...клянусь заменить вас на посту губернатора Красногорского края, — пообещала я.

— Вот спасибо. Тронут. Если вас не смущает, конечно, что я не губернатор.

— Пустяки, дело наживное, каких-то несколько месяцев...

— Только не сглазьте, — строго прервал меня Иратов. — Послушать, о чем они там ругаются?

— Ни в коем случае! — горячо запротестовала я. — Подслушивать нехорошо.

— Самому интересно, — жалобно вздохнул он.

— Тогда... Если вас не затруднит, — согласилась я.

Иратов смело направился в "тихий уголок" и очень быстро пожалел о своем безрассудстве. На него набросились оба — и Трошкин, и Ценз. Вадим Сергеевич пытался обороняться, объяснял что-то, размахивал моими сигаретами, но разъяренная

парочка просто-напросто прогнала его от стола, а Ценз еще кричала что-то вслед.

— Курите теперь, — приказал Иратов, протягивая мне сигареты. — Хочу увидеть, что пострадал не зря.

— Конечно, закурю. Впрочем, не так уж сильно вы пострадали. Они вас не били, а только орали.

— Ну, знаете, — обиделся Иратов, — и наглая же вы девица. Или девицей вас тоже нельзя называть, как и девушкой?

— Нет, против девицы я ничего не имею, — успокоила его я. Иратов расхохотался:

— Ладно-ладно, пошли ужинать. В вашей наглости, Александра, есть своя изюминка.

— Вы приглашаете меня на ужин? — обрадовалась я.

— Правильнее было бы сказать, что всех здесь присутствующих, а значит, и нас с вами, пригласил на ужин нынешний губернатор Красногорского края. Но в рамках его глобальных мероприятий я вполне могу позволить пригласить вас к нашему столу. Заодно познакомлю вас с женой.

— С удовольствием.

За столиком, который облюбовал себе Иратов, уже сидела его жена Людмила. Мне она мило кивнула, произнесла две дежурные фразы и тут же, оставив светские условности, набросилась на мужа:

— Вадь, твой Алешин — просто сволочь. Он спаивает Светку, а ты ведь знаешь, какая она, когда выпьет. Как будто по-другому нельзя завоевать расположение женщины? Интеллигентные люди, называется! Напоить до бесчувствия и изнасиловать — больше ничего не умеют. Ты должен вмешаться!

— Не преувеличивай. Умеют еще кое-что. — Иратов уселся за стол. — И как, по-твоему, я должен вмешаться? Подойти и сказать: “Света, не пей”, или “Лёша, не наливай Свете спиртного”. Так? А потом проводить их в номер и прочитать Лёше лекцию на тему общественной нравственности: “Нехорошо, мой друг, трогать пьяную женщину руками, наберись терпения, дождись, когда она протрезвеет, и уж тогда...”

— Я знаю, ты Свету не любишь, — уже более миролюбиво заговорила Людмила, — но позволять так с ней обращаться...

— А как он с ней обращается? Развлекает, анекдоты рассказывает, комплименты делает. И хватит о ней. У нас за столом гостья, девуш... пардон, девица Александра, давай не будем грузить ее проблемами твоей Светки. Они у меня вот где. — Иратов провел ребром ладони себе по горлу и цепко ухватил за край пиджака пробежавшего мимо официанта: — Голубчик, что у нас на горячее?

Официант остановился, как вкопанный, и радостно отрапортовал:

— Шашлык из осетрины, свинина, запеченная с грибами, мясо в горшочках по-домашнему и стейк из семги.

— Мне — стейк, — попросила Людмила.

— Мне тоже, — сказала я.

— А мне, дорогой, свининку.

— Пять минут! — бодро крикнул официант, щелкнул каблучками и умчался. Людмила, наконец, обратила на меня внимание:

— Саша, а вы, оказывается, знакомы с моим мужем?

— Уже да, — скромно потупилась я. — Он помог мне вызвать пачку сигарет со столика Трошкина, вот во время этой опасной операции мы и познакомились. Ваш муж — герой.

— Иногда, — согласилась Людмила. — А зачем Трошкину понадобились ваши сигареты? Он же не курит.

— Наверное, угощать друзей, — предположила я.

— Да, похоже на правду. — Видимо, Людмила недолюбливала Александра Дмитриевича Трошкина. — Но мой вам совет — держитесь подальше от Трошкина. Он — опасный человек. Я понимаю Таню и не осуждаю ее, он поступил с ней подло. А Свете просто жизнь сломал.

— Что за бред! — повысил голос Иратов.

— Не перебивай. — Людмила махнула на него рукой. — Саша, если он и к вам подбирается, будьте осторожны. Он — хитрый лис, умеет найти подход, охмурить и все такое. Не верьте ему! Он за Светой гонялся три месяца. Три! И так, и эдак. Она вела себя стойко.

— Ну, конечно! — усмехнулся Иратов.

— Да! Да! — набросилась на него Людмила. — Я лучше знаю, я ее близкая подруга.

— И чем же он жизнь ей сломал? — поинтересовался Иратов. — Ломиком? Насколько я знаю, она была всем довольна.

— Вот именно — была! — закричала Людмила. — А сегодня он позвал ее к себе и понес какую-то ахинею. Мол, он собирается участвовать в выборах, к нему будет приковано общественное внимание. Можно подумать, оно сейчас к нему не приковано! Короче, ему следует блюсти моральный облик. То есть, как он сказал, им надо расстаться до конца выборов.

— Что-то я ничего не понимаю, — нахмурился Иратов. — В каких выборах он решил поучаствовать? Он же обещал возглавить мой избирательный штаб.

— Значит, у него нашлись дела поважнее, — ехидно усмехнулась Людмила. — Себя-то он любит больше, чем тебя и все остальное человечество вместе взятое. — Вдруг она откровенно уставилась на кого-то за моей спиной. Подсматривать затылком я еще не научилась, и мне пришлось предпринять хитрый маневр.

— Пересяду, чтобы не обкуривать вас, — заботливо сказала я и развернула свой стул на сто восемьдесят градусов. Взору моему открылась забавная картина — блондинка, как я поняла, Светлана, сидела за тем же столиком, что и раньше, только в обнимку с высоким симпатичным дядькой, в котором я без труда

узнала редактора еженедельника "Политика" Алексея Алешина, благо, Вася показал мне его по телевизору сегодня днем. Светлана не могла похвастаться ни координацией движений, ни осмысленным выражением лица, так как и то, и другое начисто отсутствовало. Она мутно таращилась на Алешина, время от времени заливалась идиотским смехом и примерно раз в минуту роняла свою тяжелую голову ему на грудь.

Наблюдать за тем, как "сволочь Алешин" спаивает "бедную Светку" с целью грязных домогательств, было интересно. Кроме того, мне очень хотелось узнать, кто такая Светка.

Иратовы, между тем, принялись обсуждать семейные проблемы, что-то там про тещу и старшего сына, и я, быстро доев рыбку, сочла за благо удалиться, сославшись на срочные дела.

Оглядев зал, я отметила, что публика заметно расслабилась, движения людей стали свободнее и мягче, а животы — круглее и плотнее. Трошкин закончил, наконец, беседовать с Татьяной Эдуардовной, и теперь они сидели набычившись и смотрели друг на друга неприязненно, но не расходились. Леонид один занимал столик, накрытый на четверых, и уплетал мясо. Судя по его лоснящемуся лицу, порцию третью или четвертую.

Я тихо подошла к нему и ласково прошептала:

— Зайка моя, я твой капустный листик.

Леонид вздрогнул, подавился и тяжело закашлялся.

— Поганка! Зачем ты так себя ведешь? — прохрипел он. — Тебе же запретили хулиганить.

— Лёня, по официальной версии я гоняюсь за тобой давно, и никто не удивится, увидев нас за одним столом. Давай обменяемся впечатлениями. Ты по-прежнему можешь корчить важные рожи, а я — плаксивые. Итак, я уже много чего наслушалась, но, хоть убей, к убийству ничего пришить не удастся.

— Та же фигня, — кивнул Леонид, имея в виду собственные наблюдения.

— Но все же мне интересно, кто та пьяная блондинка по имени Светлана?

— Зачем тебе? — насторожился Леонид. — Вот уж кто тут не похож на убийцу, так это она. Я видел, сколько она выпила. В таком состоянии на дело не ходят.

— Но вокруг нее бурлят страсти-мордасти, и наш Иратов тоже в них участвует. А его жена и по-прежнему. Блондинка, судя по всему, ее близкая подруга, редкая интриганка, служит в журнале "Секс-мода" и подсживает там же свою начальницу путем оказания интимных услуг американскому хозяину журнала. Это все успела мне выложить Иратовская супруга.

— О-о-очень интересно, — издевательски протянул Леонид. — Занимаешься какой-то ерундой, следишь за пьяными в дугу бабами. Василий тебя не одобрит. Кстати, пока ты здесь меня допрашиваешь, твоя блондинка вместе со своим кавалером удалась в неизвестном направлении.

— Вот и славно, пусть присматривают друг за другом. А ты, что же, много больше моего сумел разнюхать?

— Да уж немало. Слушал разговоры, работал, все уши истрепал, — похвастался Леонид. — Ладно, ты слишком долго тут отвсечиваешь. Не дам тебе интервью, и все. Уходи.

— Ну и подавись, жлобьяра, — попрощалась я, и Леонид, действительно, еще раз подавился. Уходя, я долго наслаждалась его злобным кашлем.

Вечер заканчивался, зал пустел, и я, пока не поздно, решила примкнуть к коллегам-журналистам и послушать местные сплетни в их исполнении. За столиком с табличкой “пресса” сидело пятеро понурых и уже нетрезвых представителей СМИ.

— Надо же, и мы дождались, — мрачно прокомментировала мое появление у их столика Дуня Квадратная — обозреватель Алешинского еженедельника.

На самом деле Дуню звали Леной, а фамилия ее была не Квадратная, а Северская. Мы учились на одном курсе, правда, в разных группах. Толстое, неуклюжее, нелепое создание, с сорок вторым размером ноги и походкой бывалого моряка, Лена очень страдала от своей женской непривлекательности, все время сидела на диетах, ходила на занятия по аэробике и раз в неделю посещала парикмахерскую в надежде сделать что-то приличное из своих жидких и быстро пачкающихся волос. Ничего не помогало.

По всей видимости, в конце концов Лена-Дуня отчаялась исправить положение и сосредоточила все усилия на карьере. В кратчайшие сроки после окончания журфака стала светилом политической журналистики. Работала в жанре “личностное журналистское расследование”, то есть раскапывала и вытаскивала на всеобщее обозрение подробности жизни ведущих российских политиков, разумеется, далеко не всегда приятные. Говорили, что тираж еженедельника “Политика” в короткий срок увеличился в пять раз именно благодаря ее ехидным и безжалостным статьям. Не знаю, так ли это, но факт остается фактом: Дуня в считанные месяцы стала страшно популярна, ее пытались переманить к себе многие издания, ее приглашали на телевидение, у нее брали интервью, а сами политики при виде Дуни Квадратной, тяжелой поступью проходящей по коридорам Госдумы или Белого Дома, бледнели, шарахались и прятались по кабинетам. Те же, кто не успевал спрятаться, начинали подлизываться к Дуне изо всех сил. Они смотрели на нее глазами побитой собаки, намекали на то, что не пожалели бы за Дунино молчание по их адресу больших денег, и лживо уверяли, что страшно рады встрече, на что Дуня традиционно отвечала: “Зря радуется”.

Последние полгода Дуня стала раз в неделю появляться на телеэкране в качестве автора и ведущей телевизионной передачи с красивым названием “Раздевалка”. Передачу ругали, не любили, называли слишком злобной и пошлой, но рейтинг “Раздевалки” рос с такой необузданной скоростью, что продюсе-

ры рыдали от восторга. Типичный случай в наше непростое время — все ругают, но все смотрят и обсуждают.

Нашего с Дуней давнего шапочного знакомства хватало для того, чтобы во время редких встреч мы чувствовали себя почти родными людьми.

— Приятно посмотреть, как работают профессионалы, — похвалила меня Дуня и дружески шарахнула по плечу. Я чуть не слетела со стула, а плечевой сустав предательски хрустнул.

— Дуня, помоги, — жалобно попросила я. — Введи в курс дела. Мне здесь... как-то неуютно.

— Ладно врать-то, — отмахнулась Дуня. — Я за тобой два часа наблюдаю и истекаю завистью. Ты, считай, всех уже окучила.

— Ага. Осталось всего ничего — понять, что происходит и кто кому кем придется.

— Хочешь заглянуть на политическую кухню? — Дуня хитро прищурилась.

— Да. Расскажи мне про них. Пожалуйста.

— Про кого? — Дуня достала большой мужской носовой платок и громко высморкалась. — Про Трошкина? Иратова? Васильева?

— Расскажи о пьяной блондинке, которую похитил твой главный редактор. Кто она и как связана с присутствующими здесь джентльменами?

Дуня насторожилась:

— Зачем?

— Сама не знаю, но очень она меня заинтересовала.

— Не расскажу! — Дуня сердито закурила и уставилась в окно.

— Почему? — растерялась я. Реакция Дуни на мою простую просьбу показалась мне чрезвычайно странной. Она, как убежденная тусовщица, любила посплетничать и всегда охотно делилась своими наблюдениями.

— Потому что это моя тема! — Дуня занервничала и принялась метать на меня грозные взгляды. — Моя! Я уже год ее разрабатываю.

— Дунь, ты чего? — возмутилась я. — Я что — конкурент тебе? Я вообще здесь по своим делам, и ничего про эту тетку писать не собираюсь. Не хочешь — не рассказывай, только не надо на меня так смотреть.

— Ладно, так и быть. Только поклянись страшной клятвой, что ты не собираешься о ней писать.

— Клянусь страшной клятвой.

— Светка Григорчук, замредактора "Секс-моды". Хищная акула, дрянь и провокаторша. До романа с Трошкиным вела оголтело развратный образ жизни. Подружка Иратовской жены. Что еще? Сейчас Светка активнейшим образом подсиживает Нору Симкину, редакторшу "Секс-моды". И подсидит, уве-

ряю тебя. Нору жалко. Журнальчик у них, конечно, поганенький, но по сравнению с другими порнушными изданиями — не самый худший вариант. Потом, Нора его сделала, нашла американских инвесторов, на рынок протолкнула, а теперь эта гадина рвется на все готовенькое. На Трошкина Светка, похоже, сделала серьезную ставку. Уж не знаю, какая там любовь-морковь, но чем-то он ее зацепил. То ли деньгами, то ли своими политическими перспективами. Да и пора остепеняться, лет-то Светке уже глубоко за тридцать. Сколько можно по чужим койкам болтаться? Вот и все.

Я сочла свою миссию исчерпанной, поблагодарила Дуню, тепло распрощалась с ней, но, не успев я выйти в холл, как в плечо мне вцепилась легкая на помине Григорчук. После всего выпитого говорить она еще могла, правда, с трудом и нечетко.

— Не многовато ли денег он тебе отвалил? — мерзко ухмыляясь, процедила она сквозь зубы.

— Простите? — Я сделала попытку высвободиться из ее цепкой руки.

— Я видела, он дал тебе денег. — Григорчук уставилась на мою сумочку взглядом рецидивиста-грабителя. — Не многовато ли?

— Так работа сложная, — ответила я. — И срочная.

— Сложная? — Она захохотала. — Вот новость. Не стала бы она первой древнейшей, если бы была сложной. Или у тебя особый перечень услуг?

— Как вам не стыдно? — возмутилась я. — Александр Дмитриевич заказал мне книгу.

— Раскрытую? — гнусно захихикала Григорчук.

Не желая больше выслушивать эти пьяные гадости, я резко развернулась и быстро, почти бегом, направилась к лестнице. Григорчук рванулась за мной, но тут, очень вовремя, в холле появился Алешин и утащил ее в лифт.

Поднимаясь к себе в номер и обдумывая ситуацию, я вынуждена была признать, что вечер в целом прошел удачно, но противная Светлана Григорчук все-таки смогла испортить мне настроение.

Ольга

Ольга Алешина с мольбой смотрела на директора дизайн-студии “Метаморфозы”, то и дело показывая ему циферблат своих часов. Сопровождение затягивалось, а ей еще надо было успеть забрать сына из спортивной школы и завести его в поликлинику.

— Иди, Алешина, иди. Я скоро по полу размажусь под твоим укоризненным взглядом, — сказал, наконец, директор, и Ольга пулей вылетела из зала совещаний, забежала в свою комнату за сумочкой и уже через минуту отъехала от студии. Конечно, она опоздала — Филипп уже сидел на крыльце школы, всем своим видом изображая недовольство.

— Не ругайся на меня, — попросила Ольга сына. — Во-первых, я не виновата, начальство заставило задержаться, а во-вторых, в поликлинику мы успеваем.

Филипп залез на заднее сиденье, устроился там и захрустел яблоком.

— Ма, ничего сладенького нет?

— Нет, купим на обратном пути.

Домой они приехали в девятом часу. Жалобные крики доберманихи Фроси Ольга с Филиппом слышали еще на первом этаже, когда вызывали лифт.

— Бедная собака. — Ольга опять почувствовала себя виноватой. — Ты перехвати пока что-нибудь в холодильнике, а я погуляю с ней.

Когда они оказались у двери квартиры, Фрося перешла на пороссячий визг, и Филипп зажал руками уши. Ольга нервно рылась в сумочке в поисках ключей, но они как в воду канули.

— Не ори! — крикнула она собаке. — В таких условиях я никогда ничего не найду.

Фрося в ответ заверещала с удвоенной силой.

— Похоже, я забыла ключи, — Ольга повернулась к Филиппу и оторвала его ладони от ушей. — Дай твои ключи, пожалуйста.

— А я не брал, — растерянно ответил Филипп. — Я же знал, что сегодня мы возвращаемся вместе.

Они с минуту тупо смотрели друг на друга, потом Ольга взяла сына за руку, завела его в лифт, и обсуждать ситуацию они принялись на лавочке перед подъездом.

— Что делать? — спросила Ольга.

— А когда вернется папа? — спросил Филипп.

— Послезавтра вечером!

— Да-а, дела, — вздохнул мальчик. — Фрося три раза сдохнет. Тогда...к бабушке ехать, что же еще?

— А Фрося? Она же с ума сойдет.

Они помолчали.

— Ты сам доедешь? — устало спросила Ольга.

— Конечно! Какие разговоры.

— Ладно, давай так и сделаем. Ты поезжай к бабушке, а я — к папе, за ключами. Этот пансионат недалеко.

... В прошлом году Ольга ездила с мужем в "Рошу", но за дорогой не следила и помнила лишь то, что за пунктом ГАИ надо свернуть с шоссе направо.

Оказавшись на разбитой вдрызг дороге, Ольга растерялась. Три километра тряски по ухабам практически убедили Ольгу, что она свернула не туда. Найти место для разворота на темной дороге не так просто, легко можно наехать на пень или целое дерево, и она вышла из машины с намерением осмотреть ландшафт. Не успела Ольга сделать и шага, как из темноты вынырнул человек с автоматом в камуфляже и вежливо поинтересовался:

— Что здесь делаем, гражданочка?

У Ольги от страха подкосились ноги и отнялся язык. Человек с автоматом, между тем, смотрел требовательно и ждал ответа.

— Мужа ищете, — наконец выдавила из себя Ольга.

— Заблудился? — уточнил автоматчик. — Грибы собирал в лесу?

— Нет. Он здесь в пансионате, по делам.

— По каким, извините?

Ольга молчала, мучительно соображая, как бы сформулировать дела мужа, чтобы получилось посолиднее. Сам Алексей перед отъездом в пансионат “Роща” уверял ее, что предстоит безобразная пьянка, но с кучей нужных людей, и потому придется поехать, хотя и очень не хочется.

Человеку в камуфляжной форме молчание Ольги не понравилось, и он, на глазах теряя прежнюю вежливость, потребовал:

— Документы ваши предъявите.

Ольге сразу стало легче. Вряд ли, подумала она, грабителя с большой дороги могли заинтересовать ее документы. Логичнее было бы попросить деньги и украшения.

Она протянула ему удостоверение и сказала уже гораздо спокойнее:

— В пансионате “Роща” проходит семинар. Там мой муж, и он мне срочно нужен.

Человек в камуфляже вытащил из кармана рацию, чем окончательно успокоил Ольгу, и принялся монотонно повторять в нее:

— Сокол, сокол, я второй, я второй. Сокол, сокол... Как фамилия мужа?

— Алешин, — с готовностью отозвалась Ольга. — Алешин Алексей Алексеевич.

— Алешин, есть такой? Да? В каком? Понял, отбой. Так бы сразу и сказали, — укоризненно заметил он Ольге. — Вы не туда свернули. Но и отсюда тоже можно проехать. Прямо метров пятьсот, там развилка, по ней налево. Муж ваш живет в триста седьмом номере.

— Большое спасибо! — Ольга шагнула навстречу своему спасителю, но тот уже исчез в темноте.

Через десять минут она входила в вестибюль пансионата. Здесь тоже бродили два охранника, но они никакого интереса к Ольге не проявили.

Триста седьмой номер был заперт, и на стук никто не отзывался.

— Поищите в ресторане, — посоветовала пробегающая по коридору девушка, на шее которой болталась пластмассовая карточка “Семинар главных редакторов”. — Кажется, я его там видела.

Ольга спустилась в ресторан и медленно побрела между столиками, вглядываясь в лица и про себя ругаясь на царящий во-

круг полумрак. Народу в ресторане было совсем мало, тихо играла музыка, и Ольга вдруг разозлилась: она мечется, как ошпаренная, — на работу, в поликлинику, по страшным лесам, чтобы погулять с собакой, а он наслаждается жизнью.

— Присаживайтесь, в ногах правды нет, — услышала Ольга рядом ласковый голос.

— Вы мне? — Она оглянулась. За столиком рядом с проходом сидела небольшая кампания.

— Вам, конечно. Присаживайтесь, будем рады.

Удивляясь сама на себя, Ольга села к столу. Зачем? Потом она будет утверждать, что собиралась расспросить этих людей о муже, узнать, где он. На самом же деле она просто очень устала и обрадовалась доброжелательной интонации.

— Выпьете с нами? — спросил один из четверых.

— Я, вообще-то, за рулем...

— Чуть-чуть, хотя бы.

Ей налили вина, и Ольга отпила глоток, больше из вежливости.

— Вы здесь впервые? — спросил Ольгу тот, что пригласил ее к столу.

— Да, — кивнула она. — И совершенно случайно.

— Здесь все случайно, — улыбнулся ее собеседник. — Мероприятие такое — три вечера случайных встреч. Мне показалось, вы искали кого-то?

— Алешина. Не видели его?

— Бросьте! — рассердился один из присутствующих. — Зачем он вам сдался? Дешевый выпендренник. Только не говорите, что вам нравится его газета!

Ольга ничего такого говорить и не собиралась.

— К тому же, ему сегодня не до вас. Впрочем, это не мое дело.

— Он вам очень нужен? — мягко спросил мужчина, сидящей напротив Ольги. — Попробуйте спуститься в баню, час назад туда отправилась большая толпа.

Видимо, на лице у Ольги явственно проступило нежелание идти в баню, да и вообще бродить по пансионату.

— Понятно. — Ее собеседник задумался. — Сюда он вряд ли придет, так что здесь дожидаться смысла не имеет. Знаете что, посидите-ка вы в холле. Все дороги здесь ведут через холл — и из бани, и из бильярдной, и с улицы, между прочим. Вечер теплый, многие гулять пошли. Точно, идите в холл, там вы не разминетесь.

Ольга поблагодарила и направилась к выходу из ресторана. А по дороге ей в голову пришла здравая идея: зайти в номер к мужу и взять ключи от дома. Не таскает же он связку с собой по баням и по парку.

— Будьте добры, дайте мне ключ от номера, в котором живет Алексей Алешин, — жалостливо попросила Ольга администраторшу.

— От триста седьмого? Ключи на руках, лучше ищите, де-вушка, — ответила та.

Ольга уже отошла на несколько шагов, но администраторша вдруг сжалась:

— Дать вам запасной, что ли? Только потом обязательно верните, а то уборщица к вам зайти не сможет.

По всему триста седьмому номеру были разбросаны вещи мужа. Ольга машинально собрала их и повесила в шкаф, попутно достала из кармана куртки ключи от квартиры и положила к себе в сумку. Она уже стояла в дверях, когда в балконную дверь что-то мелко застучало. Ольга подошла к окну и сквозь стекло увидела огромную жирную ворону. Она с детства не любила этих птиц и верила в примету, что если они постучат в окно, то обязательно случится несчастье.

— Кыш! — Ольга замахала руками, но ворона и не думала улетать. — Кыш!

Ольга открыла балконную дверь и топнула на птицу ногой.

И тут же тишину прервал громкий женский стон, потом еще. Ольга вздрогнула — кому-то плохо?

Архитектор, спроектировавший пансионат “Роща”, был веселым человеком. Потому и придумал лоджии, кольцом опоясывающие этажи, без всяких там перегородок. Ходите, люди добрые, заглядывайте в окна соседних номеров.

Ольга вышла на лоджию и подошла к балконной двери соседнего номера, из которого доносились стоны. Мужа она узнала не сразу, потому что не ожидала увидеть его в чужом номере в таком виде. Алешин совершенно голый стоял посреди комнаты. Повернув голову, Ольга увидела ту, на кого он смотрел, — поперек большого кресла безвольно лежала томная дама в вечернем наряде. “Что ж она стонет-то раньше времени?” — усмехнулась Ольга, перевела глаза на мужчину и в ту же секунду узнала мужа. А узнав, страшно испугалась. Первое, что она почувствовала, — неловкость. Ей стало стыдно перед Алексеем за то, что она застала его в такой дурацкой ситуации. “Только бы он меня не заметил, — подумала она, — Господи, только бы он не обернулся”.

Алешин и не думал оборачиваться. Он подошел к креслу, встал на колени перед возлежащей там женщиной и принялся медленно расстегивать пуговицы на ее платье. Ольга не хотела смотреть на это, она точно знала, что нужно немедленно отвернуться, уйти, но ее как будто парализовало. Она стояла перед балконной дверью и смотрела, смотрела, смотрела...

Она продолжала неподвижно стоять перед окном чужого номера и тогда, когда Алешин, блистательно исполнив партию любовника, оделся и вышел из комнаты. И тут же она услышала, как в замке его номера поворачивается ключ. Алешин вошел в свой номер и сразу отправился в ванную. Через пару минут он появился, завернутый в полотенце, плюхнул-

ся на диван, набрал номер телефона, подождал, набрал дру-гой:

— Елизавета Ивановна? Здравьте, теща дорогая. Жена моя не у вас? Да? Вот, представьте, до сих пор нет дома, никто не подходит к телефону. Стоит мужу за порог, как сразу вечерние мероприятия. Ха-ха-ха.

Алешин не спеша оделся и вышел из комнаты. Женщина в соседнем номере завозилась в постели, приподнялась на локте и пьяным голосом позвала:

— Алешин! А-ле-шин! Сладость моя, где ты?

“Сладость” в это время был уже в коридоре, а Ольга еще несколько секунд провела на балконе, слушая пьяный голос любовницы мужа, — она уже не звала Алешина, а звонила какому-то Вадиму.

...Очнулась Ольга только в холле пансионата. Она долго умывалась в общем туалете на первом этаже, не обращая внимания на недовольное бурчание уборщицы: “Чего здесь брызгать, в номере, поди, умывальник есть”.

Как ни странно, она смогла дойти до машины и завести двигатель.

Через десять минут Ольга Алешина неслась по шоссе в сторону Москвы, по лицу ее текли слезы, и она старалась думать только о том, что ее ждет собака Фрося, которую срочно нужно вывести на прогулку.

Александра

Честно говоря, я не верила, что убийство все-таки произойдет. И потому, когда за дверью моего номера раздались торопливые шаги, топот ног, и протяжный женский то ли крик, то ли стон: “Уби-и-ли-и-и...”, мне стало так плохо, как давно уже не было. Трясущимися руками я набрала Васин номер, но толком сказать ничего не успела, — он сразу понял, что случилось, после того, как я жалко выдохнула:

— Ой, Вася...

— Уже еду, — коротко ответил Василий и бросил трубку.

Я вышла в коридор и сразу наткнулась на Людмилу Иратову. Она сидела на полу около двери в свой номер, и по ее бледному лицу струились слезы. Утешать безутешных вдов я не умею, и потому предприняла малодушную попытку сбежать. Но стоило мне сделать пару шагов в сторону холла, как Людмила подняла заплаканные глаза и с мольбой простонала:

— Саша, милая, прошу вас, позовите моего мужа.

У меня защемило сердце от жалости — бедная женщина, ничего удивительного, что рассудок у нее помутился. Но что делать? Мне-то что делать?

Я плюхнулась рядом с ней на пол, погладила по плечу и предложила ей свой носовой платок. Она поблагодарила, уткнулась лицом в платок и зарыдала:

— Горе... какое горе.... Боже мой...

— Я понимаю, как вам тяжело, — пробормотала я, — но что же делать?

В сущности, ничего глупее сказать было нельзя.

Людмила вытерла лицо платком и опять попросила:

— Вадима позовите, пожалуйста. А то у меня ноги ватные, я двинуться не могу.

— Он... — я судорожно соображала, как лучше с ней разговаривать, — он... вряд ли сможет сейчас подойти.

— Сашенька, попросите его, пожалуйста. Скажите, что он мне сейчас очень-очень нужен.

Я сама уже чуть не плакала, глаза предательски щипало, сердце болело все сильнее. И тут в конце коридора показался сам “убитый”. Вадим Сергеевич. Его мертвенная бледность подтверждала факт, что он уже минут пять как покойник, но то, что убиенный шел к нам уверенным шагом, заставляло усомниться в реальности происходящего и производило жуткое впечатление.

— Вадим... — благодарно выдохнула Людмила, но что она сказала дальше, никто не услышал, потому что я дико заорала.

Спустя десять минут я сидела в номере Иратовых и, трясаясь крупной дрожью, пила коньяк. “Покойник” все это время нервно рассказывал по комнате и строго выговаривал мне:

— Чем же это я так сильно вас напугал, милая? Что с того, что я труп обнаружил? Сразу в убийцы записывать? Да на моем месте мог оказаться кто угодно! Вы могли. Люда могла. Любой человек.

— Да нет, просто... — попыталась оправдаться я.

— Не надо! — перебил меня Иратов. — Чего ж вы так заорали, увидев меня? Решили, что я убивать вас иду? Сумасшедший дом, ей Богу.

— А ... кого убили? — невпопад спросила я.

Иратов раздраженно отмахнулся:

— Нашли время шутить. Перестаньте.

— Нет, серьезно. Я-то думала, что убили вас.

— Почему? — Иратов уставился на меня пронизывающим взглядом. — Почему вы так подумали?

— Не знаю, — покраснела я. — Слышу крики: “убили, убили”, выхожу, вижу — Люда плачет. Ну вот...

— Да? — Иратов, по-моему, не поверил. — Убили Свету Григорчук. Задушили.

Людмила опять зарыдала, и я, извинившись, тихо смылась. Надо было осмыслить все происходящее и бежать встречать Васю. Голова раскалывалась, и я ничего не понимала. Ровным счетом ничего.

Выйдя от Иратовых, я поспешила смешаться с толпой у номера Григорчук — надо же послушать, что люди говорят. Говорили всякую чушь: что спяну Григорчук заснула, лицом в по-

душку, и задохнулась; что к ней приезжал ее любовник и задушил; что Иратов поругался с ней и просто в гневе бросил в нее подушкой, а она возьми да и умри.

— Иратов? — Я заинтересовалась. — А почему вы думаете, что он?

— Потому что он ее нашел, — пояснила мне горничная.

— Нашел? Где? — Я прикинулась, что слышу об этом впервые.

— В ее номере.

Я огляделась по сторонам и заметила интересную парочку: Татьяну Эдуардовну Ценз и Элеонору Генриховну Симкину. Они стояли особняком, чуть в стороне от растревоженной толпы, и взирали на суетящихся людей с досадой. Ни та, ни другая не заламывали рук, не всхлипывали и не стенали. Они деловито обменивались короткими репликами. Я протиснулась поближе и замерла на таком расстоянии, чтобы их не насторожить, в надежде расслышать хоть что-нибудь. Сначала мне показалось, что зря я к ним продираюсь — обе молчали и на глазах погружались в меланхолию.

— Вадим выкрутится, — вдруг сказала Ценз. — А вот мы — вряд ли.

— Но сейчас уже ничего не поделать, — отозвалась Симкина. — Все равно нам придется объясняться. Одно утешение — не только нам.

— Но нам особенно, — с горечью продолжала Ценз. — Пойдем ко мне, поговорим.

В этот момент в конце коридора появился Вася.

— Убедительно прошу всех разойтись по своим номерам. Все — по номерам. У нас будут к вам вопросы. Повторяю...

Ему не нужно было повторять. В чем Васе невозможно отказать, так это в убедительности. Народ так и брызнул по комнатам.

— Я позвоню тебе, — сказала Ценз Симкиной, уходя. — Поговорить нам нужно сегодня.

Василий

За Коноваловым мелко семенил следователь прокуратуры Георгий Малкин и злобно шипел в широкую спину капитана:

— Помедленнее, ирод, ты не на беговой дорожке.

— А ты не на прогулке в парке, — огрызнулся Коновалов. — Шибче шевели оглоблями.

— При чем здесь шибкость? — Малкин укоризненно качал головой. — Я немного уступаю тебе в длине конечностей.

Василий резко затормозил у номера триста шестого, оглянулся, набрал полную грудь воздуха и вошел внутрь. Гоша влетел следом и прикрыл дверь. В номере уже вовсю работали два эксперта-криминалиста.

— Ничего? — спросил Василий требовательно.

- Ты только не ори, — попросил пожилой эксперт, выползая с лупой из-под кровати. — Орать не надо.
- А кто орет! — заревел Василий. — Я еще ничего и сказать не успел, только вошел, и сразу начинается...
- Тихо-тихо-тихо-тихо, — миролюбиво затарахтел Гоша. — Рассказывайте, ребятки, что почем.
- Гош, — демонстративно игнорируя Коновалова, начал эксперт, обращаясь исключительно к Малкину, — девушку задушили. Подушкой. Извини за простоту. Я вижу, что капитан Коновалов жаждет крови, но увы. Просто подушка и не более того.
- Да, несовременное орудие убийства, — согласился Гоша. — Так что же получается — бытовуха?
- Ты меня спрашиваешь? — вытаращил глаза эксперт. — Может, и следствие мне поручишь вести?
- Успокойся, Миша, я не тебя спрашиваю, а себя. Сопротивлялась?
- Не поверишь — да, — усмехнулся эксперт. — Ты, Гош, следователь, а значит, не такой дурак, как опера, — выразительный взгляд в сторону Василия, — и, конечно, знаешь, что когда душат — это не очень приятно.
- Царапалась?
- Явной кожи под ногтями нет, но приборы покажут. Да, Гоша, она пьяная вдрызг, — эксперт ткнул пальцем в труп, лежащий на постели.
- Понял. Что еще про девушку скажешь? — Гоша наклонился над кроватью и принялся внимательно разглядывать лицо убитой.
- Скажу, что есть следы спермы.
- Изнасилование?
- Гоша! — возмутился эксперт. — Что с тобой сегодня? Откуда я знаю? Я тут пыль протираю, пробирки заполняю, а уж насиловали или по доброй воле — это твоя работа.
- Что-о? — снова взревел Василий, который изо всех сил крепился, слушая диалог следователя и эксперта. — Чья работа?! Он, что ли, будет убийцу искать?
- О, Вася, ты здесь? — Эксперт изобразил на лице удивление. — А я думал, раз так тихо и не орет никто, значит, ты вышел. Извини, дорогой.
- Хватит, ребятки, — мягко попросил Гоша. — Вася расстроен, он пытался предотвратить убийство, Лёня здесь торчал, контролировал ситуацию, а вот как получилось. Так что ты, Мишаня, не выпендривайся. Прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю. Есть следы насилия или нет?
- А кто ее разберет? — эксперт посерьезнел. — Синяки есть. Следы пальцев на предплечьях, довольно сильно давили, но вот насилие ли? Скорее, пылкая страсть, типа: ух, я тебя, дорогая!
- Точное время смерти скажешь?

— Скажу. Между десятью и половиной одиннадцатого.

— Ты скоро закончишь?

— Часик еще поработал бы. — Эксперт посмотрел на часы. —

Или полтора.

— Работай, мы мешать не будем.

Гоша вышел из номера, Василий показал эксперту кулак и тоже покинул номер.

— Давай так, — предложил Василий. — Отсекаем всех, у кого твердое алиби. Остальных — ко мне, сегодня же и допрошу. А то, чует мое сердце, разбегутся они, а потом гоняться за такими большими начальниками — дохлый номер.

Гоша кивнул:

— Поделись, не жадничай. Всех ты допросить сможешь только к утру. Отдай часть мне.

К ним подошли два молодых оперативника — лейтенанты из местного отделения милиции.

— Вот список тех, кого вы сразу можете исключить, — сказал один из них. — Вот эти — были в бане с девяти вечера. Вот эти — в ресторане. Здесь только те, кто безвылазно. Кто ни в сортир, ни на балкон. Тех, которые выходили хоть на пять минут, мы сюда не включили.

— Молодцы, — похвалил Василий. — И сколько осталось без алиби?

— Двенадцать человек, если не считать обслуги и охраны. — Молодой оперативник ободряюще похлопал Василия по плечу. — Найдешь, капитан, круг узок.

— Найду, — кивнул Василий. — Это точно. А посторонних здесь быть не могло? Я имею в виду тех, кто в списках не фигурирует.

— Исключено. Три кольца охраны. Все приезды-отъезды фиксируются, место-то серьезное.

— Двери можно открывать? — спросил другой оперативник. — А то народ возмущается, как в тюрьме, говорят.

— Во-первых, это не народ, а слуги народа. А во-вторых, хотел бы я пожить в такой тюрьме. — Гоша с завистью огляделся по сторонам. — Санаторий!

— Пансионат, — поправил его оперативник.

— Это я образно. Открывай двери, чего уж.

— Вот еще что, — молодой оперативник протянул Василию бумажку, — относительно посторонних. Приезжала тут подозрительная гражданочка, якобы жена одного из гостей. Охранник ее на дороге в лесу засек. Говорит, странная, пугливая. Приехала, покрутилась в ресторане, сказала, что муж ей позарез нужен, потом обманным путем взяла ключи от триста седьмого номера, то есть соседнего с тем, в котором произошло убийство, а через полчаса уехала. Никакого мужа дожидаться не стала.

— Когда она уехала?

— В десять с копейками.

— То есть вполне могла укокошить нашу потерпевшую? — спросил Василий.

— Запросто, — кивнул оперативник. — Находясь в соседнем номере... запросто.

— А чья она жена?

— Некогого Алешина. Он, кстати, о присутствии своей супруги в пансионате ничего не знает, что, впрочем, не мудрено — он ее не видел.

— Что значит “не знает”? — удивился Василий. — Разве ты ему не рассказал, что она здесь была?

— Рассказал? — сделал большие глаза оперативник. — Мне что, больше всех надо? Я же не справочное бюро. Это они мне все рассказывали, а я слушал и вопросыки задавал. Алешина, например, я спросил, когда он последний раз видел свою жену. Он разорался, в том смысле, что “а жена-то моя здесь при чем?”. Я повторил вопрос, он ответил, что видел ее сегодня утром. Я говорю: “А вечером?” А он: “Как, по-вашему, я мог видеть ее вечером, когда я был здесь?” Вот и все. Любопытный факт, согласитесь. Что ей, спрашивается, здесь делать по секрету от мужа?

— Подрастешь немножко, и я тебе обязательно расскажу, что обычно делают женщины по секрету от мужа, — пообещал Василий. — Ужас, что делают! Стыд и срам.

— У меня серьезные сомнения, что жена Алешина приезжала сюда с подобными непристойными целями, — покачал головой оперативник. — Кстати, а вы намерены проинформировать гражданина Алешина о странном поведении его жены?

— Я вообще не намерен в ближайшие два дня общаться с теми, у кого алиби. Мне бы с остальными успеть разобраться. Так что означенного гражданина я допрошу позже и на своей территории. — Василий присел на кресло в холле коридора и жестом предложил остальным последовать его примеру. — Итак, кто еще вызывает особые подозрения?

— Натурально, тот, кто труп обнаружил, — почему-то рассмеялся молодой оперативник. — Только как вы его колоть будете, ума не приложу. Большой человек, слишком большой.

— Ты нашими проблемами голову не забивай, — одернул оперативника Василий. — Рассказывай, как дело было.

— Они сидели в ресторане. Сейчас, — оперативник раскрыл блокнот, — вот здесь те, кто с ним был. Всего пять человек. Разговаривали. Пришла администраторша, позвала Иратова к телефону. Тот сказал: “Что за фигня, куда это я пойду, пусть звонят по мобильному”. Администратор объяснила, что звонит Григорчук и очень просит подойти. Срочно. Иратов выругался, в том смысле, что пьяные бабы — горе для общества, но пошел. Поговорил по телефону — администраторша слышала, что разговор был не мирный, Иратов огрызался и вообще гневался. Потом бросил трубку, заглянул в ресторан: “На секунду, мужики,

что-то она там крутит", и поднялся в номер Григорчук. Все. По его словам, он поднялся в номер, а она уже мертвая.

— То есть через минуту-две он уже прибежал обратно? — уточнил Гоша. — Оглашая воздух характерными в такой ситуации криками?

— Нет, в том-то и дело, — усмехнулся оперативник. — То есть воздух он огласил, но позже. По его словам, он поднялся, постучал в дверь, ему не открыли, он зашел к себе в номер, позвонил оттуда по телефону в номер Григорчук, та трубку не взяла, он опять пошел, постучал посильнее, и дверь открылась.

— Смешно, — мрачно заметил Василий. — А главное — правдоподобно. В первый раз ему не пришло в голову толкнуть дверь.

— Почему же — пришло, — оперативник хитро посмотрел на Коновалова. — Он уверяет, что и толкал, и дергал за ручку, и кулаками стучал, но дверь была заперта. А вот через пять минут оказалась не запертой.

— Странно это, — задумался Василий. — Очень странно. А ну-ка пойдем к этому сказочнику!

— Подожди, — остановил его Гоша. — У меня еще есть вопросы. Скажи, лейтенант, кто из наших двенадцати болтался в районе третьего этажа в тот период, когда Иратов поднимался к себе в номер?

— Про третий этаж не скажу, — на секунду задумавшись, ответил оперативник. — Потому как здесь никто никого не видел. Но после ухода Иратова из ресторана оттуда по очереди выходили Татьяна Ценз и Элеонора Симкина.

— Интересно. — Гоша повернулся к Василию. — Как тебе кажется, милый мой, удушение подушкой — это ведь женский стиль? Мужики предпочитают удавку.

— Подушка — это унисекс, — отмахнулся Василий. — Она всем полам и возрастам покорна.

— Допустим. Хотя я считаю, что женщина, как существо более чувствительное и впечатлительное, предпочитает не видеть лица жертвы. Но убийство могло произойти и до ухода Иратова из ресторана? — Гоша прошелся по холлу из конца в конец и присел на подлокотник кресла. — Могло?

— Так ведь она ему звонила, — растерянно промямлил оперативник.

— Пока он дошел из холла до стола, пока сообщил приятелям, что Григорчук его вызывает, — прикинул Гоша. — Это минуты три. Можно успеть двух теток задушить. Умеючи-то.

— Вы правы, между прочим, — заметил оперативник. — Когда Иратов выходил из ресторана, он столкнулся в дверях с этим политологом Трошкиным, и они еще пару минут постояли и поболтали.

— Ладно, дружок, свободен. И напарника своего забирай. Теперь уж мы. — Гоша пожал оперативникам руки и каждому

благодарно улыбнулся. Василий не удостоил младших товарищей такой милости и продолжал сидеть, как истукан. Чутье подсказывало ему, что он еще нахлебается под завязку с теми выдающимися личностями, которых следовало внести в список подозреваемых.

— Знаешь что, Гошечка, — поднял он, наконец, голову. — Я не верю в такие совпадения, как анонимка с предупреждением об убийстве и последующее убийство. Не верю.

— Теоретически возможно.

— Нет, здесь твои математические расчеты не годятся. А значит — одно из трех: либо автор анонимки и убийца — одно и то же лицо, и ему зачем-то было нужно, чтобы во время убийства здесь были наши люди; либо автор анонимки действительно знал о предстоящем убийстве, но почему-то ошибся и подумал, что убивать будут Иратова; либо убийца почуял неладное, и Иратова убивать пока не стал...

— ...а решил придушить Григорчук — не уходить же с дела с пустыми руками, — подхватил Гоша. — Ну, уже настроился человек на убийство, уже приготовился, оделся соответственно...

— Напрасно веселишься. — Василий посмотрел на Гошу с угрозой. — Ой, напрасно.

— Вась, я тебе таких “либо-либо” целую кучу набросаю. И на каждое из них найду тысячу возражений. Например, по первому твоему тезису — совершать убийство, зная, что здесь перодетые менты, будет только полный отморозок или сумасшедший.

— О-о, ты здорово меня опроверг! — заорал Василий. — Просто класс. Мы-то, ясен пень, имеем дело с абсолютно нормальным человеком. Разве отморозок или псих будет душить женщину? Да никогда!

— Вась, прекрати орать, а? — попросил Гоша. — Голова от твоих воплей болит, честное слово. Теперь о том, что убийца что-то перепутал и не того замочил.

— Я этого не говорил! Я не говорил, что убийца перепутал жертвы! Что ты из меня идиота делаешь? Я знаю твои штучки — завтра припрешься в управление и начнешь веселить народ: “Коновалов выдвинул потрясающую версию о том, что убийца просто не разглядел как следует свою жертву. А Иратов и Григорчук так похожи, так похожи, в темноте просто не различишь. Да и номера у них совсем рядом — у одного на четвертом этаже, у другой — на третьем”. Я сказал, что автор анонимки не разобрался в планах убийцы, вот и все.

— Ладно. — Гоша в знак примирения похлопал Василия по коленке.

— Не приставай, — обиженно дернулся тот, — ты не в моем вкусе. Лучше вымани сюда Саню, а потом Леонида. Пусть расскажут, ежики зеленые, чем они тут занимались.

Дуня

Дуня Квадратная односложно ответила на вопросы следователя, толком ничего не сказав. Во время убийства она находилась в бане в обществе более чем двадцати человек, то есть имела стопроцентное алиби, поэтому следователь Малкин разрешил ей уехать в любой момент. И она уехала немедленно.

Дуня очень спешила. Она понимала, что времени у нее совсем мало, и если она не успеет выполнить задуманное, то упустит потрясающий шанс.

Ей пришлось заехать домой за ключами от квартиры Григорчук и фонариком. К дому убитой она приехала уже за полночь. Ключи подошли идеально, и Дуня вздохнула с облегчением — качественно сделанная копия порой не только не хуже, а даже лучше оригинала. Проскользнув внутрь, Дуня прислонилась к стене и прислушалась. Не потому, что чего-то боялась, а так, по привычке. И совершенно явственно ощутила, что в темной передней кроме нее находится еще кто-то. Да, точно, она не только чувствовала это, но и слышала дыхание. Дуня, у которой горло перехватило от ужаса, замерла, а потом осторожно принялась нащупывать ручку двери. “Мне только надо резко нажать на нее и быстро выскочить на лестницу. Вот она, сейчас...” Спасительная ручка наконец нашлась, и, рванув ее на себя, Дуня вылетела на лестничную площадку.

Только оказавшись дома и заперев дрожащими руками дверь на все замки, Дуня обрела способность соображать.

— Очень интересно, — громко сказала она самой себе, — кому еще понадобились Светкины архивы? Значит, кто-то знал, что она...

...Дуня давно собирала материал на губернатора Троепольского, и вскоре в “Политике”, где она работала, должна была выйти огромная статья, которой предполагалось выделить чуть ли не первую полосу. На редколлегии Дуне аплодировали и осыпали восторженными комплиментами, а Алешин даже поцеловал ее в макушку. Дуню слегка знобило от предчувствия завтрашнего успеха — привычное состояние накануне выхода очередного шедевра. Завтра свежий номер “Политики” будет рвать из рук, о ее статье скажут во всех телевизионных и радио обзорах прессы...

На входе в метро Дуня задержалась у газетного развала. Выбрав десяток газет, она достала кошелек и вдруг обратила внимание на необычную суету вокруг продавца. Народ, как бешеный, хватал “Секс-моду”.

— Эротическая периодика пользуется успехом? — усмехнулась Дуня, протягивая продавцу деньги. — Все-таки озабоченный у нас народ.

— Так там Резвушкина, — пояснил продавец. — Оно и понятно.

Дуню поразило, как он произнес фамилию развратной журналистки. Будто всем давным-давно известно, кто она такая, будто она признанный авторитет и знаменитость, а вовсе не случайная авантюристка.

— Да? — Дуня, преодолевая брезгливость, взяла в руки “Секс-моду”. — И о ком на этот раз?

— О губернаторе Троепольском, — с готовностью ответил продавец.

У Дуни потемнело в глазах. Она почувствовала себя в пасти огромного чудовища, которое медленно и смачно пережевывает ее, наслаждаясь хрустом Дуниных костей. Кому и зачем нужно было перебегать ей дорогу? Кто такая эта Резвушкина и что плохого сделала ей Дуня?

Через час Квадратная тяжелым широким шагом шла по коридору редакции “Секс-моды”. Ее узнавали, здоровались, но сразу отступали — выражение Дуниного лица не располагало к беседам.

С Норой Симкиной, главным редактором “Секс-моды”, Дуня была знакома давно. В свое время Симкина активно зазывала Квадратную в “Секс-моду”, предлагала ей вести рубрику для некрасивых женщин. Что интересно — Дуню такое предложение ни капельки не обидело, и отказалась она потому, что женская тема ее совсем не интересовала.

...Симкина внимательно выслушала Дуню и согласилась, что дело не чисто.

— Скорее всего, — предположила она, — тебе мстят. Кто-то из политиков, о ком ты писала. Догадаться, кто у тебя следующий в очереди, проще простого. Ты ведь собираешь материал достаточно открыто — ходишь, спрашиваешь.

— Нора, я не стала бы грузить вас своими проблемами... — Дуня мрачно закурила, — если бы эта Резвушкина печаталась не у вас. Но ее публикуете вы. Скажите мне, кто она, я прошу только об этом.

Нора отвела глаза.

— Дунь, открою тебе страшную тайну — я ненавижу Резвушкину. Она мне отвратительна. Но ты, как человек деловой и трезвомыслящий, не можешь не понимать, что для нашего американского хозяина Резвушкина — подарок судьбы. Тираж разобрали за два часа, мы сейчас допечатываем. И все равно я бы тебе ее с удовольствием сдала, но... Ее знает только Григорчук, знает и никому не показывает. Попробуй с ней договориться, попроси, чтобы она не перебегала тебе дорогу. Кобелей что ли мало на политическом Олимпе? Поделите сферы влияния, и все дела.

— Вы серьезно, Нора? — мрачно усмехнулась Дуня. — Просить Светку об одолжении? Вы же прекрасно понимаете, что ничего не выйдет.

— А ты попробуй, — посоветовала Нора. — Откажет, почти наверняка откажет. Но здесь важно — как. Если отстраненно и

равнодушно, это одно. А если радостно и азартно, значит, это она начала на тебя охоту.

Дуня понимала, что Нора права. И еще Дуня твердо знала, что если она не найдет Резвушкину, то сойдет с ума. И впервые за много лет она заплакала.

— О Господи! — Нора засуетилась, налила стакан воды, всунула в руку Дуни бумажный носовой платок. — О Господи... Знаешь, у нас подписан контракт с Резвушкиной на тридцать три статьи. А потом планируется выпуск книжки "Тридцать три моих любовника". Единственное обстоятельство, которое может тебя обнадежить, — жертв Резвушкиной ровно тридцать три. Не более.

— Глупости, — всхлипывая, пробормотала Дуня. — Потом появится книжка: "Еще тридцать три любовника".

Нора вынуждена была согласиться.

Более-менее приведя себя в порядок, Дуня отправилась к Григорчук. Та, как всегда, вела себя стержовно и норовила побольнее укусить:

— Что, конец твоей небесной славы? А тебе мало? Да? Мало? Считаешь, недостаточно ты крови людям попортила? Завидки берут?

Дуня стоически терпела, на откровенное хамство отвечала печальными улыбками и просила только об одном: нельзя ли не вытаптывать ее лужайку? Нельзя ли спросить у таинственной Резвушкиной, зачем она все время мешает ей?

Григорчук мерзко хохотала:

— А полы тебе не помыть, а, Дуняша? А то ты скажи только, мы зараз. Да мне плевать, мешает она тебе или нет. Твоя проблема, не моя. Я за Резвушкиной два года гонялась, я ее, считай, вырастила, выпестовала, она, если хочешь знать, мой звездный час. А уж то, что вы с ней одних и тех же мужиков выбираете, меня волнует мало. Банально мыслите, значит. Да и жанр ты неправильный выбрала — журналистское расследование, фу, какая сука. Ты бы лучше, пока не поздно, пере-квали-фи-ци-ро-ва-лась. Ты у нас девчужка хоть куда, красавица, вот и бери пример с Резвушкиной.

Дуня вынесла все насмешки и гадости, но, выйдя от Григорчук, твердо пообещала закрытой двери:

— Хорошо, Светик, пеняй на себя. Сама нарвалась.

Она вернулась к Норе, но уже не в плаксивом, а в боевом настроении.

— Мне надо обыскать ее кабинет. Где-то хранятся координаты ее авторши.

Нора неожиданно легко согласилась:

— Завтра. У нас принято запирают кабинеты в течение дня. Приходи во время редколлегии, у тебя в запасе будет целый час.

Обыск кабинета ничего не дал, зато Дуня стала обладательницей ключей от квартиры Григорчук. Она самым наглым обра-

зом вытащила их из ее сумки и, пока шла редколлегия, успела сбежать в ближайший металлоремонт и сделать дубликат.

Теперь оставалось дожидаться удобного момента и навестить Светку дома. В ее отсутствие, разумеется.

Василий

— Вот, читай! — потребовал следователь Малкин и положил на стол раскрытую папку.

— Опись вещей, изъятых у убитой С.В. Григорчук на месте совершения преступления, — с выражением прочел старший оперуполномоченный Коновалов. — Я это уже читал, Гоша. Ничего интересного.

— Неправда! — тоненько вскрикнул Гоша. — Очень интересно! Почитай еще раз.

— Пудреница, тушь для ресниц, пачка бумажных носовых платков, удостоверение личности, техпаспорт автомобиля “Пежо-406”, две шариковые ручки, записная книжка, кошелек... — монотонно принялся читать Василий. — Потрясающе интересно! Кровь в жилах стынет. Как ты думаешь, я могу это взять домой, чтобы почитать перед сном? Гош, чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты увидел, чего в супе не хватает. Не что там есть, а чего там нет, но должно быть.

— А-а! Я знаю. Нет пачки долларов, которую опергруппа, прибывшая на место преступления, могла бы по-честному поделить, — мечтательно протянул Василий. — Согласен?

— Дурак, — сердито сказал Гоша. — Там нет ключей.

— И что?

— А то! Григорчук жила одна. И некому было открыть ей дверь изнутри. Как, по-твоему, она проникала в собственную квартиру? По водосточной трубе? Скажу больше — вахтерша из “Секс-моды” утверждает, что Григорчук никогда не сдавала ключ от своего кабинета на вахту и носила его на общей связке ключей. Где она, эта связка?

— И где она? — тупо спросил Василий.

— Сперли! — радостно провозгласил Гоша. — Убийца, надо полагать. Значит, убили ее не спонтанно, не сгоряча, не в припадке ярости, а преднамеренно, чтобы порыться в ее квартире и чегой-то там найти. А мы, группа козлов, два дня сидели в пансионате и задумчиво плевали в потолок, вместо того, чтобы рвануть на квартиру к потерпевшей и тоже там порыться. Поехали, дорогой. Лучше поздно, чем никогда.

Через полчаса Василий, Гоша и полупьяный эксперт Власов ощупывали дверь квартиры Григорчук.

— Бункер, — с уважением констатировал Власов, заглянув в замочную скважину и постучав по двери в разных ее местах. — Эксклюзив. Такая дверь может украсить любой секретный завод по производству боеголовок.

— Или тюрьму, — добавил Гоша.

— Или тюрьму, — согласился эксперт.

— Что делать будем? — Василий со злобой пнул дверь ногой. — Резать автогенном?

Дверь квартиры напротив приоткрылась и тут же захлопнулась.

— Правильно! — Василий хлопнул себя по лбу. — Где-то должны быть запасные ключи! Любая дверь продается с двумя, как минимум, комплектами ключей. У соседки? У подружки?

Василий вальяжно пересек площадку и позвонил в квартиру напротив.

— Уходите, молодые люди, — донесся из-за двери старческий голос. — Не балуйтесь.

— Милиция! — рывкнул Василий и прижал к глазку свое удостоверение.

Соседка Григорчук испуганно выглянула в небольшую — на длину дверной цепочки — щель:

— А что случилось?

— Соседку вашу убили, вот что, — грубовато ответил Василий.

— Убили? — старушка заинтересовалась. — Надо же.

— Она вам ключи от своей квартиры не оставляла, мамаша?

— Она? — Старушка неожиданно засмеялась тоненьким дребезжащим смехом. — Скажете тоже. А когда ж ее убили-то?

— В пятницу вечером. — Гоша мило улыбнулся старушке в надежде настроить ее на позитивный лад и склонить к сотрудничеству. И ему это удалось. Дверь закрылась и тут же открылась вновь — старушка сняла цепочку.

— В пятницу вечером? — удивилась она. — А кто же приходил в пятницу ночью?

— Что я говорил! — торжествуя, заорал Гоша. — Что я говорил?

— Почему вы решили, что кто-то приходил ночью? — спросил Василий.

— Потому что слышала, — с гордостью ответила соседка. — У ней замков-то — тышша. Придет, бывало, и громыхает, громыхает, пока все не отопрет. Богатства там, видать, много. И в пятницу тоже — громыхали, громыхали...

— Их было много?

— Чего не знаю, того не скажу, — старушка поджала губы. — Темно было на лестнице. Но сначала ктой-то пришел, дверь открыл и туда. А потом еще ктой-то. Я не знала, что и думать.

— Что соседка вернулась, чего ж еще? — пробормотал себе под нос Василий.

— А другой? Кто другой дверь-то отпирал? — требовательно спросила старушка. — К ней же не ходит никто.

Сыщики переглянулись.

— Какие последуют распоряжения? — проговорил эксперт Власов, отрешенно покуривая. — Вызываем слесаря?

— Скорее, сварщика, — задумчиво ответил Гоша. — Или...

— Понял. — Василий посмотрел на часы и послал Гоше воздушный поцелуй. — Ждите нас через час.

— Через час? — Эксперт Власов поперхнулся сигаретным дымом. — Ни фига себе! Целый час здесь торчать, на лестнице?

— Но, возможно, — ласково проговорил Гоша, — милая дама... вас как зовут?

— Аделаида Степановна, — прошамкала старушка.

— Возможно, Аделаида Степановна пригласит нас на чашечку чая? — Гоша лучезарно улыбнулся соседке, и она не выдержала.

— Что ж, заходите. Милиции должен помогать каждый.

— Какая верная гражданская позиция, — с восхищением произнес Гоша, скрываясь за дверь. — Редкость в наше время.

А Василий тем временем ехал к своему старому знакомому — “медвежатнику” Косте Сапожникову по кличке “Шкаф” — в недавнем прошлом крупному специалисту по вскрытию сейфов.

Костя завязал несколько лет назад и теперь очень успешно трудился на фирме, выпускающей сейфовые замки.

Несмотря на то, что Шкафу в прошлом году исполнилось шестьдесят пять, все называли его на “ты” — другого обращения он не признавал. Впрочем, и сам Шкаф обращался ко всем на “ты”, неизменно добавляя “мой юный друг”, невзирая, что называется, на чины, звания и возраст. Говорили, что президент фирмы, на которой Шкаф теперь честно трудился, первое время болезненно переживал Костину фамильярность, но потом смирился, резонно рассудив, что лучше иметь в штате уникального специалиста, чем вежливую бездарность. А равных Шкафу не было во всей Москве.

Увидев Василия, Шкаф расплылся в улыбке, заключил старшего оперуполномоченного в объятия и троекратно расцеловал его.

— Вася, мой юный друг, вот порадовал! Замочек заказать? Или дверку? Или просто навестить старого друга?

Шкаф преувеличивал — друзьями бывшего рецидивиста и старшего оперуполномоченного можно было назвать лишь с большой натяжкой. Но, что правда, то правда, они искренне симпатизировали друг другу, и Шкаф считал себя должником Василия с тех пор, как проходил по делу об убийстве трех охранников обменного пункта. Шкаф только-только вышел на свободу, и надо же такому случиться, что в это самое время кто-то очень профессионально вскрыл сейф обменного пункта, попутно застрелив охранников. Тупоголовый опер районного отделения не стал ломать голову и вцепился в Шкафа мертвой хваткой. Если бы не вмешательство Василия, сидеть бы сейчас Косте Сапожникову в колонии строгого режима.

— Хочешь, сделаю тебе такой замок, что и взрывчаткой не вскрыешь? — похлопывая Василия по спине, ворковал Шкаф.

— Нет, Костя, наоборот. Вскрой мне одну дверь.

Шкаф обиженно засопел и не столько выпустил, сколько выпихнул Василия из своих объятий.

— Ты еще в милиции служишь? — сухо уточнил он.

Василий молча достал удостоверение и положил на стол.

— Вася, у меня новая жизнь, новая работа, молодая жена. И ты предлагаешь мне такие гадости!

— Костя, о чем ты? — Василий тоже обиделся. — Я очень уважаю твой нынешний образ жизни, подумай, могу ли я предлагать тебе сомнительное мероприятие? Все в рамках закона, уверяю тебя. Убили тетку одну, а мы не можем в квартиру попасть, вот и все дела.

Шкаф внимательно оглядел Василия с ног до головы и покачал головой:

— Дверь? И ты сам не можешь? Не пудри мне мозги, мой юный друг.

— Как сам? Я не умею, у меня и инструмента нет, — удивился Василий.

— Инструмента? — Шкаф ухмыльнулся. — Записывай рецепт: разбегаешься с трех шагов и плечом высаживаешь. Сто двадцать килограмм чистых мускулов — хороший инструмент.

— Там сейфовая дверь, стальная, возможно — бронированная, — пояснил Василий. — Моего телесного инструмента маловато.

Шкаф, недовольно кряхтя, сходил за чемоданчиком, надел плащ и мрачно поплелся вслед за Василием, бормоча про себя:

— Не люблю я это дело. Тоже взяли моду — двери вскрывать. Ворье ментовское.

... Квартира Григорчук произвела на сыщиков, эксперта и примкнувшего к ним взломщика Шкафа странное впечатление. Она состояла из двух совершенно разностильных частей — кабинета и спальни. Кабинет покойная хозяйка оформила в стиле техно — стекло, никель, пластик. На стеклянном рабочем столе — антрацитового цвета компьютер, на стеклянных полках — справочники, энциклопедии, словари. Зато спальня поражала своей демонстративной альковностью — розовые шторы, обитые пестрым шелком стены, разноцветные ночники, кровать под балдахинном.

— Странная дамочка, — констатировал эксперт. — Единство и борьба противоположностей.

— Почему же? — не согласился Гоша. — Место для работы, уголок для отдыха.

— Слишком разные уголки, — поддержал эксперта Василий. — Как будто для двух разных людей.

Шкаф, пройдясь по квартире и заглянув в кухню и санузел, тоже принял философствовать:

— Злая баба, убитая ваша. И жадная. Знаю я таких. Им и то, и это, и все надо. Пауки, одно слово. Нутро железное, а сбоку бантик. Косит под кошечку, а сама клыки отращивает.

— Костя, да ты знаток человеческих душ! — восхитился Гоша. — По интерьеру всю подноготную хозяйки угадал.

— Не угадал, а прочувствовал, — покачал головой Шкаф. — Посиди с мое, тоже научишься.

— Нет, спасибо, — замахал руками Гоша. — Приступим?

Два часа все четверо перебирали бумаги Григорчук, чуть не на просвет рассматривая каждую, — ничего существенного не нашли.

— А что ищем? — спросил, наконец, Шкаф, когда последняя папка из последнего стеллажа была отложена.

— Знать бы — что, — вздохнул Василий.

— А зачем вы копаетесь в макулатуре? — не унимался Шкаф. — Чего вам надо-то?

— Мы надеялись найти компромат на некоторых высокопоставленных персон, — охотно пояснил Гоша. — Она, похоже, этим приторговывала.

— Баба, у которой такие двери, не может хранить такие ценные вещи на полках. Тайник ищите, мальчишки. Думаю, — Шкаф, как охотничья собака, повел носом из стороны в сторону, вышел из кабинета, заглянул в спальню и ткнул пальцем в простенок между кроватью и торшером, — думаю, там.

Чутье у старого взломщика оказалось феноменальным. Тайник действительно оказался рядом с кроватью. Заглянув за висящий на стене ковер, сыщики обнаружили дверцу с кодовым замком, а за ней сейф.

— Ну, ты даешь! — с восторгом прошептал Гоша. — Фантастика!

— Опыт, мой юный друг, опыт, — засмутился Шкаф. — Вскрывать?

С сейфом Шкаф возился непривычно долго, но дело того стоило. Содержимое сейфа настолько возбудило присутствующих, что Василию даже пришлось позаимствовать из холодильника бутылку водки и разлить ее содержимое по стаканам, не отходя от сейфа.

— За первую удачу! — высокопарно произнес Гоша. — Наконец-то.

— Ворованная водочка завсегда слаще, — крикнул Шкаф. — Может, еще одну? А?

...На вторник старший оперуполномоченный Коновалов назначил пять допросов. На резонный вопрос полковника Зайцева: “Не многовато ли будет?”, Василий дал резонный ответ: “Все равно вторник — день тяжелый”.

Вадим Сергеевич Иратов постучал в дверь седьмой комнаты отдела по расследованию убийств, которую занимали Василий и Леонид, ровно в десять часов утра, как ему и было назначено. С первого взгляда стало ясно — будущий губернатор сильно нервничает. Оно и понятно — положение человека, обнаружив-

шего труп, комфортным не назовешь. Но Василию казалось, что Иратов мог бы держаться получше. В конце концов, прямых улик против него нет, связи грандиозные, чего в панику-то впадать?

— Подумайте, Вадим Сергеевич, зачем Григорчук могла позвать вас в тот вечер?

— Я не знаю! Не знаю! — Иратов закурил сигарету, заметил, что дрожь в руках бросается в глаза, и бросил сигарету в пепельницу. — Пьяная женщина, весь вечер колобродила, ко всем задиралась. Видать, пришел и мой черед.

Василий аккуратно затушил сигарету Иратова и продолжил:

— У нее на перекидном календаре написано: "Поговорить с Вадимом". С вами?

— Не исключено. Хотя Вадим — имя не самое редкое. Возможно, она хотела поговорить со мной. И что? Мы с ней, к сожалению, часто разговаривали. Она — подруга моей жены, и доставала меня разговорами и дома, и в других местах.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, я вас ни в чем не обвиняю. — Василий выдержал эффектную паузу. — Я понять хочу. Согласитесь, когда человек оставляет себе памятку, записывает что-то в календарь, речь, скорее всего, идет не о простой болтовне, а о чем-то важном.

— Нет. — Иратов достал платок и долго вытирал вспотевшее лицо. — Нет. Она, Светка, была вздорной женщиной. Вот пришла ей мысль в голову, она позвонила, но меня не застала. Как быть? Дела, суета, можно ведь и забыть, о чем хотела поговорить. А мысль-то жалко. Не часто ее дурную голову мысли посещали. Вот и оставила себе напоминание.

— Какого рода разногласия были у вас с Григорчук? — Василий старался говорить доброжелательно, но все равно разозлил Иратова.

— К чему вы клоните? Да как вы...

— Больше времени потратите на возмущение, — мягко перебил Василий. — Ответьте, быстрее разойдемся.

— С вами разойдешься! — Иратов смотрел волком.

— Идея правильная, но дурная, — заметил Василий. — Не преувеличивайте наши возможности и не скромничайте, Вадим Сергеевич. Уж вы-то на нас управу найдете, если что. И если мы будем искать, на кого бы спихнуть убийство, то, поверьте, поостережемся выбирать вашу кандидатуру. А вопросы мои — для протокола, и, считайте, чистая формальность. Я всем задаю такие вопросы.

— Всех разногласий не упомяну, мы часто ругались. Но в основном по мелочам, — ответил Иратов ворчливо, но уже спокойнее. — Она лезла в наши отношения с женой, голову ей забивала. Глупости, но я злился. А вы бы не стали?

— Я? — Василий посмотрел на Иратова с пониманием. — Убил бы!

— Вот! — В голосе Иратова появилось удовлетворение. — Вот! То есть, — спохватился он, — убивать за такое не надо, то есть, за такое не убивают. Но противно.

— А я бы убил, — стоял на своем Василий.

— Я не столь решителен, — вздохнул Иратов.

— Жаль, — с чувством сказал Василий. — Вот потому они нам нервы и треплют.

Иратов посмотрел на старшего оперуполномоченного с любопытством:

— Убивать грешно, капитан. Да и небезопасно.

— Так-то оно так, — протянул Василий, — но, знаете, как бывает? Живет себе человек, ни о каком убийстве не помышляет. Да что об убийстве? Даже мысль о простом воровстве ему противна. А потом случайно оказывается рядом с типом, который ему долгие годы жизнь отравлял. И вдруг накатывает на него, он уже не может себя сдерживать... Сколько таких случаев, вы не представляете. Что вам сказала Григорчук по телефону?

Иратов опять затрясся:

— Сказала, зайди ко мне срочно. Немедленно. И бросила трубку.

— И вы, как мальчик, побежали к этой стерве? — В голосе старшего оперуполномоченного явственно слышалось сомнение.

— Да, пошел. Решил, случилось что-то.

— За нее испугались?

— Не то, чтобы испугался, а так... Не подумал просто.

— Вы же сами сказали: что-то случилось.

— Да, мне показалось, что не все в порядке. — Иратов опять потянулся дрожащими руками за сигаретой.

— Или, все-таки, она могла сказать вам что-то важное? И вы пошли, потому что не могли не пойти? Она вам угрожала?

— Нет!

— Понимаете, Вадим Сергеевич, во всем должна быть логика. Чего угодно может не быть — осторожности, сообразительности, но логика всегда должна быть. В ваших словах я ее не вижу. Пьяная женщина бузит, вы сами сказали. Пристает ко всем с глупыми разговорами. Вы ее терпеть не можете, потому как она вас достала даже у вас дома. И вдруг она звонит, а вы бежите.

— Да, дурак. Не знаю, зачем пошел. — Иратов беспомощно развел руками. — Логика тоже есть не везде.

— Ладно. Когда вы с ней разговаривали, вы не слышали посторонних шумов? Голоса? Музыка? Телевизор?

— Да, — Иратов подумал и кивнул. — Да, было шумно. Голоса, но такие... Телевизор! Да, вы правы.

— Что вас насторожило? То, что она сказала “срочно и немедленно”, или интонация? Не показалось, что она напугана?

— Нет. Но голос был странный. Хриплый и нездоровый.

— Подозрения у вас есть? Кто мог убить и почему?

— Нет. — Иратов решительно помотал головой. — Ее многие не любили, но убивать из тех, кого я знаю, никто не стал бы.

— Но ее убили, — напомнил Василий.

— Да, но я никого не подозреваю.

— Незадолго до убийства ее посещал мужчина. Знаете ли вы, с кем из присутствующих в пансионате у нее были интимные отношения?

— Не думаю, что это связано с убийством, — мрачно заметил Иратов.

— И все же?

— С кем у нее были такие отношения в тот вечер, я не знаю. — Иратов отвел глаза.

— А что, — заинтересовался Василий, — у нее каждый вечер был кто-то новый?

— Не каждый, — мрачно огрызнулся Иратов, — но сердце у нее было вместительное.

— Конец двадцатого века, — возмутился Василий. — Неужели вы думаете, что мы настолько никчемны, что и анализ спермы сделать не сумеем?

Иратов молчал.

— Но этот мужчина — не вы? — уточнил Василий. — Иначе бы вы знали, правда?

Иратов окинул старшего оперуполномоченного презрительным взглядом и до ответа не унижился.

— В промежутке между вашим уходом из ресторана и обнаружением вами трупа кто-нибудь вас видел?

— Да. — Иратов густо покраснел. — Девушка из номера напротив. Журналистка. Когда я поднялся на третий этаж и вышел из лифта, она как раз поднималась по лестнице и видела, как я стучу в дверь Светкиного номера. Потом я пошел к себе наверх, и она тоже.

— Она что — преследовала вас?

— Нет, случайно получилось. — Иратов поежился. — Мы же живем на одном этаже. Вот и поднялись вместе.

— Все. — Василий лучезарно улыбнулся. — Был рад познакомиться, ценю вас как политика и как свидетеля. До скорых встреч.

Иратов ушел мрачный и подавленный, и у Василия возникло подозрение, что его радушие не оценили по достоинству.

Полковник Зайцев заглянул в кабинет сразу после ухода Иратова:

— Как он тебе?

— Что-то не так, — пожаловался Василий. — Либо он сам ее кокнул, либо догадывается — кто.

— А говорят, что у него алиби, — удивился полковник.

— Так договор такой у них с нашей Санькой, — объяснил Василий. — Иратовская жена ее попросила, чтобы Санька до выборов Иратова нам голову морочила.

— Вот люди! — Сергей Иванович даже задохнулся от возмущения. — Скоты, одним словом. Хозяева жизни, а беззащитной девчонкой прикрываются. Ведь если вскрыется Санин сговор с Иратовым, неприятностей у нее будет достаточно.

— Не, Сергей Иванович. Мы ее защитим в лучшем виде, — принялся по-своему успокаивать начальника Василий. — Она, кстати, потому так и распоясалась, что чувствует нашу трогательную защиту и опеку.

— А как им удалось ее уломать? Она что, изображала страстную поклонницу Иратова? И под это дело согласилась дать ложные показания?

— Товарищ полковник, она ведь по официальной версии — тоже подозреваемая. Так что, по их логике, сделка выгодна обоим. Кроме того, она овцой прикидываться не стала, наоборот, изображает молодую расчетливую хищницу. К тому же, прикрывает Иратова не бескорыстно, ей заплатят.

— За подобные штучки года на два можно сесть, — сердито сказал полковник. — Кстати, там к тебе пришли. Симкина Элеонора Генриховна.

— А Леонид выехал? — заволновался Василий.

— Выехал. Почему ты погнал его в редакцию “Секс-моды” во время допроса Симкиной?

— Потому что Симкина видела его на семинаре в “Роще”. Для нее он — Манукян. Да и в отсутствие главной редакторши сотрудники будут поразговорчивее.

Через минуту в кабинет протиснулась тучная дама в шелковых одеждах.

— Разрешите?

Она была напугана похлеще Иратова и на Василия смотрела, как на убийцу-маньяка.

Коновалов ловко метнулся к двери, схватил Симкину за локоть, плотно закрыл дверь и усадил бедную женщину в кресло. В глазах Симкиной застыл такой ужас, что Василий поежился. Чтобы немного успокоить женщину, он миролюбиво начал:

— Василий Коновалов, капитан. Мы уже беседовали с вами в пансионате. Но тогда все были очень расстроены, напуганы, а мы — очень заняты изучением места происшествия. Одним словом, толком поговорить не удалось. То ли дело сегодня. Скажите, Элеонора Генриховна, были ли недоброжелатели у вашей заместительницы?

Симкина закашлялась так сильно, что на глазах у нее выступили слезы.

— Разделяю ваше горе, — кивнул Василий. — Смерть Григорчук — большая потеря для журнала? Вы ведь хорошо ее знали?

— Разумеется, знала, ведь мы вместе работали. — Голос Симкиной еще дрожал, но слова она выговаривала довольно четко.

— И что она была за человек?

— Способная, можно сказать, талантливая, яркая, неординарная, контактная.

— Золото, одним словом?

Симкина неопределенно пожала плечами и достала пачку сигарет.

— Курить у вас можно?

— Попробуйте, — усмехнулся Василий.

— Пробовала я в десятом классе. А сейчас уже научилась. —

Симкина оживала на глазах.

— Я к тому, что до вас тут свидетель Иратов закурить пытался. Так у него руки ходуном ходили, ни разу сигарету до рта не донес.

— Да, Вадим впечатлительный, — согласилась Симкина.

— Убить мог? — быстро спросил Василий. — Находясь под впечатлением?

Элеонора Генриховна опять закашлялась.

— Вот-вот, — ткнул в нее пальцем старший оперуполномоченный. — Я о том и говорю. Не получается у людей курить здесь, хоть ты тресни. А вы не затягивайтесь.

— Нет, Вадим убить не мог, — прокашлявшись, ответила Симкина. — Он — интеллигентный человек, да и не за что ему было ее убивать. И не ко времени. Он в губернаторы баллотироваться собирается, и если кому эта история сильно жизнь осложнила, так это ему. Разговоры уже пошли: "Иратов причастен... Иратов труп нашел при странных обстоятельствах..."

— Обстоятельства действительно странные, но резон в ваших словах есть, — согласился Василий. — А кто мог убить? Кому ко времени? Кому, так сказать, нужно было торопиться?

Лицо Элеоноры Генриховны покрылось красными пятнами, и она не мигая уставилась на Василия.

— Не поможет, — отмахнулся Василий. — Взглядами меня не проймешь.

— Все равно вам расскажут, а, скорее всего, уже рассказали, — решила Симкина. — Да, у нас со Светланой были сложные отношения. Она стремилась занять мое место и сильно в этом преуспела. Я своим местом дорожу и просто так уступать его не хотела. Но... Впрочем, оправдываться я не собираюсь. На женском журнале свет клином не сошелся. В том смысле, что без работы я не останусь. И, если бы Светлана добилась своего, трагедии для меня в этом не было бы.

— Когда вы узнали об убийстве?

— Как? — Симкина растерялась. — Вместе со всеми. Вадим спустился в ресторан и рассказал.

— Но вас в тот момент в ресторане не было.

— Я пришла чуть позже. Минуты через три. Все как раз обсуждали...

— А где вы были?

— В своем номере. — Симкина помолчала. — Подтвердить этого никто не может, я была одна.

— А ваш номер, если не ошибаюсь, на одном этаже с номером Григорчук?

— Не ошибаетесь. Мой номер — триста десятый. Совсем рядом.

Василия удивляло, что чем неприятнее были вопросы, тем спокойнее Симкина отвечала. Как будто на нее резко навалилась страшная усталость, вытеснившая все эмоции и страхи. Она не то, чтобы успокоилась, ей вдруг стало все равно.

— У меня к вам просьба, — сказал Василий мягко, и Симкина удивленно посмотрела на него. — Будьте так любезны, напишите, с кем из этих людей — вот список, у вашей Григорчук были непростые отношения. И в чем они заключались. — Как бы не замечая протестующего жеста Симкиной, он положил перед ней стопку бумаги и ручку. — И не забивайте себе голову глупостями: мол, я доносов не пишу и никогда этого делать не буду. Какой бы стервой ни была Григорчук, убийцу найти нужно. И, скорее всего, кто-то из этих людей — убийца. Значит, должен быть наказан, вы уж меня извините за такой старорежимный подход. Если вы считаете, что никого из них заподозрить нельзя, так и напишите. Не знаю, как вам, а мне многие из них совсем не кажутся идеальными личностями. Хотите выгораживать их — дело ваше, но только помните: написанная правда — это ваш шанс. Именно ваш. Стоят ли эти люди того, чтобы вы их выгораживали ценой своей свободы или, в лучшем случае, репутации? Подумайте. Не буду вам мешать и зайду через час.

Симкина автоматически взяла ручку и задумалась. Василий вышел из кабинета и столкнулся с Гошей, нервно мечущимся по коридору.

— Ну?

— Приятная тетка. — Василий пожал плечами.

— Не тянет на убийцу?

— Почему? Может, и она. Кто там дальше? — Василий призывно посмотрел в даль коридора.

— Пере-рыв, — Гоша достал из кармана шоколадку. — Пьем чай, обмениваемся впечатлениями. Через полчаса у тебя маэстро Трошкин. Хочешь, я его допрошу?

— Давай, — неожиданно согласился Василий. — А я послушаю. Если разрешишь, иногда буду вставлять дурацкие реплики.

— Вставляй. — Гоша встал на носки и хлопнул Василия по плечу. — Только соблюдай субординацию. Помни, что я — главный.

...Трошкин произвел фурор в МУРе. Он шел по коридору, и все без исключения на него оборачивались.

— Кто этот клоун? — спросил полковник Зайцев у дежурного.
— К Коновалову, — испуганно ответил дежурный. — На допрос.

— Все у него не как у людей, — рассердился Зайцев. — Только бы балаган устроить.

Трошкин и вправду был хорош — золотая рубашка с блестками, синий галстук с белыми полосками, белые брюки. Такого в розыске не видели давно, а возможно — никогда.

Опытный следователь Малкин, надо отдать должное его выдержке, и бровью не повел, а вежливо усадил гостя в кресло, предложил чаю и остатки шоколадки, большую часть которой съел Василий.

— Вопросы, Александр Дмитриевич, простые. Всем свидетелям задаем одни и те же. Не заметили ничего странного в тот вечер, когда произошло убийство?

— Нет. — Трошкин отрицательно помотал головой. — Все было очень обычно.

— А сама покойная... Григорчук вела себя обычно?

— Да.

— Ничего странного?

— Нет.

— Как вы думаете, зачем она позвонила Иратову?

— Думать на эту тему бесполезно, — пожал плечами Трошкин. — Они были хорошо знакомы, давно знакомы, да мало ли что? Теперь уже не узнаем.

— Но, насколько нам известно, Иратов недолюбливал покойную.

— Да. Но он много помогал ей, терпел ее капризы, лояльно относился к тому, что она чуть ни каждый вечер торчит у него в доме. Вадим — очень толерантный человек.

— Какой человек? — спросил из угла Василий. — Я чё-то не понял.

— Толерантный, — повернулся к нему Трошкин. — То есть очень терпеливый.

— А-а, — кивнул Василий, — теперь понял. Так бы и сказали. А вы сегодня куда после нас пойдете?

— На работу, — слегка удивился Трошкин.

— В таком виде?

— Капитан, — рявкнул Гоша. — Не мешайте.

— Все, товарищ майор, все. — Василий зажал себе рот ладонью.

— Александр Дмитриевич, кто из ваших знакомых мог желать смерти Григорчук? — спросил Гоша.

— Не знаю. — Трошкин широко улыбнулся. — В нашем кругу не принято делиться столь сильными эмоциями.

— Но вы можете предположить...

— Не стану этого делать, — резко ответил Трошкин. — Не думаю, что подобные предположения сделают мне честь.

— Я правильно понял, вы не намерены помогать следствию? — нахмурился Гоша.

— Не правильно, — вздохнул Трошкин. — Просто я не готов перебивать косточки своим знакомым и возводить на них напраслину. Света была непростым человеком, и многие имели к ней вполне обоснованные претензии. Но то, что кто-то пошел на убийство, для меня почти такое же потрясение, как и ее смерть.

— Вы близко знали покойную? — Гоша уже немного злился.

— Да.

— Насколько близко?

— Я мог бы ответить, что чужая душа — потемки. А женская душа — тройне потемки. Знал немного, хотя до последнего дня она не переставала меня удивлять. — Трошкин улыбнулся одними губами.

— Мне рассказали о ссоре между вами и Григорчук. — Гоша открыл папку и достал оттуда исписанный листок. — Вот, есть свидетельства, что она вам угрожала.

— Не припомню такого.

— Я напомню, полагаясь, разумеется, на показания очевидцев. — Гоша достал еще один листок и начал читать вслух: — “После прогулки с Григорчук по парку, прилегающему к пансионату “Роща”, Трошкин вместе с ней поднялся к себе в номер в восемнадцать пятнадцать. А в восемнадцать сорок Григорчук выбежала из его номера, и при этом была очень расстроена и даже разгневана”.

— Ну? — с интересом спросил Трошкин. — И что?

— Вы хотите сказать, что не ссорились с Григорчук в своем номере?

— Нет. Мы очень мило побеседовали и расстались, когда пришла пора переодеваться к ужину.

— Но почему, Александр Дмитриевич, после вашей очень милой беседы Григорчук была так разгневана?

— Думаю, вспомнила что-нибудь неприятное, — предположил Трошкин.

— А с вами она не ссорилась?

— Да говорю же вам — нет.

— Людмила Иратова свидетельствует об обратном.

Трошкин развел руками:

— Увы, Людочка, к моей персоне относится весьма критически. И она убеждена, что я все время со всеми ссорюсь. Поверьте, она ошибается. Я — мирный человек.

— Она ничего не говорила о ваших ссорах со всеми, — строго сказал Гоша. — Она говорила лишь об одной конкретной ссоре с Григорчук, которая произошла в вашем номере.

— Уверяю вас, здесь какая-то ошибка, — усмехнулся Трошкин. — Людочка ко мне не заходила в пятницу. И она не присутствовала при нашем разговоре со Светланой. Мы беседовали тет-

а-тет, без Люды Иратовой. А что, она утверждает, что была с нами?

— Нет, она утверждает, что Григорчук пришла к ней и пожаловалась на вас. Рассказала о ссоре, в частности.

— Ах, женщины, такие фантазерки!

— Вы хотите сказать, что Иратова лжет? — уточнил Гоша.

— Боже сохрани! Конечно, нет. Скорее, она что-то напутала или преувеличила. Да, именно так. — Трошкин посмотрел на часы. — Признаться, я уже опаздываю на важную встречу.

— Я вас больше не задерживаю. — Гоша поднялся из-за стола, показывая, что разговор окончен.

Трошкин попятился и быстро выскользнул за дверь, а Гоша выглянул в коридор и резко отступил назад:

— Там Ценз. Уже пришла. Хочешь помариновать ее в коридоре?

— Черт побери! Ладно, давай ее сюда, — вздохнул Василий. — Слушай, не будем выказывать свою осведомленность о соперничестве Ценз и Григорчук. Хорошо?

Татьяна Эдуардовна держалась демократично, но с достоинством.

— Вы хорошо знали покойную?

— Нет, шапочное знакомство. Но все рано очень жаль. Я хорошо знаю ее начальницу — Элеонору Симкину.

— Да? — оживился Василий. — И что скажете?

— Редкой души человек! — с жаром заверила Ценз.

— Говорят, у них были разногласия.

— Возможно. Насколько мне известно, Григорчук была конфликтным человеком.

— Да, говорят. Как вы думаете, Татьяна Эдуардовна, кто из участников семинара в "Роше" мог убить Григорчук?

— Из тех, кого я знаю, — никто. Я говорю так не потому, что не хочу подставлять близких знакомых и приятелей. Я действительно так думаю. И еще — я считаю, что ни у кого из них не было причин ее убивать. Разногласия? Да, могли быть. Конфликты — тоже. Но не такие, чтобы лишить человека жизни.

— Но вы же можете не знать истинных мотивов...

— Конечно. — Татьяна Эдуардовна кивнула. — Вы спрашиваете мое мнение, и я считаю, что никто убить не мог.

— По мне, — мечтательно закатил глаза Василий, — там было немало подозрительных личностей. И даже в высшей степени подозрительных.

— Да? — Ценз внимательно посмотрела на Коновалова. — И кто же?

— Например, один расфуфыренный тип, предпочитающий нормальной человеческой одежде пижаму и клоунские прикрасы.

Ценз расхохоталась.

— Вы Сашу имеете в виду? У него такой имидж.

— Не знаю, какой там у него имидж, он мне не показывал, но одевается он плохо, — покачал головой Василий. — Солидный человек не стал бы так позориться.

— Он так демонстрирует свою независимость и внутреннюю свободу, — терпеливо пояснила Ценз. — Я готова согласиться, что, порой, его внешний вид излишне вызывающ, и даже может кого-то... сильно удивить. Но закон не запрещает так одеваться, ведь правда?

— А зря! — с чувством выдохнул Василий. — Впрочем, мы отвлеклись. Извините за вопрос, но не было ли у вас с покойной Григорчук неприязненных отношений?

— Были, — сухо ответила Ценз.

— Нельзя ли поподробнее?

— Не имею привычки рассказывать о своей личной жизни незнакомым людям.

— Так давайте познакомимся! — оживился Василий. — Хотя факт знакомства имел место быть ранее, вы просто забыли. Но мне не трудно повторить процедуру. Я — капитан Коновалов, вы — Татьяна Эдуардовна Ценз. Верно?

Татьяна Эдуардовна грустно улыбнулась:

— Я готова отвечать на все ваши вопросы и помогать вам по мере сил. Но не перегибайте палку. Поверьте, интимные подробности моей жизни или жизни Норы Симкиной, или Саши Трошкина, или Вадима — да любого из тех, кто имел несчастье оказаться в пятницу в “Роце”, не приблизят вас к истине. Скорее, только запутают.

— Неужели?

— Да. Вы можете оказаться на ложном пути, если станете искать среди нас человека, который больше всех не любил Светлану. Да и как определить степень нелюбви? Думаю, дело в другом.

— В чем, например?

— Для кого-то она стала очень опасна. В тот самый момент, в пятницу. Так опасна, что ждать день или два уже не представлялось возможным. Надо было срочно ее... нейтрализовать.

— Для кого же?

— Ищите.

Ценз покинула кабинет в таком же ровном и спокойном настроении, в каком и появилась здесь.

— Умная женщина, — задумчиво пробормотал Василий. — Очень умная. Не перехитрила бы только сама себя.

— Себя перехитрить невозможно, — попытался развеять опасения Василия Гоша. — В том смысле, что все равно окажешься в победителях.

— Или нет. Скорпион сам себя кусает и поддыхает. А тоже хитрая тварь.

— Скорпион — тварь дурная. А Татьяна Эдуардовна, как ты справедливо заметил, женщина умная.

— Все выглядит абсолютно по-идиотски. Абсолютно, — начал раздражаться Василий. — Более глупого убийства я не видел. Смотри, у всех наших подозреваемых есть веский мотив. Да?

— Да, — кивнул Гоша.

— Неглупые люди, в чем мы сейчас с тобой имели возможность убедиться. Каждому из них было бы выгодно замотать момент убийства, не привлекать к нему внимания, постараться сделать так, чтобы точно назвать час убийства было невозможно.

— Да, но... — попробовал включиться в дискуссию Гоша.

— Подожди. Они могли это сделать. Вечер, все расходится по номерам, вряд ли эту пьяную Григорчук кто-нибудь стал бы искать среди ночи, да и утром рано ее не стали бы тревожить. Обнаружили бы труп днем. Да пусть даже утром — все равно наш эксперт не смог бы уже сказать, в котором точно часу ее убили. Плюс-минус два часа. И тогда у всей компании подозреваемых была бы ломовая отвязка. Они бы растворились в толпе тех, кто находился тогда в пансионате. А они все делают наоборот. Труп находят через минуту после убийства, время совершения преступления точно известно. Зачем? Зачем, я тебя спрашиваю?

— Я думаю... — встрепенулся Гоша.

— ... и думать нечего, — перебил его Василий. — Все очень странно. Если убийца Иратов, и он идет убивать Григорчук, то зачем он сообщает всем, что пошел к ней?

— Тебе не приходит в голову, — вклинился Гоша, — что он шел к ней, вовсе не собираясь убивать? Так, поболтать, то-се, но чем-то она его взбесила, и он не сдержался.

— Не похож Вадим Сергеевич на психа. Взбесился? Отлично. Он бы прикончил гадюку и ушел, закрыв дверь. А потом бы еще прикинулся на людях, что она ему продолжает названивать. Вот в такое развитие событий я бы поверил.

— А если убийца не Иратов? — спросил Гоша. — Тогда никаких противоречий, тогда все сходится. Григорчук звонит Иратову, но убийца-то этого не знает. Он заходит к ней сразу после телефонного разговора, спокойненько душит бедную женщину, и тут в дверь начинает кто-то ломиться. Помнишь, Иратов говорил, что дверь была заперта, он стучал, но ему не открыли. Иратов уходит к себе, убийца тихонечко смывается, вот и все.

— А зачем оставлять дверь открытой? — Василий уперся в Гошу тяжелым взглядом. — Чтобы точно подсказать нам, когда именно было совершено убийство? Захлопни дверь и спи спокойно.

— Может быть — нечаянно? — предположил Гоша. — В панике...

— Не-ет, Гошечка, не-ет. Здесь что-то другое.

Они вопросительно уставились друг на друга.

— А может быть? — воскликнул Гоша через несколько минут тягостного молчания.

— Подожди, я сам скажу! — взмолился Василий. — Сравним. Убийца хотел подставить Иратова?

— Да! — Гоша шарахнул рукой по столу и взвыл от боли. — Да. Двух зайцев решил подрезать. Иратов сам напросился — пришел не вовремя и подал убийце сладкую идею. Или убийца слышал, как Григорчук разговаривала с Иратовым по телефону, и знал, что он придет в ее номер с минуты на минуту. А если так, то нам надо искать человека, которому мешали и Григорчук, и Иратов.

— На первый взгляд, никому из наших фигурантов, — задумчиво сказал Василий. — Более того, они все выгораживают Иратова.

— Ну, ты же правильно заметил, что все они не дураки. Очень не дураки. Так что правильно себя ведут, — одобрительно заметил Гоша. — Они, небось, и книжек много читали, так что знают — кто катит баллон на товарища, того больше всех и подозревают. Ищите мотив, товарищ капитан, скрытый мотив.

Гоша и Василий пожали друг другу руки, очень довольные, главным образом, каждый сам собой.

Ольга

Алешин появился дома только вечером в понедельник. Он позвонил жене в субботу и сказал, что, по причине произошедшего убийства, вынужден задержаться в пансионате "Роща" до утра понедельника, откуда сразу, не заезжая домой, отправится на работу.

Алешин приехал в одиннадцатом часу, и Филипп уже спал. Дверь была не заперта. Ольга возилась на кухне и почему-то не вышла встретить его в переднюю. Зато доберманиха Фрося прыгала чуть ли не до потолка и радостно визжала.

— Але, жена, — крикнул он, снимая пальто, — я уже здесь.

— Слышу, — отозвалась Ольга, и Алешину показалось, что голос у жены странный.

— Что-то случилось? — спросил он, входя в кухню.

— Как прошел семинар? — Ольга бросила на мужа беглый взгляд и отвернулась к плите, на которой что-то жарилось.

— Кроваво. — Алешин сел к столу и устало закрыл глаза. — Знаешь, мне что-то и есть не хочется.

— А ты близко знал эту женщину? — спросила Ольга.

— Какую?

— Которую убили.

— Нет, не близко. Она — любовница Трошкина, я тебе говорил.

— Вот как? — Ольга повернулась к мужу и принялась его внимательно разглядывать.

— А что? — Алешин заволновался. — Почему ты на меня так смотришь? Я точно помню, что говорил тебе. Или нет?

— Говорил, — кивнула Ольга. — Интересные у вас там отношения.

— Почему? И где — там? — Алешин предполагал совсем другую реакцию Ольги на убийство, он ждал вопросов о том, как все случилось и как кого допрашивали, но не такого отстраненно неприязненного тона.

— В вашей компании, — сказала Ольга. — Как я понимаю, ты предавался любовным утехам с этой женщиной прямо под носом ее любовника, который, к тому же, твой приятель.

— Я? Утехам? — Алешин захохотал. — Кто тебе наплел? — Но тут же посерьезнел, грозно сдвинул брови и холодно подытожил: — Мне не нравятся такие разговоры. Что с тобой сегодня? Ты сама прекрасно знаешь, что ничего такого быть не могло. Тем более, как ты правильно заметила, Трошкин — не чужой мне человек. Так что...

— Так ты не изменял мне? — Ольга улыбнулась.

— Конечно, нет. И мне бы хотелось, — в голосе Алешина зазвучал металл, — чтобы ты мне верила. Иначе... иначе не знаю, как мы будем жить дальше. Это понятно?

— Это понятно. — Ольга продолжала улыбаться.

Алешин разозлился:

— Что тебя так веселит? Почему ты так со мной разговариваешь?

— Как?

— Хочешь, — смягчился Алешин, — я поклянусь, что никогда тебе не изменял. Хочешь?

— Поклянись.

— Я клянусь тебе...

— Прекрати! — Ольга закрыла уши руками. — Не надо. Не ставь себя в смешное положение.

— Да что происходит? — заорал Алешин. — Что случилось? Может быть, объяснишь?

— Просто я знаю, что было в пятницу вечером. Вот и все. — Голос у Ольги стал совсем больной, но Алешину было не до жалости. Он хорошо знал, что в подобных ситуациях жесткость и напор идут на пользу. И еще вид оскорбленной невинности.

— Мне надоело! Хватит! Кто тебе заморочил голову?

— Никто.

— Но откуда-то ты взяла эту чушь!

— Я сама видела. — И Ольга заплакала. — Я там была и видела тебя с этой женщиной.

Алешин застыл в нелепой позе с разведенными руками.

— Понятно. И теперь ты решила меня... решила мне отомстить?

— Отомстить? Это как же?

— Заставить меня врать, сделать так, чтобы я почувствовал себя полным идиотом. — Алешин по инерции продолжать наступать.

— Заставила тебя врать? — искренне удивилась Ольга. — Наоборот, я просила тебя сказать правду.

— Ну конечно! А что ты там делала?

— Я забыла ключи и поехала к тебе, потому что Фрося выла.

— И что же теперь?

Ольга пожала плечами.

— Мне уйти?

— Да. — Ольга опять повернулась к нему спиной. — Твои вещи я уже собрала.

— Быстро. Оперативно.

— Три дня прошло, так что времени было достаточно.

Алешин вышел в переднюю и только сейчас заметил, что около двери стоят три туго набитых чемодана.

— А барахла-то у меня, оказывается... — Одевался он медленно, потом полез в карман за ключами, намереваясь красивым жестом выложить их на тумбочку, но ключей в кармане не было — Ольга забрала их еще в пятницу. Он потоптался у двери и вернулся в кухню. — Ну, я пошел...

— Угу. — Ольга не обернулась.

— Пока.

— Пока.

— Ничего не хочешь мне сказать? — В его голосе появились просительные интонации.

— А что тут скажешь? Была бы жива та женщина, я пожелала бы тебе счастья в личной жизни. Впрочем, я и так могу тебе этого пожелать. Свято место пусто не бывает.

— При чем тут счастье? — опять взвился Алешин. — Случайно, по пьяни, дурак, конечно, я даже плохо помню, как все было.

— Зато я хорошо помню. Если потребуется, могу рассказать.

— Интересно... — Алешин присел на край стола. — Очень интересно.

— А ты, оказывается, страстный любовник.

— Оля! — Алешин сбросил куртку прямо на пол, шагнул к жене, повернул ее к себе и крепко обнял, не обращая внимания на ее попытки вырваться.

Ольга плакала, а Алешин предавался самобичеванию. Он говорил, говорил, говорил...

Она уже не спорила и почти не сопротивлялась. Собственно, Алешин с самого начала знал, что все закончится постелью...

...Когда он расслабленно потянулся к тумбочке за сигаретой, Ольга, приподнявшись на локте и глядя на него спокойными и холодными глазами, произнесла:

— А теперь — уходи.

Алешин растерялся.

— Уходи, — повторила Ольга, причем ее тон не допускал никаких возражений.

— А как же?.. — Он почему-то показал рукой на разбросанную по полу одежду.

Ольга не отвечала и по-прежнему смотрела на него, как чужая.

Алешин оделся, что-то пробормотал под нос и вышел из квартиры. Он ничего не понимал и чувствовал себя отвратительно. "А вдруг? — подумал он, — вдруг это Оля убила Светку?" И тут же с гневом отгнул эту мысль, стараясь не вспоминать о холодном, полном бешенства взгляде жены.

Иратов

Вадим Сергеевич все еще надеялся, что с ним сыграли злую шутку. Разговор с Трошкиным произвел на него гнетущее впечатление, и Иратов мучительно искал ответ на вопрос: "Почему?". Вероятнее всего, говорил себе Вадим Сергеевич, смерть Светы слишком сильно повлияла на психическое здоровье Трошкина, и он просто невменяем. Временно. Иратов очень надеялся, что временно.

Он позвонил Трошкину сегодня утром, чтобы уточнить, когда собирается штаб и какие материалы подготовить к совещанию. На что Трошкин ответил очень странно: "Тебе-то что?". Иратов не понял, рассмеялся даже, и попробовал отшутиться: "Действительно, мне-то какое дело до собственных выборов?" Трошкин заявил, что ситуация изменилась, и при сложившихся обстоятельствах его штаб не будет заниматься предвыборной кампанией Иратова. При каких именно обстоятельствах, он не сказал, но сам тон разговора — официально-неприятный, отбил у Вадима Сергеевича всякую охоту задавать дополнительные вопросы.

Кроме того, Иратов уже не мог позволить себе роскошь заикнуться на странном поведении Трошкина. На него свалилась куча проблем, требующих немедленных, срочных решений, и он ринулся их разгребать. Предстояло в считанные часы создать новый избирательный штаб, найти людей, составить график проведения акций в СМИ и публичных выступлений.

В кабинет вошел помощник Дима, присел у другого конца стола, положил перед собой блокнот. Иратов пустил в Димину сторону листок бумаги, и бумажка поехала по скользкой поверхности стола.

— Вот, я набросал список тех, кто нам нужен, звони, уговаривай, не скупись — заплатим столько, сколько нужно. Но работать надо начинать сегодня.

Дима мельком глянул на список и выразительно помотал головой:

— По крайней мере, половина из них разобрана по другим штабам, Вадим Сергеевич. Выборная пора, вы ж понимаете.

— Понимаю. Звони.

Дима, бормоча под нос: "Попробую конечно, но...", вышел.

Его место заняла пресс-секретарь Лена.

— Что у нас сегодня? — спросил Иратов, копаясь в бумажках. — Куда едем, что говорим?

Лена молчала.

Иратов удивленно поднял глаза и по лицу пресс-секретаря понял, что происходит неладное.

— Что случилось?

Лена мялась, теребила носовой платок и прятала глаза.

— Да говори, в чем дело! — повисил голос Иратов.

— Видите ли, Вадим Сергеевич, — начала Лена, — мне страшно неловко и стыдно бросать вас сейчас, в такой ответственный момент, но у меня сложились такие семейные обстоятельства...

— Что-о?! — Иратов побагровел. — Как это — бросать?

— Мне придется уйти, — тихо, но твердо сказала Лена. — Так получилось.

Иратов не верил своим ушам. Он нашел эту девочку три года назад в маленькой занюханой газетенке, взял к себе в штат, сделал из нее человека. Да что там говорить? Она была из самых приближенных, знала очень много о его делах и сейчас, накануне выборов, ее уход был не просто неприятностью, а настоящей бедой.

— Не дури, — отмахнулся Иратов. — Пройдут выборы, тогда поговорим.

— Нет. — Лена холодно посмотрела ему в глаза и встала. — Нет. Это вопрос решенный. Извините еще раз.

— Вадим Сергеевич, — окликнула его от двери секретарша Катя, — звонили с телевидения из программы "Федерация". Просили извиниться, завтрашняя съемка отменяется.

— Как отменяется? — Иратов аж подпрыгнул на стуле. — Мы же им... Как же так? Лена, займись. — Последнее было сказано по инерции.

Лена стояла у стола, как изваяние, и на указание начальника, теперь уже, видимо, бывшего, никак не реагировала.

Иратов потянулся к телефону, чтобы позвонить на телевидение и вправить им там мозги, но Катя опять возникла на пороге. Выражение лица секретарши не предвещало ничего хорошего.

— Что еще? — Иратов смотрел на Катю почти с мольбой.

— Вадим Сергеевич... Тут такое дело... Звонили из администрации президента.

— Ну?

— Президент не сможет приехать на наш форум.

Начальник службы безопасности появился по первому зову.

— Выручай, Петрович, — Иратов страдальчески скривился, — у меня крупные неприятности.

— Насколько крупные? — деловито осведомился тот.

— Очень. И первое, что надо сделать, — с Лены глаз не спускать. Приставь к ней хороших мальчиков, таких, кого она в лицо не знает. И пусть подробненько фиксируют — где была, с кем встречалась.

— С нашей Лены? — удивился начальник службы безопасности. — Зачем?

— Была наша, а вот чья теперь... Хотелось бы знать.

— Лена?!

— Петрович, давай без заламывания рук и драматических вскриков. Да, Лена. Только что от меня вышла. Уходит по семейным обстоятельствам. Понять это невозможно, но запомнить нужно. Я предполагаю, что дело не чисто. Тем более, что за последние сутки это не первый облом. — Иратов встал, показывая, что разговор окончен. — Выручай, Петрович, дела правда плохи.

— Понял. — Начальник службы безопасности стал серьезен и даже суров. — Сделаем. Будьте уверены, Вадим Сергеевич.

А через полчаса Иратов уже входил в дверь старинного особняка, в котором располагался фонд "Наша демократия", с твердым намерением выяснить, что же такое случилось с Трошкиным и почему он так странно себя ведет.

По коридорам фонда, как всегда, сновали люди, многие доброжелательно здоровались с ним, из чего он сделал вывод, что Трошкин еще не сообщил своим сотрудникам новость о разрыве дипломатических отношений с Иратовым. Зато секретарша Марина оказалась полностью в курсе дела.

— Вам назначено? — холодно спросила она.

— Здравствуй, красавица, — тепло улыбнулся ей Иратов. — Саша у себя?

— Александра Дмитриевича нет на месте, — соврала Марина и что-то записала в свой еженедельник. — Я доложу о том, что вы заходили, когда он появится.

— Не утруждайся, голубушка, — ласково сказал Иратов, усаживаясь в кресло, — я сам намерен его дожждаться.

— Его долго не будет... — заволновалась Марина.

— Ничего, я не тороплюсь.

— К тому же вас нет в его графике...

— Фу-ты, ну-ты, какие мы важные, — усмехнулся Иратов. — Графики у него. Ничего, я как-нибудь вне графика.

Марина почесала в голове, нахмурилась и решила не церемониться:

— Пройдите, пожалуйста, в комнату для посетителей. У меня указание руководства не устраивать столпотворение в приемной.

Иратов хотел возразить и поставить ее на место, но махнул рукой и отправился гулять по фонду. Он шел по коридору, злясь и поругиваясь, и навстречу ему неожиданно вылетела давешняя девочка-журналистка, с которой он познакомился в "Роце".

— Вот так раз, — обрадовался Иратов, — какими судьбами?

— Загадочными, — шепотом сказала она, — сама не очень понимаю. Но интересно-о-о...

— Так что вы здесь делаете, Александра?

— Любуюсь. Заглядываю в замочные скважины, слушаю непонятные разговоры, учу новые слова. Здесь очень странное ме-

сто. — Саша засмеялась. — А, если честно, то ваш друг Трошкин зачем-то нанял меня писать книжку о своем фонде.

— Ваша информация несколько устарела, — грустно сказал Иратов.

— Да? Книжка ему больше не нужна? — то ли обрадовалась, то ли удивилась Саша.

— Нет, про книжку я ничего не знаю. А вот о том, что он мне друг, так это в прошлом.

— Почему?

— Не знаю. Пытаюсь понять, но пока не получается. Вот только что был изгнан его милейшей секретаршей из приемной. Говорит: “Ходят тут всякие”.

— Вот зверье! А вы не ходите к ним больше! — искренне возмутилась Саша.

Иратова позабавила ее детская наивность — “не ходите”, легко сказать.

— Видите ли, — пожаловался он, — дело в том, что Трошкин до последнего момента занимался моей предвыборной кампанией. Так что его неожиданный демарш — большая неприятность для меня.

— А, понимаю, — кивнула Саша.

— Поможете мне? — неожиданно спросил Иратов, сам себе удивляясь. Девочка, конечно, хорошая, правильная, это видно, но ведь совершенно посторонняя.

— Как? — Саша насторожилась.

— Вдруг вам удастся выяснить, что случилось, почему Трошкин меня кинул и кто за всем этим стоит. А кто-то точно стоит, — закончил он убежденно.

— Я попробую, — неуверенно сказала Саша. — Но вряд ли Александр Дмитриевич станет со мной откровенничать.

— А вдруг? — Иратов виновато развел руками. — У меня совсем плохи дела, поверьте. Мне всего и надо — понять, кто объявил мне войну.

— Ну да, ну да. — Саша задумалась.

— Спасибо вам. — Иратов окончательно разволновался. — Вы уже второй раз меня выручаете. Я ваш должник, правда, правда.

— Я позвоню вам. — Саша помахала ему рукой и скрылась за ближайшей дверью.

— Буду ждать. — Иратов уныло побрел к выходу, решив к Трошкину больше не ломиться.

Леонид

Дружный коллектив журнала “Секс-мода” занимал пятый этаж Дома прессы — огромного здания, напичканного множеством редакций. Младшего оперуполномоченного Зосимова, в недавнем прошлом — политтехнолога Манукяна, приятно удивило, что в “Секс-моде” вообще не было мужчин. Ни одного. По-

этому на красавца Леонида сотрудницы редакции реагировали очень благожелательно и с большим интересом.

— Ой, а вы к кому? — спросила девушка-вахтер и кокетливо задрала подбородок к потолку.

— К Симкиной, — ответил Леонид.

— Редактора нет, — вздохнула девушка. — Она... она... в общем, она будет не скоро.

— А как же мне быть? — Леонид сделал вид, что страшно расстроен. — Мы договаривались. Может быть, я могу переговорить с ее замом? Вопрос очень важный.

— Замом? — Девушка пригорюнилась. — Ее тоже нет.

Леонид про себя похвалил небогатливую вахтершу и высоко оценил ее умение формулировать мысли. Могла бы сказать: редактор на допросе в милиции, а зама убили три дня назад, так ведь нет же, все правильно говорит.

— А с кем же мне? — спросил он.

— А вы по какому вопросу? — девушка сняла трубку внутреннего телефона.

— По вопросу размещения рекламы, большого пакета.

— Сейчас. — Вахтерша набрала три цифры, сказала: "Тут по поводу рекламы" и отправила Леонида в комнату номер 16.

Заведующая отделом рекламы, упитанная брюнетка, обильно украшенная бриллиантами, приняла Леонида с распростертыми объятиями. С первых минут она была приветлива и мила, но стоило Леониду произнести сумму предполагаемого контракта с журналом — 500 тысяч долларов, как ее радушие приняло опасные формы: она начала метать на журнальный стол дорогостоящие яства и напитки, ухитрилась дважды прижаться к Леониду пышным бюстом, а затем категорично, практически в приказном порядке, провозгласила тост: "За брудершафт". Леонид попробовал отшутиться, заметив, что никакого Брудершафта не знает и пить за кого не попадая не намерен, но заведующая отделом рекламы отработанным движением схватила Леонида за грудки и жарко поцеловала.

— А теперь о делах, — смущенно начал младший оперуполномоченный, незаметно стирая с губ и подбородка губную помаду. — Мне поручено уточнить, насколько действительна реклама, опубликованная в вашем журнале?

— Очень! — услышал он в ответ. — Просто очень.

— Нельзя ли поконкретней, — попросил Леонид. — Тираж, состав аудитории... Кто вас читает? Вероятно, преимущественно женщины?

— В последнее время нас читают все, — скромно заметила заведующая отделом рекламы. — В особенности после того, как у нас начала печататься Резвушкина.

— Кто такая? — деловито осведомился Леонид.

— Мы сами ее никогда не видели, но пишет она прекрасно.

— Прямо, как в анекдоте, — улыбнулся Леонид. — Помните? Мужик кидает в рюкзак колбасу, оттуда доносится чавканье, его спрашивают: “Кто у вас там?”, а он отвечает: “Понятия не имею, но колбасу любит страшно”.

— Дело в том, — вежливо хихикнув, объяснила заведующая, — что Резвушкина пишет на такие щекотливые темы, что ее стремление оставаться инкогнито совершенно понятно.

— И о чем же она пишет?

— О сексе. Но не вообще, а о конкретном. То есть с конкретными людьми, которых все знают, — с гордостью сообщила заведующая.

— Извините, не понял. — Леонид жалостливо посмотрел на собеседницу. — Чем секс вообще отличается от секса чисто конкретного?

— Не чисто конкретного, — поправила она, — а с конкретной личностью. Понимаете, она совращает известного человека, политика там или бизнесмена, а потом пишет об этом. А мы публикуем. Тираж растет.

— А что говорят эти? Совращенные?

— Ни-че-го! — заведующая лихо подмигнула Леониду. — Молчат, голубчики!

— Занятно... — Леонид почесал голову. — И скольких же она совратила?

— Пока семерых. Но обещает на этом не останавливаться.

— Очень мило с ее стороны, — похвалил Леонид, — но, понимаете, строить инвестиционную политику на таком зыбком материале, как возможные интимные контакты вашей авторши с известными людьми... А вдруг у нее испортится цвет лица? Или ее потенциальные жертвы станут осторожнее?

— Вот уж не думаю! — страстно вскрикнула заведующая. — Ну какой мужчина откажется от привлекательной женщины? Да никакой! Все одинаково похотливы.

— Благодарю. — Леонид поклонился.

— Ой, я вас совершенно не имела в виду, — виновато пискнула заведующая.

— Отчего же? — Леонид плотоядно уставился на нее. — Если женщина привлекательна, как вы сказали...

Заведующая густо покраснела, но, как показалось Леониду, не столько от смущения, сколько от радости.

— Какая она? — спросил Леонид, не отрывая вожделенного взгляда от красного лица заведующей.

— Кто?

— Резвушкина. Так, кажется, вы ее назвали.

Рекламная начальница обиделась:

— Понятия не имею. Вы сюда по поводу рекламы пришли или...

— Именно что по поводу рекламы, — строго перебил Леонид. — Нам надо быть уверенными, что в ближайшие месяцы

тираж вашего журнала не уменьшится. То есть, извините, нам хотелось бы получить подтверждения того, что ваша Резвушкина не одумается, не остепенится и не потеряет своей женской привлекательности.

— Я уже сказала, что ее никто не видел. Она прячется от всех.

— Но как-то она поставляет вам свои статьи? Неужели подбрасывает на порог? Да и гонорары... Или она идейная? Не за презренный металл подставляет мужиков, а из любви к искусству? Борется, так сказать, за общественную мораль?

— Конечно, нет, — покачала головой заведующая. — Журнал выплачивает ей очень солидное вознаграждение. Очень. Но дело того стоит. А связной между ней и журналом выступает заместитель главного редактора. Во всяком случае, так было раньше.

— Отлично. — Леонид встал. — Мне бы хотелось поговорить с этим заместителем.

Пышная рекламщица буквально на глазах сжалась, осунулась и резко погрузнела:

— Видите ли, она трагически погибла три дня назад.

— Какое горе!

Они помолчали, повздыхали, и Леонид опять взялся за свое:

— Прошу прощения за меркантильный подход, но не преврется ли со смертью вашей коллеги связь журнала с Резвушкиной? Вы сами сказали, что никто с названной дамой не знаком, и где ее искать — неизвестно.

Рекламщица молчала и кляла себя за лишнюю болтливость.

— Хорошо. — Леонид положил на стол визитную карточку менеджера по рекламе фирмы "Мега-С". — Будем считать, что первый шаг к сотрудничеству сделан.

— А сколько шагов нужно сделать до подписания контракта? — спросила заведующая отделом рекламы упавшим голосом.

— Два. Позвоните мне, пожалуйста, как только объявится ваша золотая авторша. Договорились?

Леонид не обманул гостеприимных девушек, приглашавших его на кофе. Он решил, что о сложных взаимоотношениях редактора журнала и ее заместителя лучше беседовать с рядовыми сотрудниками "Секс-моды". И не ошибся. Местные девушки просто завалили его сплетнями и страшными рассказами о Симкиной и Григорчук, причем о последней, несмотря на свежесть утраты, он не услышал ни одного доброго слова. Образ покойницы никто не пытался сделать не то что светлым, а даже в меру темным. Сотрудники журнала были на удивление единодушны в оценке Светланы Григорчук: властная, недобрая, беспринципная, мстительная. Редакторшу свою Элеонору Симкину они жалели: "бедная баба". Циничное замечание Леонида о том, что, дескать, смерть Григорчук пришлося Симкиной как нельзя более кстати, все бурно поддержали: "Да, повезло, ничего не скажешь".

— С одной стороны — повезло, — заметил Леонид, — а с другой — не заподозрят ли вашу редакторшу в убийстве?

На него посмотрели, как на сумасшедшего. Кого? Элеонору? Чуть собачья.

Младший оперуполномоченный Зосимов покидал редакцию “Секс-моды” в хорошем деловом настроении. Он слегка замешкался у машины, потому что ключи от нее завалились за подкладку плаща, и когда уже усаживался в автомобиль, его внимание привлекла любопытная фигура — к входу в Дом прессы уверенно шла девушка в ярко-рыжем парике, темных очках и зеленом пончо. “Ой, красавица”, — развеселился Леонид, внимательно ее разглядывая. Любая внешняя аномалия интересовала младшего оперуполномоченного Зосимова с профессиональной точки зрения. Он был уверен, что просто так, без причины никто не будет напяливать пончо зеленого цвета и парик модели “пакля”. Еще во времена учебы в театральном вузе он хорошо усвоил, что хороший парик — это тот, который не похож на парик. В данном случае имел место совсем плохой экземпляр, вызывающе плохой, как будто носитель одного старался продемонстрировать всем, что на голове его именно парик, а не в коем случае не волосы.

Разглядывая девушку из автомобиля, Леонид думал о том, что же заставило ее так вырядиться. Девушка как девушка, все в норме, ноги, руки, походка... Саня! Лейтенант Зосимов аж подпрыгнул и больно ударился головой. Что она здесь делает в таком виде? Не далее, как три часа назад она уверяла Василия, и Леонид при этом присутствовал, что отправляется в фонд “Наша демократия”, где и проработает целый день.

Планы менялись. Зосимов запер машину, бросил ключи в бездонный карман плаща и пошел за Сашей. Его ничуть не удивило, что она поднялась на пятый этаж, на котором располагалась “Секс-мода”, и уверенно проследовала к кабинету исполнительного редактора. Он, скорее, удивился бы, если бы Саня в своем маскарадном костюме пошла в какое-нибудь другое место.

Леонид занял наблюдательный пост в мужском туалете, неизвестно зачем наличествующем в этом женском царстве, и, высунув нос в приоткрытую дверь, предался напряженным раздумьям. То, что Саня что-то задумала, сомнений не вызывало, равно как и то, что задумала она нечто рискованное, иначе не стала бы скрывать свою затею от дружественного убойного отдела. А значит, Леонида с Василием ждали тяжелые времена. Все без исключения Санины авантюры выходили им боком. Между тем, через пару минут после того, как Саня зашла в кабинет исполнительного редактора, туда же прошествовали две солидные дамы (вероятно, из руководящего состава редакции) и уже знакомая Леониду заведующая отделом рекламы.

Саня появилась в коридоре через полчаса, поправила перед стеклянной дверью съехавший на бок парик и, довольно улыбаясь, зашагала к лифтам.

— Стоять! — рявкнул Леонид из своего укрытия. — Руки за голову, ноги расставить!

— Фу, какая пошлятина, — томно отмахнулась Саня. — Где ты набрался этой дряни, Лёничка?

— Тебе идет новый прикид, — с отвращением процедил Леонид сквозь зубы. — Цвета веселенькие, как у дорожных рабочих, — издалека видать, чтобы пьяный водитель самосвала при виде тебя в панике сворачивал в кювет. Паричок такой гаденький. Красота, конечно, страшная сила, и, соответственно, требует жертв, но голова-то, небось, потеет?

— Что там может потеть? — удивилась Саня. — Там же кость.

— Я жду объяснений, — потребовал Леонид. — Немедленно!

— Видите ли, коллега, — начала Саня (она тоже, как и вся редакция “Вечернего курьера”, освоила новое вежливое обращение к собеседнику), — в силу собственного совершеннолетия, которое, увы, минуло уже давно, а также в соответствии с важнейшей статьей Конституции о праве граждан на передвижение, я могу самостоятельно выбирать маршруты следования. Вот так. А в соответствии с другой статьей Конституции о праве на выбор одежды...

— Да, — Леонид кровожадно прищурился. — Хорошая статья, я тоже ее люблю. Раз ты так хорошо знаешь Конституцию, то помнишь, наверное, что там есть еще одна замечательная статья — о праве...

— ... на выбор спиртных напитков? — пискнула Саша.

— Не-е-ет. О праве немедленно доложить о встреченных безобразиях товарищу капитану Коновалову.

— Лёня! Я пошутила! — взмолилась Саня. — Не надо! Не ябедничай.

— Тогда рассказывай, и поподробней.

— Ладно, — неожиданно легко согласилась Саня. — Пойдем отсюда, я тебе по дороге все расскажу.

Далеко уйти они не успели. Из кабинета исполнительного редактора выплыла заведующая отделом рекламы и, увидев Леонида с Саней, страшно обрадовалась:

— Вы уже все знаете? Вот и прекрасно, а то я собиралась вам звонить.

— Что — все? — не понял Леонид.

— Что мадмуазель Резвушкина, — заведующая ткнула пальцем в Саню, — намерена продолжать сотрудничество с нашим журналом. И в ближайших номерах планируются ее статьи о двух ведущих политиках. Так что к подписанию контракта с вашей фирмой мы готовы.

Леонид сначала онемел, и на лице его застыла кривая глупая улыбка, а затем крепко схватил “мадмуазель Резвушкину” за локоть и поволок ее к лифту.

Трошкин

Адвокат Трошкина Семен Маркович Великович приехал поздно вечером, и Трошкин уже порядком извелся, дожидаясь его. Выражение лица адвоката не предвещало ничего хорошего.

— Что? — выдохнул Трошкин. — Что еще? Ты выполнил мое поручение? Узнал про девочку?

— Девочка работает на милицию, — жестко ответил Семен. — Засланный казачок.

— Подожди! — Трошкин вскочил и начал расхаживать по кабинету. — Подожди. А ты не ошибаешься?

Семен с оскорбленным видом пожал плечами.

— Расскажи мне все по порядку, — попросил Трошкин. — Нет, я тебе полностью доверяю, но все-таки...

— Пожалуйста. — Семен достал из портфеля блокнот. — Слушай, Фома неверующий. Итак, мы же знали, что после нашей анонимки менты приедут в "Рощу". Замаскируются и приедут. Ты сам говорил, что появление твоей распрекрасной девочки не вписывалось в схему — она не из тусовки, не начальник, не ведущий журналист — никто.

— Мы предполагали, — возразил Трошкин. — Анонимная угроза накануне выборов — не новость. Они легко могли не поверить в то, что Иратова собираются убивать. Они легко могли счесть анонимку за предвыборный трюк.

— Допустим, — согласился Семен. — Но я продолжу. Был в "Роще" еще один забавный тип, ты сам мне рассказывал, — некто Манукян. Якобы политтехнолог.

— Якобы? — Трошкин заинтересовался.

— Нет такого политтехнолога, не существует в природе. Уж тебе-то это должно быть известно. Или есть на свете крупные, я подчеркиваю, крупные политтехнологи, о которых ты ничего не знаешь?

— Да, вряд ли...

— Так вот, я все проверил — такого Манукяна не существует. Чистый блеф, игра на дурачка. Подыгрывала этому мифическому персонажу твоя девушка. Я опросил сегодня кучу очевидцев — все так говорят. Вспоминай, дорогой, вспоминай. Это была классическая, хорошо исполненная партия на двоих: "Ах, великий Манукян, ах, мне велено взять у него интервью..." Если девочка — не засланный казачок, то зачем ей наигрывать самозванцу очки? Правильно? Идем дальше: в "Роще" вам старательно демонстрировали, как руководитель опергруппы угнетает твою девочку, орет на нее, подозревает, и прочая, прочая. Об этом мне тоже сегодня многие рассказали. Между тем, девочка и этот мент давно знакомы, если не сказать откровенной. По моим данным, они чуть ли не любовники.

— Да что ты? — расстроился Трошкин. — Не может быть. С таким... таким... идиотом?

— Положим, он не идиот, а только строит из себя. Кроме того, любовь зла. А нам нужно грамотно разыграть карту. — Семен достал из бара бутылку коньяка и глотнул прямо из горлышка. — Девочке кажется, что ты у нее под присмотром, чуть ли не на крючке. Отлично. Ухаживай за ней, тоскуй, моли о взаимности, изображай пылкую влюбленность, впрочем, я вижу, тебе здесь притворства и не понадобится. А под этим сладким соусом подкидывай ей нужные факты. Засланные казачки страшны лишь до тех пор, пока им доверяешь. — Семен опять поднес бутылку к губам. — Ну, за наше безнадежное дело. Рисковую игру мы затеяли, Саша. Но кто не рискует, тот не пьет коньяк.

— Я устал, Семен, — вдруг сказал Трошкин. — Как собака.

— Все устали. Всем противно. А что делать?

Адвокат попрощался и ушел, а Трошкин еще долго сидел в темном кабинете, глядя пустыми глазами в одну точку.

...На следующее утро, когда Саша заглянула в приемную Трошкина, Марина одарила ее лучезарной улыбкой и указала на букет желтых роз, стоящий в напольной вазе.

— Александр Дмитриевич срочно уехал по делам, но очень просил передать вам эти цветы. И еще он просил передать, что соскучился.

Марина говорила с тем особым выражением, какое позволительно только очень близким и очень посвященным. А произнося "очень соскучился", она даже слегка покраснела: ну, вы ж понимаете, о чем идет речь.

Саша сначала страшно смутилась оттого, что Трошкин поручает кому ни попадя столь личные, почти интимные слова, а потом разозлилась, тем более что Марина смотрела на нее ехидно и выжидательно, хотя и прикидывалась овцой.

— И все? — спросила Саша с самым невинным видом.

— Что все? — не поняла Марина.

— Больше он ни о чем вас не просил?

— Что вы имеете в виду? — насторожилась секретарша.

— Ну, он не просил вас посмотреть на меня с вождением? Или поцеловать?

Марина, совершенно не готовая к такому отпору, молчала.

— Жаль, — грустно произнесла Саша. — Но за розочки спасибо. Передайте Александру Дмитриевичу, что я очень тронута.

Она взяла розы и убежала в отдел креатива, поклявшись себе не заходить сегодня к президенту фонда. Как только она скрылась за дверью приемной, Трошкин выглянул из кабинета и вопросительно посмотрел на Марину:

— Ну как?

— По-моему, она обиделась, — сказала Марина.

Через час Трошкин зашел к креативщикам, забрал Сашу и повез ее на ланч в ресторан "Прага". Он был мил, весел, говорлив и доволен собой.

— Работать надо, Сашенька, у меня сейчас очень важный, можно сказать, переломный момент в жизни. Но как? Скажите — как, если все мысли только о вас, о ненаглядной?

— И вы говорите все это прямо мне? — изумилась Саша. — Минута вашего секретаря?

— Вы правы, — вздохнул Трошкин. — Я допустил непростительную бестактность и полностью принимаю ваш упрек. Простите. Но я действительно все время думаю только о вас и не могу скрыть своих мыслей ни от кого...

— Ужас! — Саша сделала большие глаза. — Я вам мешаю, Александр Дмитриевич. Значит, необходимо решительно убрать меня из вашего окружения. Да, думаю, так будет правильнее.

— Ни в коем случае! — Трошкин строго погрозил ей пальцем. — В том-то и проблема, что если вас, как вы выразились, убрать, то я вообще не смогу работать.

— Что же делать? — взволнованно спросила Саша.

— Не знаю. Но опыт подсказывает мне, что вместе мы справимся.

— Вместе? — Саша посмотрела на Трошкина строго, показывая, что о "вместе" говорить, как минимум, рановато.

— Вместе. Вы ведь мне поможете? — улыбнулся Трошкин. — А то я пропаду.

— Не пугайте меня, — отмахнулась Саша. — Когда вы так говорите, мне начинает казаться, что речь идет о чем-то неприличном.

— Неприличном? — Трошкин удивился. — Как это?

— Вы не знаете, что такое — приличия, а что — нет? — в свою очередь удивилась Саша.

— Не знаю, — признался Трошкин. — Уж извините. И расскажите, мне страшно интересно.

— Неприлично чавкать на званом обеде, — сказала Саша. — И сморкаться в занавеску. А еще — напиваться, как свинья, и падать лицом в салат.

— Ах это... — разочарованно протянул Трошкин. — Нет, не волнуйтесь, Сашенька, ничего такого я вам не собирался предлагать. И в мыслях не было.

— В перечень неприличностей можно внести еще кое-что... — пробормотала Саша.

— Не надо, зачем же, — отказался Трошкин. — Я все понял.

— Кстати, Александр Дмитриевич, — встрепенулась Саша, — а что из себя представляет ваш друг Вадим Сергеевич Иратов?

Трошкин посмотрел на Сашу внимательно, слишком внимательно, как ей показалось, и пожал плечами.

— Вы не знаете? — удивилась Саша.

— Друг — слишком сильно сказано. Мы были компаньонами, у нас были общие дела. Он умен, энергичен, ловок. Что вы хотите услышать?

— А теперь у вас нет общих дел?

— Теперь — нет, — жестко бросил Трошкин.

— Почему? Вы поссорились? Он вас подвел? Или...

— Или. — Трошкин дал понять, что не расположен беседовать на предложенную тему. Но Саша не намерена была идти на поводу у капризного собеседника.

— Ладно, не хотите рассказывать — не надо, — обиженно протянула она. — Договоримся так: я к вам не лезу, но и вы меня ни о чем не спрашивайте.

— Нечестный приемчик, — улыбнулся Трошкин. — Ниже пояса.

— Ну и что? — Саша дернула плечом.

— Сдаюсь. — Трошкин поднял ладони кверху. — Но сначала объясните мне, почему вас интересует Иратов.

— Здравсьте! Я — политический журналист, а он — будущий губернатор.

— И все?

— А разве этого мало?

— Мы не поссорились, а как бы правильнее сказать? Разошлись во взглядах. Так бывает. — Трошкин погрузился в тяжкие раздумья. Его лицо доходчиво демонстрировало, что мысли об Иратове для него мучительны, что он гонит их от себя, а они, жестокие, его преследуют, и он страдает. Трошкину не терпелось немедленно сообщить Саше нужную информацию и, главное, правильную ее интерпретацию, но он понимал, что торопиться нельзя. Для того, чтобы информация “легла в лузу”, то есть была воспринята, ее следует попридержаться.

— Странный вы человек, — вдруг заговорила Саша. — Вас не поймешь. Вы то скрываете, то открываете, то запахиваете объятия, то уходите в глухую оборону.

— Готов распахнуть объятия, но только с тем условием, что вы не откажетесь в них упасть. Идет?

— С условием? Нет, не идет. В том, чтобы упасть, никакого трюка нет. Удержаться от падения — вот задача, — съязвила Саша. — Обойдусь без вашей информации.

— Ладно, — сдался Трошкин. — Клянусь говорить правду и только правду. Спрашивайте.

— О Господи, я не об этом, что вы, как на допросе. Я о стиле. Трошкин усмехнулся:

— То есть вопросов больше нет?

Саша засмеялась.

— Глупо было бы не воспользоваться, правда? Журналистский зуд — разрешают задать вопрос, значит, надо срочно спрашивать. Расскажите мне о Светлане Григорчук.

Трошкин вздохнул с облегчением — наконец-то. Сама попросила.

— Раз вы спрашиваете меня, значит, вам уже рассказали о наших с ней отношениях. Впрочем, секрета я из этого не делаю, что было — то было. Света — сложный человек. И довольно не-

счастливый. Не потому, что ее жизнь так рано и нелепо оборвалась, а потому, что она все время гналась за лучшей участью, тратила на эту дурацкую гонку все силы и потому радоваться жизни не умела. Казалось бы — молодая красивая одаренная женщина, есть все данные для счастья... Или, если не для счастья — никто же не знает, что это такое, — то для удовольствия. Нет, она откладывала все на потом.

— Неужели? — скептически спросила Саша. — Никаких текущих удовольствий? А вы?

— Я? Я старался, но не мог отделаться от чувства, что и меня она воспринимает как мостик в светлое будущее.

— Не вижу противоречия. — Саша пожала плечами. — Она могла примеривать вас на будущее или топтать в будущее по вашим хрупким косточкам, как по мостику, и одновременно наслаждаться... общением с вами, Александр Дмитриевич.

— Иронизируете? — обиделся Трошкин.

— Ничуть. Вы человек интересный и приятный, — сказала Саша, честно глядя ему в глаза. — Рассказывайте дальше, пожалуйста.

— Не знаю, что еще рассказать. Думаю, у Светы не было причин на меня жаловаться. Пожалуй... прозвучит нескромно, но факт остается фактом, я единственный в ее близком окружении, с кем у нее не было разногласий. Со всеми остальными она ухитрилась испортить отношения.

— И с Иратовым?

— В известном смысле, причиной нашего с Вадимом взаимного охлаждения стала Света, — горько вздохнул Трошкин. — Он ее не любил, настолько не любил, что позволил себе рекомендовать... нет, настаивать — представляете? — на том, чтобы я перестал с ней общаться.

— Почему?

— Не знаю. Предполагаю, что не просто так.

— Странно, — задумчиво сказала Саша, — странно, ведь его жена Людмила, насколько я знаю, близкая подруга Григорчук.

— Да, близкая, — согласился Трошкин. — Но я не знаю человека, который мог бы приказать Люде не делать или делать что-то. Вадим тоже не мог приказать, хотя, наверное, пытался.

Трошкин ждал еще вопросов, он только-только вошел во вкус и о многом хотел еще "откровенно" рассказать Саше, но она почему-то замолчала, задумалась и вскоре, посмотрев на часы, заторопилась по делам.

— Спасибо, Александр Дмитриевич, все было очень вкусно и очень интересно. Скоро увидимся.

Саша убежала, а Трошкин остался сидеть обескураженный. И прямо из ресторана позвонил Семену.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Если она работает на ментов, то должна была трясти меня, пока не вывалится последняя гайка. А она на самом интересном месте сорвалась и уехала.

— Но что-то ты успел сказать? — спросил Семен.

— Да, кое-что.

— Я думаю, она с тобой играет и прикидывается нелюбопытной. Вот и все.

Василий

Старая “шестерка”, которую капитану Коновалову с болью и тоской в глазах одолжил на денек заместитель начальника УВД Красногорского края, не имела ничего общего с достижениями науки и техники, скорее наоборот, служила болезненным напоминанием прогрессу о том, что вообще-то надо бы развиваться. Именно так и восприняли машину егерь Фомич и охранник Алексеич, сидящие на крыльце охотничьего домика — скромного четырехэтажного пристанища местной элиты.

— Что это за драндулет? — спросил Фомич.

— Ветром надуло, — вяло ответил Алексеич. — Сейчас шуганем.

Василий затормозил рядом с крыльцом и, приоткрыв окно, по-хозяйски скомандовал:

— Принимайте гостей, мужики!

— Чего? — оторопели от такой наглости егерь и охранник. — А шнурки тебе не погладить?

— Это — потом, — сказал Василий. — А пока — куда машину-то загнать?

Егерь с охранником посмотрели друг на друга и резко загрустили.

— Много нынче сумасшедших, — пожаловался Фомич. — Оно и понятно — осень.

Василий, между тем, вылез из машины, любовно отряхнул с ее капота прилипшие иголки и перешел к делу.

— Капитан Коновалов меня зовут, из МУРа я, поговорить бы.

— Из МУРа? — присвистнул охранник. — Чегой-то? Москва, вроде, далеко... Охотиться к нам?

— В каком-то смысле, — кивнул Василий.

Дело в том, что в сейфе Григорчук сыщики обнаружили несколько папок с чрезвычайно интересным материалом — тем самым интимным компроматом на известнейших людей. К каждой папке прилагалась видеокассета, наглядно подтверждающая тот отрадный факт, что Биллу Клинтону до наших политиков еще расти и расти. Проблема состояла в том, что весь этот интереснейший для чтения и просмотра материал был уже отработан. То есть подробности тайной личной жизни каждого из политиков, дела которых хранились в сейфе у Григорчук, уже были описаны Резвушкиной и опубликованы в “Секс-модерн”. Ничего нового, того, что еще не нашло своего отражения на страницах журнала, в сейфе не оказалось.

Сыщики пришли к выводу, что некто, укравший ключи у мертвой Григорчук и посетивший ее квартиру в ночь убийства, ушел отсюда не с пустыми руками и унес “свою” папку.

Сделать это было проще простого, потому что педантичная Григорчук строго и скрупулезно систематизировала свой гадкий материал — каждой жертве отводилась отдельная папка, так что похитителю не пришлось долго возиться и перебирать весь архив. Тем более что на каждой папке крупным детским почерком была написана фамилия “героя”. Удобно? Очень. Но именно кажущаяся легкость задачи подвела похитителя. Потому что, кроме папок, в сейфе обнаружился любопытный конвертик, в котором хранились фотографии девушек. А на обороте каждой фотографии стоял порядковый номер — 1, 2, 3 и так далее. Зацепка, так взбудившая сыщиков, заключалась в том, что папок было 7, а фотографий — 9. Папки, кстати, тоже имели порядковые номера, и Василий предположил, что “номер” девушки соответствует “номеру” жертвы.

— Иратов и Трошкин! — кричал Василий. — Чтоб я сдох, так и есть! Два сапога пара. Они давно спелись, и Григорчук придумали сообщца. Вот банда! Надо ехать в их логово, в их милый Красногорский край, где они в последние годы дневали и ночевали. Главным образом, конечно, ночевали.

— Неувязочка, капитан, — попробовал возразить Гоша. — Они же, судя по всему, будут противниками на губернаторских выборах. Враги, можно сказать.

— Дешевый трюк! Рассчитанный на идиотов, — Василий выразительно посмотрел на Гошу. — Они делают вид, что враги, а накануне выборов кто-то снимет свою кандидатуру и призовет своих избирателей голосовать за другого. А сейчас им выгодно, чтобы мы считали их противниками.

— Отыскать девушку по фотографии — задача практически невыполнимая, — вздохнул Гоша.

— Если не знаешь, где искать. А я знаю, где, — похвастался Василий. — Потому-то я столько крови пролил, выбивая себе командировку в Красногорский край.

— Тебя не смущает, — ехидно спросил Леонид, — что территория края равна двум Франциям?

— Территория большая, а вот значных мест, любимых тамошней политической элитой, раз-два и обчелся, — пояснил Василий.

Все согласились — содержимое папок свидетельствовало о том, что Григорчук предпочитала “разоблачать” сильных мира сего в традиционных местах отдыха элиты: в пансионатах, банях, санаториях и тому подобное.

— Кстати, разумный подход, — похвалил покойницу Гоша. — В таких местах любая девушка имеет шанс втереться в доверие к мужику и подготовить помещение для романтического свидания. Я имею в виду, натывать туда жучков и видеокамер.

Василий надеялся на то, что в вышеназванные пансионаты и дома отдыха не пускают кого попало и, как минимум, спрашивают паспорт. Значит, личности неизвестных красавиц под номерами 8 и 9 удастся установить.

— Если паспорт не поддельный, — хмыкнул Леонид.

— И если мы правильно грешим на Иратора и Трошкина, — подхватил Гоша.

— Больше-то не на кого, — огрызнулся Василий. — Вряд ли Григорчук записывала на пленку любовные утехы Симкиной. При всем моем уважении к Элеоноре Генриховне.

...Русский народ поговорить любит, особенно под хорошую закуску, а закуски, как и всего остального, у Василия был полный багажник. Уже через час после приезда в охотничьи угодья, Василий, Лексеич и Фомич сидели в пристройке под названием "егерьская", пили чай с водкой и мило обсуждали нравы современных политиков. Фотографии Иратора и Трошкина валялись на столе, засыпанные крошками.

— Этот, — Фомич ткнул пальцем в глаз Иратору, — птицу уважает. Уток по десятку за раз бьет. А этот, — тычок в нос Трошкину, — все больше фортит, а охотник из него неважный.

— А после охоты? Вечером? — Василий подлил мужикам московской водки. — Культурная, я имею в виду, программа?

— Все культурно, — закивал Фомич. — Очень культурно. Баня, угощение.

— А девочки?

— А как же? — обиделся Фомич. — У нас все на уровне.

— Вы девочек поставляете, или сами привозят?

— Так ведь всяко бывает. И со своими, помню, приезжали, и наших привечали.

— А ваших кто привозит? — Василий опять наполнил рюмки.

— А чего их привозить-то? — удивился Лексеич. — Сами приходят. Из Краснова девки, и из Устинова.

— Но вы их проверяете? — строго спросил Василий. — На предмет оружия или еще чего?

— А как же! Эт-обязательно, — крикнул Лексеич. — Мы дисциплину знаем. Только чего их проверять-то? Девки свои, с малолетства нам знакомые, откуда им оружие-то взять? Немцев здесь в войну не было, не дошли, так что ищи — не ищи, все одно не найдешь.

— Только свои?

Егерь с охранником переглянулись, помялись, и Лексеич признался:

— Была одна чужая. Пожалели мы ее. Анжела ее звали. Пришла, попросила: "Дайте, дяденьки, на дорогу заработать". Все, говорит, украли у ней, деньги, документы. Беда.

— Вот так и попросилась — гостей развлекать? — удивился Василий.

— Нет! — Фомич хитро погрозил пальцем. — Нет. Говорит, убраться в номерах или сготовить. Горничной попросилась. А уж про то, что ты сказал, — это они уже потом сами сговорились. Дело-то понятное.

— С этим? — Василий ткнул в фотографию Трошкина.

— Кто ж их разберет? — пожал плечами Фомич. — Мы ж их до коек не провожаем. Вообще-то этот. — Фомич аккуратно взял за краешек фотографию Трошкина. — Он нашу Зину уважает. Как придет: “Где Зина?” Нравится она ему. Но и другие бывали у него. Бывали, точно.

Василий жестом факира извлек из кармана фотографии девушек под номерами 8 и 9.

— Есть она здесь, Зина ваша?

Лексеич нацепил на нос круглые очки, глянул и хитро подмигнул Василию:

— Чтой-то ты играешь с нами, парень.

— Почему? — Василий скорчил простецкую рожу. — Я ж весь, как на ладони, мужики.

— Это Анжела. — Лексеич показал на восьмую фотографию. — Она самая. А другая — не знаю кто, не наша. А ты чего-то крутишь.

— Анжела? Не Зина? Да ну? Жаль. — Василий действительно опечалился. — А где же Зина?

— В деревне, где ж еще?

В деревню Красново Василий выехал уже затемно. Правда, дорога заняла всего двадцать минут. Зина жила в третьем от края доме. Василий постучал в окно, и тут же на крыльцо выскочила упитанная румяная девица в кожаных штанах и обтягивающей кислотного оранжевого цвета майке.

— Здравствуй, Зина, — ласково сказал Василий. — Здравствуй, подружка. Как дела?

— О-ой, не нада токо, — лениво потянулась девица. — Я тя не знаю, не гони.

— Ну, так дурацкое дело нехитрое, давай знакомиться, — улыбнулся Василий.

Зина критически оглядела “шестерку” и решительно помотала головой:

— Не, не буду.

— Что так? Не нравлюсь? — не столько обиделся, сколько развеселился Василий.

— Нравлюсь, не нравлюсь — ты прям как девушка. Какая разница? Мы ж не на смотринах. Я ж не мужа выбираю, — удивилась Зина.

— А ты посмотри, посмотри повнимательнее. Вдруг я тебе в мужья сгожусь? — кокетливо предложил Василий.

— Не, не хочу, — помотала головой Зина. — Молодая я еще — замуж идти.

— Ладно, — легко согласился Василий, — не хочешь — не ходи. Меня к тебе мой друг прислал — Саша Трошкин, помнишь такого? Поезжай, говорит, к Зине, лучшей девушки на всем свете не сыщешь.

Зине слова Василия очень понравились. Она довольно улыбнулась, повела бюстом, но быстро спохватилась:

— А тачка почему у тебя такая?

— Какая? — насмешливо уточнил Василий.

— Какая-какая! Плохая! — просто объяснила Зина. — Серьезные люди на таких не ездят.

— Ишь ты! Все ты знаешь. — Василий вздохнул. — Машина у меня такая, Зина, случайно. Сломался мой любимый белый “мерседес”, ласточка моя быстроходная. Пришлось взять первую попавшуюся. Но мой тебе, Зина, совет — не суди о людях по машине.

— А по чему ж судить-то? — удивилась Зина.

Василий не нашелся, что ответить. Сказать: по одежке? Но одеждой старший оперуполномоченный тоже вряд ли мог похвастаться — старые джинсы, свитер, кроссовки. По уму? Так по уму провозжать положено.

— Давай так договоримся, — нашел, наконец, Василий компромиссный вариант. — Сейчас ты меня просто чаем напоишь, а завтра я заберу “мерседес” из ремонта и приеду за тобой уже как положено, как тебе нравится. Идет?

— Идет, — легко согласилась Зина. — Заходи.

...На прощание Василий показал Зине фотографии Иратова, Анжелы и неопознанной сторожами девушки. Зина последнюю, впрочем, тоже видела впервые, зато Иратова и Анжелу вспомнила. Об Иратове она отзывалась с уважением и теплотой: “Интересный серьезный мужчина, друг Саши”, а вот Анжелу Зина не полюбила.

— Шлюха! — убеждала она Василия. — Липучка. Так ко всем и лезла, ни стыда, ни совести. И к Саше клеилась, представляешь?

Василия очень позабавил праведный гнев моралистки Зины.

Но кто же, все-таки, рылся в сейфе Григорчук? Вадим Сергеевич или Александр Дмитриевич?

Трошкин

Александр Дмитриевич Трошкин пребывал в глубочайшем недоумении. События последних двух дней настолько выбили его из колеи, что даже четкие и давно утвержденные планы, составленные аналитиками фонда “Наша демократия”, казались ему полным абсурдом. Хотелось сказать: “Ребята, мне бы ваши проблемы. О чем вы думаете, когда такие дела творятся?” Все, все происходящее походило на бред воспаленного воображения, и Трош-

кин изо всех сил старался успокоиться и собрать воедино треснувшую и рассыпавшуюся на мелкие осколки картину жизни.

К нему в кабинет с понурым видом протиснулся сотрудник из отдела по связям с прессой и, помявшись, повздыхав и поерзав, положил на стол два печатных издания: свежие номера еженедельника "Политика" и журнальчика "Секс-мода".

— Вот, Александр Дмитриевич, тут... Посмотрите. Мы готовы подключиться.

В "Политике" под рубрикой "Журналистское расследование" помещалась большая статья Дуни Квадратной, посвященная гибели Григорчук. Квадратная излагала свою версию убийства, и Трошкин прочитал статью с большим интересом. Молодой сотрудник пожирал его глазами, но ни один мускул на лице президента фонда не дрогнул. А вот публикация в "Секс-моде" вывела Трошкина из душевного равновесия.

На обложке, над названием журнала, крупным шрифтом было набрано:

"Резвушкина возвращается". И пониже, чуть помельче: "Новые откровения веселой блудницы. Читайте в одном из ближайших номеров о ее романах с известным политологом, президентом фонда "Наша демократия" Александром Трошкиным и кандидатом в губернаторы Красногорского края Вадимом Иратовым".

— Этого не может быть... — только и мог сказать Трошкин.

— Но... вот написано же, — тупо возразил сотрудник из отдела связей с прессой. Вероятно, его вера в печатное слово граничила со слабоумием.

— Ничего не было! — заорал Трошкин. — Я-то знаю!

— Мы готовы подключиться, — резво отрапортовал сотрудник. — Что прикажете предпринять?

А что тут предпримешь? Звонить Норе Симкиной? Но она всегда его терпеть не могла, и рассчитывать на ее благодеяния не приходится.

— Идите пока, — отослал он подчиненного. — Я сам займусь... этим грязным делом.

Трошкин открыл электронную записную книжку и уперся указательным пальцем в клавишу перевертывания страниц. "Кто?.. Кто?.. Кто?..", — судорожно прикидывал он, глядя на бегущие по экранчику имена и фамилии знакомых. Кто может повлиять на Нору? Кто может остановить выход статьи? Стоп! Трошкин вдруг опомнился. Чего, собственно, он так испугался? Резвушкину придумала Светка. Предположить, что Светка собирала на него компромат, можно, это вполне в ее стиле, но... Она бы не сдержалась и устроила ему сумасшедший дом, если бы узнала о его измене. А Светка последние два месяца была сама кротость и безмятежность. А значит... значит, Нора Симкина блефует, и нет у нее никакой другой Резвушкиной. Пусть статья выходит, а уж он сделает из нее роскошный предвыборный

скандал с обращением в суд за защитой чести и достоинства, с обвинениями старой хрычевки Симкиной в клевете и в попытке сорвать его предвыборную кампанию.

Трошкин перевел дух, расслаблено откинулся в кресле и, закинув голову назад, расхохотался. В таком положении и застала его Марина.

— Вспомнил анекдот? — поинтересовалась она.

— Вроде того, — усмехнулся Трошкин.

— Там к тебе... — Марина задумалась, подыскивая правильные слова для характеристики посетительницы. — Такая... такая... ужас в общем.

— Но не ужас-ужас?

— Пожалуй, ужас-ужас, — сказала Марина. — Пригласить?

— Давай. Мы люди храбрые.

В кабинет Трошкина, печатая шаг и громко сопя, вошла Дуня Квадратная.

— Здравствуйте, Александр Дмитриевич, — сказала она. — А вот и я.

— Чем обязан? — спросил Трошкин, улыбаясь. — Насколько я знаю, не в ваших правилах навещать тех, над кем вы занесли карающий меч свободы слова.

— Почему вы решили, что я что-то над вами занесла? — удивилась Дуня.

— Ну не сейчас, так потом. Я лично не сомневаюсь, что при вашей энергии и любви к людям вы доберетесь до каждого из нас, и, соответственно, мы все являемся либо реальными, либо потенциальными вашими жертвами. Или я не прав?

— Правы. — Дуня с любопытством огляделась. — Вы не предложите даме присесть?

— Да, да, конечно. — Трошкин вскочил, подвинул гостье кресло.

— Вы правы, — продолжила Дуня, плюхаясь в кресло. — До всех доберусь, всех на чистую воду выведу.

— Вот! — торжествующе кивнул Трошкин. — И я о том же.

— Но для вас могу сделать исключение, — ласково улыбнулась Дуня.

— Благодарю. — Трошкин картинно воздел руки к потолку. — О благодарю. За что же такая милость?

— Тыщ, думаю, за двадцать долларов, — глядя на него немигающим взором, ответила Дуня. — И предупреждаю — торг неуместен.

— Не понял. — Трошкин перестал улыбаться. — Вы предлагаете заплатить вам за то, чтобы вы ничего обо мне не писали? Правильно?

— Да, правильно, — кивнула Дуня. — Я всегда говорила, что вы, хотя и негодяй, но умный.

— Забавное предложение, — мрачно усмехнулся Трошкин. — Не ожидал.

— Тем приятнее вам должно быть.

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Приятно, когда пятки чешут, а когда деньги требуют...

— Не требуют, — возмутилась Дуня. — Хотите — платите, не хотите — не надо. Что касается пяток... Когда о вас не выходит гадостный материал, тоже приятно.

— Знаете что, уважаемая Дуня, — сказал Трошкин, — журналистов много, и если каждому платить такие деньги за лояльность...

— Во-первых, каждому не надо платить именно такие деньги. Во-вторых, я — исключительный случай, равных мне нет, надеюсь, вы не будете возражать. И в-третьих, не за лояльность, а за молчание. Улавливаете разницу? За то, что я не буду придавать гласности факты, которые могут вас скомпрометировать.

— Так это шантаж? — уточнил Трошкин.

— Это сделка. Обыкновенная сделка. “Золотого теленка” читали? Ну вот. Я всем всегда говорила, что вы, хотя и плохой, но очень начитанный человек.

— О каких фактах идет речь? — спросил Трошкин.

— Вот! — обрадовалась Дуня. — Уже деловой разговор. Речь может идти о разных фактах. Например, об этих.

И она положила на стол фотографию. Трошкин впился в нее взглядом и стремительно начал бледнеть.

— Откуда? — выдохнул он.

Дуня поморщилась:

— Не задавайте глупых вопросов, Александр Дмитриевич.

— Откуда? — Трошкин схватил фотографию и тут же, будто обжегшись, бросил ее на стол.

— От верблюда, — огрызнулась Дуня. — Согласитесь, я сделала вам интересное предложение. От него трудно отмахнуться. Рассказы вашей подружки Зины, подкрепленные соответствующими фотоматериалами...

— ...фотоматериалами? — прохрипел Трошкин.

— Вот именно. Эти рассказы стоят гораздо дороже. Соглашайтесь, я прошу немного.

— Вы дадите мне время подумать? — тусклым полупшепотом спросил Трошкин.

— Разумеется. — Дуня встала. — Спасибо за приятную беседу. Жду вашего звонка. Копите деньги. Не забывайте, что через вторник в “Секс-моде” может выйти статья Резвушкиной о вас. Наверное, вы должны постараться, чтобы этого не произошло. Так что времени у нас немного. Всего хорошего.

— Резвушкиной? — Трошкин ловко схватил Дуню за полу пиджака. — При чем тут она?

Дуня посмотрела на него с глубочайшим презрением, как на полного идиота.

— Что вас так удивило? Сам факт ее существования? Или наше с ней сотрудничество?

— Сотрудничество, — ответил Трошкин, и голос его предательски дрогнул.

Марина заглянула в кабинет начальника сразу после ухода Дуни и испугалась:

— Что? Что случилось? Что с тобой?

— Срочно найди мне Семена, — мертвым голосом велел Трошкин. — И дай сигарету.

— Ты же не куришь... — попробовала возразить Марина, но, встретившись глазами с начальником, безропотно выскочила в приемную и тут же вернулась с пачкой "Мальборо". — Тебе прикурить?

Трошкин, все еще мертвенно бледный, кивнул и трясущимися руками взял дымящуюся сигарету.

Адвокат ворвался в приемную через сорок минут. Марина, мученически закатив глаза, описала приход "кошмарной толстой бабы в мужской одежде с разноцветными волосами, стоящими дыбом" и последующую реакцию Трошкина.

— Квадратная, — понятно кивнул адвокат. — Напугала чем-то. Сейчас разберемся.

Трошкин по-прежнему имел бледный вид, казалось, даже уменьшился в размере. Семена Марковича он поприветствовал словами: "Ну вот, началось..."

Над загадочным рассказом Трошкина адвокат думал довольно долго, и все это время политолог метался по кабинету и горько вздыхал.

— Что сказать? — изрек, наконец, адвокат. — Прodelки Иратова, не иначе. Кто еще знал о твоих похождениях в охотничьих угодьях Красногорского края? К тому же вы частенько вместе туда навдывались, правда?

— Но ведь и я знаю о его похождениях! — заревел Трошкин. — И могу ответить ему тем же. Зачем ему нарываться?

— Да? Тем же? — Семен Маркович с сомнением покачал головой. — У тебя что, есть фотодокументы, показания очевидцев, откровения его подружек?

Трошкин резко прервал свой бег и повернулся к адвокату:

— У Светки есть. То есть были. Она мне намекала. Она наняла команду девок, которые собирали для нее интимный материал о тех, на кого она укажет.

— Лихо, — похвалил Семен Маркович.

— А сейчас, с появлением новой Резвушкиной, не знаю, что и думать.

— Свято место пусто не бывает. Идея-то хорошая, — сказал адвокат. — Был бы я предприимчивым человеком, так тоже подсуелиться бы и объявил себя Резвушкиной. Чего проще? Да и отечественная история нас подталкивает к таким решениям — вспомни лже-Дмитриев всяких. Нам надо выяснить вот что — новую Резвушкину специально для тебя возродили, или просто кто-то вскочил в освободившуюся нишу.

— И как будем выяснять?

Семен Маркович опять задумался.

— Знаешь что, Саша, — сказал он наконец. — Думается мне, что клин клином — самый лучший вариант. Я займусь. Есть у меня на примете одна способная девчужка — несостоявшаяся актриска. А ты пока ищи свою Зину, ищи с собаками, вытрясай из нее все — на кого она работает, сама тебя сдала или ее кто-то разыскал и перевербовал.

— Где же я ее найду? — Трошкин развел руками. — В деревню Красново ехать?

— Тоже мне загадка, — усмехнулся адвокат. — Ни в какой деревне ее, понятно, нет. Она обретается где-то около Квадратной. Без сомнений.

Оставшись один, Трошкин постарался успокоиться, но тревога нарастала и страхи множились. Да, похоже, за всем стоит Иратов, да, похоже, они вычислили Зину и взяли ее в оборот, да, не исключено, что Квадратная каким-то загадочным образом спелась с Иратовым. Но делать-то что? Легко сказать — ищи Зину около Квадратной. Где оно — это “около”?

Впервые за много лет у Александра Дмитриевича Трошкина появилось противнейшее ощущение, что он начал проигрывать. Нет, не проиграл еще, но карта явно не его.

Василий

Старший оперуполномоченный Коновалов обрабатывал последнего фигуранта, про которого, точнее, про которую в суете и разъездах последних дней он совсем забыл. Ольга Алешина, так странно объявившаяся в “Роще” и так стремительно оттуда исчезнувшая, сейчас сидела напротив Василия и спокойно, как-то слишком спокойно отвечала на его вопросы.

— Собака? Вы приехали туда из-за собаки?

— Я приехала туда за ключами, — терпеливо повторила Ольга. — А из-за собаки пробыла там недолго. Вас же больше всего интересовало, почему я не дождалась мужа? Почему не искала его по всему пансионату? Потому что торопилась к собаке.

— И все же странно... — протянул Василий. — Странно. Тайком проникнуть в номер мужа...

— Нет, вы ошибаетесь. — Ольга улыбнулась, и старшему оперуполномоченному показалось, что она в душе подсмеивается над ним. — Тайком — это когда тебя никто не видит. А меня все видели. И ключ от номера мужа я попросила у администратора. От безвыходности. До этого я его искала, спрашивала у разных людей, где он может быть. Они вам подтвердят.

— Да? — Василий придвинул к себе протокол допроса, взял ручку. — У каких людей?

— Да откуда я знаю? Какие-то люди в ресторане. Я спросила: “Где бы найти Алешина?”, а они заверили меня, что поиски мо-

гут оказаться долгими, потому что пансионат — огромный, и затеряться в нем легко. Не знаю, что за люди.

— Ах, не знаете, — ехидно протянул Василий.

— Не знаю. А вы полагаете, что я должна была попросить их предъявить паспорта?

— Описать их, по крайней мере, вы в состоянии?

— Нет. В ресторане, знаете ли, царил полумрак, я торопилась и особо не присматривалась. И вообще у меня плохая зрительная память.

— Как у всех дизайнеров, — усмехнулся Василий.

— Я же не портретист, — сказала Ольга. — Вот интерьеры я запоминаю хорошо. Хотите, набросаю вам план ресторана и холла пансионата?

— В другой раз. — Василий опять взялся за ручку. — Вы не заметили чего-нибудь странного в пансионате?

— Что вы называете странным? — уточнила Ольга.

— Настораживающего. Непонятного. Крик, стоны, бегущего человека.

— Нет. Криков не слышала, бегущих людей не видела, — покачала головой Ольга.

— А что видели?

Ольга устало провела рукой по лбу — ну что за тупой опер попался.

— Видела бесцельно бродящих нетрезвых людей. Ворону видела. Оpoznать вряд ли смогу, но описать — пожалуйста. Толстая такая, серо-черная.

— Ворону? — оживился Василий. — Где?

— Под балконом.

— Что вы делали на балконе?

— Ничего. Просто вышла на минутку.

— Вы только что говорили, что страшно торопились домой. И вот, оказавшись по соседству с номером, в котором произошло убийство, решили погулять по балкону.

— Я же не знала про столь опасное соседство. Вышла на секунду на балкон, сама не знаю почему. — Ольга по-прежнему была абсолютно спокойна.

— С балкона хорошо видна дверь в соседний номер. Там кто-нибудь был? — спросил Василий.

— У меня нет привычки заглядывать в чужие окна. — Ольга посмотрела на часы. — Мы еще долго будем беседовать?

— Столько, сколько потребуется, — грубовато ответил Василий.

— Понимаю, — опять улыбнулась Ольга. — А почему я вообще вас заинтересовала? Вы всерьез думаете, что приехала в закрытый пансионат, чтобы убить совершенно не знакомого мне человека?

— Откуда я знаю, знакомы вы или нет? — пожал плечами Василий.

— Да, действительно, — согласилась Ольга. — Внимательно вас слушаю, господин следователь.

— С господином следователем вам еще предстоит встретиться, а я — оперуполномоченный, — поправил ее Василий.

— А-а! — Ольга виновато прижала руки к груди. — Это в корне меняет дело.

Василий сдался. Зацепить фигурантку не получалось, а терзать ее попусту не имело смысла.

— Идите. Давайте я подпишу пропуск.

...После работы Василий поехал к Сане. Точнее, к Зине. Точнее, к Сане, но под прикрытием Зины. Еще в дороге, в поезде, выяснилось, что Зина категорически отказывается жить в Москве одна в съемной квартире. Саня предложила поселить Зину у себя, с этого-то все и началось. С одной стороны, у Василия появилась замечательная возможность наведываться к девушкам чуть ли ни каждый день. Дней, впрочем, прошло всего два, но старший оперуполномоченный не пропустил ни одного. Он был у Сани вчера, ехал туда сегодня и собирался так же провести вечер завтра, послезавтра и так далее, пока Зина не уедет домой. С другой стороны, Зина упорно не давала капитану Коновалову насладиться обществом хозяйки дома и ухитрилась испортить отношения Василия и Сани.

Старший оперуполномоченный хорошо отдавал себе отчет в том, что не имел никакого права тащить Зину в Москву и, тем более, вешать ее на Саню. Более того, он не вполне понимал, зачем ему нужна красногорская проститутка. Тем более, как теперь ясно, к проекту "Резвушкина" Зина никакого отношения не имела. Но — дело сделано, Зину Василий привез, теперь оставалось придумать, как воспользоваться ее присутствием и теми фактами ее биографии, которые были связаны с Трошкиным.

Когда он приехал, девушки пили чай.

— А что-нибудь к чаю? — попросил Василий. — Не умею пить пустую воду.

Саня мрачно помотала головой и ткнула пальцем в сушки с маком:

— Можешь сожрать все.

Зина же помчалась к холодильнику и достала кастрюлю супа и сковородку с котлетами.

— Покушать, конечно, покушать надо. Сейчас враз сделаем.

— А водочки? — спросил Василий.

— Водки нет, — строго сказала Саня.

— Вот, — загрустил Василий, — никто меня здесь не ждет, никто к моему приходу не готовится. Самому все приходится делать, самому. — Он достал из сумки бутылку водки и торжественно водрузил ее в центр стола: — Что бы вы без меня делали!

— Я не буду! — хмуро бросила Саня.

— А я выпью, — томно протянула Зина. — С хорошим-то человеком.

— Ладно, вы пьянствуйте, а я пойду книжку почитаю. — Сания встала. — Приятного времяпрепровождения. — Она быстро скрылась в комнате и вскоре появилась с дорожной сумкой на плече. — Пойду воздухом подышу, а то у нас душно.

— А сумка зачем? — спросил Василий, почувяв недоброе.

— А у меня там паспорт, — зло бросила Сания. — С пропиской.

— Я скоро уйду, — жалобно крикнул Василий вслед Сане. — Совсем скоро.

— Не думаю, — ответила Сания, не оборачиваясь. — Супчик, котлетки, водка.

Сания позвонила, когда расстроенный Василий доедал третью тарелку супа, а Зина плескалась в ванной.

— Значит так, — сказала она, — я переезжаю к Дуне. Понадоблюсь — звони туда. А ты поживи у меня.

— Я не хочу! — крикнул Василий и добавил тихо: — Не хочу с ней жить и не буду.

— И я не хочу, — отрезала Сания и повесила трубку.

Страшно разочаровав Зину, Василий быстро с ней распрощался, сказав, что его срочно вызывают. К Дуне он не рискнул поехать, но добравшись до дома, немедленно ей позвонил. Сначала Василий долго объяснял все Дуне, потом долго препирался с Саней, прикидывался обиженным и рассерженным. Он кричал, что это она, Сания, придумала интригу с Зиной, и что по ее, Саниному, настоянию он, Василий, бросил все и поперся в Красногорский край за подружкой Трошкина.

В конце концов Сания предложила компромиссный вариант, на который Василий вынужден был согласиться. Сания пока поживет у Дуни, а к Зине переберется Санин приятель и коллега Сева Лунин.

Утром Василий вдруг ощутил острейшую потребность съездить в редакцию еженедельника "Политика", надеясь, что встретит там Дуню и уговорит ее повлиять на Саню.

— Поеду, пожалуй, допрошу Алешина, — сказал Василий. — Давно пора.

— Зачем? — удивился Леонид. — У него же твердое алиби.

— Затем, — назидательно ответил Василий, — что он хорошо знает всех подозреваемых — и Трошкина, и Иратова, и Татьяну Ценз, и Элеонору Симкину. Незаменимый человек. К тому же жена у него странная. Да и сам он. Помнишь, как он вел себя в пансионате? Что-то слишком нервно для человека, имеющего твердое алиби.

Перед уходом Василий позвонил в следственное управление.

— Не составишь мне компанию? — предложил он Гоше. — Я еду к Алешину.

— Зачем? — удивился Гоша. — У него же алиби.

— Что вы все заладили? — разозлился Василий. — Тянет меня к нему.

— Нет, не поеду. Хотя... — Гоша замаялся. — Ладно, через десять минут у моей проходной. Интуицией пренебрегать нельзя.

В “Политику” Гоша с Василием приехали в самый разгар рабочего дня. Василию опять не повезло — Дуни в редакции не оказалось. Зато главный редактор сидел на месте, и секретарша испуганно, мельком глянув на предъявленные ей “корочки”, провела их в кабинет главного редактора. Реакция Алешина опять оказалась неадекватной.

— Что? — спросил он испуганно. — Что случилось? То есть — что привело вас ко мне?

— Разговор с вашей женой, — честно ответил Василий.

— Я так и знал! — воскликнул Алешин.

Сыщики переглянулись — а вот это уже интересно. Что он такого знал? Василий подобрался, как охотничья собака перед прыжком, и вцепился в жертву:

— Отлично! И что вы на это скажете?

— На что? — попытался дать задний ход Алешин.

— Не прикидывайтесь, — строго перебил его Василий. — Вы прекрасно все понимаете. Давайте не будем тратить время и сразу все проясним.

— Надеюсь, сам факт... — Алешин неожиданно смутился и даже покраснел. — Сам факт... близости ни о чем не говорит?

— Да, вы правы, — ответил Василий, не имея ни малейшего понятия о каком таком факте близости идет речь. — Но вы обязаны были рассказать.

— Да, наверное, — проямлил Алешин. — Тем более, я не сомневался, что вы узнаете. Но поймите и меня...

Гоша с Василием опять недоуменно посмотрели друг на друга.

— Конечно, мы все узнали, — уверенно врал Василий. — Нам пришлось тратить время и силы на то, что вы могли и обязаны были нам сообщить.

— Да, я виноват, — проямлил Алешин.

— Ладно, — смягчился Василий. — Лучше поздно, чем никогда. Рассказывайте.

— Чего уж тут рассказывать, — Алешин опять залился краской. — Пьяные все, обстановка тоже способствует. Знаете, мы ведь — люди приличные и осторожные, но если уж расслабляемся, то идем вразнос. Вот и я... К тому же Света поссорилась с Сашей, ну, с Трошкиным, и сама на меня вешалась. В отместку, что ли. Вот так все и вышло.

— Что вышло? — уточнил Василий и тут же прикусил язык — так не спрашивают, когда все знают. Но Алешин промаха старшего оперуполномоченного не заметил.

— Зачем вы меня мучаете? — взмолился он. — Вы что, хотите, чтобы я рассказал вам обо всем в подробностях?

— Да, — жестко сказал Василий. — Хочу.

— Ну уж нет, — зартачился вдруг Алешин. — Какая вам разница, что у нас было и как?

— Хорошо, — пошел на попятный Василий, — пусть без подробностей. Расскажите, что сочтете нужным.

— Я пришел в номер Григорчук, — мрачно продолжил Алешин, — и там по обоюдному согласию...

— Так вот вы о чем! — радостно и облегченно выдохнул Гоша.

— А вы о чем? — растерялся Алешин. — Я думал...

— Конечно, и мы об этом, — грозно глядя на Гошу, перебил Алешина Василий. — Но у нас возникли серьезные сомнения, по обоюдному ли согласию все произошло. На теле жертвы обнаружены следы насилия.

— О Боже! — Алешин закрыл лицо руками. — Не надо. Конечно же, она сопротивлялась, когда ее душили. Но я ей не причинил никакого вреда. Ольга ведь рассказала вам, как все было.

— Что было? — Василий опять почувствовал себя полным идиотом.

— То! — зло выкрикнул Алешин. — То самое! Конечно, Оля на меня смертельно обижена, но она не могла сказать неправду. Никакого насилия не было и в помине. Во всяком случае, с моей стороны. Скорее, можно говорить о некотором насилии со стороны Светы.

— А зачем вы рассказали о связи с Григорчук своей жене? — спросил Гоша. — Не для протокола, что называется, мне просто интересно. Я бы, например, не стал.

— И я не стал, — удивился Алешин. — Отпирался до последнего. Но тут уже ничего не поделаешь, она же все видела своими глазами. Чертовы балконы!

— Понятно. — Василий схватил Гошу под руку и потащил к двери. — Мы еще вернемся к нашему разговору. Но впредь, товарищ Алешин, убедительно прошу вас не утаивать от следствия никакой информации. Даже такого деликатного свойства.

— Когда впредь? — испуганно вскочил из-за стола Алешин.

— Когда окажетесь подозреваемым в убийстве, — крикнул Василий уже из коридора.

— С чего вы взяли, что я опять могу оказаться в такой ситуации? — закричал Алешин вслед сыщикам.

— При вашей сексуальной невосдержанности, — мрачно проговорил Василий, заглядывая в кабинет, — таких ситуаций у вас будет немерено.

— Зачем ты вклинился? — зашипел Василий на Гошу, когда они отошли на приличное расстояние от приемной. — Зачем?

— Я так его понял, — начал оправдываться Гоша. — То есть я не понял, что она подсматривала за ними с балкона.

— Математика дисциплинирует ум! — с издевкой заметил Василий. — А физика притягивает тела друг к другу! Оно и видно.

— Ладно, не ори, — отмахнулся Гоша, — главное, не зря ты его жену заподозрил. Вот и мотивчик отыскался — удавить соперницу. Досмотрела сценку до конца, дождалась ухода мужа —

и вперед. Теперь понятно, почему она тебе ничего не сказала об измене родного мужа.

— С другой стороны, кому приятно говорить о таком, — вяло возразил Василий. — К тому же, она понимает, что стоит ей нам об этом рассказать, мы тут же зачислим ее в разряд подозреваемых.

— Поедешь к ней?

— Да, конечно. — Василий рванулся к лифту. — Надо успеть до оперативки.

К счастью, дизайн-студия “Метаморфозы” располагалась недалеко от редакции еженедельника “Политика”, и уже через двадцать минут Василий громко стучался в дверь кабинета с маленькой медной табличкой О.Е.Алешина.

Ольга окинула Василия более чем удивленным взглядом.

— Теперь мы будем видеться каждый день? Так положено? Вы о чем-то забыли спросить меня, господин оперуполномоченный?

— Да. — Василий присел на край стола. — Я забыл спросить, предупреждены ли вы о том, что дача ложных показаний карается законом?

— И в чем же я солгала? — весело спросила Ольга.

— В главном. Не припомните, гражданка Алешина, кроме вороны, вы ничего существенного на балконе не заметили?

— Ворона ходила под балконом.

— Хорошо. Когда вы были на балконе, вы ничего существенного не заметили в окрестностях? Под балконом, над балконом, сбоку от балкона и, наконец, в том номере, в котором в тот момент находились Григорчук и ваш муж.

— А, вот вы о чем. Знаете, товарищ оперуполномоченный, мы с мужем сами разберемся. Можно сказать, уже разобрались. Ваше вмешательство не обязательно.

— У меня нет никакого желания вмешиваться в вашу семейную жизнь, — сказал Василий. — Мои задачи куда скромнее — поймать убийцу. Согласитесь, что вам довелось стать свидетелем весьма... волнующего зрелища.

— Да, — кивнула Ольга.

— Тут и до состояния аффекта недалеко.

— У меня крепкая нервная система.

— Я вижу. Но завтра попрошу ко мне в девять утра. Уж извините, мы все запротоколируем и подробненько обо всем поговорим. Жду.

— Капитан! — окликнула Василия Ольга, когда он вышел. — А откуда вы узнали? Меня там кто-то видел?

Василий уже открыл рот, чтобы сказать что-нибудь обтекаемое, вроде: “Да, видел кое-кто” или “Мы все знаем, нам положено”, но махнул рукой и сказал правду:

— Алексей Алексеевич Алешин поведал. Со слезами на глазах. Страдает, видно, очень.

Сказал, и сам удивился — зачем? То ли Ольга была ему симпатична, то ли Алешина стало жалко.

Александра

На сегодня мы с Дуней запланировали два ответственных мероприятия: она собиралась к Трошкину для завершения переговоров, а я — в “Секс-моду” в костюме Резвушкиной. Вопреки Васиным запретам, я намеревалась воспользоваться все тем же рыжим париком и теми же темными очками в пол-лица. Мы не теряли надежды, что, активно нарываясь на неприятности, мы на них все-таки нарвемся.

Дуня ушла из дома сразу после завтрака, а мне еще предстояло помыть посуду и вынести мусор. В тот момент, когда и я, уже одетая, накрашенная, возилась в передней, пытаюсь ухватить два больших пакета с мусором и сумку, в которой лежала одежда и парик Резвушкиной, раздался звонок в дверь. Будучи в полной уверенности, что это Дуня, которая перманентно что-то забывала и возвращалась с полпути, я открыла дверь. Передо мной стоял коротко стриженный молодой человек с маленькими глазами, в спортивном костюме и с портфелем под мышкой.

— Мне бы Евдокию, — хрипло сказал он.

— Здесь такие не проживают, — весело произнесла я.

— Как? — Он страшно удивился, достал из кармана бумажку с написанным от руки текстом, прочитал его, шевеля губами, и вздохнул с облегчением:

— Проживает, проживает.

— А я вам говорю — нет. Если есть сомнения — обратитесь в ЖЭК, вам подтвердят, что таких здесь нет, — упорствовала я.

— А мне сказали... — попытался возразить он. — Фамилия — Квадратная.

— Ах, фамилия. Если вы ищете Дуню, то она на работе, будет вечером.

— А вы кто? — спросил он.

— Я? Домработница. Видите, мусор выношу.

Он опять оглядел меня с ног до головы, особенно его заинтересовали туфли на высоком каблучке.

— А где она? — задал он еще один вопрос.

— В данный момент — в фонде “Наша демократия”.

— Где? — его маленькие пороссячьи глазки увеличились вдвое. — Где?

— А что вас так удивляет? То, что Дуня самостоятельно передвигается по городу, или то, что фонд “Наша демократия” носит такое претенциозное название?

В ответ вежливый юноша повернулся ко мне спиной и быстро пошел к лестнице.

Интересно. Дождавшись, когда он скроется за поворотом, я тихо вышла следом за ним и успела увидеть, как мой, то есть Дунин гость втискивается в джип “крайслер”. Я тут же броси-

лась к стоящему рядом со своими “Жигулями” приятного вида дядечке и взмолилась:

— Пожалуйста, очень вас прошу, здесь недалеко!

— Да ради Бога, — широко улыбнулся он. — Куда?

— Вот за тем джипом.

Дядечка посерьезнел и отрицательно помотал головой:

— Э, нет, девушка. Я такими делами не занимаюсь.

Джип уже выруливал из двора, и от обиды я чуть не разревелась

— Поймите, там в джипе — мой муж, и мне кажется, он едет к своей любовнице. Я не вынесу, если не узнаю правду!

То ли сработал мой жалобный тон, то ли помогли слезы на глазах, но дядечка смягчился, одобрительно посмотрел на две сотенные бумажки, которые я комкала в руках, и скомандовал:

— Залезай!

Мы быстро вскочили в машину и поехали.

— Ты пригнись, пригнись, — напутствовал меня мой спаситель. — А то он заметит тебя, и ничего ты не узнаешь. А выследить его надо, тут ты права.

Мы остановились в нескольких метрах от особняка, в котором располагался фонд “Наша демократия”. Очень интересно!

Расплатившись с дядечкой, который на прощание шесть раз подмигнул мне с хитрым видом, я залезла на пенек у забора и просунула голову между чугунных прутьев. Молодой человек стоял в углу двора под раскидистой липой и мирно беседовал с Семеном Марковичем, адвокатом Трошкина. Причем Семен Маркович явно ругался, размахивал руками и гневно топал ножкой, а юноша в спортивном костюме понуро переминался с ноги на ногу и все время пожимал плечами.

Спрыгнув с пенька, я чуть не сломала каблук и точно упала бы, если бы меня не поддержала чья-то заботливая рука. Подняв глаза, я увидела улыбающегося Александра Дмитриевича Трошкина собственной персоной.

— В такой обуви, милая Сашенька, лучше не лазать по деревьям.

— Это бывшее дерево, — хмыкнула я. — Так что не страшно.

— Не страшно? — зловеще спросил он. — Совсем не страшно?

— Вы о чем? — Я с независимым видом уселась на пень и постаралась посмотреть на Трошкина свысока, что было нелегко, потому что он стоял, а я сидела.

— Куда ж вы пропали? Я жду, жду, а вас нет и нет. Совсем уж собрался заехать к вам в гости как-нибудь вечером.

Меня прошиб холодный пот — здорово могло бы получиться! Приезжает Трошкин ко мне, а там Зина, которую мы от него прячем.

— Я сейчас не живу дома, — произнесла я бледным голосом. — Там живет мой брат со своей... этой... девушкой.

— Брат? — Трошкин усмехнулся. — Вы рассказывали мне, что у вас только старшая сестра.

Черт! Ну почему я такая дура!

— Двоюродный. Кузен по-вашему.

— Ах, кузен. — Трошкин с издевательским видом закивал. — Тогда понятно. А вы сами, надо полагать, живете в гостинице? Очень трогательно, ничего не скажешь.

— Мне пора, — мило улыбнулась я. — Извините, Александр Дмитриевич, тороплюсь на работу.

— На работу? Куда же?

— Мне казалось, я вам докладывала. Я работаю в “Вечернем курьере”.

— А мне сказали, что вы взяли отпуск и уже неделю там не появляетесь. — Трошкин явно забавлялся и, похоже, вознамерился уличать меня во лжи и дальше.

— Работа журналиста не предполагает вечного сидения в редакции.

— Ладно. Но на один вопрос все же постарайтесь ответить: что вы высматривали у меня во дворе?

Я скромно потупилась:

— Не что, а кого.

— И кого?

— Вас.

На этот раз Трошкин удивился совершенно искренне:

— Меня? А почему из-за забора? Не проще ли было зайти.

Пойдемте, выпьем по чашечке кофе.

У меня потемнело в глазах — самое худшее, что сейчас можно было бы сделать, — это попасться на глаза Семену Марковичу и его собеседнику, а потом появиться в обществе Трошкина перед Дуней.

— Нет, — я попятилась. — Не сейчас. Я действительно тороплюсь, но зайду к вам сегодня же.

— Пять минут погоды не сделают, — Трошкин решительно схватил меня за локоть и потащил к проходной. К счастью, Семен Маркович и мой утренний гость слишком увлеклись разговором и никого вокруг не замечали. Зато наше появление в приемной произвело фурор. Секретарша Марина от изумления широко открыла рот и не смогла выговорить ни слова. На мое: “Здравствуйте, Мариночка”, она ответила невразумительным: “А-а... и-и...” Определенно, сегодня никто со мной здороваться не хочет. Дуня, сидящая в кресле для посетителей, перенесла потрясение мужественнее. Только в первую секунду на ее лице мелькнула тень недоумения, но она тут же взяла себя в руки и бесстрастно отвернулась.

— О, Дуня, привет, — я помахала рукой. — Как дела? Ты к Александру Дмитриевичу?

— Не поверишь — к нему, — мрачно ответила Дуня. — А как ты догадалась?

— Вижу, сидишь у него в приемной...

— Правильно. Умная девочка. — Дуня посмотрела на меня с презрением.

— Вас ждут, — разочарованно сказала я Трошкину. — Опять не везет. Видите, лучше мне прийти попозже.

— У меня, — Трошкин бросил быстрый взгляд на Дуню, — недолгий разговор. Может быть, подождете пять минут?

— Пять минут? — рассвирепела Дуня. — По моим ощущениям, нам предстоит долгий разговор.

— Я подожду, — сказала я, — все равно спешить уже некуда. Понимаете, Александр Дмитриевич, я сегодня утром навещала свою подружку, и она просила меня посидеть с ее ребенком, пока она сбегает в парикмахерскую. Она очень страдает от того, что намертво привязана к дому — у нее ни мамы нет, ни няни, которые могли бы ее иногда подменить. Она говорит, что чувствует себя, как в мышеловке.

Я особо выделила последние слова и скосила глаза на Дуню — думай, дорогая, думай. Ну должна ты понять, что Трошкин прислал к тебе бандита! Но Дуня отрешенно смотрела в потолок.

— И только она за порог — приезжает ее муж! Представляете, муж, которого она ждала всю неделю. Всю неделю! — Я опять выразительно посмотрела на Дуню. — Ждала, ждала, и как только она за порог — вот и он.

Трошкин слушал этот бред с болезненным выражением лица.

— И где же он шлялся всю неделю, муж вашей подружки? — безо всякого интереса спросил он.

— В командировке.

— И отлично. — Трошкин явно не понимал, зачем я рассказываю всем эту дурацкую историю. — Вернулся, и ладно. И парикмахерская кстати оказалась — вернется к мужу красивая.

— Нет. Он не стал ее дожидаться и сам поехал в парикмахерскую, ну, в ту, в которой она сейчас. В ту самую.

— Было бы странно, если бы он поехал в какую-нибудь другую парикмахерскую, — мрачно заметила Дуня, после чего, кряхтя, поднялась из кресла и направилась к двери.

— Куда вы? — хором спросили Трошкин и Марина.

— У меня, в отличие от вас, нет времени часами слушать эту идиотку. Но вам, я вижу, интересно узнать про ее подружек, их мужей и детей. Жалко, мамы и няни нет, а то она бы и про них нам рассказала.

— Нет, нет, — смутилась я. — Извините, я понимаю, что здесь никому не интересно, что произошло со мной сегодня утром. И тебе, Дуня, особенно. Иди к Александру Дмитриевичу, а я пока поболтаю с Мариной.

— Спасибо, Сашенька, — кивнул Трошкин, — я вам очень благодарен за терпение и понимание.

Трошкин и Дуня скрылись в кабинете, а Марина демонстративно оставилась на монитор компьютера и принялась барабанить по клавишам.

Я выглянула в коридор и тут же отпрянула — к приемной приближался Семен Маркович. И ладно бы один. Мой сегодняшний гость мелко трусил рядом с адвокатом и просительно заглядывал в его лицо. Вот сейчас они дойдут до приемной, увидят меня и всем сразу станет ясно, что мы с Дуней действуем сообща. Маловероятно, что юноша в спортивном костюме меня не узнает. Даже если у него плохая память на лица, одежду он запомнил наверняка. Во всяком случае туфли — он их десять минут разглядывал. Я затравлено оглянулась на Марину — она гордо и неподвижно восседала на своем месте и не мигая смотрела на экран монитора. Короче, выбора у меня не оставалось, и я стремительно извлекла из сумки рыжий парик Резвушкиной, зеленую попону и дымчатые очки.

— Мариночка, смотрите, какую прелесть я сегодня купила, мне идет? — Я стремительно нацепила резвушкинский прикид на себя и встала в позу лирической девушки с веслом. Бедная Марина — она чуть не упала со стула.

В этот момент дверь распахнулась, и вошли те, кого я так не хотела видеть, точнее, кто не должен был видеть меня. Я демонстративно повернулась к ним спиной и отошла к окну.

— Саша у себя? — спросил Семен Маркович.

— У него та самая журналистка, — ответила Марина.

— Да, Жора мне сказал, — адвокат шумно вздохнул. — Как только уйдет, позвони мне. Я здесь.

Ага, значит, юношу зовут Жора. И значит, у Семена Марковича где-то здесь, в здании фонда, есть свой уголок с телефоном.

Они ушли, а я все не могла оторваться от окна.

— Вам очень идет, — наконец пробубнила Марина. — Такой красоты я еще не видела.

— Вот и мне нравится, — сказала я, поворачиваясь.

И тут дверь кабинета распахнулась, и на пороге появилась Дуня.

— Нормально, — сказала она упавшим голосом. — Что все это значит?

— Все, закончили? — спросила я с самым невинным видом.

— Что с тобой? — продолжала допытываться Дуня.

Я быстренько стянула с себя парик, сняла зеленую накидку, запахала все в сумку и скороговоркой объяснила:

— Женщинам свойственно прихорашиваться. Впрочем, тебе не понять.

— Что же вы Александру Дмитриевичу не показались в новом обличье? — ухмыляясь, спросила Марина. — Он бы оценил.

— Он и так меня очень любит, — мило улыбнулась я. — А в этом... Боюсь, как бы с ума не сошел от восторга.

— Это точно, — прошипела мне вслед Марина.

Я поспешила скрыться в кабинете Трошкина, боясь, как бы Дуня от волнения не ляпнула чего-нибудь лишнего.

Трошкин, вопреки моим ожиданиям, не выглядел ни расстроенным, ни подавленным.

— Сашенька! Прошу. Кофе?

— Совсем не осталось времени, — торопливо сказала я, — но сегодня я позвоню вам обязательно!

Трошкин огорченно развел руками:

— Ладно, не смею задерживать. Но помните — я жду.

— Конечно!

Я почти бегом миновала длинный коридор, трясаясь и дергаясь. За каждой приоткрытой дверью мне мерещился Семен Маркович, которому, я не сомневалась, Марина позвонила сразу после ухода Дуни.

Только на улице я перевела дух.

Хорошо бы найти Дуню, но где — вот в чем вопрос? Поразмыслив минуту, я пришла к выводу, что Дуне хочется увидеть меня ничуть не меньше, чем мне ее, а значит, самым естественным поступком с ее стороны было бы поехать в “Секс-моду” и попытаться перехватить меня там. Так и сделаем.

После всех пережитых волнений не хотелось играть в Резвускину, но я боялась за Дуню: если она не найдет меня в “Секс-моду”, то может подумать Бог знает что. И я поехала.

Василий

Дверь кабинета Василия Коновалова неожиданно резко распахнулась, и в отдел шумно ввалилась Дуня Квадратная.

— Безобразие! — с порога провозгласила она. — Что за порядки у вас? Никого не впускают, козы рожи корчат. Развели тут.

— Но вы же прошли, — мягко возразил Гоша. — Кстати, хотелось бы знать — как? Не уголовный розыск, а проходной двор.

— Я-то всюду пройду, — сказала Дуня, — а вот обычный человек плюнет, развернется и не станет иметь с вами никаких дел.

— Обычные люди сюда не ходят, — хихикнул Леонид. — Все больше — грабители и убийцы.

— Да? Сами приходят? Очень мило с их стороны. — Дуня повернулась к Василию и сообщила: — У нас неприятности.

— Что? — Василий приподнялся в кресле. — Что-то с Саней?

— Именно! — Дуня обвела всех возмущенным взглядом. — Она рехнулась.

— Как?

— Боюсь, что сильно. Сегодня она вытворяла что-то невообразимое. Сначала приперлась в фонд Трошкина, вслед за мной. Представляете, Василий, я сижу в приемной, жду этого гада, а он появляется под ручку с Саней.

— Под ручку? — нахмурился Василий.

— Именно.

— Извините, — вклинился в разговор Гоша, — нельзя ли узнать предысторию?

— Это наш следователь Георгий. А это коллега Сани — Дуня Квадратная. Саня сейчас у нее живет, — пояснил Василий.

— Как же, как же, — Гоша вскочил и расшаркался. — Наслышан. Вы ведь звезда нашего публицистического склона?

— Безусловно, — кивнула Дуня. — Первой величины. Я сегодня выполняла важное оперативное задание — шантажировала Трошкина. Приезжаю в фонд, а через двадцать минут туда является Санька. Несет полный бред — про подружку свою, про ее мужа, про парикмахерскую.

— Зачем она приехала в фонд? — удивился Леонид. — Она же собиралась в “Секс-моду”.

— Вот именно! — с яростью подхватила Дуня. — Мы утром все обговорили до мелочей. Но слушайте дальше. Ушли мы с Трошкиным беседовать, а она осталась болтать с секретаршей. Выхожу из кабинета через десять минут — Санька все еще там, и зачем-то нарядилась в парик, надела очки и закуталась в зеленый плед — ну, во все то, в чем она изображает Резвушкину.

— Она что, с ума сошла? — изумился Леонид.

— В этом нет никаких сомнений, — кивнула Дуня. — Ее надо немедленно отловить и изолировать.

— А где она сейчас? — растерянно спросил Василий. — Где ее ловить?

— Наверное, в “Секс-моду”, — предположил Леонид. — Она ведь туда собиралась.

— С чего бы? — грубо оборвала его Дуня. — Планы у нее, судя по всему, резко изменились, и куда она поперлась — фиг угадаешь. Я хотела перехватить ее у фонда, и только на секунду зашла в сортир, но ей хватило этого времени, чтобы улизнуть и скрыться в неизвестном направлении.

— Нет, — Василий решительно помотал головой. — У нее наверняка возникли причины так себя повести. Что-то вынудило ее поехать вслед за вами, Дуня. Что-то случилось.

— Допустим, — сказала Дуня тоном, полным сомнения. — Но зачем она нацепила парик в приемной Трошкина? Она же тем самым полностью себя выдала. Ничего глупее придумать невозможно.

— Кстати, — вспомнил Леонид, — а что Трошкин? Он согласен вам заплатить?

— Трошкин — хитрый лис, — с уважением произнесла Дуня. — Сказал, что согласен, но сейчас у него нет денег. Вешал лапшу на уши, типа: “слово джентльмена, вы меня знаете, я отвечаю за базар”.

— А вы?

— А я тоже не девочка. — Дуня щелчком выбила из пачки “Беломора” папиросу. — Дала ему два дня на сбор средств, и ни минутой больше. Он пытался прикидываться овцой, надувал губки: “Людам надо доверять”. А я объяснила, что высшая степень доверия — это стопроцентная предоплата. Вот, собственно, и все.

— Негусто. Опять ничего не понятно, — вздохнул Леонид. — Позвоною-ка я в “Секс-моду”. На всякий случай.

Пока Леонид дозванивался в рекламный отдел “Секс-моды”, Василий пытался добиться от Дуни подробного пересказа того бреда, который Саня несла в приемной Трошкина. Но Дуня от злости ничего вспомнить не смогла.

— Але, — дозвонился, наконец, Леонид. — Танечка, это Лёня, помните меня, я приходил по рекламным делам. Помните? Ах, как мило с вашей стороны. А что там подельывает Элеонора Генриховна. Занята? А надолго, не знаете? Ах, посетительница... Кто? Да, понял, понял, спасибо.

— Что? — Василий аж подпрыгивал от нетерпения.

— Едем, мужики, она там! — заорал Леонид, бросая трубку.

Нора

Паршивка Резвушкина опоздала почти на полчаса. Нора не без злорадства думала о том, как дергается Трошкин: “Помучайся, дружок, так тебе и надо”. Он звонил уже три раза, и каждый раз Нора скорбно сообщала: “Опаздывает”.

Она пришла наконец, и Нора опешила от ее нелепого вида. Сотрудницы рекламной службы, с которыми Резвушкина общалась неделю назад, говорили Норе, что выглядит их авторша странновато и одевается безвкусно, но Симкина и представить себе не могла, что секс-бомба и совратительница ведущих политиков страны выглядит настолько по-дурачки.

— Элеонора Генриховна, — представилась Симкина. — Главный редактор.

— Я знаю, — сказала Резвушкина глуховатым голосом.

— У вас красивые волосы, — улыбнулась Нора. — И глаза. Теперь я понимаю, почему каждый встречный мужчина готов распахнуть вам душу.

— Зря иронизируете, — улыбнулась в ответ Резвушкина. — Парик и темные очки помогают спрятаться. Работа у меня опасная, вредная. Так что приходится терпеть временные неудобства.

— Попросить секретаршу, чтобы она принесла вам молока из буфета? — любезно предложила Нора.

— Благодарю, я терпеть не могу молоко.

— А почему парик, а не паранджа, к примеру, или не шляпка с вуалью? — полюбопытствовала Нора.

— Парик — менее экстравагантен, — улыбнулась Резвушкина. — А потом... род моих занятий предполагает... известную вульгарность.

— Это точно! — с чувством согласилась Нора. — Хотя... не до такой же степени.

— Согласна. — Резвушкина рассмеялась. — Скажу вам честно, Элеонора Генриховна, у меня не хватило времени как следует позаботиться о своем фальшивом имидже. Схватила, что под руку подвернулось.

— Куда ж вы так спешили?

— К вам. Статья о Трошкине готова, пора публиковать. Здесь о его похождениях в Красногорском крае. Раньше я бы просто отдала ее Светлане, но теперь, увы, этот канал связи не работает. Так что я готова подписать договор о сотрудничестве с вами. И давайте условимся о наших контактах в дальнейшем. Мне не хотелось бы больше появляться у вас... в таком виде. Вы не возражаете, если мои материалы будут приходить к вам по почте? А гонорары я предпочитаю получать на счет в банке. Вот мои реквизиты.

— Простите. — У Норы появилось ощущение, что происходит нечто странное. Что-то не то. — Простите, а как складывались ваши отношения с Григорчук?

— Нормально.

— Я не о том. Она выполняла функции курьера? Брала у вас статьи, приносила вам деньги, и все?

— Нет, скорее она была моим художественным руководителем, — хихикнула Резвушкина. — Заказчиком.

— И статью про Трошкина вам тоже заказала она? Давно?

— Три месяца назад.

Нору наконец осенило. Григорчук не могла “заказать” Трошкина три месяца назад. Тогда их роман только начинался, пребывал в самой романтической стадии. Значит, посетительница врет?

Резвушкина, между тем, развалилась в кресле, закинула ногу на ногу и принялась чмокать своими ярко-оранжевыми губами.

В дверь громко постучали.

— Я занята! — раздраженно крикнула Нора. — Позже!

Стук повторился.

Симкина вопросительно посмотрела на гостью, но разглядеть, что скрывается за темными стеклами очков, не смогла.

— Что такое?

В дверь протиснулась заведующая рекламным отделом.

— Элеонора Генриховна, — она растерянно развела руками, — там происходит что-то странное. Пришла девушка и говорит...

— Что? Что говорит-то? — поторопила сотрудницу Нора.

— Что она — Резвушкина, — извиняющимся тоном промямлила заведующая рекламой.

За дверью послышалась возня, кто-то тихонько взвизгнул, и из-за спины рекламщицы появилась разгневанная девица в рыжем парике и темных очках.

— Что здесь происходит? — грозно спросила она. — Что, я вас спрашиваю?

Нора ошарашенно посмотрела сначала на одну, потом на другую Резвушкину и бессильно опустила на стул.

— А говорят, что клонирование человека запрещено, — тихо пробормотала она. — Сколько вас всего, девочки? Давайте уж все соберемся, а то вы до вечера будете тянуться...

Но последующие события удивили Нору еще больше. Как любил говорить ее племянник: “сплошные непонятки”.

Первая Резвушкина стремительно вскочила, бросила папку со статьей на стол и скрылась в комнате для отдыха. Вторая Резвушкина бросилась вслед, но первая предусмотрительно заперла дверь изнутри.

— Выходи! — истошно заорала вторая. — Выходи, тварь! Сейчас мы выясним, кто есть кто!

— Вызовите милицию, — раздалось из-за двери. — Срочно.

— Не надо никого вызывать. — На пороге кабинета стоял старший оперуполномоченный МУРа Коновалов. — Мы уже здесь. Не опоздали?

— А вы откуда? — потрясенно спросила Нора. — Как вы догадались?

— Работа такая, — небрежно отмахнулся Василий. — Служба дни и ночи. Если кто-то кое-где у нас порой. Что случилось, Элеонора Генриховна?

— Спросите что-нибудь полегче, — устало проговорила Нора. — Я ничего не понимаю.

И тут Резвушкина-два преподнесла присутствующим очередной сюрприз. Она изо всех сил толкнула старшего оперуполномоченного в плечо и бросилась вон из кабинета.

Капитан Коновалов тоже повел себя странно. Вместо того, чтобы мчаться в погоню, он лишь потер ушибленное плечо и вяло пожаловался: “Ну, почему меня все бьют? Не жизнь, а сплошные страдания”.

— Догоните ее! — взмолилась Нора. — Скорей!

— Зачем? — удивился Коновалов. — Пусть побеждает. К тому же одна-то девушка у вас осталась, что вам их, мариновать, что ли?

Он подошел и постучал костяшками пальцев по двери в комнату отдыха:

— Гражданочка? Милицию вызывали?

Дверь распахнулась, и Резвушкина-первая бесстрашно шагнула в кабинет.

— Пройдемте. — Коновалов крепко взял ее за локоть и повел к двери.

— Подождите! — жалобно крикнула Нора им вслед. — Капитан! Вы не могли бы заставить ее предъявить документы?

— Это нечестно! — возмутилась Резвушкина. — Мы так не договаривались!

— Заставим, заставим, — успокоил Нору Коновалов, — и документы, и все прочее. Она еще пожалеет, что на свет родилась.

— Надеюсь, — тяжело вздохнула Нора. — Бред какой-то.

... Саша хохотала, уткнувшись в живот старшего оперуполномоченного, и он тоже с трудом сдерживал смех, хотя и старался выглядеть предельно суровым.

— А если бы я не успел? — в который уже раз спрашивал он. — Представь себе — я появляюсь на полчаса позже! Представила?

Саша продолжала всхлипывать и стонать, со стороны могло показаться, что она не смеется вовсе, а горько плачет.

— Ты понимаешь, что могло случиться? — продолжал Василий.

— Ты ничего не перепутал? — Саша вытерла слезы. — Ты не врач, который мчится к больному с острым аппендицитом. Ну, опоздал бы ты на полчаса... И что? Она убила бы меня, что ли? Я же закрылась на задвижку.

— Там фанерная дверь! Ее бы выбили в два счета! Нет, сразу бы тебя не убили, но потом — обязательно. И с тебя сорвали бы парик, очки, умыли бы и узнали. А твой драгоценный Трошкин тут же тебя бы удавил.

Из-за угла расхлябанной походочкой вышел Леонид.

— Вы ссоритесь? Он тебя уже до слез довел? То есть все, как всегда.

— Только не называй меня лапидусиком, — жалобно попросила Саша. — И не бросай в терновый куст.

— До слез! — Василий взял Сашу за плечи и повернул лицом к Леониду. — Да она умирает со смеху. В отличие от меня, ежики зеленые. Когда она такое вытворяет, у меня отказывает чувство юмора.

— А у меня вообще нет чувства юмора, — пожаловался Леонид. — Я просто знаю, что смешно, а что несмешно. Выучил в детстве наизусть.

— Ладно, весельчаки, поедem в контору. Там Дуня твоя дожидается, и Гоша с ума сходит.

— А бандитку вы поймали? — забеспокоилась Саша. — Где она?

— Поймали? Насколько мне известно, ловил один я, а некоторые, — Леонид с осуждением посмотрел на Василия, — предпочли ошиваться около женских туалетов вместе со своими подружками. Пока я жизнью рисковал, вы здесь хохотали на два голоса. На улице было слышно.

- А кто она? — с интересом спросила Саша.
- Некая Елена Краснова, студентка.
- И куда ты ее дел?
- В карман положил. — Леонид похлопал себя по боку. — Притихла чего-то. Наверное, конфетку нашла и грызет.
- Нет, правда, где она? — взмолилась Саша.
- Домой пошла, где же? — удивился Леонид.
- Ты отпустил ее? — Саша аж подпрыгнула. — Как?
- А что я должен был с ней делать? В наручники заковать? Или пристрелить на месте?
- Ты должен был ее задержать! — закричала Саша.
- За что? За то, что плохо одевается и носит дурацкий парик? Или за самозванство? Сань, ты меня поражаешь — такой продвинутый в наших делах человек, а несешь полную чушь. Нам нечего ей предъявить и задерживать ее не за что.
- За хулиганство! — Саша начала загибать пальцы. — За нападение на человека! За попытку членовредительства!
- Ой, ой, ой, ой! — Леонид закатил глаза. — Остановись. Паспортные данные я переписал, посмотрим, что она за птица. Так мы едем в контору или здесь будем ругаться?
- Дуня Квадратная встретила Василия, Леонида и Сашу неласково.
- Явились? — грозно спросила она. — Спасибо, товарищи, что не прошли мимо. Мы с Георгием уже не чаяли... И что говорит эта припадочная в свое оправдание?
- А что мне было делать, Дунечка? — разозлилась Саша. — Я же тебя хотела предупредить, что наш долгожданный убийца все-таки пришел. Я же не могла предположить, что Трошкин меня застукает. А если ты, Дунечка, такая дура, что не поняла ни фига из моего зашифрованного текста, то это не моя вина.
- А зачем ты нарядилась в парик в приемной Трошкина? — перешла в наступление Дуня.
- Затем, что к приемной приближались адвокат с убийцей. Они бы меня узнали. Я просто спряталась так.
- А почему ты не приехала сюда? Зачем ты поперлась в “Секс-моду”? Зачем?
- Затем, что меня ждала Симкина.
- Подождите. — Гоша постучал карандашом по столу. — Мы не о том. Откуда взялась вторая Резвушкина — вот в чем вопрос. Да еще в таком же прикиде, как Саня.
- Кто знал, что ты едешь в “Секс-моду”? — спросил Василий.
- Дуня! — Саша мстительно ткнула в Квадратную пальцем.
- Что-о? — Дуня вытаращила глаза и принялась хватать ртом воздух, отчего стала мучительно похожа на зеркального карпа. — Что? На что ты намекаешь?

— Ну и Симкина, конечно, знала, — пошла на попятный Саша. — И, надо полагать, ее сотрудники.

— Вот! — Гоша поднял вверх указательный палец. — Вот! Они кому-то сказали, что ты приедешь. Более того, описали тебя: рыжий парик, очки, яркий макияж. Вопрос — зачем? Предлагайте варианты.

— Судя по тому, как она себя вела, — ей поручили просто соврать с Сани маску, — предположил Леонид.

— Вероятно, не только, — задумчиво проскрипел Гоша. — Я думаю, еще заронить сомнение в душу Симкиной. Поди разберись — какая из двух настоящая? И кого из них можно печатать? До последнего времени Резвушкина работала качественно, никто из ее жертв не подал в суд, не привлек журнал к ответственности за клевету. Но если напечатать статью псевдо-Резвушкиной, то можно влететь на приличную сумму. Так? А значит, мы опять уперлись в наших любимых Трошкина и Иратова. Им, и только им выгодно не допустить публикации заявленных статей. Давайте подведем итоги. Итак, событий, требующих осмысления, ровно два. Первое: человек от Трошкина приходил к Дуне. Второе: студентка Краснова пыталась разоблачить Саню. Она узнала о том, когда Саня будет у Симкиной, и устроила спектакль. Наши действия?

— Запереть Саню на ключ и поставить у дверей вооруженную охрану, — предложил Василий.

— Кто о чем, а вшивый о бане, — поморщился Гоша. — Что ты пристал к девочке? Она оказалась жертвой обстоятельств, вот и все. Маловероятно, что кто-то из сотрудников “Секс-моды” сообщил Трошкину или Иратову, когда придет Резвушкина. Все-таки там достаточно замкнутая среда, не связанная с политическими сферами. Женский мирок. Скорее всего, сама Симкина проболталась. Кому? Думаю, Иратову, потому как с Трошкиным у нее напряженные отношения. Так что первая задача ясна — растряссти Симкину и заставить ее вспомнить, кому она рассказала о посетительнице. Капитан Коновалов, без сомнения, с блеском справится с этой задачей. Задача вторая — прошерстить окружение студентки Красновой и выяснить, с кем из наших фигурантов она была связана. Это мы поручим лейтенанту Зосимову.

— Я-то что, я — пожалуйста, но вряд ли она сама знает, кто ее нанял, — пожал плечами Леонид. — В таких щекотливых ситуациях переговоры ведутся через третьих лиц.

— Но попробовать нужно, — сказал Гоша. — Сложнее с Дуней. Угадать, что задумал Трошкин, трудно. Зачем он присылал человека по имени Жора к вам домой?

— Чтобы убить ее, — страшным голосом пробасила Саша. — И съесть.

— Вряд ли, — покачал головой Гоша. — Но какую-то игру против Дуни он начал. Поэтому я бы не к Сане, а к Дуне приставил вооруженную охрану. Мало ли что...

— Отлично, — оживился Василий. — Я мог бы пожить с девочками.

— Да! — страстно воскликнула Дуня.

— Нет! — гневно крикнула Саша.

— И еще одно. Сане придется объяснить Трошкину свой маневр с переодеванием. Секретарша Марина, скорее всего, уже рассказала ему о странном поведении Сани в приемной. А Трошкин, как минимум, может знать, в каком виде нью-Резвушкина расхаживает по городу. К тому же мы не исключаем, что именно он подослал другую Резвушкину в "Секс-моду". Что будешь делать, Санечка?

— Чем наглее, тем лучше, — задумчиво сказала Саша. — Он сам всегда прется напролом, и мы поступим так же. Поеду сейчас в фонд и явлюсь к нему парике и в очках. Типа, розыгрыш...

— И что, по-твоему, он подумает? — ехидно спросил Василий.

— Сначала, скорее всего, ничего, ему просто не до мыслей будет. А потом я объясню, что играю в Резвушкину.

— А зачем? Он же спросит тебя — зачем?

— Затем, что мне страшно интересно, действительно ли она существует, или некие самозванцы пытаются занять ее вакантное место. Правдоподобно?

— Не очень, — покачал головой Василий.

— А ты придумай что-нибудь получше!

— В принципе, идея неплохая, — задумчиво проговорил Гоша. — Трошкин, разумеется, растеряется и, конечно, попытается найти в Санином поведении второе дно. Но какое? Что он может предположить?

— Что она его провоцирует, — сказал Леонид. — Прочитала в "Секс-моде" о том, что готовится статья о Трошкине, узнала от своих знакомых в этом журнале, как выглядит Резвушкина, и решила посмотреть, какую реакцию Трошкин выдаст на психическую атаку.

— Вот и пусть, — обрадовался Гоша. — У нас все расследование проходит под жизнеутверждающим девизом: всех пугать, всем нервы трепать. Главное, чтобы Трошкин не связал Саню с Дуней.

— Не нравится мне все это, — мрачно заметила Дуня. — За версту несет самодеятельностью.

— Ладно. — Саша решительно встала. — Пока мы не передрались, поеду я к Александру Дмитриевичу, тезке моему любимому.

— Подожди! — Дуня вдруг оживилась и подобрела. — Подожди! Я знаю, как надо поступить, чтобы все выглядело правдоподобно. Тебе надо явиться в таком виде не только к Трошкину, но и к Иратову. Шутить — так шутить со всеми. О том, что ты была и у того, и у другого, сразу станет известно обоим. И оба

успокоятся — приятней, согласишься, когда третируют не тебя одного, а еще и товарища.

Гоша расхохотался и показал Дуне большой палец — молодец!

— Так я пойду? — Саша тоже повеселела. — С кого начать?

Василий ловко перехватил Сашу у двери:

— Я с тобой!

— Ты что, с ума сошел? Что ты Трошкину скажешь?

— Я буду прятаться за углами.

Саша скептически окинула Василия взглядом:

— Нет таких углов, которые могли бы скрыть тебя целиком.

Пузо все равно будет торчать.

Василий вынужден был согласиться:

— Да, спрятаться там трудно. Но умоляю тебя — осторожнее. Очень тебя прошу. Чуть что не так — немедленно звони.

— Да что не так-то? — удивилась Саша. — Ты меня как на фронт провожаешь. Не станут же они меня убивать при всем честном народе.

Саша ушла, а вскоре засобиравшись домой и Дуня.

— Дверь никому не открывать, — напутствовал ее Гоша. — Ни-ко-му. Пока Василий не приедет, сидите, сидите, Дуня, как мышь. Лучше и к телефону не подходите.

— Что значит — сидите как мышь? — удивилась Дуня. — Мыши вообще сидеть не умеют, они же не люди и не собаки. Я уже не говорю о том, что из всех представителей животного мира я меньше всего похожа как раз на мышь. Так что глупостей, Георгий, не говорите.

А Василий, по категорическому настоянию Гоши, поехал навещать Зину.

— Еще не хватало, чтобы наша Зинуля растревожилась и отправилась в свободное плавание, — строго напутствовал старшего оперуполномоченного Гоша. — Поезжай и запудри ей мозги еще дня на три. Успокоишь девушку — и сразу к Симкиной. Пугай, ори, подлизывайся — все, что хочешь, делай, только вытряси из нее, кому она Саню сдала.

Трошкин

— И все-таки, кто меня пытался подставить — Нора или журналисточка? Не понимаю! — Трошкин сильно ударил себя кулаком по коленке и поморщился от боли. — Кто? Не мог там случайно оказаться этот мент, не мог! Не верю я в такие совпадения.

— Нора тебя, конечно, терпеть не может, но предположить, что ты пришлешь вторую Резвушкину, она вряд ли могла. — Адвокат Семен Маркович сосредоточенно вглядывался в темноту через лобовое стекло — дорога, на которую они свернули с шоссе, не освещалась. — Скорее, она предполагала, что ты по-

стараешься перехватить эту девицу, ну ту, которая шастает в "Секс-моду".

— Слушай, Марина говорит, что наша Саша наряжалась в парик в твоём присутствии! — вспомнил Трошкин.

— Нет, наряжалась она без меня, но когда я зашел в приемную, она действительно была в рыжем парике и в зеленом пончо. Только я тогда не придавал этому никакого значения — ну, стоит какая-то страшилка у окна, делов-то.

— Совершенно очевидно, что она хотела меня напугать. — Трошкин прижался лбом к стеклу. — И, как ни стыдно признаваться, напугала. Знаешь что, Семен, навести-ка ты ее. Сходи к ней домой. Может, она и вправду чиста, как альпийский снег, но хуже не будет. Хотя чует мое сердце...

— Правильно чует. — Адвокат затормозил у ворот дачи и поигнал. Из домика для obsługi появился заспанный сторож и открыл ворота. — Правильно чует, наконец-то ты пришел в себя. Знаешь, мне уже надоело наблюдать, как ты терпишь ее выходки.

— Ты прав, выходки сомнительные.

— Нет, Саша, выходки совершенно несомненные. — помотал головой адвокат. — Она тебя прощупывает от ушей и до хвоста, сканирует от и до, а ты, как полный дурак, твердишь: ничего, ничего, это просто любовные ласки.

Они заехали во двор, вышли из машины и побрели к дому.

— Не люблю, — Трошкин раздраженно топнул ногой, — не люблю абсурда. Я не понимаю, чего она добивается. Ну, работает она на милицию, ну, прощупывает меня и провоцирует. Но почему так странно, так нелепо?

— Потому что она вообще странная, — глухо отозвался адвокат. — Странная, сумасбродная, вздорная девчонка, у нее семь пятниц на неделе, она в разведчиков играет. Хорошо хоть не в минеров, тогда нам еще хуже пришлось бы. Съезжу к ней завтра, только... ты говорил, она дома не живет?

— Не знаю. Это она так сказала, а верить ей на слово мы больше не будем. Но если и не живет она дома — может, оно и к лучшему. Посмотри, кто там живет, поговори с людьми.

— Ну да, ну да, — адвокат задумался. — Попробуем.

Сторож мелко семенил рядом, и, дождавшись паузы в разговоре, окликнул Трошкина:

— Сан Митрич, вам тут письмишко привезли. Я на стол положил в зале.

— Когда привезли?

— Так сегодня, часа два назад.

Трошкин кивнул, жестом отослал сторожа, но тот продолжал бежать рядом.

— Что еще?

— Татьяна Эдуардовна приезжала.

Трошкин остановился, как вкопанный.

— Когда?

— Около часа, как уехала. Сказала, ждать больше не может. Сказала — позвонит вам.

Трошкин вопросительно посмотрел на адвоката:

— Опять черт знает что! С чего бы Тане сюда ехать? И кому могла прийти в голову странная мысль привозить мне какие-то письма на дачу? Странно. Ты не находишь?

— Да уж. Ты сколько здесь не был?

— Недели две. Да и сегодня мы собрались спонтанно.

— Подожди, — адвокат повернулся к Трошкину, — мы решили поехать на дачу в... в шесть часов, так? То есть три часа назад. Следовательно, как только о наших планах стало известно в фонде, Татьяна выехала сюда.

— Не только она, как видишь. Еще кто-то с письмом. Надоели, надоели мне, Семен, эти тайны мадридского двора. Почему на дачу? Почему не домой? Постой. — Трошкин схватил адвоката за рукав. — А не Татьяна ли привезла письмо? А то уж больно странное совпадение — месяцами никто сюда носа не кажет, и я в том числе, а тут вдруг один за другим.

— Ага, — адвокат усмехнулся, — написала тебе Татьяна письмо. Ну, любовное, само собой. Приехала сюда, раздвоилась, причем, ее вторая половина приняла облик совершенно не известного сторожу человека. А Татьяна, тем временем, наблюдала сама за собой из кустов... Хитро, ничего не скажешь.

— Прекрати! — взвизгнул Трошкин. — Письмо она могла попросить передать кого угодно. Кстати, что там в письме?

Они вошли в дом, и адвокат сразу бросился к столу в гостиной. Большой желтый конверт, разрисованный смешными рожицами, сторож прислонил к вазе, так что письмо было видно прямо от двери.

— Если судить по упаковке, то похоже на Сашеньку, — зло сказал Трошкин. — Цвет игривый, рожи нарисованы глумливые... Детский сад, средняя группа.

Адвокат осторожно взял конверт, потряс им у уха и только потом вскрыл карманным перочинным ножиком. Затем двумя пальцами брезгливо достал из конверта несколько фотографий и микро-кассету для диктофона. Трошкин продолжал стоять в дверях и даже попытки не сделал подойти и взглянуть. Вместо этого он, не скрывая волнения, шепотом спросил:

— Что там?

Адвокат разложил фотографии на столе, вздохнул и виновато повернулся к двери:

— То самое, Саша, увы.

— Что — то самое?

— Похождения твои, родной. Запечатленные на фотокамеру. А на пленке, надо полагать, озвучка. Вздохи, охи, стоны, и все такое.

— Что ты говоришь? — заорал Трошкин. — Какие вздохи и стоны?

— Я по фотографиям сужу, по тому, что на них изображено. Насколько я разбираюсь в физиологии, все это, — адвокат ткнул пальцем в кипу листов, — должно сопровождаться стонами.

Трошкин медленно подошел к столу и уставился на разложенные картинки.

— Что скажешь? — Адвокат опасно отодвинулся. — Диктофон у тебя здесь есть?

Трошкин по-прежнему стоял и смотрел на фотографии.

— Что-то не так? — спросил адвокат. — Карточки липовые? Не было такого?

— Было. Только этого я не ожидал.

— Таких подлянок никто никогда не ожидает. Верь мне. Ни один нормальный человек не готов к тому, что в его спальне и в его сортире установлены видеокамеры. А иначе все с ума бы посходили.

— Нет, я не о том. На этих снимках не Зина, — изумленно сказал Трошкин.

— А тебе непременно хотелось бы оказаться сфотографированным с Зиной? Ни с кем другим? — Адвокат начал перебирать фотографии. — Не привередничай, Саша, эта девушка, уж не знаю, как там ее зовут, тоже очень мила.

— Не Зина! А Квадратная шантажировала меня как раз Зиной! Что это значит? Что за мной гоняются двое? Квадратная и еще кто-то? Чего им от меня надо?

— Тихо, тихо, дорогой. — Адвокат потряс Трошкина за плечо. — Не надо истерик. Хотят понятно чего, либо денег, либо определенных действий. Подожди. — Он взял конверт и заглянул внутрь: — О, так и есть. Гадать уже не надо — вот записочка. — Он вытряхнул из конверта маленький листок в клетку и с выражением прочел: — “Снимете свою кандидатуру и поддержите Иратова на выборах — получите все материалы целиком, причем не ксерокопии, а оригиналы”. Вот тебе и все.

— Да. — Трошкин вытянул ноги и откинулся на спинку. — Да. Это все.

— Да что с тобой, Саша? — адвокат раздраженно отшвырнул конверт. — Что за пораженческие настроения? Мы из таких передраг выпутывались...

— Но более гадкой не припомню. Пойми, Семен, у них преимущество, не у нас. Мы — на мушке. Они на нас смотрят в оптический прицел, а мы даже не знаем, где они спрятались. Кругом темно, кусты и кочки.

— Ох, ох, ох, ох, как поэтично. “Прицел, кочки” — победили свой высокохудожественный стиль для предвыборных дебатов. И почему ты считаешь, что они в темноте? Они как раз себя раскрыли. До сих пор ты ломал голову, кто против

тебя играет — то ли Иратов, то ли менты, то ли еще некто. А теперь, наконец, наступила ясность — Иратов. Я повторяю — наконец. И девочка твоя для Иратова старается, и менты, видимо. Так что у нас появилась возможность тоже навести оптический прицел на цель, а не палить беспорядочно по всему живому.

— Я тебя не понимаю, Семен. — Трошкин с мукой посмотрел на адвоката. — О чем ты? Что за прицел мы наведем?

— Саша! Ты же мастер художественного блефа. И специалист по запусканию уток. Разыграй ту же карту. Организуй утечку информации о том, что у тебя есть ровно такой же компромат на Иратова.

— Они не поверят.

— Тебе не поверят. А если информация потечет не от тебя — почему бы не поверить? Как рассуждает нормальный человек, когда до него доходит такая информация? Он думает: “А вдруг? Вдруг у Трошкина что-то и вправду есть?” Ты — близкий друг Григорчук, она этими развратными делами промышляла. Почему бы ей не оставить тебе такой подарочек? А? В качестве наследства любимому человеку.

— И что? — Трошкин с надеждой посмотрел на адвоката. — И что дальше?

— А дальше — договор о ненападении. Ты не обнарудишь мои снимки и стоны, я — твои. Все по-честному. Саша! Да, не факт, что получится, но попробовать надо.

— У тебя все слишком просто. — Трошкин вылез из кресла и пошел к бару за коньяком. — Раз-раз, и готово.

— Не у меня, а вообще. Люди любят усложнять. Видят, например, дерево упало на дорогу, и начинают придумывать пятиходовые объяснения этому загадочному факту: устроили засадку, или подпилили, чтобы убить, прибить кого-то деревом, или клад между корней искали... А на самом деле, дерево просто упало, потому что старое было и трухлявое. И ты не усложняй.

— Совет правильный, но запоздалый. Мы с самого начала все переусложнили. Перемудрили, понимаешь? Да ладно. Как конкретно будем организовывать утечку? — Трошкин разлил коньяк и один стакан протянул адвокату. — Как?

— Звони Раулю, пусть к утру изготовит фотомонтаж. Рауль — мастер, ему прицепить голову Иратова к голому телу постороннего мужика — раз плюнуть. И девушку подклеить. Начнем с этого. А там — по обстановке. Твое здоровье!

Адвокат залпом выпил коньяк, крикнул и, пожелав другу спокойной ночи, отправился спать. А Трошкин еще долго сидел в гостиной, с ненавистью глядя на желтый конверт, пил коньяк и беззвучно произносил какие-то злые тосты. Спать он пошел, только допив коньяк, но перед этим позвонил Дуне Квадратной и назначил ей на завтра встречу в фонде.

Василий

Василий со злобой ударил по двери ногой. Что происходит? Почему никто не открывает? Зина должна сидеть дома.

Оглянувшись по сторонам, Василий достал из сумки связку отмычек и занялся замком. Третья по счету отмычка подошла идеально, но, открывая дверь, Василий не испытал никакой радости. Во-первых, он лишний раз мысленно обругал Саню за то, что не слушается и не торопится ставить новый надежный замок, а во-вторых, в квартире не было ни души. Конечно, оставалась еще слабая надежда, что Зина просто, вопреки запретам и страху перед опасными бактериями, выскочила в магазин, но старая боевая подруга старшего оперуполномоченного — интуиция — назойливо трындела, что отсутствие Зины — дурной знак, и что она либо сбежала сама, либо ее позаимствовала конкурирующая фирма, то есть Трошкин.

Осмотр квартиры подтвердил худшие опасения — никаких Зининых вещей, включая зубную щетку, найти не удалось.

— Так, так, так, — старший оперуполномоченный остановился перед зеркалом в коридоре и щелкнул по носу свое отражение. — Вот тебе! Спрятал Зинулю в надежное место. Ты бы, придурок, еще приковал бы ее к забору Трошкинского фонда.

Немного подумав, Василий отправился опрашивать соседей, но жильцы из квартиры напротив, как водится, ничего не видели. Зато маленькая старушка, выгуливающая свою болонку у подъезда, вспомнила “девушку в желтой маечке с во-от таким вырезом”. То есть поначалу старушка, сжав губы в маленький комочек, отказывалась поддерживать беседу, но после внимательного ознакомления с милицейским удостоверением преисполнилась к Василию глубочайшего почтения, дала ему поддержать свою визжащую собачку и подробнейшим образом описала сцену отъезда Зины.

— Сначала, товарищ, приехала машина. Вот здесь встала. Я ему говорю...

— Ему?

— Да, шоферу говорю: “Товарищ, здесь машины не ставят, здесь двор и люди гуляют, им дышать нужно”. А он, с виду, правда, приличный, в очках и вообще, сам-то не вежливый. Махнул рукой и пошел в подъезд. А потом он с девушкой уже идет.

— Долго пробыл в доме?

— Нет, товарищ, не долго, минут несколько. Вот уже час как уехали.

— А что, девушка не сопротивлялась? — Василий мягко, но твердо всучил извивающуюся болонку хозяйке. — Сама шла, или он ее силком тащил?

— Какой силком? Нет, сама шла. И машина ей понравилась. Она так сказала: “Ой, какая вагонетка”.

— Тачка, — автоматически поправил Василий. — Спасибо, вы нам очень помогли.

Старушка важно, с сознанием значимости своей миссии, кивнула и тут же жалобно попросила:

— Товарищ, вы бы убрали свою машину отсюда.

— Разве я похож на человека, который готов бросить автомобиль на растерзание местной шпаны? — сказал Василий, садясь в свой “Жигуль”. — Но за заботу о моем имуществе — спасибо.

— Так ведь двор ведь, — поддержала его старушка. — Люди гуляют.

Приехав в управление, Василий первым делом позвонил Ду-не и сообщил новость о пропаже Зины. Дуня прореагировала странно.

— Вот Сашка обрадуется! — сказала она.

— Сашка Трошкин? — уточнил Василий.

— Нет, наша Сашка. Сильно ее эта девица раздражала.

— О чем вы, Дуня? — изумился Василий. — У нас из-под носа увели важнейшего свидетеля Трошкинских бесчинств. Я думал, вы впадете в транс.

— С какой стати? Наличие ее прекрасного тела ничего нам не добавляло.

— Тела? — Василий вздрогнул. — Типун вам на язык.

— Тело, капитан, бывает не только мертвое, — охотно пояснила Дуня. — Или вам не доводилось видеть живые тела?

— У нас просто разная терминология. Пока тело еще живое, оно называется “потерпевший”, и далее указывается степень нанесенных ему увечий. К тому же любое живое тело легко может перейти в разряд неживого. — Василий вздохнул. — Поверьте специалисту. Ну, не будем о грустном. Я вас предупредил, так что при дальнейшем общении с Трошкиным будьте готовы к тому, что он предъявит вам Зину, и она решительно опровергнет гнусные слухи об их былой любви.

— Ничего, в ответ я могу предъявить сделанную вами магнитофонную запись, где Зина подробно рассказывает о былой любви.

— Не поможет, — покачал головой Василий. — Зинуля скажет, что все придумала. Не говорите о пленке, это только подорвет наши позиции. Делайте вид, что у нас есть свидетельство более убедительные — фотографии, видеозаписи и так далее.

— Хорошо, поняла.

Гоша перенес сообщение об исчезновении Зины значительно менее стойко. Он метался по кабинету, заламывал руки, скулил и проклинал тот день, когда бросил математику и занялся юриспруденцией.

— Да, Гоша, — грустно соглашался Василий. — Если бы ты дослужился до доцента, то Зину бы у нас не украли. Просто не рискнули бы.

— Все ужасно, все ужасно, — продолжал стенать Гоша. — Хуже не придумаешь!

— Чего ты так сильно страдаешь? Ну, неприятно, ну, не удалось довести травлю одного из подозреваемых до конца, но трагедии-то нет.

— Вась, ты дурак? — взвыл Гоша. — Ты не понимаешь, что нам могут припаять за такое? Тебе что, начальство санкцию дало на вывоз Зины из родного дома?

— Что-то я сомневаюсь, что Трошкин рискнет качать права и показывать Зину нашему начальству. Ему сейчас куда важнее спрятать ее куда подальше и сделать вид, что ее и вовсе нет.

Сыщики посмотрели друг на друга и резко помрачнели.

— Нет. — Гоша протестующе замахал руками. — Нет, не может быть.

— Да я просто так сказал, — начал оправдываться Василий. — Не в том смысле.

— Но тоже об этом подумал сейчас?

— Подумал. Но я не верю, что Трошкин отважится на убийство. Нет, слишком рискованно. Он же понимает, что мы догадываемся, кто Зину у нас украл. Нет, Гоша, нет, не волнуйся.

Через полчаса следователь Малкин и старший оперуполномоченный Коновалов уже входили в здание Дома прессы с намерением навестить и настойчиво допросить Элеонору Симкину.

— Ты — добрый следователь, я — злой опер, но твоя задача — внятно объяснить женщине, что единственное спасение от таких уродов, как я, — это правда, — напутствовал Гошу Василий.

— Я действительно добрый следователь, а ты действительно злой опер, так что можешь не распинаться. Что касается правды... зачем обманывать бедную женщину? Можно, я скажу ей, что от таких уродов, как ты, спасает только автомат Калашникова. И то не всегда.

Гоша хотел добавить еще что-то, но вместо этого вдруг резко схватил Василия за руку и толкнул его за колонну. Спустя секунду мимо них быстро прошла Татьяна Эдуардовна Ценз. Сыщиков она не заметила, потому, вероятно, что была слишком погружена в свои мысли. Во всяком случае, она не смотрела ни по сторонам, ни перед собой, и ухитрилась налететь сначала на стойку вахтера, а потом на рекламный стенд.

— Зуб даю, что она туда же, куда и мы, — прошептал Гоша. — И, как мне кажется, с сенсационными новостями. Видел, какое у нее лицо? Что-то интересное узнала Татьяна Эдуардовна, помня мое слово. Ах, дорого бы я дал за то, чтобы послушать их разговор. Ну что нам стоило понатыкать везде жучков?

— Жучков везде не понатыкаешь, — философски заметил Василий. — А убийц всех не переловишь. А водки всей не выпьешь. А женщин всех...

— Прекрати. — Гоша засуетился, побежал к лифту, потом вернулся, потом опять побежал. — Что делать? Что делать?

— Для начала, думаю, следует подняться в приемную Элеоноры Генриховны, а там уже сориентироваться по обстоятельствам.

В приемной, вопреки ожиданиям старшего оперуполномоченного и следователя, никого не оказалось.

— Странно. — Василий постучал в дверь кабинета Симкиной, но ему никто не ответил. Он подергал дверь и убедился, что она заперта. — Вообще-то, в этом здании полно редакций, почему ты так уверен, что Ценз шла сюда?

— Они подружки, — растерянно ответил Гоша. — И взволнованный вид Татьяны Эдуардовны... Впрочем, ты прав, она могла идти куда угодно. Ладно, пойдем поищем Симкину, в конце концов мы к ней приехали.

Гоша открыл дверь в коридор и тут же с грохотом ее захлопнул:

— Есть! Они идут сюда! Обе!

— Счастливый ты, Гоша, стоило тебе произнести вслух желание — и нате вам, оно уже исполнено. — Василий бросился к столу секретарши и открыл верхний ящик. — Ах, девушки, девушки, разве так хранят ключи от начальственных кабинетов?

Он достал ключ с биркой "Гл. ред.", открыл дверь кабинета Симкиной, втолкнул туда Гошу, положил ключ на место и тоже устремился в кабинет. Симкина и Ценз вошли в приемную ровно через секунду после того, как Василий захлопнул за собой дверь.

— Вера! — позвала Симкина. — Опять убежала. Знаешь, в последние дни редакция разболталась до предела.

— Я бы на их месте тоже разболталась. — Ценз толкнула дверь кабинета и растерянно оглянулась: — Закрыто...

— Откроем. — И Симкина проделала тот же маневр, что и Василий — достала ключ из стола секретарши и открыла дверь. — Так что случилось? Ведь что-то случилось?

— Случилось. — Татьяна Эдуардовна затравленно посмотрела на подругу. — Случилось. Знаешь, Нора, все еще больше запутывается. Я и раньше ничего не понимала, а теперь — по-давно.

— Да что такое?

— Мне казалось, что я догадываюсь. Сначала разговор с Сашей. Он пытался меня уверить, что Вадим убил Светку. Мне это очень не понравилось. Потом он решил баллотироваться, и я подумала — ага, вот лишнее доказательство. Вадим ему мешает, и убийство — отличная разменная карта. Правильно?

— Ты же знаешь, я твоего Трошкина терпеть не могу, — вздохнула Симкина, — так что на мою объективность тебе луч-

ше не рассчитывать. Конечно, я соглашусь с любыми доводами в пользу того, что он редчайшая сволочь.

— Нет, здесь эмоции ни при чем! Смотри, он собирается баллотироваться, да? Вадим объективно имеет больше шансов, он самый популярный в крае человек. К тому же Вадим — его друг, так что в глазах людей поступок Саши выглядит погано: даже девушек у лучших друзей отбивать не принято, а уж губернаторский пост и подавно. В случае с девушкой еще можно оправдаться дикой страстью, а борьба за власть — это чистый расчет. И вдруг, заметь, совершенно вдруг, все складывается как нельзя более удачно — убивают Светку, и Вадим становится главным подозреваемым. Саша ведет себя как свинья, но очень грамотно...

— Как грамотная свинья.

— ... да, он не предаст друга, а делает вид, что тот оказался нехорош. Ну, действительно, кто осудит человека, который перестал дружить с убийцей?

— То есть ты считаешь, что Светку удушил Трошкин?

— Считала. Не стопроцентно, но почти. А вчера я поехала к нему на дачу. То есть сначала я приехала в фонд, мне сказали, что он с этим подонком Семеном уехал на дачу, и я поехала следом.

— Интересно, зачем?

— Чтобы сказать ему все это.

— Тань, ты что, дура?! — вскипела Нора. — Если твои сообщения верны, если он убийца, то как можно идти к нему с открытым забралом? Чтоб он и тебя убил?

— Нет, меня бы не убил, слишком рискованно. Но слушай дальше — приезжаю, на даче — никого, только сторож. Видимо, эта сладкая парочка — Саша и Семен — заехали куда-то по дороге. Сторож меня знает, так что любезно разрешил хозяина подождать. Проводил в гостиную, а там...

— Неужели очередной труп? — усмехнулась Симкина.

— На столе — конверт. Я дождалась, пока сторож уйдет, и, знаешь, позволила себе полюбопытствовать. Так вот — в конверте фотографии, сделанные скрытой камерой, где-то они Сашу подловили. Такие, знаешь, порнушные фотографии, и девица с ним такая... впрочем, это не мое дело, девица как девица, вполне кондиционная шлюха. И записочка в конверт вложена: снимешь свою кандидатуру, оставишь в покое Иратова — получишь негативы.

— Да ну? — ахнула Симкина.

— И теперь я уже не знаю, что и думать. Получается, что Вадим шантажирует Сашу, а к такому повороту событий я была совершенно не готова.

— Так ты думаешь, что это Вадим... Светку?

— Нет, ничего такого я не думаю. Но до вчерашнего вечера Вадим представлялся мне пострадавшей стороной, и получа-

лось, что Саша либо воспользовался его неприятностями, либо сам их инициировал. А теперь... Раз эти фотографии есть у Вадима, значит, он заранее готовил компромат на Сашу. Понимаешь? Не вчера, не три месяца назад, а раньше.

— Почему? — удивилась Симкина. — Трошкин мог с этой девицей и три дня назад...

— Нет! Боже сохрани! Я хорошо его знаю. Он даже Светку оставил, опасаясь разговоров и слухов. Нет, он, конечно, плейбой, но очень осторожный, а губернаторский пост — слишком серьезный куш, чтобы так им рисковать.

— Ну и? — Симкина задумалась. — Нет, я не верю, что Вадим действует такими методами. Конечно, он не святой, но и не такой прожженный негодяй, как твой Трошкин. Нет, вряд ли.

— Но не думаешь же ты, что кто-то, некий невидимый благодетель Вадима, втайне от него помогает ему таким образом? Заранее собирает компромат на его потенциальных конкурентов... Чушь собачья.

— Да! — Симкина даже подскочила на стуле. — Вот именно! Год назад, или, допустим, полгода назад никто и подумать не мог, что Трошкин сунется в Красногорский край и захочет баллотироваться в губернаторы. Зачем же Вадиму или его людям следить за милым другом и помощником Иратова?

— Ты хочешь сказать...

— Да, я хочу сказать, что фотографии эти обломались Вадиму или его, как ты выражаешься, благодетелю, случайно.

— Такие вещи, — жестко сказала Ценз, — случайно не обламываются. Откуда?

— От, упокой Бог ее подлую душонку, Светки. Она специализировалась на такого рода ценной информации. И мне, как ты знаешь, ее увлечения очень дорого стоили — она сгубила мой журнал, превратила его в бульварный листок для порнографических доносов. От Светки, поверь.

— Но как?!

— Еще одна интересная деталь... — Симкина помялась, виновато вздохнула, но все-таки договорила, — Я оказалась невольной свидетельницей повышенного интереса Трошкина к наследству Светки, то есть Резвушкиной. Извини, но я попыталась использовать его в своих целях.

— Использовала Сашу? — Ценз рассмеялась. — Поздравляю. Ты первая, кому это удалось. До последнего дня он всех использовал, но не наоборот.

— Когда у меня появилась эта пакость, я имею в виду Резвушкину, восставшую из пепла, я сдала ее Трошкину. Позвонила и сообщила, что она ко мне собирается. Он очень заинтересовался.

— И что — получилось? — горько усмехнувшись, спросила Ценз. — Он с ней расправился?

— Нет, получилось все наоборот. Вместо одной Резвушкиной я приобрела двух.

— То есть?

— Когда у меня сидела одна, неожиданно ворвалась другая, точно такая же.

— Что значит — точно такая же? Двойники?

— Нет, но одеты они были почти одинаково, и, главное, обе претендовали на гордое звание доносчицы Резвушкиной. И, соответственно, обвиняли друг друга в присваивании чужого имени.

— Удобно. — Ценз улыбнулась. — Тебе надо было сказать: “Не ссорьтесь, девоньки, похотливых политиков на всех хватит”. И пусть бы себе работали командой, на производительности труда это сказалось бы самым лучшим образом.

— А мне не смешно. Завтра их количество увеличится до четырех, потом до восьми... Не так уж много у нас политиков, так что возникнет нездоровая конкуренция.

Они замолчали. Пауза грозила затянуться, но этого не произошло, благодаря оперативному вмешательству капитана Ковалова. Он с грохотом распахнул дверь комнаты отдыха, в которой прятался все это время, и, галантно поддерживая под локоть следователя Малкина, вошел в кабинет. Ценз и Симкина в ужасе отпрянули — их вид однозначно свидетельствовал о том, что, если бы из комнаты отдыха появилось привидение, они испугались бы куда меньше.

— Извините, что я без стука, — зловеще сказал Василий. — Не помешаю? Сознаю всю степень своей бестактности. Ну, мент, что с меня возьмешь. Ради Бога, не прерывайтесь, продолжайте. Меньше всего я хочу помешать вашей беседе.

— Что... Что вы там делали? — спросила Симкина, стараясь придать своему голосу как можно больше суровости и возмущения, но получилось жалобно и испуганно.

— Где? — Василий оглянулся на дверь комнаты отдыха. — Ах, там? Ничего особенного, сидел на диванчике. Можете проверить, я там ничего не сломал и не разбил. Просто сидел и подслушивал.

— Подслушивал? — Ценз гневно сверкнула глазами. — Как вы смеете?!

— А чего там сметь? — Василий пожал плечами. — Дурацкое дело не хитрое. Это же не погоня и не задержание опасного преступника. Главное, когда утром компотом уши моешь, потом косточки выковыривать.

— А как вы сюда попали? — спросила Симкина.

— Интересно, какого вы ждете ответа? Увы, ничего оригинального сказать не могу. Не через канализацию или вентиляцию. Боюсь разочаровать вас, но я вошел в эту комнату через дверь.

— Но...

— Достаточно! — оборвал Симкину Василий. — Вы явно злоупотребляете своим правом задавать вопросы. Тем более, что ваша роль другая — отвечать на мои. А их, после всего услышанного, у меня немало. Итак, начнем? Давайте по порядку. Сначала вы, Татьяна Эдуардовна. Мне крайне интересно, как выглядели фотографии, которые вы видели на даче Трошкина. Не только содержание, но и то, какого они формата, на какой фотобумаге отпечатаны, в каких интерьерах велась съемка...

Дуня

— Александр Дмитриевич занят. — Марина смерила Дуню презрительным взглядом и углубилась в чтение книжки.

— Вы даже не считаете нужным доложить о моем приходе? — Дуня ответила Марине взглядом еще более презрительным — так она смотрела только на ненавистную соседку по лестничной площадке и на стаканы с киселем в редакционной столовой.

— Нет, — ответила Марина, не поднимая глаз. — Он просил не беспокоить его в течение часа. Я понятно объясняю?

— А если что-то срочное?

— Это вы, что ль, срочное? — Марина скривила губы.

— А если дача у него загорится, или машину подорвут — будете ждать час или доложите немедленно?

— Будем надеяться, что не загорится и не подорвут, — сказала Марина.

— Зря. Могу вам гарантировать обратное. При таком отношении к людям, дачи долго не живут, — повеселела Дуня.

— Угрожаете?

— Именно.

Но Марина угрозам не вяла и с места не двинулась. Дуня со злостью вылетела из приемной и устремилась к курилке. Как только дверь за ней закрылась, Марина нажала кнопку селектора и, услышав Трошкинское: "Да, солнышко", сообщила:

— Она пришла.

— Отлично, — донеслось из селектора, — возьми пачку бумага и уходи. Только обязательно пройди мимо нее, чтобы она тебя увидела.

Марина, взяв со стола несколько папок, отправилась на поиски Дуни.

В курилке собралось несколько сотрудников фонда, все они сосредоточенно вдыхали дым и вредные смолы и исподтишка с любопытством рассматривали странное создание с разноцветными патлами. Марина заглянула в курилку, поморщилась, помахала рукой у лица, отгоняя дым, и обратилась к одному из присутствующих:

— Пал Михалыч, вы мне нужны. Пойдемте спустимся в бухгалтерию, есть срочное дело.

Тот, к кому она обращалась, удивленно поперхнулся дымом, видимо, слова Марины показались ему в высшей степени странными, и на всякий случай переспросил:

— Я? Я вам нужен? Срочное дело в бухгалтерии?

Марина уверенно кивнула, и Пал Михалыч покорно пошел за ней. Дуня тут же погасила папиросу и быстрым шагом направилась к приемной. Когда она, распахнув дверь, влетела в кабинет Трошкина, он стоял, склонившись над длинным столом для совещаний, вся поверхность которого была завалена фотографиями. Услышав, что кто-то вошел, Трошкин испуганно оглянулся и попытался заслонить собой стол.

— Я же просил! — взвизгнул он, но, увидев Дуню, осекся, подбежал к ней и стал бесцеремонно выталкивать ее из кабинета. Дуня же, благо и ростом, и комплекцией она значительно превосходила кандидата в губернаторы, мертво стояла на месте, и пока хлипкий Трошкин тянул ее к двери, внимательно рассматривала фотоматериалы, разложенные на столе. Сцена выглядела весьма комично — Дуня являла собой величественный и неподвижный монумент, а Трошкин напоминал городского сумасшедшего, который задумал спихнуть каменную глыбу с постамента. Он пытался, упирался обеими руками ей в бок и нелепо перебирал ногами. Наконец, вдоволь насладившись фотовыставкой и унижением президента фонда «Наша демократия», Дуня сдала позиции и вышла из кабинета. Трошкин выскочил за ней и, захлопнув дверь, злобно зашипел:

— Никто не давал вам права врываться ко мне без предупреждения!

Он посмотрел на пустой стул Марины и взвился еще больше:

— А-а! Понимаю! Вы воспользовались отсутствием секретаря! Впрочем, вы никогда не стеснялись в методах.

— А вы научите своего секретаря не бросать рабочее место и к людям относиться с уважением. Когда я просила доложить о моем приходе, она и бровью не повела.

— Обойдусь без ваших советов! — заорал Трошкин, но тут же сник, замаялся и осторожно спросил; — Вы, случайно, ничего странного в моем кабинете не заметили?

— Я не осматривала ваш кабинет, — пожалала плечами Дуня. — Потому что не могла оторвать глаз от вашей взмокшей макушки.

Трошкин заметно повеселел и сказал уже более миролюбиво:

— Подождите одну минуту, я там приберусь и приглашу вас. Ровно одну минуту.

— Так у вас там неубрано? — хмыкнула Дуня. — Вот оно что! Полы немывты? Носки на батарее висят?

Трошкин не ответил, скрылся за дверью кабинета, и вскоре Дуня услышала его призывный крик:

— Можно! Заходите!

Она зашла. Стол был пуст — никаких фотографий.

— Да, — Дуня насмешливо огляделась по сторонам, — стало гораздо чище. Я, собственно, пришла за ответом — мы заключаем сделку или нет?

— Не знаю, — пожал плечами Трошкин. — От вас зависит.

— От меня? Вот новость! Решение принимаете вы, Александр Дмитриевич, я-то уже давно все решила.

— Обстоятельства изменились, — пояснил Трошкин. — Боюсь, мне уже нечего у вас покупать.

— Как нечего? Доброе имя. Или оно вам больше не нужно?

— Доброе имя, милая леди, купить невозможно. Оно, как и здоровье, либо есть, либо нет.

— О! — раздраженно перебила Дуня. — Я вижу, вы философски настроены, а мне все эти общие суждения совершенно не интересны. Я, знаете ли, практик.

— Знаю. — Трошкин горделиво прошелся по кабинету, потом жестом факира извлек из кармана фотографию Зины, повертел ею перед лицом Дуни и спросил с нажимом: — Это ведь все, что у вас было? Так? Но теперь-то у вас этого нет.

— Не понимаю, о чем вы. — Дуня тоже достала из сумочки фотографию Зины, правда, другую. — Вот. Чего такого у меня теперь нет?

— Того человека, который изображен на этих фотографиях.

— Человека? — Дуня презрительно скривила губы. — У меня его, то есть ее и раньше не было. Что-то вы запутались в сложных хитросплетениях своих интриг, Александр Дмитриевич. Или вы подозревали меня в работорговле? Вы думали, что я предлагаю вам купить эту женщину? Уверю вас, и в мыслях не держала. Кстати, а кто она? Если не секрет.

— А вы не знаете! — ядовито процедил Трошкин. — Так я и поверил!

Дуня устало закатила глаза:

— Не хотите — не говорите. Мне, собственно, все равно. Так мы запускаем статью о ваших похождениях? Или нет? Спрашиваю в последний раз, лимит времени, отведенного на торги, вы исчерпали полностью и уже давно скребетесь ложкой по сухому дну.

— Запускайте, — махнул рукой Трошкин. — У меня есть основания полагать, что никаких, я подчеркиваю — никаких доказательств, как вы выразились, моих походов у вас нет.

— Отлично. — Дуня сухо кивнула ему и ушла.

Стоило ей закрыть за собой дверь кабинета, Трошкин кинулся к телефону и набрал номер:

— Семен? Все отлично. Она клюнула. Да, фотографии видела, да, да. Что? Ну, сегодня, я полагаю. Да. Только... а вдруг у

них все-таки что-то есть? Она вела себя так уверенно... Да? Ну, будем надеяться.

А Дуня, с которой в считанные секунды слетело все высокомерие, бегом сбежала по лестнице, промчалась мимо охраны на входе и, остановив проезжающую машину, велела "гнать на Петровку, как на пожар".

Василий и Гоша слушали Дуню внимательно, но все время как-то странно переглядывались, а пару раз даже подмигнули друг другу.

— Что-то не так? — забеспокоилась Дуня. — Мой рассказ вас забавляет?

— Все не так, — кивнул Василий. — То есть задумка гражданина Трошкина смешная, расчет верный, но, как бы сказать?..

— Тщательнее надо, — подсказал Гоша. — Небрежность всегда губит дело.

— О чем вы? — Дуня непонимающе переводила взгляд с одного сыщика на другого.

— Первое — появление компромата на Иратова ровно на следующий день после того, как Трошину прислали аналогичный компромат на него самого, выглядит как-то нарочито. Далее — зачем он разложил Иратовские фотографии на столе? Какому нормальному человеку придет в голову так подставлять-ся?

— Ему, наверное, хотелось их внимательно рассмотреть, — предположила Дуня.

— И для этого он выстелил ими стол? Он бы еще на стены их развесил! Вы, Дуня, как смотрите фотографии? Представьте, вам принесли пачку снимков, и вы? Садитесь тихонько и одну за одной перебираете. Посмотрели верхнюю, положили в конец стопки, посмотрели следующую — туда же. Да? Вот так. — Василий достал из стола колоду карт и принялся перекладывать их сверху колоды вниз.

— К тому же, — продолжил Гоша, — такой осторожный человек никогда бы не стал просматривать компромат на конкурента в кабинете, куда в любую минуту могут войти.

— Но секретарша... — попробовала возразить Дуня.

— Я вас умоляю! — улыбнулся Гоша. — Судя по рассказам, эта секретарша ни в жизнь бы не ушла из приемной, если ей дано задание охранять и никого не пускать. Дуня, Трошкин хотел, чтобы вы увидели эти фотографии.

— Зачем?

— Наверное, чтобы вы стали болтать об увиденном, — предположил Василий. — Трошкин делает вид, что скрывает факт наличия у себя столь ценного материала, а вы его, якобы, выдаете. Хитер, братец лис.

— Но фотографии-то у него действительно есть! — воскликнула Дуня. — Настоящий Иратов и девушка настоящая.

— Конечно, — кивнул Василий. — Только фотографии вполне могут оказаться ненастоящими при ближайшем рассмотрении.

— Зачем? — повторила Дуня.

— Скорее всего, — почесал в затылке Гоша, — он намерен предложить Иратову бартер: ты мне мой компромат, я тебе — твой.

— Но Иратов-то тоже поймет, что его компромат липовый, — продолжала спорить Дуня. — Вы же поняли.

— Как он поймет? Ни один мужчина не может быть уверен, что его не подловили на аморалке. Тем более, что уровень современных технических средств...

— Понятно. — Дуня на минуту задумалась. — Значит, надо предупредить Иратова.

— Зачем? — На этот раз любимый Дунин вопрос прозвучал в хоровом исполнении следователя Малкина и старшего оперуполномоченного Коновалова.

— Как зачем? Чтобы смешать карты Трошкину, — удивилась Дуня.

— По моим данным, мы не для того здесь посажены, — сказал Василий. — Я, например, работаю в МУРе, а Георгий — в следственном управлении, а не в штабе у Иратова. Пусть, Дуня, они друг друга пугают, а наша задача внимательно наблюдать за тем, кто сильнее испугается и кто больше глупостей наделает. Правда?

— Так что мне-то делать? — окончательно растерялась Дуня. — Распространять слухи о том, что я видела у Трошкина, или сделать вид, что я ничего не видела.

Сыщики опять переглянулись.

— Хороший вопрос, — сказал Гоша. — Тут важно не промахнуться.

— С одной стороны, надо бы сделать вид, что вы купились на его дезу. С другой — плясать под его дудку не хочется. Вот! — Василий хлопнул себя по лбу. — Надо сделать вид, что вы поверили и распускаете слухи.

— Как это?

— Есть у вас надежные друзья-приятели, которым можно доверить информацию и попросить не распространять ее, а донести до места назначения? — Василий вздохнул. — Хотя... среди журналистов таких, конечно, быть не может.

— Почему же? — обиделась Дуня. — Есть такие.

— Отлично. Задачу вы перед ними ставите следующую: напечатать об увиденных вами фотографиях Иратову.

— Понятно, — послушно кивнула Дуня. — И последний вопрос: вы как-то очень спокойно отнеслись к отказу Трошкина платить за то, чтобы статья в "Секс-моде" не вышла. Как с этим быть?

— А никак, — беспечно отмахнулся Василий. — Плевать. Украл он Зинулю, и ладно, она мне порядком надоела, пусть

теперь Трошкин ее развлекает. Да и Саня теперь перестанет к нему таскаться, теперь-то Трошкину известно, кто прятал Зину, так что у Сани репутация окончательно погублена. Следовательно, на одного поклонника у нашей подружки стало меньше.

Дуня хмыкнула — ревнивое отношение старшего оперуполномоченного к Саше и смешило, и умиляло одновременно. Но в целом разговор с сыщиками ее разозлил, Дуня чувствовала, что лицо ее предательски расцвело багровыми пятнами, а зелено-розовые волосы гневно торчат в разные стороны — верный признак сильного душевного покоя. Обиднее всего, что они, туповатые и малообразованные менты, оказались прозорливее ее, великой публицистки и интриганки, так дешево купившейся на примитивный трюк подлеца Трошкина.

С самого начала их странного расследования, которое и расследованием-то не назовешь — так, игры с политиками и возня в их грязном белье, Дуня чувствовала себя самостоятельной фигурой, действующей по своему усмотрению и дающей советы оперативникам. А теперь, из-за глупой промашки, все встало с ног на голову, и уже оперативники дают ей указания — пойди туда, сделай то, причем эдаким покровительственно-снисходительным тоном. Ну уж нет! Дуня Квадратная всегда играет свою игру, и не ментам ею командовать.

Она поправила прическу перед витриной магазина, умылась у ближайшего аппарата с газированной водой и прямым ходом отправилась к Иратову. Да, решено, она все сделает так, как считает нужным, а эти Гоши-Васи потом скажут ей спасибо.

Иратов, увидев Дуню, заметно испугался.

— Вы? — слабо выдохнул он. — Вы ко мне?

— Нет, к тете на блины. — Дуня была в своем репертуаре, суровый и грубый имидж давал себя знать. — А кого я, по-вашему, собиралась поискать в вашем кабинете?

— Слушаю вас. — Иратов подвинул ей стул. — Что случилось?

— Почему обязательно случилось? Как вы все стандартно и примитивно мыслите, — с горечью проговорила Дуня. — Раз пришла Квадратная, то жди беды.

— Но... вы сами так себя позиционируете, — начал оправдываться Иратов. — Вы же всегда говорили...

— Ладно, — перебила его Дуня. — Я пришла к вам с добрыми намерениями, уж поверьте, если можете.

— Вы? С добрыми? — Иратов недоверчиво усмехнулся. — Чего вдруг?

— Да уж не из любви к вам, — мило улыбнулась Дуня.

— Это понятно.

— Просто Трошкин нравится мне еще меньше. То есть — не нравится мне еще больше.

— Трошкин? — Иратов нахмурился. — Просто проклятье какое-то.

— Вот именно. Я имела несчастье навестить его сегодня.

— А что — он приболел? — спросил Иратов.

— Ничуть. Здоров, как бык, и готов к жизненным битвам. Так вот, когда я, вопреки запретам секретарши, вперлась к нему в кабинет, он рассматривал ваши фотографии.

— Очень мило с его стороны, — улыбнулся Иратов. — Надеюсь, снимки не были обрамлены в траурные рамки?

— Отнюдь. Я бы сказала, что более жизнеутверждающих картинок мне видеть не доводилось. Нет, правда, очень интересные снимки. Но я подозреваю, что Трошкин их рассматривал не из любви к вам, а из любви к порнухе.

— Даже так? — Иратов нахмурился. — Неловко спрашивать об этом даму, но всё же... Что конкретно вы увидели?

— Вас интересуют позы или состав участников?

— Состав.

— Девушка с длинными белыми волосами, думаю, крашеными. Из одежды — туфли на высоких каблуках и накладные ресницы. В отличие, кстати, от вас — вы на тех портретах босой и без макияжа.

Иратов как-то странно посмотрел на Дуню — ей показалось, что он сейчас либо расхохочется, либо заплачет.

— Не благодарите меня, — поспешно добавила Дуня, опасаясь истерики Иратова. — Если моя информация вам пригодится, буду рада.

— Подождите! — Иратов вскочил из-за стола. — Постойте! Ерунда какая-то. Никаких девушек...

— Да знаю, знаю, — раздраженно подхватила Дуня. — Вы — святой. Но я же не требую у вас объяснений. Я просто сообщила вам, что у Трошкина есть такие фотографии.

— Да нет, — отмахнулся Иратов. — При чем тут объяснения? Не святой, вы правы, но и не склеротик. Крашенных блондинок в туфлях не было.

— И правильно, — почему-то обрадовалась Дуня. — Такие девушки — признак дурного тона.

— Но фотографии же есть! — закричал Иратов. — Что он опять задумал?

— Вы всерьез полагаете, что он рассказал мне о своих планах? — скривилась Дуня. — Напрасно. А вообще, здесь сильно пахнет шантажом.

— Какая гнусность! — воскликнул Иратов. — Шантажист — тот же грабитель. Уж лучше убить, чем загонять человека в угол.

Сцена прощания получилась скомканной, и заслуженной благодарности Дуня так и не дождалась — отчасти из-за того, что Иратов действительно впал в глубочайшую растерянность, а отчасти из-за того, что тихо и с чувством попрощаться им по-

мешали. Как только Дуня сказала, что ей “пожалуй, пора”, дверь распахнулась, и в кабинет, горя глазами, влетела Татьяна Эдуардовна Ценз.

— Вадим! Нам надо поговорить... — торжественно сообщила она с порога, но, увидев Дуню, осеклась.

Александра

Вход на чердак закрывала железная решетчатая дверь с большим амбарным замком. Лиза Стилль, моя коллега — журналистка, с большим сомнением посмотрела на запертую дверь и тут же предложила перенести наблюдательный пост на лавочку у подъезда.

— Там и чище, и светлее, пошли отсюда.

— Но и мы там на виду, — возразила я. — Так что попробуем сломать замок.

— А динамит у тебя есть?

— Конечно. — Я постучала рукой по сумочке. — Я всегда ношу его с собой. Но от него шума много.

— Ну-ну. — Похоже, Лиза не верила в мои таланты.

Зато когда я показала настоящий класс взломщика и открыла замок шпилькой, она вынуждена была признать свою полную никчемность.

— Да, приятное местечко, — протянула Лиза, когда мы вступили на территорию чердака. — Пыль, грязь и безобразия.

— А ты надеялась найти здесь стерильную операционную?

— Нет, но не до такой же степени...

Чердак действительно производил тягостное впечатление — он весь был завален грязным хламом, а при каждом нашем шаге темно-коричневая и густая, как кисель, пыль взвивалась до потолка.

— Нет, Саня, извини, — поморщилась Лиза, — этот офис не для меня. Пойду-ка я на лавочку. В конце концов, твой адвокат меня не знает, и подозрений я у него не вызову.

— Просто ты неудачно оделась. Знаешь, как-то не принято сидеть в засаде в белом костюме.

— Господи! — Лиза всплеснула руками. — Да этот костюмчик самый простенький из всех моих. К тому же я никогда не работала в отделе преступности и не ловила бандитов, откуда мне знать, какая у вас форма одежды?

Оставаться на чердаке в одиночестве мне не хотелось.

— Не бросай меня, Лизик, — попросила я. — Ведь мы сюда пришли по твоей инициативе.

Действительно, идея вломиться в квартиру Семена Марковича принадлежала Лизе. Она вчера весь день проторчала в фонде “Наша демократия”, в рамках, так сказать, сбора материала об одном из кандидатов в губернаторы Красногорского края, а вечером решила навестить Семена Марковича. Лиза ни-

как не могла понять, какую роль он играет в окружении Трошкина, и потому он вызывал у нее повышенный профессиональный интерес. Лиза больше часа прогуливалась около дома Семена Марковича, но была достойно награждена за терпение — адвокат приехал домой не один, а в обществе милой девушки, по описанию чрезвычайно похожей на нашу пропавшую подружку Зину.

— Я хочу поговорить с ней, — трясясь от возбуждения кричала Лиза, ворвавшись на ночь глядя ко мне домой. — Хочу и все!

— Зачем она тебе?

— Затем! — огрызнулась Лиза. — На девочек меня потянуло. А эта, говорят, хорошенькая и профессионалка. Не к тебе же приставать?

— Почему не ко мне? — обиделась я. — Чем это я тебе не нравлюсь?

— Она определенно добавит ярких красок в портрет Трошкина, когда я начну его живописать. Поедем завтра к ней? Умоляю!

Умолять меня вовсе не требовалось. Я и сама скучала по Зине и жаждала встречи. Более того, мне смертельно хотелось выкрасть ее у Трошкина и тем самым насолить ему. Хотя, надо признать, смысла в моей охоте за Зиной никакого не было. Вредность в чистом виде без примеси разума.

— Понять бы только — зачем я сюда пришла, — обиженно сказала я. — Любые лишения и тяготы легче переносятся, когда видишь в них хоть какой-то смысл.

— Хорошо, для тупых объясню еще раз. Если ты найдешь Зину, то окажешь неоценимую помощь следствию, — лживо объяснила Лиза.

— Само следствие, впрочем, так не считает, — ехидно напомнила я.

— Потому что оно отличается повышенной безмозглостью и недалечностью, — объяснила Лиза. — Ежу понятно, что Зина нужна Трошкину, следовательно, если мы ее у него уведем, то какие-то его планы разрушим. Что плохо Трошкину, то хорошо нам.

— Не Зина, а просто переходящее красное знамя.

Полемика угасла, не успев разгореться, тем более, что наблюдательный пункт я обустроила, газетку на пол постелила и теперь могла со всей страстью предаться наружному наблюдению. И очень вовремя — из подъезда вышел Семен Маркович.

— Идет! — заорала я.

Дождавшись, пока адвокат сядет в свое любимое скромное транспортное средство под названием “мерседес” и отъедет от дома, мы направились к подъезду и сразу наткнулись на серьезное препятствие в лице консьержки.

— К кому? — лаконично поинтересовалась она, глядя на нас в маленькое окошко взглядом чекиста-отличника.

— В тринадцатую квартиру. — Я постаралась, чтобы голос мой звучал нежно и кротко. Консьержке мой ответ не понравился.

— В тринадцатую? Там никого нет.

— Никого? — расстроилась я. — Но мы только что разговаривали с Семеном Марковичем, и он просил нас провести его гостью. Неужели там совсем никого нет?

Прием неловленный. Уличить меня во лжи она не сможет по техническим причинам — пять минут назад ее распрекрасный Семен Маркович на большой скорости отбыл в неизвестном направлении. На лице консьержки застыло мучительное выражение — видимо, данные ей инструкции вступили в неразрешимое противоречие с действительностью.

— Хорошо, поднимитесь, — наконец сухо сказала она. — Возможно, кто-то там есть.

И вот мы стоим перед вожделенной дверью, обитой темно-синей кожей. Семен Маркович и здесь оказался непрост — вместо звонка он присобачил к стене старинный (или стилизованный под старину) медный молоток и медную тарелку на цепочке. Вот изыск так изыск, как только соседи терпят? Я потянулась к молотку и отдернула руку — а вдруг Лиза ошиблась? Вдруг вчерашняя девушка, которую адвокат привез сюда, никакая не Зина? Вдруг в квартире никого нет, или, еще хуже, там притаилась престарелая тетушка Семена Марковича, которая вцепится в меня вставными челюстями и заставит врать, что я из собеса, или с почты, или из благотворительной организации “Помоги неимущим адвокатам”.

Пока я мялась и жалась перед дверью, дверь соседней квартиры со скрипом приоткрылась, и оттуда появилась пышная дама лет шестидесяти в парчовом платье и с большим черным бархатным бантом на голове.

— Что вы здесь делаете? — недоброжелательно, с намеком на нашу неблагонадежность, поинтересовалась она. — Кто вы?

— Маляры из Молдавии, — с готовностью ответила Лиза. — Штукатурим, ложим плитку, клеим обои. Вам не надо, бабушка?

Дама побагровела и гневно захлопнула дверь.

— Ты видела? — воскликнула Лиза. — Это что-то умопомрачительное. Я уверена, что она надевает этот бант даже под ушанку. Нет, это в принципе возможно, но с другой рожей и лет тридцать назад.

— Подожди, Лизик...

— Нет, это ты подожди, — перебила меня Лиза. — Лифт! Скорее!

Она решительно взяла меня за руку и потащила вверх по лестнице. Не успели мы подняться на два пролета, как на лест-

ничной площадке, с которой мы только что ушли, остановился лифт.

— Тсс! — Лиза прижала палец к губам и тихо выглянула из-за угла. И тут же жестами предложила мне последовать ее примеру. Я высунулась из-за Лизиной спины — перед дверью Семена Марковича стояла причудливо разодетая женщина. Было видно, что она сделала все возможное, чтобы изменить внешность — широкополая шляпа с вуалью, черные цыганские кудри — явно фальшивые, широкий плащ...

— Да у них здесь гнездо, — шепнула мне Лиза. — Банты, вуали... Скоро появится кто-нибудь со страусиными перьями в заднице.

— Кого-то она мне напоминает... — Я мучительно вглядывалась в гостью адвоката.

Женщина, между тем, вела себя странно. Она осмотрелась вокруг и замерла перед дверью, почти так же, как я пять минут назад.

— Сейчас будет воровать молоток, — уверенно прошептала Лиза. — А что? Вещь дорогая, красивая.

Но загадочная незнакомка не обратила на молоток никакого внимания. Она достала из сумки большой конверт и принялась подсовывать его под дверь. Безуспешно — дверь была подогнана к коробке идеально — ни щелочки, ни дырочки. Тогда женщина, помешкав немного, позвонила в квартиру дамы с бантом.

— Уходите, — донеслось оттуда, — я не собираюсь делать ремонт!

Все-таки доверчивость наших людей не перестает меня поражать. Не берусь судить о себе — вид у меня сегодня достаточно затрапезный, да и посещение чердака не прибавило мне лоску, но Лиза, великодушная Лиза никак не могла претендовать на роль малярши из Молдавии. А вот соседка адвоката не оценила ее тонкую шуточку.

— Ремонт? — удивленно донеслось из-под вуали. — Я не по поводу ремонта, извините. Я к вашему соседу.

Голос... голос вроде знакомый, но она старается его изменить.

Дверь распахнулась, дама с бантом окинула нашу завуалированную придирчивым взглядом и осталась довольна.

— Вы к Семену Марковичу? А его нет.

— Да? А вы не могли бы передать ему письмо?

— От кого? — требовательно спросила дама с бантом.

— От коллегии адвокатов.

— Ах, от коллегии, — понятиливо закивала дама. — Ладно, передам.

— Улет! — радостно хлопнула в ладоши Лиза, как только письмоносица захлопнула за собой дверь лифта. — Все-таки нам повезло! Как ты расцениваешь такой поворот событий?

— В принципе — принесли дяденьке письмо, что такого? Но интригует наряд. Ты часто встречаешь на улицах нашего города людей в шляпах с вуалями?

— Я, гуляя по улицам нашего города, не глазею по сторонам, а смотрю под ноги во избежание падения в канализационные люки, которые, как правило, открыты.

— Давай устроим мозговой штурм, — предложила я.

— Для штурма я недостаточно вооружена, — покачала головой Лиза. — Только пилка для ногтей. Да и штурмовать нечего — ежу понятно, что в письмишке что-то очень интересное. И тетеньку сюда подослал человек с нечистой совестью. Я лично нахожу это возмутительным! Российские мужчины — просто скоты. Они используют женщин в хвост и в гриву, а слова “спасибо” ты в их лексиконе не найдешь. И вот тебе наглядный пример — некий козел ведет нечестную игру и подставляет несчастную женщину. Ну, не волчара?

Мы уселись на ступеньки и предались глубокой задумчивости. Спустя минуту Лиза дунула мне в ухо и зловещим шепотом произнесла:

— Надо изъять конверт.

— Как?

— Давай скажем, что там взрывное устройство.

— Ага, — криво усмехнулась я, — плоское и бумажное.

— Да! — уверенно сказала Лиза. — Современные прогрессивные технологии, наука и техника со страшной силой шагнули вперед, оставив позади руины.

— Ты считаешь, что все вокруг полные идиоты?

— А ты считаешь по-другому? Ладно, — Лиза чуть смягчилась, — пусть не все, но данная красотка с бантом, думаю, из них. Или тебе показалось, что она специалист-взрывотехник?

— Нет, но...

— Договориться с ней нельзя, обмануть... в принципе, можно, но мы уже засветились как маляры. Черт, надо было сказать, что мы из бригады саперов! Поймали бы во дворе собаку... Слушай! — Лиза схватила меня за руку. — У тебя же есть какое-то милицейское удостоверение!

— Добровольный помощник милиции. Думаешь, такого достаточно?

— Думаю, кто не рискует, тот не получает заветных конвертов, — решительно подытожила Лиза. — Пошли.

Мы спустились на уже обжитую нами лестничную площадку и позвонили в уже неоднократно открывавшуюся сегодня дверь.

— Кто? — послышалось оттуда.

— Милиция! — рявкнула Лиза басом. — Скорее откройте, речь идет о вашей безопасности.

Дверь с грохотом распахнулась, и перепуганная дама с бантом буквально выпала нам в объятия.

— Спокойно! — Лиза вытянула вперед руку с моим раскрытым удостоверением. — Без паники. Будьте мужественны. Не все еще потеряно. Надежда на спасение пока есть.

Набор этих жизнеутверждающих лозунгов мог бы довести до обморока самого стойкого человека, а наша клиентка оказалась из хлипких. Она начала медленно сползать по стенке, предательски закатывая глаза.

— Мало нам одного трупа, — мстительно прошипела я. — Вот тебе довесочек.

— Трупа? — прохрипела дама с бантом. — Трупа?

— Гражданка! — заорала Лиза. — Прекратите умирать!

Она на секунду задумалась, видимо, подыскивая аргументы, которые могли бы переубедить соседку адвоката и доказать ей, что смерть, как минимум, преждевременна.

— Короче. — Лиза тряхнула пожилую женщину за плечи. — Времени нет, пора действовать. Вам только что передали конверт. По нашим данным — в нем взрывное устройство. Мы обязаны срочно его разминировать.

Дама с бантом слабо пошевелилась и показала дрожащим пальцем на столик в передней.

— Спасибо за проявленный патриотизм, — гаркнула Лиза, вбежала в квартиру, схватила конверт и бегом понеслась вниз по лестнице.

— А ее... — Я бросилась за Лизой и догнала ее только этажом ниже: — ...а ее мы бросим?

— Нет, — огрызнулась Лиза, — с собой возьмем. Она теперь повсюду будет нас сопровождать.

— Но ведь ей же плохо!

— Не волнуйся, она девчонка крепкая, я таких знаю. Смотри. — Лиза вернулась к сидящей на полу несчастной женщине и скомандовала: — А ну-ка домой, а то бандиты вот-вот могут появиться опять.

Поразительно, но Лизино бесцеремонное приказание подействовало — тетенька с бантом бодро вскочила на ноги и скрылась в своей квартире, громко хлопнув дверью.

— А ты боялась...

Пролетев еще два этажа, мы бросились к выходу из подъезда, но вынуждены были остановиться, теперь уже по моей инициативе. За стеклянными дверями монотонно прохаживался помощник Семена Марковича по имени Жорик, все в том же спортивном костюме, правда, на этот раз без портфеля.

— Это “шестерка” адвоката! — трагическим шепотом сообщила я. — Что делать?

Лиза огляделась и потянула меня в коридорчик за мусоропроводом, который вывел нас на лоджию.

— Придется прыгать, — мрачно сказала Лиза, с опаской глядя вниз.

— Высоковато. — Я тоже перегнулась через бортик и поморщилась. — Метра три.

— Два, — неуверенно возразила Лиза. — Ничего страшного.

— Если быть совсем точными, — раздался снизу мужской голос, — то два с половиной. В принципе — немного, но умеючи ногу сломать можно.

Мы отпрянули от бортика лоджии и испуганно уставились друг на друга.

— Адвокат, — прошептала я.

— Засада, — кивнула Лиза, как мне показалось, с чувством удовлетворения. Оглядевшись по сторонам, она засунула конверт под грудку деревянного хлама в углу лоджии. — Будем надеяться. Надежда — последнее прибежище идиотов.

— Девушки, — призывно раздалось снизу, — вы там не умерли?

— Вот еще, — с вызовом ответила Лиза, — с какой это стати? Мы просто обсуждаем технологию выброски.

— Выброски? Так у вас с собой парашюты? Тогда советую подняться повыше, этаж хотя бы на шестой.

Я подошла к краю лоджии и выглянула вниз:

— Ой, здрасьте, Семен Маркович, надо же, какая неожиданность.

— Действительно. — Адвокат смотрел на меня ласково и улыбался. — Мир тесен, Сашенька. Страшно тесен. И иногда, придя в дом к человеку, там же на него, этого человека, и натыкаешься.

— Вот только не надо выдумывать того, чего не было, — подключилась к разговору Лиза. — В дом к вам мы не заходили. Так, потоптались перед дверью — и все.

— Так за чем же дело стало, — адвокат сделал приглашающий жест. — Прощу в гости. И ноги сбережете.

Я собралась сказать, что мы страшно торопимся и у нас нет ни минуты свободного времени, но Лиза, обворожительно улыбаясь, закивала и крикнула вниз:

— С превеликим удовольствием!

В моей сумке запиликал сотовый телефон. Звонил Сева.

— Саня! — возбужденно затараторил он. — Клиент ведет себя странно. Он поездил двадцать минут кругами и вернулся к дому. Ты еще там?

— Там.

— Боюсь, у меня для тебя плохие новости. Он выставил у подъезда охрану в лице тупорылого бандюка в спортивном костюме...

— С портфелем? — уточнила я.

— Что? — не понял Сева. — С каким портфелем?

— Да нет, это я так. Не волнуйся, Севочка, ничего страшного. Жди нас на улице. Если через час мы не выйдем — звони Васе. Но не раньше.

— Саня! — закричал Сева. — Саня!

Но разговаривать с ним мне было некогда. Пора идти к Семену Марковичу. Да и кофе, действительно, хочется.

Василий

Следователь Малкин и старший оперуполномоченный Коновалов заперлись в кабинете и просматривали архив Григорчук.

— Вася, — сладко потянулся Гоша, закрывая папку с делом, — пора брать за горло Трошкина. Липовые у него карточки, самопальные. Смотри, все фотографии из архива Григорчук выполнены в единой манере — и размер, и качество бумаги, и даже стиль съемки. Судя по тому, что рассказала нам Ценз, ему-то прислали настоящие фотографии, во всяком случае, они очень похожи на наши. Ценз весьма подробно их описала. А вот те, что видела Дуня, сделаны совершенно другим фотохудожником. Так что чудит политолог, надо его поприжать.

— Как ты себе это представляешь? Что мы ему предъявим?

— Я же не предлагаю тебе его задерживать. Но поговорить стоит. Зачем он придумал финт с липовыми фотографиями? Надо намекнуть, что хорошие дяди так себя не ведут.

— А он пошлет нас куда подальше и будет прав. Он не обнаружил эти фотографии, никому специально не показывал, а что он там монтирует для домашнего альбома, никого не касается.

— Не факт. История с фотографиями показывает, что он коварен и умен. Мысль первая, примитивная: он хочет сделать вид, что у него тоже есть кое-что из архива Григорчук. Спрашивается — зачем? Чтобы шантажировать Иратова? Но Иратов прекрасно знает, что ни в чем таком, что изображено на снимках, не замешан. Далее — любая экспертиза покажет, что это подделки, монтаж и т.д. И Трошкин не мог не допереть до простой мысли, что фотографии должны быть выполнены в одном ключе. Неизбежно возникает мысль вторая, более здравая и глубокая: он специально не берет за образец те снимки, которые ему прислали. Скорее всего, он делает это для нас. Он же знает, что Дуня ходит к нам, как на работу, и понимает, что она донесет нам о его фотографиях. Он подсовывает нам идейку, что архива Григорчук у него нет, и, следовательно, он ни в чем не виноват — в квартиру к ней не залезал и саму ее пальцем, то есть подушкой, не трогал.

— А кто шантажирует его самого? Кто шлет ему настоящие фотографии?

— Сам себе и шлет. И безопасно, и эффективно. Он же не станет обнаруживать компромат на себя любимого. Что делает, гад! — с восхищением и уважением воскликнул Гоша. — Акку-

ратненько подсунул Ценз конвертик — смотри, мол, Таня, как меня взяли в оборот. Таня клюнула, чего и требовалось добиться. Разве не так?

— По-моему, ты его переоцениваешь, — с сомнением сказал Василий. — Не так он умен и изощрен.

— Возможно. Но если я прав, то Трошкина надо переводить в почетный разряд главных подозреваемых.

Василий как будто не расслышал следователя:

— Симкина ненавидит Резвушкину и Григорчук, Ценз ненавидит Григорчук, Трошкин подсиживает Иратова, Иратов шантажирует Трошкина, или Трошкин шантажирует сам себя, Алешин трахается с Григорчук на глазах собственной жены, Саня играет в Резвушкину, еще эту Дуню пригрели себе на голову... С нашими девками-журналистками все понятно — им интересен сам процесс, но нам-то, наоборот, нужен результат. Самый подозрительный из всех — Иратов. Вот кого надо брать за горло. Я уверен, что ты перемудрил с Трошкиным, а архив Григорчук — у Иратова. То есть часть архива — о себе любимом и о Трошкине. Значит, убийца — Иратов. Влез в квартиру только что убитой женщины, взял, что было нужно и теперь внаглую этим пользуется. И ладно бы просто влез — тут еще можно отмазаться, сказать, что он просто воспользовался ситуацией. Но ведь он вытащил ключи из сумки убитой. И не надо говорить, что ключи вытащил один, а архив грабанул другой.

— Ничего такого я говорить не собираюсь. Конечно, ключи спер убийца, больше никому, просто времени ни у кого другого не было. Возможно, убийца — Иратов. Но в квартиру Григорчук приходил не Иратов.

— Да? А кто?

— Не знаю. Но не Иратов. Он непременно взял бы фотографию своей подружки, которая собирала на него столь деликатный компромат. Зачем оставлять нам такие зацепки?

Василий тяжелым взглядом уставился на Гошу, поерзал, покряхтел и вдруг страшно оживился:

— Стоп! А что ж мы такие придурки? Почему мы до сих пор не выманили его на эту фотографию?

— Я думал об этом, — гордо произнес Гоша. — Если материалы из тайника брал не Иратов, не исключено, что он вообще не знает ни о каком тайнике. Мы уперлись в то, что похитить эти материалы было выгодно только Иратову, и что он либо приходил туда сам, либо посылал своего человека. И не хотим даже допустить мысли, что существует некая третья сила, которой выгодно, например, расправиться с Трошкиным. Или шантажировать Иратова. Или мстить кому-то из них. Да мало ли что?

— То есть как приманка фотография неизвестной красотки не сработает?

— Почему? Смотря как приманку разложить.

— Так давай разложим правильно...

В дверь кабинета требовательно постучали.

— Прячь! — шепотом велел Василий. — Быстро!

Гоша собрал со стола фотографии, кое-как закинул их в папку и запер в сейф.

— Открывай.

В отдел влетела Саша. Вид у нее был чрезвычайно довольный, и она чуть ни подпрыгивала от нетерпения.

— Чем вы тут занимаетесь? А? Запираетесь, ну ничего себе. Гоша, он тебя пытал? Или приставал? Ладно, вы сейчас просто попадаете! С ума сойти, что мы нарыли. С чего начать — с интересного или с самого интересного?

— С интересного, — сказал Гоша.

— С самого интересного, — одновременно с ним приказал Василий.

— Тогда я начну по порядку, — приняла Саша соломоново решение. — Значит так, пошли мы с Лизиком на чердак.

— Ты считаешь, что нам обязательно нужно знать о твоих шашнях с мужиками? — взревел Василий.

— При чем тут шашни? — Саша покрутила пальцем у виска. — И при чем тут мужики? Лизик — это моя подружка. Мы с ней сидели в засаде.

— Нет, она меня когда-нибудь доведет до инфаркта! — Василий с тоской посмотрел на Гошу. — В засаде! На кого охотились?

— На Зину.

Василий закрыл лицо руками, видимо, не найдя достойного комментария Сашиним словам.

— Зачем? — с интересом спросил Гоша. — Она нам, вроде, уже ни к чему.

— Долго объяснять, — отмахнулась Саша. — Важно то, что Зины у адвоката не оказалось.

— Так ты сидела в засаде у адвоката?

— Нет. Вась, ты что, глухой? Я же ясно сказала — на чердаке.

— Ты сидела на чердаке, а Зины не оказалось у адвоката. Логично, — похвалил Гоша. — Как математик говорю.

— Гоша, не уподобляйся, — попросила Саша. — У адвоката мы оказались потом, когда он нас пригласил на кофе.

— Он за вами на чердак пришел? — спросил Василий. — Я знаю — у всех адвокатов есть такая странная привычка — прежде, чем зайти в квартиру, обязательно посещают чердак.

— Нет, мы сами пришли к нему в подъезд. Но потом напорлись на его Жорика и попытались скрыться бегством через лоджию.

— От кого? — устало уточнил Василий.

— От адвоката. Но не удалось — он перехватил нас тогда, когда мы собирались прыгать с лоджии. Но мы успели спрятать тот конверт, который под видом саперов забрали у его соседки.

— Не знаю, как ты, Георгий, — вздохнул Василий, — а я больше не могу слушать этот бред. Она окончательно свихнулась. Любой психиатр возьмет ее с удовольствием, и еще спасибо скажет за особо интересный с клинической точки зрения экземпляр.

— Да, — вздохнула Саша, — рассказ получился сумбурный, но не суть. Главное — вот. — И она плюхнула на стол большой конверт.

— Фотографии? — спросил догадливый Гоша.

— Да!

— Неприличные?

— Не то слово!

— Про кого?

— Про Трошкина.

Гоша вытряхнул на стол содержимое пакета.

— Ага! Вот и записочка. “Времени осталось мало. Немедленно объявите публично, что не собираетесь баллотироваться, в противном случае эти и подобные снимки будут опубликованы в “Секс-моде”, как иллюстрации к статье. А запись на видеокассете будет показана по телевидению”.

— Откуда это?

— Это, — с нескрываемым торжеством произнесла Саша, — принесла и пыталась подsunуть под дверь квартиры адвоката... — Она сделала эффектную паузу. — Какая-то тетка в шляпе!

— Интересно, — Василий вскочил и принялся бегать по кабинету. — Очень интересно. Так значит, Гошечка, все-таки Иратов. Все-таки Трошкина действительно шантажируют.

— Почему обязательно Иратов? — запротестовала Саша. — Трошкина все не любят. Мы с Лизой решили, что это либо Ценз, либо Симкина. Во всяком случае, я эту тетку, которая сегодня приходила, точно знаю, но не могу вспомнить, кого из них она мне напоминает.

— Ты в своем репертуаре, — нахмурился Василий. — “Я ее точно знаю, только не знаю, кто она”.

— Саня, девочка, давай-ка еще раз повспоминаем, как там было в “Роще”, — взмолился Василий.

— Я услышала крик — “убили, убили”, и сразу вышла.

— Иратов уже пришел к себе?

— Нет, он пришел позже. Сначала я увидела его жену. Она сидела на полу около своего номера, плакала и просила позвать мужа. А Иратов пришел минут через пять, и мы зашли к ним в номер.

— Сразу зашли?

— Да, он меня буквально втолкнул внутрь. Потому что я испугалась, когда его увидела, я-то думала, он мертвый, а он ре-

шил, что я испугалась его в том смысле, что он убийца. Он на меня заорал, он вообще был очень нервный, и когда открывал дверь, руки у него просто ходуном ходили, он все не мог попать ключом в скважину.

— Он открывал дверь ключом?! — хором спросили Гоша и Василий.

— Да. А должен был топором? — удивилась Саша. — Почему вы спрашиваете?

— Потому что... — Василий широко улыбнулся. — Потому что... ты себе не представляешь, как это важно. И как мне, дураку, раньше такая простая мысль в голову не пришла? Я, кажется, знаю, кто убийца.

— Я, кажется, тоже, — подхватил Гоша. — А значит, мы вот что сделаем...

Ловушка

— Я собрал вас, господа, — хмуро произнес Василий, — чтобы в последний раз воззвать к вашей совести.

Присутствующие переглянулись. Элеонора Симкина испуганно втянула голову в плечи, Татьяна Ценз с отсутствующим видом принялась рассматривать потолок, Трошкин нагло усмехнулся, Иратов пожал плечами, а его жена тихо вздохнула.

— Я уверен, я убежден, что кто-то из вас знает, где Григорчук хранила свой архив. Полагаю, что те из вас, кто не замешан в убийстве, заинтересованы в том, чтобы убийцу нашли. Состав участников нашего сегодняшнего разговора не случаен, вы все, вне зависимости от того, как каждый из вас относился к убитой, достаточно близкие ей люди. В особенности вы, Александр Дмитриевич, — Василий кивнул Трошкину, — и вы, Людмила Михайловна, — он повернулся к Иратовой. — Любовнику и подруге она вполне могла доверить свою тайну. Так скажите, черт побери, где бумаги?

Все молчали.

— Хорошо, попробуем еще раз, — все больше раздражаясь, сказал Василий. — Вот вы, Александр Дмитриевич, почему ничего не сообщили следственным органам о том, что вас шантажируют.

— Меня? — Трошкин изумленно посмотрел на Василия. — Меня?

— Ну не меня же, — ядовито ответил Василий. — У меня, слава Богу, совесть чиста.

— Какое совпадение! — обрадовался Трошкин. — У меня тоже.

— Так вас не шантажировали в последнее время?

— Бог миловал. — Трошкин потупил глаза.

— Не надо, Саша, — вступила в разговор Ценз. — Не кривляйся. Я рассказала капитану о конверте, который тебе прислали.

— Каком конверте? — Трошкин посмотрел на Ценз с презрением. — О чем ты, Таня?

— Скажите, — спросил Иратов, — а зачем вам архив Григорчук? Не хватает в жизни острых ощущений? Охота посмотреть на веселые картинки? Я понимаю, зачем архив нам с Трошкиным, и, по идее, это мы должны его искать, а вам-то зачем? Или вы думаете, что Света догадывалась, кто может ее убить, и оставила там свою предсмертную записку?

— Нет, — покачал головой Василий. — Мне безразлично, что изображено на картинках, но мне важно, каких картинок в архиве не хватает.

— Не понял.

— Судя по тому, что часть документов, касающихся личной жизни Александра Дмитриевича Трошкина, кто-то любезно предоставил в его распоряжение и вежливо попросил не участвовать в выборах, этот кто-то в архив слазил и кое-что оттуда изъяс. Если мы найдем архив, то сможем вычислить убийцу.

— На что вы намекаете?! — взвился Иратов.

— Никто мне ничего любезно не предоставлял, — холодно сказал Трошкин.

Василий отмахнулся от них, как от мух.

— А как же вы вычислите убийцу? — тихо спросила Симкина.

— Методом исключения, — охотно ответил Василий. — Вы, Элеонора Генриховна, надо полагать, лучше других знаете, насколько аккуратна была ваша подчиненная Григорчук в ведении дел. По нашим данным, на каждую свою жертву она заводила папочку, в которой хранились тексты статей, фотографии и видеозаписи их... их развлечений.

Симкина кивнула.

— На случай, так сказать, возможных судебных исков. Так вот, сейчас в архиве не хватает как минимум одной, а скорее двух папок. Если мы найдем архив, круг подозреваемых сузится до этих одного-двух. Тех, чьих папок не хватает.

— Я полагаю, — скрипучим голосом заметил Трошкин, — что там не хватает папок с компроматом на большую часть мужского народонаселения нашей страны. А это, позвольте заметить, довольно широкий круг подозреваемых.

— Не передергивайте, Александр Дмитриевич, — поморщился Василий. — Вы хорошо понимаете, что я имею в виду.

— А действительно, — вступила Ценз, — если убийца забрал из архива свою папку, как вы узнаете, что она там была?

Василий помялся и, как бы нехотя, сказал:

— Мы обнаружили в рабочем кабинете Григорчук опись архива.

— С фамилиями?! — раздалось несколько голосов.

Василий горько вздохнул:

— Если бы. Но зацепка есть.

Он прошелся по кабинету, остановился у окна, повернувшись спиной к присутствующим:

— Не знаю, стоит ли сообщать вам... А с другой стороны... Надеюсь, благоразумие все-таки возьмет верх. Ладно! — Василий решил. — Согласно описи документов, в архиве находилось девять папок. Из них семь — отработанный материал, то есть статьи об этих семерых несчастных уже опубликованы, и похищать документы не имело никакого практического смысла. Остаются двое. Один — присутствующий здесь Александр Дмитриевич Трошкин, другой — неизвестно кто.

Все посмотрели на Трошкина. Он гневно дернул подбородком, но промолчал.

— А где зацепка-то? — спросила Симкина. — Откуда вы узнаете, кто еще?

— В архиве находились также фотографии девушек, которые по поручению Григорчук осуществляли сбор материала. Девушек, соответственно, тоже девять. Наша последняя надежда на то, что убийца в суете не взял этих фотографий. И тогда мы найдем его девушку и выясним, кто он.

— Искать девушку по фотографии — все равно, что искать иголку в стогу сена, — очень тихо произнес Иратов.

— Не волнуйтесь. — Василий широко улыбнулся. — Это ж не просто так девушки, а вполне определенного свойства. Большинство из них занесены в нашу картотеку — представительниц древнейшей профессии мы любим и проводим их перепись достаточно регулярно.

— И где же она все прятала? — задумался Иратов. — Не во дворе же закопала.

— С нее станется, — усмехнулась Ценз. — Ценность-то какая! А где вы искали, капитан?

— В редакции, в квартире. — Василий развел руками. — Нет, мы готовы провести серию повторных обысков, но не хотелось бы стены ломать, правда, Элеонора Генриховна?

— Да уж, не хотелось бы, — согласилась Симкина. — Недавно только ремонт в офисе закончили.

— Вот и попросите своих приятелей, чтобы подсказали нам, где искать. Всем же лучше будет.

— Всем — это вряд ли, — неприязненно заметил Трошкин. — Кому-то ваша находка придется очень и очень некстати.

— Я надеюсь, — сказал Иратов напряженно, — если вы найдете этот архив, то обнародовать его не станете.

— А тебе что, есть чего бояться? — хитро прищурилась Ценз.

— Мне — нет, — быстро ответил Иратов, скосив глаза на жену, — я за людей переживаю.

— Не думаю, что милиция станет что-то обнародовать, — задумчиво заметила Ценз. — Хотя утечки из милиции к нам поступают регулярно. Правда, капитан? Тем, за кого ты переживаешь, надо другого бояться — что архив уже в чьих-то предприимчивых руках.

— Скорее, все-таки, — предположила Симкина, — похититель взял только свою папку, ну, ту, которая про него. Зачем ему остальные?

— Подведем итоги, господа. — Василий посмотрел на часы. — Вы можете обсудить все в своем узком кругу, условно назовем его “друзья убитой”. А завтра с утра я сижу у телефона и жду звонка. Если вам неловко сообщать мне интересующие следствие сведения открыто, сделайте это анонимно.

— Почему ты считаешь, что визит состоится ночью? — Гоша лежал на диване, раскинув руки в стороны, и подслеповато щурился в темноту.

— Потому что днем можно напороться на нас.

— А ночью милиция крепко спит. Правильно. Потому-то у нас в стране так хорошо с правопорядком.

— Нет, Гоша, — спокойно ответил Василий, — ночью милиция выезжает на экстренные вызовы. А рутинную работу по ночам никто не делает.

В комнату заглянул Леонид и посветил фонариком сначала на Василия, потом на Гошу:

— Але, ловцы, кофе будете?

— Ты варил кофе?! — взвился Василий. — Совсем сдурел? Запах кофе может их отпугнуть.

— Не варил, а залил кипятком растворимый. А порошковые суррогаты не пахнут.

— Не пахнут только деньги, — заворчал Василий, но из кресла вылез и направился в сторону кухни.

Только они уютно расположились у стола, как затренькала рация. Василий нервно схватил ее, гаркнул: “Четвертый” и тут же обратился к оперативникам:

— По местам, мужики, уже идет.

Гоша вальяжно зашел в платяной шкаф, Леонид исчез за тяжелой портьерой, а Василий с грацией бегемота пронесся к кладовке. Все стихло. Через минуту в замке заворочался ключ, и входная дверь открылась.

Человек, зашедший в квартиру, довольно долго стоял в передней, прислушиваясь, а затем тихо, на ощупь, двинулся в комнату. Пробыв там не больше минуты, он так же тихо ушел. Дверь за ним закрылась почти бесшумно.

— На старт, внимание, марш! — скомандовал Василий, выглядывая из укрытия. — Теперь важно не напугать, а предельно расположить клиента к себе.

— Самый подходящий момент, — хмыкнул Леонид. — Лучшего случая понравиться собеседнику и не придумаешь. Интересно, что ты скажешь? Здрасьте, очень приятно, я давно слежу за вами, потому что вы мне симпатичны?

— Разговорчики!

Они вышли из квартиры и спустились на первый этаж. У дверей подъезда маячила тощая фигура молодого оперативника из районного отделения, который изображал сонного, но бдительного консьержа.

— ... просто скажите, откуда вы, — занудно бубнил он. — Такой порядок, гражданочка. Я вас не припомню, так уж будьте любезны.

— Я была в гостях, — устало говорила женщина в странном одеянии — в шляпе с широкими полями и вуалью. — Сколько можно повторять.

— Порядок такой, — оперативник тупо смотрел в пол. — Мы следить обязаны. Из какой квартиры следуете?

— Из шестьдесят третьей, — наугад бросила женщина.

— Сейчас проверим. — Коля потянулся за телефоном, а подозрительная "гражданочка", резко дернув на себя дверь, выскочила на улицу.

— Молодец, — похвалил Леонид, выходя из-за угла. — Я только сейчас понял — не ту работу ты выбрал, парень. Тебе не в ОВД надрываться, а подъезды охранять. Понятые-то где?

— Там, — оперативник кивнул в сторону двери. — Во дворе на лавочке сидят. Их ОМОНовцы развлекают.

— А, ну тогда им точно не скучно. ОМОНовцы кого хочешь развлекут, — со знанием дела сказал Василий. — Хватило бы только здоровья.

...Спустя полчаса вся компания, за исключением двух бойцов ОМОНа, производивших задержание, и двух старушек-пнятых, засвидетельствовавших список вещей, изъятых у задержанной, прибыла в МУР. В сумочке задержанной были обнаружены: косметичка, кошелек, расческа, девять женских фотографий, и две связки ключей — от квартиры Григорчук и от квартиры самой задержанной.

... Вадим бросил трубку и устало закрыл лицо руками. В его позе была такая обреченность, что у Людмилы защемило сердце.

— Что случилось?

— Ничего. — Он попытался ей улыбнуться, и сердце у нее заныло еще сильнее. — Ничего, милая. Ерунда.

— Это Светка звонила?

— Нет. — Ему не хотелось продолжать разговор, не хотелось ничего ей рассказывать. — Пойду вниз, в ресторан, мне надо там... поговорить кое с кем. А ты ложись, поздно уже.

Он ушел, а Людмила бросилась к телефону.

— Света, Света, — кричала она в трубку, — зачем ты его мучаешь? Ну зачем?

— Я его вообще уничтожу, — ответила Григорчук пьяным голосом. — Гадина, это все из-за него.

— Да нет же...

Но Григорчук уже бросила трубку.

Людмила быстро оделась и спустилась на этаж ниже.

Света открыла дверь не сразу и страшно возмутилась:

— Что вы все ко мне ломитесь? Я спать хочу, отстаньте.

— Давай поговорим, — попросила Людмила. — Прошу тебя.

— О чем? Ты из армии спасения? Пожалей моего мужа, пощади моего Вадика... Сволочь он, твой Вадик.

— Да с чего ты взяла?

— С того, что он все последние годы мне гадит. И то ему не так, и это. Смотрит волком, ухмыляется, брезгует. Как же — большой человек, шишка. Ничего, мы его шишки-то посбиваем. У меня на него такой материалчик собран — закачаешься. Кстати, тебе, как жене, будет очень интересно. Там хорошо видно, какой он примерный семьянин и высокоморальный человек.

— Это наше дело.

— Было. А теперь — наше.

— Это убийство, ты понимаешь? — тихо сказала Людмила. — Настоящее убийство. Вадим не переживет, он всю жизнь шел к этому успеху, и сейчас, когда он в двух шагах... А ты хочешь все перечеркнуть одним гадким мазком.

— Не переживет? — Григорчук хрипло расхохоталась. — И отлично. Собаке собачья смерть.

— Пожалей тогда меня. Пожалей. — Людмила неловко дернулась и опустила на колени.

— Сдурела? — Григорчук икнула и равнодушно отвернулась. — Тебе сильно хочется стать губернаторшей? Представь, и мне тоже. И у Саши моего шансы неплохие, если я помогу, конечно.

— Не смейся. — Людмила усмехнулась. — Трошкин никогда на тебе не женится. И губернатором никогда не станет.

— И станет, и женится.

— А если станет, но не женится?

Григорчук хитро прищурилась, погрозила Людмиле пальцем и шепотом сказала:

— А у меня и на него материалчик есть. Вот так-то.

— И когда же ты его насобирала? В разгар вашего романа?

— Не-ет, — Григорчук сонно потянулась. — Раньше. Давно. Но не выбрасывать же, пусть лежит, как страховка.

Людмилу охватило отвращение, ее затошнило и закружилась голова. Она вскочила и выбежала в коридор. Добежав до лифта, она вдруг резко развернулась и побежала обратно.

— Господи, что ж я делаю? Надо еще попытаться...

Она подошла к номеру — дверь открыта. Григорчук с кем-то разговаривала по телефону — те же пьяные интонации, тот же хриплый хохот. С Вадимом! Опять! Нет, она сумасшедшая.

— Света, — позвала Людмила, — Света, ну приди же ты в себя.

— Отвали. — Григорчук страдальчески закатила глаза. — Отвали. Каждый устраивается, как умеет. И мой тебе совет — ищи себе другого мужа.

У Людмилы задрожали руки. Дура! Какая же она дура! Все всегда говорили ей, какая Светка мразь, какая она подлая и гадкая. А Людмила не хотела верить. И усердно рыла могилу Вадиму...

Ярость была такой сильной, что Людмила начала задыхаться.

— Не смей, — крикнула она, и голос сорвался. — Не смей трогать Вадима!

— Пошла вон, — сказала Григорчук неожиданно трезвым голосом. — Вон отсюда, истеричка!

И Людмила не выдержала. Она бросилась на Григорчук, толкнула, схватила подушку, бросила на ее лицо и упала сверху. Светка хрипела где-то под ней, но Людмила почти ничего не слышала и не чувствовала. Сознание стало возвращаться к ней вместе с настойчивым стуком в дверь. Кто-то колотил в номер кулаком, потом ногой.

Людмила встала, отряхнулась — человек за дверью не унимался. А потом наступила тишина, мертвая тишина, и Людмила поняла, что она в номере ОДНА. Что больше здесь никого нет. Никого живого. Она осторожно приоткрыла дверь, выглянула — коридор был пуст.

— Ничего страшного, — уговаривала она себя на бегу. — Вадим в ресторане, на него никто не подумает. На меня — тоже.

Лифт очень кстати стоял на третьем этаже. Людмила поднялась к себе на четвертый, и ей опять повезло — в коридоре тоже никого не было. Она бросилась к номеру и только в этот момент поняла, что ключа у нее нет. Она опустилась на пол и, сил сдерживаться больше не было, зарыдала.

Иратов чудом разминулся с женой. Когда она поднималась в лифте на четвертый этаж, он спустился по лестнице на третий. Через несколько секунд он распахнет дверь в номер Григорчук и увидит труп... ■

после

Кто поможет попавшим

В нашем и без того тревожном мире случаются катастрофы, о которых долгое время в России не принято было говорить, — **катастрофы сексуальные**. Именно они порождали и порождают сегодня насильников и сексуальных маньяков, потрясающих общественную нравственность жуткими преступлениями.

По данным правоохранительных органов в судах каждый год рассматривается около двух тысяч уголовных дел, связанных с сексуальными насильствами или домогательствами. Но по мнению юристов, исследующих этот вид преступлений, их подлинное число во много раз больше, так как статистика регистрирует не все факты сексуального насилия, ведь доходят до суда лишь те дела, в которых содержится эпизоды с нанесением тяжких телесных повреждений или летальный исход.

Любому преступному сексуальному деянию, утверждают врачи-сенсологи, предшествует особый душевный невроз. Его развитие предсказуемо. Излечение его, а значит, и предупреждение преступления, — возможно. Так считает известный сенсопатолог, доктор

медицинских наук, директор Института здоровья семьи **Борис Львович ВИНУКUROV**, выпустивший недавно в издательстве "Фемина" книгу "Нагая" (Истории сексуальных катастроф). Наша беседа с ним началась с анализа двух весьма характерных уголовных дел.

Обесчещенная девушка механика Гаврилова

"Герой" первой истории — механик (назовем его здесь Гавриловым), 36 лет, отец троих детей. Встретив как-то давнего приятеля на Платановой аллее города Сочи, устроил маленький праздник. Зазвал друга в кафе. Заказал угощение. И, совсем уж развеселившись, предложил двум девушкам переселиться из-за соседнего столика к ним.

Те пересели. Веселье нарастало. А вместе с ним — и уверенность мужчин в своей неотразимости. Но закрылось кафе, девушки заторопились. Разочарованный приятель укатил на автобусе домой, а механик, порядком истратившийся и уязвленный, уязвился за одной из дам — провонать.

падения

в сексуальную катастрофу?

Путь ее пролегал мимо школы. Механик схватил даму за руку, втащил ее через пролом в заборе на пустой двор, заявив: "Думаешь, я просто так тебя угощал, да?" И, повалив у забора в траву, стал срывать одежду.

Дама кричала. Но пока кто-то из близстоявшего дома позвонил в милицию, и стражи порядка прикатали на уазике с зарешеченным окном, дама была обесчещена. О чем свидетельствовали ключья разорванного белья. Механика судили. Дали ему пять лет, но, приняв во внимание легкомысленно-провоцирующее поведение жертвы, а также трех его детей и неработающую жену, наказание сочли условным.

А вот вторая история: два молодых приятеля, у одного из которых пустовала квартира, познакомились на улице в 12-м часу ночи с двумя юными особами, позвали в ресторан, но, поймав такси, привезли домой.

Особ не смутил обман. Вошли. Хлопнула в потолок пробка из-под шампанского. Звучала музыка. Выпитое подействовало странно: диван поплыл, ноги-руки стали ватными, таной эффект дает клофелин,

добавленный в шампанское. Сопротивления молодым людям они не оказали, потому как пришли в себя только утром.

Но одна из юных исцательниц приключений, впервые познавшая близость с мужчиной, призналась в своем падении маме, и на квартиру, где еще стоял неубранный стол, а на нем — бутылка с недопитым шампанским, разбавленным клофелином, нагрянула милиция. Новарных молодых людей (один из них, между прочим, женат, имеет ребенка) осудили опять-таки на 5 лет, но, как и в первой истории, учтя провоцирующее поведение их жертв, решили отменить исполнение приговора на те же 5 лет, а если за эти годы ни в чем противоправном замечены не будут, то — простить.

Откуда у них, "героев" этих судебных дел, потребность в насилии? Неужели столь провоцирующим было поведение их избранниц, что они впали в состояние аффекта?

— В обоих случаях, — говорит об этом доктор Винокуров, — мужчины совершенно игнорировали человеческую суть своих партнерш. Больно ли им? Обидно? Ос-

корбительно? Все это у насильников выведено за скобки. Для каждого из них нет другой личности, кроме своего гипертрофированного "я", которое перестает быть регулятором дозволенного и недозволенного.

— Что могло привести их к такому состоянию?

— Эгоцентризм, трансформирующий личность. Сосредоточенность только на себе, сужающая интерес к другим до примитивного потребительства, когда другой воспринимается как предмет, как средство достижения какой-то цели. Когда за счет унижения другого можно решить свои внутренние проблемы. Во втором случае проявился еще один, характерный для нынешней России фактор — синдром внезапно дарованной свободы: совсем недавно жили в системе тотального запретительства, а сейчас вдруг все стало можно!.. И вот девчонки в 12-ом часу ночи едут на квартиру к незнакомым людям...

— Нание же свои проблемы решают насильники за счет других?

— Те, чей возраст ближе к сорока, как герой первой истории, отец троих детей, переживают трансформацию сексуального сознания. Тут действует множество факторов — экономическая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне, алкоголь, вредные примеси в пище. И, наконец, главный фактор: к сорока годам у многих мужчин начинает снижаться сексуальная потенция, это закономерно. Возникает невроз ожидания неудач, робость и, как следствие, попытка преодолеть страх агрессией, неадекватными физическими действиями.

— А те, кому от 20-и до 30-и?

— За этими тянется шлейф ошибок семейного сексуального воспитания. Как-то у меня появился пациент, недавно женившийся. Был в панике. Таной молодой — и уже все признаки импотенции. Беседовали с трудом — так он стеснялся. Выяснилось: в отрочестве отец несколько раз заставлял его за тем, что называют рукоблудием. Крепко сек. Да еще приговаривал: станешь импотентом. У парня возник в мозгу стойкий очаг возбуждения: как только он пытался приступить к своим мужниным обязанностям, его парализовывал страх. Юная неопытная жена ничем не могла помочь. Помогло лечение по нашей методике.

— Но он все-таки пришел к вам... А если бы не преодолел стыд?.. В Белоруссии в 80-е годы поймали маньяка (я писал об этом), у которого на совести оназалось более тридцати задушенных женщин. Выяснилось, что в молодости у него возникли такие же проблемы, он возненавидел женщин, как-то в момент очередной сексуальной неудачи стал душивать партнершу и вдруг ощутил то, чего так долго желал. А женщина уже была мертва. Потом опыт повторился... Он впоследствии даже женился, у него было двое детей, но охота за женщинами стала его тайной жизнью.

— В том-то и дело: очень многие люди все еще не понимают, зачем нужны консультации у врачей-сексологов. Это показали и недавние опросы супружеских пар, отдохавших в южных здравницах. Об этом говорит и статистика сексуальных преступлений, которую вы приводили выше. Особенно — в подростковой среде.

"Нас воспитала улица"

"...Я с самого детства была у родителей плохим ребенком, — читаю в книге донтора Винокурова "Нагая" исповедь несовершеннолетней Светы. — А старший брат — хороший только потому, что подлиза. Ему мама верила, а мне — нет. Сейчас он зананчивает школу на "отлично", его все хвалят, а я — плохая. И никто мне не поверит, если я расскажу о его шалостях со мной, о том, как он склонил меня к сожительство... Думаете, я одна такая? Оксану изнасиловали в 12 лет в летнем лагере местные ребята. И не потому, что где-то шлялась, а пришли ночью в комнату, заранее запугав, и хором трахнули. Другая подруга — Ленка приехала к дяде на воспитание, вот он и воспитывал ее, пока не совратил. Наташа просто была пугливая, и ее во дворе изнасиловали..."

Читаю уголовное дело: случилось это в Перми. Девчонки перехватили письмо своей одноклассницы к мальчугу — признание в любви. Написано оно было неумелыми стихами, рядом нарисована ромашка.

Девочку заманили в подвал соседнего дома, сказав, будто там ее ждет мальчик, которому она писала письмо. Но там ее ждала толпа беснующихся подростков. Зажав в угол, читали вслух письмо, корчась от смеха. Она планала. Ее били — ногами. Со злобой и наслаждением. Раздели. Стали насиловать. Девчонки, давно прошедшие "школу" этого подвала, кричали ей оскорбительные слова. Мочились на ее платье. Они мстили ей за то, что она другая. Избитую, бунвально истоптанную, ее вытолкнули на улицу.

Суд над мучителями и мучительницами девочки проходил без нее — она несколько месяцев провела в больнице, и травмировать еще раз ее психику судебным разбирательством было опасно. На суде зачитывали ее показания, но обвиняемые — две девчонки-зачинщицы и несколько мальчишек ни от чего не отпирались. Бубнили: "Ну, да, так вышло. Она сама виновата. Зачем в подвал пошла?.. Че, совсем глупая?.. Не знала, зачем в подвал ходят?.."

Они себя считали умными, потому что про подвал знали все. Потом, из колонии, познав на себе всю жестность режимной жизни, прислали в Верховный суд письма о помиловании, в которых, помня адвокатские речи, повторили одну и ту же фразу: "...Мы росли в неблагоприятной среде, родители пили, дрались, нас воспитывала улица..."

— ...Народ (такое в истории случается) теряет время от времени наработанную культуру, — говорит об этом Борис Винокуров. — Были же когда-то в российской деревне незыблемые правила ухаживания, сватовства, свадебные обряды. А у дворян — культ женщины, рыцарское отношение к ней, понятия чести, любовь, наконец, из-за которой, если она оказывалась неразделенной, могли пустить пулю в лоб. Тоталитарный режим, сломав все прежнее, ничего не создал кроме запретов, ханжества, вранья. Да еще вот этой разнузданной "подвальной" жизни, где подростки превращались в обезумевшее стадо.

— *Вы видите выход из этого "подвала"?*

— Переболевший и преодолевший беду человек всегда тянется к свету. Выздоровливающий народ инстинктивно потянется к здоро-

вым формам жизни, к ее упорядочению. Восстановление утраченной сексуальной культуры неизбежно.

— В вашей книге "Нагая" мне попало утверждение, что если бы нашим подросткам в школе преподавали древнеиндийский трактат о любви "Намасутру", то сексуальных преступлений было бы меньше.

— Преподавать нужно не только "Намасутру". Включая и ее, нам необходимо создать социально-адаптированную половую культуру.

— Каким образом?

— Полной информированностью людей самого разного возраста и положения о свойствах и особенностях нашего организма в сексуальной сфере. О том, что половой акт — это отнюдь не единственная форма сексуальной жизни, которая, между прочим, начинается задолго до него — во взглядах, обмене репликами, прикосновениях... Человек должен знать, где его подстерегает сексуальная катастрофа, в какой форме она может выразиться, как избежать невротического состояния, чреватого неосознанной тягой к насилию, к внезапной агрессии.

— А человек сам, без помощи врача, сможет распознать в себе приближение такой агрессии?

— Конечно, только не каждый. Но мы, сенсологи, наждому помогаем вырабатывать свои варианты психологической защиты от такого рода напастей. Ведь все психоэмоциональные сексуальные катастрофы возникают и развиваются по определенной системе, они предсказуемы, значит, поддаются предупреждению.

— С чего, на ваш взгляд, надо бы начинать такое информирование в подростковой среде?

— Как-то, читая в одной школе лекцию о бране и семье девятиклассникам, я спросил их об эrogenных зонах. Вразумительного ответа не получил, хотя из анонимного анкетирования было известно — примерно одна треть девушек уже не девственницы. И мне тут же вспомнилась моя командировка в Индию. Меня там пригласили на урок, который вела преподавательница в строгом белом костюме с золотыми пуговицами. Она на электронном муляже учила девочек приемам постукивания, поглаживания и пощипывания всех двадцати двух стандартных эrogenных зон мужчины. Затем ее действия повторяли ученицы, и, отвечая на прикосновения их пальчиков, электроника тренажера совсем человеческим (мужским) голосом томно постанывала. Если ученица выполняла все правильно, электронный фаллос тренажера начинал реагировать, изменяясь в размерах... Но это лишь подготовка к исследованию, которое им предстоит после замужества — ведь кроме стандартных эrogenных зон есть и нестандартные. Каждый человек по своему униален, и тайны его эrogenных зон подобны тайнам Бермудского треугольника.

— То есть влечение, оснащенное знанием, и в то же время как бы осененное тайной неизведанного будет пробуждать интерес к личности другого, станет способом избавления от эгоцентризма?

— При условии одновременного вращивания в пласты общей культуры, конечно. К этому следует прибавить и особую программу просветительской работы в семьях, разработанную нами, психолого-медицинскую помощь супружеским парам, переживающим кри-

зисы сексуальной жизни, которые больше всего бьют по детям. И — аунаются потом в их подростковой и даже взрослой жизни.

Жена была в шоке недолго

Случай из практики: 40-летний, довольно издерганный мужчина (вычитываю из книги Бориса Винокурова "Нагая") рассказывает автору книги о своей драме. Жена охладела. Он, в отпуске, посоветовался с врачом. И, вернувшись домой, когда жена была на работе, точно последовал врачебному совету: принял ванну, облачился в просторную одежду, включил тихую музыку, водрузив на стол бутылку красного сухого вина.

Вот хлопнула дверь, явилась жена — учительница (в одной руке сумка с тетрадами, в другой — авоська с картошкой), и муж севшим от волнения голосом произнес приготовленную фразу: "Дорогая, я все время помнил о тебе в санатории, иди ко мне!" Жена была в шоке недолго. Бросив авоську в угол, включила верхний свет и, подойдя к мужу, вlepила пощечину. "Так вот чему ты там научился! — закричала. — Я тебе не нурортная вертихвостка, а жена. Понимаешь? Законная!.." Законные жены, по ее разумению, не должны устраивать с мужем сексуальных праздников. Законное — значит обиденное.

Такие брани, считает Винокуров, нужно срочно лечить. Вызывая на прием обоих супругов. Исправляя ошибки врачей или друзей, которым легче отбодриться первым пришедшим в голову советом, чем всерьез вникнуть в ситуацию.

Рассказываю Борису Львовичу историю своего знакомого. От за-

конного и обиденного он однажды ушел в загул: завел любовницу. Прошел год, пошел второй, а его тайный роман продолжался. Назалось, еще чуть-чуть и конец его отношениям с женой, но происходит невероятное: жена чем дальше, тем больше интересовалась своим мужем (это после 15 лет браня!), сделала другую прическу, стала иначе одеваться, даже в походные, в жестах появилось что-то новое... Или, может быть, "забытое старое"?

Словом, он так и не ушел из семьи, его многолетний тайный роман иссяк, а отношения с женой приобрели какое-то иное качество... Какое?

— В зарубежной сексопатологии есть такой термин: сексуальный спаринг-партнер, — объясняет доктор Винокуров. — Видимо, любовница вашего приятеля оказалась таким спаринг-партнером, обогатив его сексуальную палитру новыми красками. И он привнес их в свои отношения с женой.

— Тогда почему бы не легализовать эти временные браки втроем?

— Славянский менталитет такую полигамию не принимает, хотя, разумеется, бывают исключения. А вот в исламских странах четыре жены в одной семье прекрасно дополняют друг друга. На Мадагаскаре и в некоторых странах Африки наоборот: у одной жены бывает несколько мужей. Но переносить на родную почву чужие традиции, чужой семейный уклад опасно. Может возникнуть психологическая несовместимость образа жизни и среды обитания, чреватая тяжелой драмой.

— Но легализовалась же у нас проституция, а это, как я пони-

маю, тоже вариант спаринг-партнерства.

— Не совсем легализовалась, прячется пока под крышами всевозможных клубов знакомств. К тому же это отнюдь не то, что можно назвать спаринг-партнерством. Когда одинокий человек время от времени навещает проститутку, эта эпизодическая встряска ничегошеньки мужчине не дает кроме одного: дисбалансировки желез, вырабатывающих гормоны, и дисрегуляцию сосудистой системы. Ближайший итог таких визитов — инфаркт. Для организма и в этой сфере необходимо постоянство, или, как мы, сенсопатологи, называем — "условно-физиологический ритм".

— Представим: у мужа или жены длительная командировка на несколько месяцев.

— Мне кажется оптимальным японский вариант: там жена, уезжая надолго, сама подбирает себе замену, приводит женщину, с ней заключается временный брачный контракт. Уже гарантия, что за детьми догляд будет, и муж специфическую болезнь в дом не принесет.

— Боюсь, такое у нас не приживется. Хотя, кто знает, все в нашей жизни сейчас быстро меняется... А как вы, врачи-сенсопатологи, намереваетесь внедрить то, что у вас называется "социально-адаптированной половой культурой"?

— Конечно, если всерьез заботиться о здоровье своего народа, необходимо осуществить государственную программу сексуального воспитания. Мы ее разработали несколько лет назад. За это время сменилось несколько министров здравоохранения, все программу

хвалили: "Здорово придумано, что ж вы раньше молчали?" Но после похвал стали говорить о трудностях: на нее деньги нужны, комиссия специальная нужна, и с министерством просвещения согласовать надо бы. Между тем программа наша комплексная и в условиях медицинского страхования осуществимая. Но пока (а мы тем временем программу совершенствуем) все остается на уровне разговоров в министерских кабинетах.

— И в это же самое время в видеозалах, набитых подростками, идут весьма откровенные фильмы. Также своего рода "сенсуальные университеты".

— Атмосфера таких "университетов" конечно не очень отличается от "подвальных школ". Специальные фильмы необходимы, как и книги, и секс-шопы, но всему свое время и место. Заваливать лотки подземных переходов примитивной, безграмотной секс-продукцией, конечно, не дело. Стоило бы, думаю, при загсах открывать видеозалы, где и демонстрировать будущим супругам образовательные фильмы, там же продавать и специальную литературу. Мы же, как водится, бросаемся из крайности в крайность. То у нас на каждом углу можно купить секс-газету с шокирующими непристойностями, изображенными крупным планом. То вдруг милиция, по решению властей, запрещает продавать не только эти газеты, но и любые книги с обнаженной натурой на обложке.

— Ну, это наше российское свойство: или все позволить, или все запретить.

— Не думаю, что это свойство — на века. Оно преодолимо. Оно лишь продукт низкой культуры... ■

Мария АГАФОНОВА,

16 лет, г. Скопин
Рязанской обл.

* * *

Ты, как привычка, строг и неизменен,
Ты, словно чувство, истинно велик,
Ты, как душа, прекрасен и нетленен,
Могуч, силен и громок, словно крик.

Пусть сгинет все, пусть все я потеряю,
Но ты навек останешься со мной.
Я ни на что тебя не променяю —
Бесценен ты, о, мой язык родной!

* * *

Когда меня покинут те, кто прежде
Мной дорожил, кем дорожила я,
Когда на миг останется надежды
И под ногами задрожит земля,

Когда любви, светившей мне звездою,
Придет на смену злая темнота,
Исчезнет мудрость, собранная мною,
И все начнется с чистого листа,

Я и тогда не перестану верить,
Что Бог со мной, и Он меня ведет,
Что Он и для меня откроет двери
Тогда, когда настанет мой черед.

* * *

Не нужно лгать, когда другие лгут,
И верить в то, во что другие верят,
Всю жизнь ложась под тот жестокий кнут,
Что всех и вся единой меркой мерит.

Не нужно жить законами толпы
И улыбаться, если нету мочи.
Не нужно правду ставить на дыбы,
Когда ее толпа принять не хочет.

Не нужно поклоняться подлецам
В обличи всепризнанных кумиров,
И верить самозванцам-мудрецам,
И чтить поэтов с заржавевшей лирой.

Не нужно падать, если все лежат,
И умолкать, когда вокруг молчанье,

*И если где-то истину чернят,
Бросать, как все, ее на поруганье.*

*Забить себя, смешать себя с толпой,
В ней раствориться заживо, с ней слиться...
Как важно самому владеть собой
И никому суметь не подчиниться.*

МАМЕ

*Как сказать, что ты прекрасна,
Как тебя изобразить?
Я возьму-ка вместо красок
Золотую солнца нить.*

*И по небу голубому,
Между белых облаков,
Твой портрет — такой знакомый —
Вышью в несколько стежков.*

*А потом я после ливней
В руки радугу возьму
И сплету из тонких линий
Разноцветную кайму.*

** * **

*Накопившиеся обиды
Болью лягут на эти плечи.
Пусть иные уже забыты —
Мне от этого — нет! — не легче.*

*И невысказанные фразы,
И нелепые оправданья —
Тяжкий крест, незаметный глазу,
Приносящий душе страданья.*

*Все грехи мои и ошибки
Болью лягут на эти плечи:
Нерастраченные улыбки
И невымоленные встречи.*

*Бесконечные пререканья,
Телефонные монологи,
Неуслышанные страданья,
Нескрестившиеся дороги...*

** * **

*Прости меня, пожалуйста, прости.
К тебе, как к солнцу, я тянула руки.*

*Я непрощенной не смогу нести
Тяжелый груз негаданной разлуки.*

*Тебя забыть хватило б только сил
И по ночам тобой во сне не бредить.
Я знать хочу, что ты меня простил,
А в то, что ты любил, я буду верить.*

*Прости меня, пожалуйста, прости
За то, что я лукавить не умела,
И, встав преградой на твоём пути,
Я не уйти с дороги не посмела.*

*Я буду ждать, и, может быть, дождусь
Тобой небрежно брошенного взгляда.
И вот тогда уйду — не обернусь,
Твое прощенье унося в награду.*

* * *

*В звездной купели
Качается ночь.
Мысли ветрами уносятся прочь.
Сердце, как месяц янтарный в ночи:
Светит — не греет; зовет — и молчит.
Медленно-медленно падает снег.
В белом тумане теряется смех.
Души и судьбы смешались во мгле.
Время стоит на холодной земле.
Звездная россыпь, как горсть жемчугов,
Брошенных в небо на сотни веков.
В снежную пену со звоном стекла
Рухнула вечность на оба крыла.*

В доброй памяти застойные годы около киргизского озера Иссык-Куль располагалась наша военно-воздушная база. Это соседство сильно украсило быт окрестных народов, и даже не потому, что выйдя из юрты, они теперь могли наблюдать в синем небе не только орла-дурака, но и гордых железных птиц, слышать их рокот и думать о приходе цивилизации как состоявшемся факте. Нет. На указанной военно-воздушной базе обучались лётному мастерству представители дружественной Африки, которые явили аборигенам такой этнический беспредел, что те от растерянности подружились с русскими, почувяв с ними какое-то тонкое родство. Это, в свою очередь, сразу сказалось на росте кривой смешанных браков.

Майор Лялин был не против, но сильно сомневался в успешных результатах нового национального увлечения. Майор Лялин проходил на базе переподготовку на прогрессивный тип ис-

РУССКОЕ

Татьяна ИВАНОВА

ЧУДО

ребителя и часто обсуждал национальный вопрос с капитаном Удельным. Это спонтанное товарищество было вписано в славную историю базы такой головной болью, что начальник базы, заслуженный боевой генерал, уже полтора месяца как съехал на свою дачу в тридцати километрах, на берегу озера, и возвращаться не то чтобы не собирался, но личный состав начал терять надежду.

Майор Лялин не был до сих пор полковником только из-за своего философского эклектизма, позволявшего ему такое, что не снилось ни одному маршалу. С другой стороны, майор был неуязвим: он числился народным достоянием, так как внёс существенную лепту в укрепление дружбы с некоторыми странами, сбивая над их джунглями, горами и плоскогорьями что ни попадя. Все ВВС мира жаждали заполучить Лялина, но он предпочитал оставаться советским лётчиком и любить свой народ. Во всяком случае, политотделу дивизии было приятно тешить себя патриотической мотивацией Лялина, хотя он давно в

рисунок Льва Рубинкина

глаза называл замполита Иудой и часто выяснял, какие премиальные полагаются в американской армии за сбитый самолёт противника.

Капитан Удельный — нежная душа — терпеливый и тонкий, выполнял при майоре Лялине примерно те функции, которые нёс Петруха при Верещагине в известном фильме, то есть пил с ним водку из пиал и слушал за жизнь. Удельного никто не трогал, чтобы не раздражать Лялина. Род занятий Удельного на базе можно было бы определить как “стук”, но зачем так грубо? Свои обязанности он выполнял плохо, не чувствовал к ним душевного расположения. В ВВС он попал по протекции, летать так и не научился. “Пусть лучше гробит людей, чем самолёты”, — решило начальство, чье мировоззрение сложилось еще до подписания хартии о правах человека. Майор Лялин всё знал и жалел Удельного.

Лялин стремился быть всесторонне развитым человеком, не чуждался гуманитарных интересов, потому чисто по-русски неизменно напарывался на вечные вопросы и мировоззренческое смятение, от которых умудрялся получать удовольствие. Внутреннее состояние непрерывного духовного поиска заставляло его видеть в жизни ещё что-то, кроме войны и самолётов, какой-то иной свет и перспективу. Например, для кого-то обязательное посещение лекций полковника из округа было хуже каторги, а Лялин ходил как на праздник. Начальник базы однажды не вытерпел и нарочно распорядился не пускать Лялина в актовЫй зал, так он учинил такое политически подкованное разбирательство, что лучше бы окна в красном уголке поколотил. Увидев Лялина в зале, полковник из округа весь подбирался и внутренне прощался с погонами, хотя давно мог привыкнуть к невинному вопросу, сколько в армиях потенциального противника вражеский майор получает за сбитый самолёт. Он, конечно, научился реагировать строгим замечанием, что этот мелкий вопрос не имеет никакого отношения к обсуждаемой теме воспитания интернационализма в вооруженных силах (а это была обычная тема лекций), однако не мог не заметить, что зал всякий раз заинтересованно ждёт.

Другим развлечением Лялина было посещение местных свадеб. Сам Лялин был дважды в разводе, причем оба раза сбегал не он, а его жены с самыми пораженческими декларациями на устах об институте брака вообще, и об особенностях брака с Лялиным в частности. Он провожал их с понурой тоской непонятого соискателя истины, которую тщился обнаружить не в вине, так в женщинах, чередуя одно с другим в подлинно авиационных скоростных измерениях. Но свадьбы любил как торжество непуганной надежды и вечной наивности сынов и дочерей человеческих.

Одуревшие от сексуального голода молодые офицеры женились на местных довольно часто — и кто скажет, что это не лю-

бовь? — скромные и несловоохотливые киргизки пахли молоком, всем своим видом обещали небесные утехы, а когда смеялись, трогательно прикрывали рот ладошкой и опускали глаза — это уже чтобы окончательно свести с ума. Поборники расовой чистоты из числа местных неудовлетворенных парубков часто возмущались перспективой появления полукровок и пытались драться с русскими соколами. Но зов природы перебивал всё. С другой стороны, что остановит нашего лётчика, если ему надо?

Приезжайте на Иссык-Куль, известную киргизскую здравницу. Здесь белки прыгают по елям, в реках играет жирная форель, растут вкусные грибы-толстоножки, а на берегу киргизы, если захотят, могут приготовить вам порцию отменных мантов с красным, обжигающим душу и тело, перцем. После такой порции, расположившись на теплом песке у слезливо чистой воды и вдохнув особенный высокогорный разряженный аромат, можно впасть в подобие наркотического опьянения и услышать, как душа выводит нечто льстивое звонким голосом прожженной лисицы. Хороша жизнь у озера Иссык-Куль.

Продвинутые дружественные негры из числа обучающегося контингента любили эту экзотику. В свободное время они часто экскурсировали стайкой во главе с переводчиком вдоль берега, любовались ландшафтами и киргизками. Никогда не купались — холодно, и манты ели с опаской, если вообще ели. Потом садились в дивизионный автобус для возвращения на базу, толкались — смеялись, но в открытые контакты с аборигенами не вступали. То есть вели себя предсказуемо.

Между тем, был среди них один неугомонный, который вёл себя разнузданно, как американский турист. Этому всё было мало, на иссиня-чёрном лбу словно светилось — “зрелищ!”. Он норовил отбиться от компании, водил дружбу (весьма условную) с бледнолицыми, любил сесть им “на хвоста”, и, в отличие от остальных, даже изучал язык. Русские офицеры в попытках избежать ненужного интереса к себе со стороны политотдела лишний раз с этим негром не связывались. Он носил многоэтажное имя, самой произносимой частью которого было Камарра. Когда у Лялина случился филологический запал, он поймал Камарру и, пристально дыша ему в лицо, сказал:

— Уважаю твоих родителей, но имечко они тебе подбросили какое-то нерусское.

Негр с готовностью кивнул, млея от внимания к своей персоне со стороны самого Лялина, который продолжал:

— Лично я это имя в определённом состоянии выговорить не могу, а хотелось бы с тобой общаться. Вчерашняя лекция полковника из округа про интернационализм и младших братьев произвела на меня большое впечатление. Я даже не стал спорить с лектором, когда он привёл цифры. К тому же я замечаю в тебе диссонирующую с обстоятельствами интеллигентность и любознательность, которая прилична какому-нибудь ботанику, а не

боевому летчику из дружественной Африки. Вот ты сколько самолётов сбил?

Негр снова кивнул. Неподадёку (он всегда был неподалеку) тихо тосковал Удельный, предвкушая необходимость докладной.

— Военная тайна, говоришь, — погрустнул Лялин. — А сколько у вас за сбитый самолёт противника платят — тоже не скажешь?

— Дружба, — обрадовался негр.

— Лялин, пошли, — занял Удельный.

— Хреновина это, а не дружба, — не обращал внимания Лялин. — Как спросишь про деньги, все языки в задницу. А у меня чисто социологический интерес. Не хочешь про экономику, давай про филологию. Не буду лицемерить, твоё имя меня не устраивает — слишком агрессивное, как блок НАТО. При твоей интеллигентности тебе подойдёт что-нибудь культурологическое. Кальман будешь — и учти, я оказываю тебе большую честь.

Так негр стал Кальманом. Похоже, его это устраивало, во всяком случае, обид с его стороны никто не замечал. Напротив, по праву крёстного сына (или младшего брата) он неизменно приветствовал Лялина, иногда ему удавалось вступить с тем в лёгкий, ни к чему не обязывающий диалог о дружбе, любви, девушках и сбитых самолётах противника. Если Лялин не успевал вовремя смыться, диалоги всегда заканчивались навязчивыми криками Кальмана “Дружба!”.

В тот роковой день на Тянь-Шане безумствовала альпийская весна, хрустальные реки отражали пронзительную синеву и — Боже! — эта зелень, наглая зелень, её щедрая чистота и запах, увлекающая душу в сексуальную пропасть, — словом старлей Побудко задумал жениться. Его горная любовь кызылка Света (имя изменено в интересах следствия) носила смоляные косы до попы и хохотала как ручеёк. Она была местной учительницей младших классов и потому отличалась прогрессивными для киргизской глубинки настроениями. Иначе говоря, рассчитывала последовать за супругом хоть в Москву, хоть на Крайний Север, лишь бы вырваться со свободного, храни его Аллах, Востока. Все поняли: отговаривать Побудко, что травить душу мартовскому медведю — бесперспективное занятие и можно нарваться. Он был впервые в жизни влюблён, а это дорогого стоит. Света со стопкой тетрадей под мышкой в недобрый час махнула черной косой и пересекла его дорогу: Побудко был ранен этим видением по самое некуда, тем более, что не знал женщин месяца два, со времени последнего посещения базы агитбригадой из округа.

Словом, Лялин с утра начистил звёзды, а Удельный в ближайшем сельпо купил подарок: чайный сервиз и ящик водки. Когда они грузились в машину, к ним прицепился Кальман:

— Свадьба...хорошо...дружба, — заявил он.

— Какая дружба — пьянство одно, — охотно отозвался Лялин, пристраивая ящик водки, чтобы не приведи Бог, ничего не разбилось. — Я так понимаю: жена, конечно, должна быть терпеливой, но с характером — иначе можно спиться. А киргизка — традиционно забитая женщина Востока: зубами скрипнет, а кивнёт. Русскому мужику женское послушание — смерть.

— Он хочет с нами на свадьбу, — пояснил Удельный, — спрашивается со вчера. Кальмана на экзотику потянуло.

— Какие-то крайние у него настроения. Он хоть в курсе местной мифологии? По их понятиям, если чёрный человек проведёт в доме ночь, будет падеж коней и мак не уродится. Лет двести это верят.

— К ним двести лет назад негры приезжали?

— Глупости говоришь, Удельный. На чём бы они сюда добрались?

Кальман между тем продолжал увлеченно говорить о своём. В ходе дискуссии Лялин почему-то смягчил позицию.

— С другой стороны, — сказал он, — зачем ему там ночь проводить? Выпьет пару рюмок за молодых и айда на базу ножками. Пешком пойдёшь, Кальман.

— Дружба, — на всякий случай ответил тот.

— Коминтерн, — согласился Лялин.

— А что же не на машине? — вступился за младшего брата Удельный.

— Может быть, мне после всего покататься захочется.

Тут пришёл шофёр, и надо было что-то решать. Удельный пытался напомнить, что ещё неделю назад особый отдел выдал им последнее штормовое предупреждение, но Лялин только пожал плечами: "А кто им самолёты сбивать будет? Кальман?" Против этого трудно было что-либо возразить, да и не хотелось.

Армейский УАЗик с соискателями приключений прыгнул круто вниз по дороге, ведущей к посёлку, где намечалось празднование встречи двух одиночеств. До места было не больше пяти километров, а если наплевать на условности и сигануть с уступа, уподобившись птицам, — и вовсе несколько минут гордого полёта: а там, гори огнём, живём один раз, вернее, жили. Посёлок располагался по Тянь-Шаню уровнем ниже, чем база. Хорошее место: есть практикантки из Фрунзе, оснащённый магазин, только возвращаться в гору, и особый отдел часто наблюдает в бинокль.

Над посёлком уже вились вкусные дымки и доносилась задорная местная песня без начала и конца, которую дежурный акын сопровождал яростным дёрганьем пронзительной струны.

Хозяин дома почётный коневод Жумалбек Алибович Баймуканов (имя изменено вопреки интересам следствия) встретил Кальмана любезно, но без экзальтации. Что-то неуловимо изменилось в его профессионально-восточном лице, но тут Удельный предъявил сервиз и ящик водки. Вопрос был утрясён, как это ча-

сто делается на Востоке, одними жёстами и подношениями. Кальману указали на окраину стола, Лялина и Удельного подтолкнули в середину, где опустив глаза долу уже восседали новобрачные — невеста в национальном с белым набалдашником на голове и Побудко в мундире при всех регалиях, включая монгольский орден, который ему для солидности одолжил Лялин. Обряд соединил в себе киргизскую ортодоксальность и русский порыв: например, сколько ни гоняли киргизы своих женщин из-за стола, русские офицеры отказались понимать это умом и принимать сердцем. Горная свадьба со своими национальными особенностями через два часа выродилась в международную попойку под Аллу Пугачёву и крики “Дай я тебя поделую”. Было хорошо. Действо засасывало. Некоторое время Удельный ещё зорко бдил, как Кальман потребляет “Зубровку” за счастье Светы Побудко, однако события вечера скоро отвлекли его: невинность пропивали с гиканьем и свистом. Лялин несколько раз держал речи, в которых последовательно воспел отличника боевой и политической подготовки старлея Побудко, киргизский темперамент невесты и меткость советских крылатых ракет. Отдельной строкой прошёл Иуда-замполит, который при этом подавился кониной. После тоста за введение в ВВС премиальных за сбитые самолёты противника Лялин иссяк и переключился на практиканток.

Когда темнота поглотила окружающие ландшафты, а представители командования базы ретировались, чтобы не видеть это всё, вскочил Побудко, у которого свадьба наложилась на мальчишник.

— Опои меня! Утоли меня! — крикнул он, протягивая руки к молодой и упал. Света смущенно потрогала его мускулистое тело носком сапожка.

— Ни фига, — ожил Побудко, — в наряд не пойду. Мне положено три дня.

Произведённые усилия окончательно надорвали его: Побудко захрапел. Невеста выглядела разочарованной.

— Но что это? — блаженство или смерть: какой восторг, какая чувств истома, — прокомментировал Лялин. — Весенняя сказка.

Невеста прищурилась и очень по-восточному посмотрела ему в глаза.

— Друга не брошу! — тонко кричал друг Побудко лейтенант-перволеток. Несколько офицеров, сгребая со стола непечатые бутылки, нежно скрутили его, запихнули в УАЗ, который чихнул и скрылся в темноте.

— Это была наша машина, — отрешённо заметил Удельный.

— Ну и хрен с ней, — сказал Лялин. — Что тебе дороже, дура техника или совершенно живые практикантки?

С грубоватой грацией он приобнял одну из них, короткостриженную будущую фельдшерицу. Она поощрительно хмыкнула.

Другая погладила Удельного по затылку. В голове Удельного поднимались и распускались алые маки Иссык-Куля, душа тянулась к песне. Он находился в той счастливой стадии опьянения, когда рушатся оковы запретов. Совершенное, чистое чувство признательности ко всему миру захватило его, вознесло в черные высокие небеса, откуда он с умилением созерцал, как старшие родственницы невесты уносят Побудку в дом, а он вяло дергает ногой и цитирует Устав, как хохочут пьяненькие практикантки, и дорогой друг Лялин, мужественный и аристократичный, морочит им голову, балуясь американской сигареткой. Удельный поднялся выше в ночные небеса, его внутреннему взору открылись страны и континенты, все дикие олени, куропатки и негры, все нанайцы и французы, даже многострадальный иудейский народ — Удельный понял про них что-то важное, но сразу утратил мысль. Его душа готова была шагнуть в космос для обозрения высшей истины, но вмешался голос Лялина: пора лить. Позже следствие не простит Удельному именно этого горнего полёта, который и привёл к пагубному забвению своих прямых обязанностей.

Но действие сворачивалось, вернее — возвращалось в национальное киргизское русло, в котором ни русским офицерам, ни практиканткам из Фрунзе нечего было ловить. Они обговорили план совместных действий, который устроил всех: вечер предполагалось продолжить в доме практиканток.

Неожиданно их уход наткнулся на почётного коневода Жумалбека Алибовича Баймуканова, который телом преградил им дорогу и отрицательно затряс головой, что-то приговаривая по-своему, по-киргизски.

— Хорошая, хорошая свадьба, — у Лялина сделался праздничный, неестественно громкий, фальшивый голос, — вижу, что любишь, но нам уходить пора, на хауз.

— Чего ему надо? — тихо обратился он к Удельному.

— Может Побудко сплоховал? — предположил Удельный.

— Чтоб Побудко сплоховал?! Прежде их Тянь-Шань завалит-ся. В любом состоянии и из любого положения. Я своих орлов знаю.

Почетный коневод, между тем, впал в разновидность эпилептической экзальтации, стал брызгать слюной, хватать Лялина за рукав и куда-то тянуть.

— Дедушка, не трогай русского офицера за мундир, — вежливо отстранился Лялин. — Чисто дети. Русский знаешь? Нихт?

Из всех заграничных языков для Лялина существовал только недоученный немецкий, на котором он и пытался объясниться в случае нужды со всеми без разбора иностранцами, вне зависимости от разреза глаз и цвета кожи.

— Чёрный человек! Чёрный человек! — вскричал коневод. Удельный обмер. — Чёрный человек дом ночь нельзя!

Образовавшиеся вокруг киргизы стали наперебой гомонить и тыкать пальцами в композицию посреди двора. Это был Кальман. Он лежал на спине, прижимая к груди собственный ботинок, и, на первый взгляд, не дышал. Старик, вдохновлённый большой аудиторией, держал энергичную речь, все кивали, Лялин поблек, практикантки разочарованно отступили в ночь и пропали, на их место встал молодой откормленный киргиз, который к общей радости поскрёб пятерней грудь и принялся переводить.

— Жумалбек-бей хочет вы нести черный человек из дом. Вы привёл черный человек, вы нести. Жумалбек-бей говорит, его двор чистый, черный человек — грязный. Плохо.

— Вот расист, — сказал Лялин. — Кальман тоже хорош. Надо же так уделаться. Наши далеко?

— наших нет, — грустно ответил Удельный. — Наши на базе вместе с машиной. А киргизы, думаю, скоро драться полезут. Негуманный у них склад характера. Кальмана жалко.

— Не задался день, — вздохнул Лялин.

Ещё через полчаса бессмысленных разбирательств Лялин и Удельный взвалили тело Кальмана к себе на плечи и на нетвёрдых ногах двинулись по дороге, которая вела на базу. Каких-то пять километров в гору.

Первый километр дался легко. Хватило сил наслаждаться ночной прохладой и беседовать на отвлечённые темы. Ещё через два километра они поняли, что забрели не туда. Огни базы, на которые они ориентировались, не хотели приближаться, а, напротив, переместились куда-то вбок. Но Лялин и Удельный погрязли в обсуждении право это или лево. Кальман давил всей тяжестью и мешал думать. К тому же накатили первые признаки безрадостной и требовательной трезвости: надо добавить, а нечего — и начинаешь себя терзать, зачем пил, а более того — почему не заначил. Это состояние ума довело их до категорического желания сделать привал. Кстати раздался настойчивый собачий лай и звон цепи. Привыкшие к темноте глаза просматривали высокий глиняный забор, а за ним и большую крышу с телевизионной антенной. Перед сооружением лежало здоровое бревно, над которым вздрагивал маленький огонёк и тянуло сомнительным дымком: кто-то курил. Из последних сил путешественники рванули к оазису спасения.

На бревне сидел дед в ватном халате и мохнатой киргизской шапке. По ту сторону забора билась в агрессивном экстазе собака. Дед прикрикнул на неё, и та сразу угомонилась. Лялин и Удельный свалили тело Кальмана около бревна, сами рухнули рядом с дедом. Удельный нашарил в кармане мятую пачку "Явы-100". После первых живительных затяжек Лялин спросил:

— Отец, где здесь база?

Дед безответственно махнул рукой в направлении, откуда они только что появились. Дальше курили в молчании, каждый занятый своими мыслями. Дед первый покончил с подозрительной

цигаркой, отбросил её и несколько наклонившись вперед, поинтересовался:

— Ребята, что это у вас?

Надо отметить, что русское чудо, помимо описанных фривольностей, обладает особым направлением мысли, которое позволяет в минуту настоящего преобладания какой-либо потребности в считанные мгновения находить самые экзотические пути решения проблемы с тем учётом, что назавтра авось рассосётся.

— Что это у вас? — спросил дед, кивнув на беззвучное тело Кальмана. Лялица осенило.

— Мужик, хочешь мы тебе раба продадим? — сказал он.

Удельный восхищённо посмотрел на друга, дивясь, почему ему самому не пришёл в голову такой очевидный способ достижения блаженства. Дед почесал под бородой, взвешивая идею: судя по всему, она ему приглянулась. Однако в восточных традициях он решил поартачиться.

— Большой?

— Стал бы я тебе больного предлагать? — возмутился Лялин с интонацией завязатого рыночного воротила. — Выпил человек. Проспится, протрезвеет, работать начнёт. Смотри, какой здоровый.

Дед похлопал Кальмана по загривку. Тот не подал признаков жизни.

— Сколько просишь?

— Две бутылки водки, — хором ответили Лялин и Удельный.

— Водка нет, — старик поцокал языком, — самогон есть.

— Тогда три бутылки, — отрезал Лялин.

Одну из них они распили, не отходя от места, вместе с новым хозяином Кальмана: надо же было обмыть сделку. Закусывали янтарной курагой. Старик зазывал в дом, однако Лялин и Удельный были не настолько пьяны, чтобы не сознавать некоторой щекотливости ситуации: что-то неявным образом беспокоило их, какая-то смутная мысль, которую не хотелось думать именно сейчас, но заранее чувствовалось, что не отвязаться. Зато старик был спокоен и деловит. Деловитость — хорошее качество, но в применении к факту работорговли выглядит самобытно. Какие механизмы душевных движений здесь сработали: факт психологической принадлежности к более низшей общественной формации, подозрительное качество наполнителя в сигарке, общая незатейливость горного уклада жизни, или природное чувство юмора — старик не чувствовал неловкости, реализуя отсталую в сравнении с мировым прогрессом модель поведения, приобретение живой собственности воспринял как должное и даже привычное событие. Он снова похлопал Кальмана по товарным местам тела и предположил:

— Сбежит.

Лялину и Удельному пришлось принять участие в дискуссии и на эту тему. Объединенное интеллектуальное усилие довело

всех до действий совсем уж странных, если учесть, что, как минимум, два участника мозгового штурма проходили воспитание по Марксу, Энгельсу и Ленину, а также повышали квалификацию в митингах солидарности и на лекциях полковника из округа. Это не помешало им спустить с цепи Шарика и закрепить этот предмет на шее Кальмана. Шарик, хоть умри, выл и из будки уходить не хотел. Собачья жизнь научила его, что обычно вместе с цепочкой и будкой лишаешься миски: к аллаху вашу свободу, если кормить перестанут. Старик утешил его лежалой костью. “Небось отравлено” было написано на морде Шарика. Он с ненавистью посмотрел на счастливчика Кальмана, которого в это время задвигали головой в конуру.

— Теперь не сбежит, — сказал Удельный и отряхнул руки.

Это пробуждение Кальман запомнил на всю жизнь. Обоняние включилось в 7.50 утра, и не принесло привычной радости каждодневного свидания с миром. Пахло плохо, если не сказать воняло. Кроме всего, что-то давило на шею. Особенно удивили повторяющиеся прикосновения к его спине: они были остры и неприятны. Кальман приоткрыл глаза и ничего не обнаружил, кроме рябой темноты — это через доски конуры к нему полосками пробивался солнечный свет. Обдумать ситуацию не было ни сил, ни мыслей, ни времени: его потряс мощный удар по пояснице. Это дед, замучившись будить работника хворостинной, применил черенок от лопаты. Он за ноги вытащил Кальмана из будки. Цепь на шее противно гремела. Кальман ухватился за ошейник в попытке его оторвать, за что снова получил черенком от лопаты. Помимо воспитательного эффекта это событие произвело на Кальмана отрезвляющее действие. Похмельная мигрень уступила место удивительно ясному взгляду на реальность — незнакомый дом, забор, поля, горы, угрюмая собака на крыльце и старый киргиз с выражением хозяйского недовольства на лице. “Я тебя купил,” — говорил киргиз, заметно распаляясь, — “а ты не работать”. В сущности, Кальман понял его не разумом, а сердцем. Сработало что-то генетическое, загнанное поколениями хорошей жизни на самое дно негритянской души, но неубиенное и неискоренимое, страх потенциального невольника, за которым охотятся злые белые люди по всему Берегу Слоновой Кости. Он понял, что зверски продан, и внутренне мобилизовался. Почему Кальман не полез качать права или хотя бы в драку, долго оставалось вопросом вопросов. Прямого ответа никто не нашёл, осталось только смутное подозрение о принципиальной готовности негра к рабству. В ином случае, что побудило Кальмана как-то привычно безропотно сгорбиться и без завтрака, без прогулки проработать у киргиза на плантациях едва ли не до сумерек?

В какой-то момент Кальман разогнулся, чтобы вдруг заметить, как в виду заходящего солнца к ним спешно приближается

“РАФик” начальника базы с самим изрядно поседевшим начальником, Иудой-замполитом и злоумышленником Удельным на борту (Лялина смогли разбудить только к исходу суток). А за ними прыгает открытый грузовик со взводом мрачных, хорошо вооруженных солдатиков. Их захватили на тот случай, если рабовладелец вздумает отстреливаться. Минуты две Кальмана душили пронзительные слёзы. Потом он бросил мотыгу, вскинул руки и заорал на всю округу: “Дружба!!!”

Принимая к сведению заслуги Лялина, историю следовало бы замять. Бойтесь природы, берущей своё, а так: чего не бывает, все через что-то прошли. Интернационализм — материя неоднозначная и тонкая, а потому часто рвущаяся. Так бы всё и было, не окажись Кальман наследным принцем одной маленькой, но злопамятной африканской страны с перманентными тенденциями отхода от соцлагеря. Чтобы удержать её в правоверном лоне, пришлось подарить “Миг-23”, а Лялина и Удельного уволить из Вооруженных сил без выходного, заметьте, по-собоя.

Ну, этот “Миг-23” не пошёл Кальману впрок. Заметив дисбаланс в военной технике, сопредельные африканские государства тоже стали вооружаться. Гонка вооружений привела к приграничным конфликтам по поводу передела территорий. Это в свою очередь спровоцировало установление на родине Кальмана сугубо диктаторского режима под его же руководством. В этом качестве Кальман, что-то припомнив, порвал с Советским Союзом, что, может быть, и к лучшему. За годы правления Кальман зарекомендовал себя отъявленным коррупционером и палачом. Народная молва настаивала даже на том, что он время от времени ест своих министров: те часто и бесследно пропадали. Чаша народного африканского терпения переполнилась года через четыре такого экстремального правления. Кальман был зарезан своими бывшими соратниками в будуаре белой наложницы.

Капитан Удельный без сожаления расстался с армией, некоторое время писал стихи, но смутные времена разбудили в нём старые навыки. Он превратился в поджарого банковского службиста, который теперь блюдет уровень лояльности в целой финансовой империи и принимает на работу исключительно своих, из бывших.

Майор Лялин после этой истории два месяца лежал на диване в своей московской квартире и перебирал ордена. Потом он исчез. Теперь, когда он отдыхает на огромной террасе своей африканской резиденции и ловит запах океана, а чернокожий слуга Кальман-12 подаёт ему кофе — в эти благословенные минуты бывший майор Лялин любит в качестве развлечения принимать от местного министра обороны отчёт с театра военных действий. Лялин сам не летает, но советник из него получился — нарасхват. Дело в том, что он давно выяснил цену сбитого самолёта противника.

Николай ЗУЕВ

Фото автора

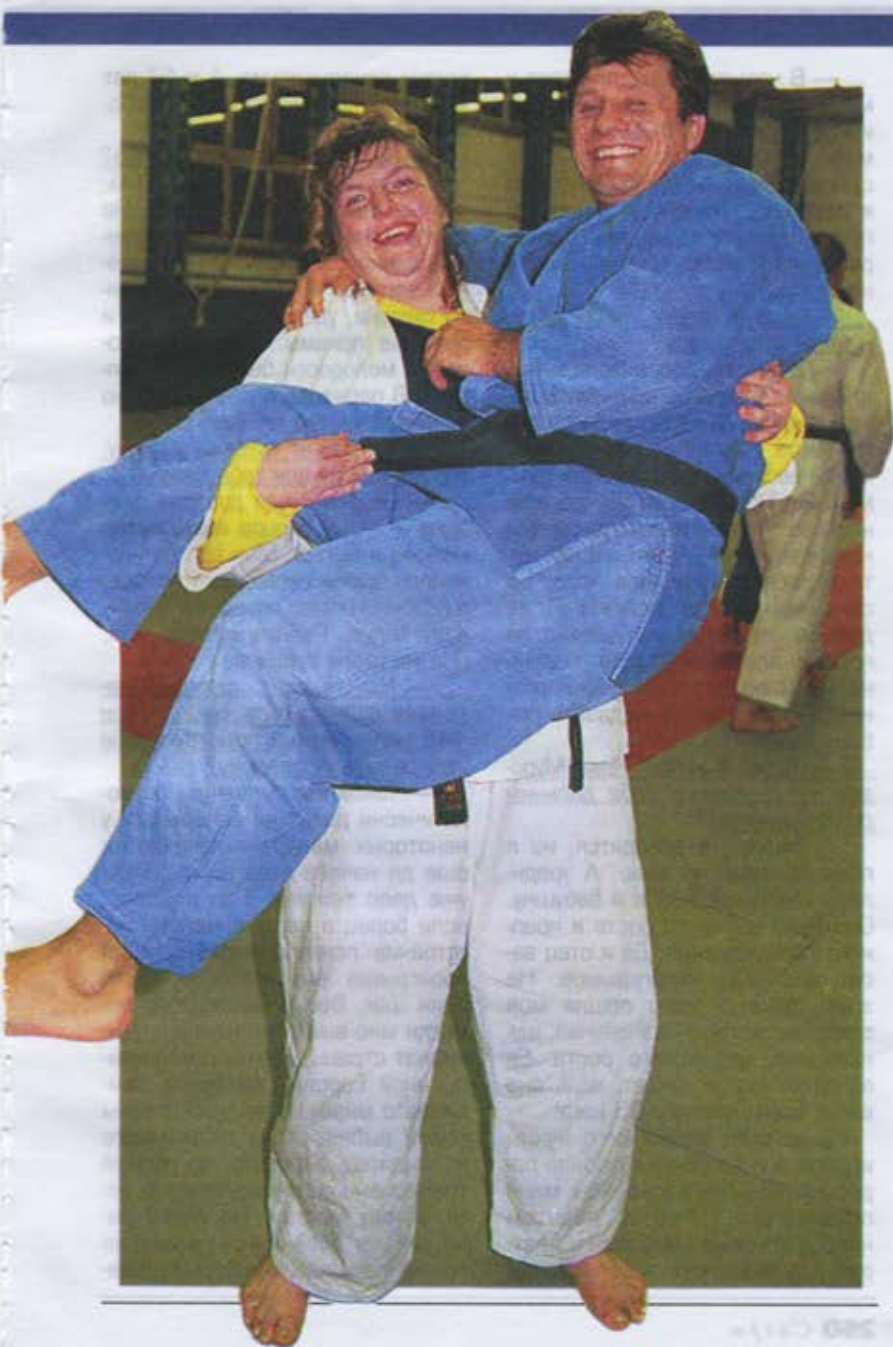
ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНО БЫТЬ

МНОГОГО

С нами только женщинами не приходится встречаться журналисту (по работе, естественно!) — с высокими и маленькими, полными и худыми. А вот Светлана Гундаренко ни в одно из этих определений не вписывается. Я и не подозревал, что уви-

жу в столице девушку ростом под два метра и весом 145 килограммов! Н тому же Светлана — старший лейтенант милиции, занимается дзюдо и сумо и мечтает родить сына.

— *Света, таких, как ты, борцов, еще поимать надо...*

— В четырнадцать лет рост у меня уже был 185 сантиметров и весила я тогда 120 килограммов. На меня многие парни заглядывались в Челябинске, где я родилась. Однажды знакомый парень пригласил меня на тренировку по борьбе. С этого все и началось.

— Еще в школе, небось, силушкой отличалась?

— В детстве, пока была миниатюрной, бегала на коньках, играла в гандбол. В первом классе была выше на голову своих подружек и весила около 50 килограммов. В школе ребята из старших классов завидовали, когда на уроках физкультуры я дальше них метала диск или толкала ядро. За силу меня многие уважали. И, не дай Бог, чтобы кто-то дернул за косичку или толкнул мою подружку. Со мной разговор был коротким. По шее могла надавать любому пацану.

— Ты не в курсе, Илья Муромец не доводится тебе дальним родственником?

— Может, и доводится, но я пока об этом не знаю. А уродилась такой крепкой я в бабушку. Она была высокого роста и крепкого телосложения. Да и отец весит все 100 килограммов. Не знаю даже, в кого пошла моя старшая сестра — маленькая, щупленькая, невысокого роста. Ее от ветра порой качает, ведь она весит всего каких-то 65 кгз!

В детстве девчонки в куклы играют, а я до смерти любила бороться. Многие соперницы меня побаивались. Уже в девятом классе впервые побывала в Австрии, где выиграла свои первые в

жизни соревнования. А в 17 лет выиграла чемпионат бывшего Союза.

— За что ты полюбила дзюдо?

— Во мне было столько силы, что не знала куда ее девать. Не драться же мне с пацанами за зоны влияния. Я предпочла спортивный зал, где ежедневно проводила схватки, удержания, захваты и болевые приемы. Любимым словом в молодости было слово "иппон". В переводе с японского оно означает чистую победу.

— Ты такая мощная с виду, где же форму для тебя находят?

— Не без труда достала дзюдоги — так у борцов называются кимоно и брюки. Мне всегда нравились брюки свободного покроя, а особенно пояс, которым обвязывала талию. Ребята шутили, мол, Светна стала стройнее.

— Как говорят, хорошего человека должно быть много. Твои 145 килограммов помогают тебе выигрывать у соперниц?

— Такой вес, конечно, психологически давит на соперниц и у некоторых мандраж начинается еще до начала схватки. А потом уже дело техники. Как правило, если борец в первые минуты неустойчив психологически, то до проигрыша ему остается всего один шаг. Вес и мастерство помогли мне выиграть не один чемпионат страны. Потом стала чемпионкой Европы, призером чемпионата мира. Жаль, что травмы порой выбивают из спортивного календаря. Недавно во время тренировки получила перелом ноги в трех местах. Но долго валяться на больничной койке не привыкла. Для меня борьба слов-

но допинг, без нее уже не мыслю своей жизни.

— Тебе, наверное, требуется особое питание. Небось, на обед съедаешь с десяток котлет, три первых, настрюлю компота выпиваешь?

— Ничего подобного! Я вообще отназалась от мяса. Предпочитаю рыбу в любом виде и обожаю японскую кухню. Спортивный режим нарушаю редко, но выпить могу в хорошей компании под настроение даже водочки. Надо во всем знать меру и тогда на следующее утро голова не болит и будет приподнятое настроение, чтобы тренироваться по несколько часов в день.

— Слышал, ты участвовала в чемпионате Москвы по спортивному выпиванию?

— Было такое. В первом раунде участники выпивали по 50 граммов водки, затем по 100 и так далее. После каждого раунда нужно было спеть песню или recказать стихотворение. Большинство конкурентов отсеялись уже после четвертого раунда. Так что наряду с мужчинами мне удалось и в тех соревнованиях стать первой. Самое смешное в той истории, что после пяти рюмок я забыла название банка, за который выступала! И когда меня спросили, то быстро нашлась и сказала, что выступаю за Олимпийский комитет России. После этого в ОКР меня не ругали, ведь отстояла же в равной борьбе честь спортивно-ведомства!

— С твоими габаритами наверняка сложно передвигаться в общественном транспорте. Твою "Ниву" работники ГИБДД часто останавливают?

— Всякое бывает. Никан не причу себя пристегиваться ремнем безопасности. Или как-то забыла прикрепить к стеклу талончик техосмотра. Инспектора тут как тут. Тормозят. Но, когда выхожу к ним навстречу, моментально становятся вежливыми и веселыми. Некоторые даже телефон просят. Ведь девушка я высокая и интересная во всех отношениях!

— Ты ведь неравнодушна и к сумо. За что тебе нравится этот вид японской борьбы?

— Я сама им занимаюсь параллельно с дзюдо. Этот богатырский вид спорта у нас становится все более популярным. В Москве уже прошел первый чемпионат России по этому виду спорта. В сумо мне нравится традиционный ритуал перед схваткой, когда борец демонстрирует свои "чистые руки".

— Света, ты еще и чемпионна мира по боям без правил. Не надоело, что тебе часто делают больно?

— Борцу не больно, борцу — приятно! Ну, а если кроме шуток, то вдвойне приятно, что этот чемпионат мира проходил в Японии и мне удалось взять верх над хозяйкой соревнований. Потом некоторые соперницы даже заявили, что, мол, если б знали, что биться придется с Гундаренно, то от боев вообще бы отказались. Уже во время чемпионата поняла, что мне не с руни бить правой и большинство соперниц нонаутировала одной левой! В Токио провела всего четыре поединка, на три из них больше минуты не затрачивала. При таком раскладе организаторы чемпионата попросили (пообе-

щав, конечно, хорошие "призовые"), в финале с японной "повозиться". В итоге я "выделила" ей пять минут только ради того, чтобы на следующий день в японских газетах появилось сообщение, что чемпионна Японии продержалась против огромной русской пять раундов.

— Соперниц не бывает жалко?

— В профессиональном спорте все просто — или ты, или тебя. Так что здесь не до жалостей. Словом, закон джунглей — побеждает сильнейший. В боях без правил правило одно — либо тебя вынесут вперед ногами, либо соперницу. Да и деньги за победу платят немалые. В Токио я получила 50 тысяч бансов.

— А какие другие виды спорта тебе нравятся?

— Во время отдыха не могу отказать себе в удовольствии поиграть в гольф или покататься на горных лыжах. Предпочитаю крутые спуски, когда летишь с горы и аж дух захватывает. Словом, на кой же русский не любит быстрой езды.

— Света, в Америке тебя наверняка бы пригласили работать в ФБР и твой образ мог бы стать символом этой организации. А наши руководители МВД о тебе знают?

— Я уже многие годы выступаю за "Динамо" Была рядовой, сейчас дослужилась до старшего лейтенанта. В военной форме не хожу по той простой причине, что моего размера пока в армии не существует. Так что приходится ходить в гражданском, но это меня не очень огорчает.

— С такой девушкой, как ты, ребята отваживаются знакомиться прямо на улице?

— К удивлению, их мой вид совершенно не устрашает, даже наоборот. Порой еле сдерживаюсь, чтобы не оторвать какого-нибудь крутого или нахального парня от земли. Не могу же я всем объяснять, что мне нравятся крупные ребята. Скрывать не буду, у меня нет проблем с поклонниками. И от одиночества я не страдаю.

— Страх тебе знаком?

— Как и любому человеку. Здорово в свое время рисковала в Чимбулане, где хотела быстро научиться кататься на горных лыжах. Риск у меня в крови. Иные лыжники сначала спускаются с простых трасс, затем переходят на более сложные. Я же люблю сразу съехать с самого крутого спуска. Друзья даже шутили, мол, ты что, смерти своей ищешь, но им не понять, что одни боятся рисковать, а другие любят страх укрощать. Я отношусь к последним. Как говорят, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Можешь назвать несколько мужчин, которые в твоём вкусе?

— Без проблем. Антер Денни де Вито и Александр Норжанов, Шевалье Нусуев и Юрий Лужнов, Леонид Янубович и Александр Карелин, Александр Лебзяк и Андрей Чемернин.

— У тебя есть мечта?

— Даже две. Хочу иметь дома огромных размеров аквариум с множеством рыбок. А по большому счету хочу родить сына. Из него наверняка вырастет богатырь, похожий на сказочного Илью Муромца.

Добрые волки с голубыми глазами

Борис СМИРНОВ

Характер в упряжке

Солнечный морозный день — для прогулки по лесу погоды лучше не придумаешь. Но привычной тишины не было — неподалеку как-то странно лаяли собаки. Они не голосили истошно, призывая хозяина прогнать от ворот чужака, не жаловались на судьбу протяжными подвываниями, а отрывисто и гортанно переклипались, словно разряжая в лае свои бурные чувства. Сквозь лесок по снежной тропинке я вышел к Битце. Там, на льду запруды, пестрели фигурки лыжников, многочисленные зрители толпились по контуру стартового коридора... Лыжные гонки? Но при чем здесь лай

собак, перекрывающий все звуки вокруг?

Передо мной стояла "Волга" с необычным прицепом — самодельной клетной на колесах. В отделениях ее сидели необыкновенно красивые собаки. Таких я никогда не видел: средних размеров, шерсть белая, со светло-серыми узорами, мордочки по-волчьи треугольные, а глаза... потрясающей голубизны! Большие, чистые, как льдинки, зрачки спокойно следили за проходящим мимо человеком, и, кажется, смотрели они на меня вполне доброжелательно. Эти волки с голубыми глазами восседали в клетках с видом дачников, отдыхающих на крылечках.

На берегу Битцы — гонки собачьих упряжек. Такой вид спорта существует в Европе и Америке — и вот он, пожалуйста, у границы Москвы! У старта готовилась сорваться с места очередная упряжка. Небольшие, около метра длиной, легкие сани с высокой спинкой-дугой, за дугу держится спортсмен, одной ногой он прижимает тормоз на санном полозе. Спереди к саням прикреплена длинная веревка, а к ней по обе стороны пристегнуты короткими постромками собаки —

такие же "голубоглазые волки", как те, в прицепе. Здесь их пятеро. Стоят неподвижно, тихо, смотрят прямо перед собой, а вожак обернулся и следит за хозяином. Взлетает красный флажок, что-то резко вскрикивает наяр, — и собаки с лаем бросаются вперед. Вот он, отрывистый, так поразивший меня азартный лай! Наяр, держась за ручку, бежит шагов десять за нартами и едва успевает вскочить на полозья. Вперед, вперед! Снег летит в стороны, кричат зрители, дружно лают собаки стоящих поодаль упряжек...

А на старте — новая упряжка. Здесь собаки разношерстные: вот угольно-черный доберман, вот

здоровенная восточноевропейская овчарка... И ведут они себя иначе: нервно повизгивают, суетятся. Если участник за предстартовые минуты не успевает утихомирить своих собак — упряжка отстраняется от забега. Это в расказах Джена Лондона каюры все время "охлаждают" своих псов то бичом, то длинным хлыстом; нынешних ездовых собак категорически запрещено не только бить, но даже замахиваться на них! Иначе — дисквалификация. То-то я смотрю — помощник каюра даже присел перед одной из собак, гладит ее, уговаривает...

Трасса — широкая, метров в десять дорожка, выгороженная флажками по просекам, полям и горнам. Как каюрам удается не запутаться в кругах, управляя собаками только с помощью команд да тормоза, — им одним известно. Вот одна из упряжек "промахнула" поворот, спортсмен улетел с нартами в глубочайший снег и собаки проволочили его метров пять, пока сами не завязли. Делом считанных секунд было — подпрыгнуть к собачьему клубку, распутать, развернуть упряжку и самому чуть не на четвереньках вытащить нарту на трассу, поставить на полозья — и бежать вперед, пока псы не наберут скорость. Рядовой случай...

Для собак эти гонки — у каждой на морде написано — удовольствие! Есть среди них спринтеры, которые "выкладываются" на коротких дистанциях в 5 или 10 километров, а есть прирощенные стайеры, которые умеют беречь силы и ровно бежать десятки километров, да еще сохраняют способность наращивать скорость на финише. Конечно,

очень многое зависит от тренера-хозяина — он должен знать особенности породы, умело подобрать четвероногих партнеров, ну и, само собой, побегать с упряжкой не один сезон.

Финиш. Судя по бурной реакции зрителей, время очередного участника хорошее. Но он, не обращая внимания на поздравления, делает несколько шагов вперед и буквально валится на колени перед вожакон упряжки. Пес, приподнявшись, кладет ему лапы на плечи, жарко дышит в лицо, и в такой позе оба застывают на несколько секунд...

Россия — родина хаски?

...До метро меня предложил подбросить на машине президент московской кинологовической федерации Вадим Кириллович Громов.

— Вы только не бойтесь, у меня с собой собака, но она спокойная — предупредил он.

Я заверил, что буду даже рад таному соседству. На сиденье "днипа" лежал... ну конечно же, пес с голубыми глазами!

— Это хаски, — представил Вадим Кириллович.

— Илична таяя?

— Нет, порода, — рассмеялся хозяин. — Название "Сибирский хаски" утверждено аляскинским Кеннел-клубом, нахется, в 1930 году. Там эта порода была в то время необычайно популярна. Организовался даже "Клуб сибирского хаски Америки". Собана специально создана для ездового спорта — сильная, выносливая, незаменимая в упряжке. Удивительно понятливая. Любит быть в обществе человека — и даже слишком: считается, что сторож из хаски плохой, потому что и к хозяевам, и к незнакомым людям эта собана относится с полным доверием.

— Надо же, какие характеристики! Заполучить себе — просто мечта...

— Но только если собираетесь заняться ездовым спортом. Во-первых, порода дорогая, сотни долларов за щенка. Второе — этой собане ежедневно нужны большие физические нагрузки, без них хаски деградирует. Третье — характер у хаски независимый, любит свободу, может запросто под забором лоды сделать, а держать на цепи такой энземплар, сами понимают. Пло-

хо переносит тепло, а вот холод — прекрасно, в квартире ее грешно мучить. Если оставить хаски в одиночестве хотя бы ненадолго — изведется от тоски по человеку, всю мебель запросто изгрызет...

В какой-то момент разговора я почувствовал, что в запястье мне уткнулся прохладный плюшевый нос. Я погладил пса по упругой шерсти, он шумно вздохнул и стал осторожно забираться ко мне на колени. Так мы с хаски и добрались до метро, словно давние друзья. В самом деле, замечательная порода!

История хаски — это, помимо кинологических аспектов, горестная повесть о еще одной "мелочи", утерянной Россией.

В 60-70-х годах бывал я на Чукотке и Камчатке, и тамошние собаки меня, помнится, просто очаровали. Огромные, пушистые и очень добродушные. Я удивлялся: почему это одни собаки свободно разгуливают по поселкам, а вот другие псы сидят у домов на привязи все лето? Хозяева объясняли: надо понимать, какие собачки подходят для охоты, какие — помогать оленей пасти, а те, что на привязи сидят — для упряжки. Собрать хорошую упряжку — это, однако, очень трудное дело. Уметь надо!

В самом деле: у чукчей, эскимосов, норянов, юнагиров, ительменов и других народностей Севера веками накапливались навыки, которые мы называли бы "селенционной работой". Как отобрать самых жизнеспособных щенят, вырастить их, обучить работе в упряжке; каких — отбраковать, каких — держать на привязи, когда какую особь отпустить в тундру, чтобы спарить с волком...

Все в том мире было сбалансировано, и это равновесие сохранялось... до продажи Россией Аляски. В 1880 году на Аляске были обнаружены месторождения золота, и в суровые пустынные края хлынули потоки искателей богатств и приключений. Для огромной армии добытчиков золотого счастья потребовалось множество ездовых собак: другого сухопутного транспорта там просто не существовало. Ловкие предприниматели стали привозить этот товар огромными партиями из России, с Камчатки. В последний раз им удалось это сделать аж в 1930 году...

На Аляске была, правда, и своя, местная ездовая порода — так называемые маламуты, но российские "переселенцы" оказались легче, подвижнее и работоспособнее, что очень нравилось американцам. Особенно тогда, когда золотоискатели увлеклись гонками на собачьих упряжках — это прекрасно описал Джек Лондон. Побеждали, как правило, более скоростные "сибиряки" — и лучшие из собак стали цениться в сотни долларов. Неный норвежец Леонард Сеппала — самый знаменитый, самый скоростной каюр Клондайка и всей Аляски — на торговле российскими ездовыми собаками сделал себе неплохой капитал. Как раз в его питомнике и были выведены хаски — потомки родившихся на Колыме, на Камчатке и Чукотке чемпионов клондайкских гонок, собаки с волчьей кровью и с голубыми глазами.

Кстати, есть мнение кинологов: голубые глаза у северных ездовых собак — это, так сказать, брак породы. По сей день "на-

родные селенционеры" Чунотки, Намчатки, Таймыра и других регионов нашего Севера стараются избавляться от голубоглазых щенков, так как шерсть у них не такая густая, как у темноглазых собратьев. Законы бытия здесь по-прежнему суровы, и красота, улы, порой в расчет не принимается...

А история хаски развивалась совсем по другим правилам — вернее сказать, по законам моды. Понорив Аляску, где "золотая лихорадка" пошла на убыль, экзотическая порода собак захлестнула к середине XX века Канаду, США, переночевала в Европе. Дело в том, что ездовой спорт стал очень популярен во многих странах мира, но только не в России. Почему? Никто толком не знает... Правда, на Чунотке как ездили на собачьих упряжках, так и продолжают ездить, и продолжают устраивать, по древним традициям, гонки упряжек. (Жаль только, что чунотские спортсмены лишены финансовых возможностей участвовать в знаменитой международ-

ной гонке "Айдитарод", проводящейся на Аляске.) Интересная марафонская гонка на собаках "Беренгия" проводится в последние годы на Намчатке. И... все, если говорить о нашем Севере и о гонках по международным правилам.

Между тем уже во многих странах, где ездовых собак раньше и в глаза-то не видели, теперь регулярно проводятся такие соревнования. Заграничные любители объединились в международной федерации, организаторы гонки стали получать огромные барыши, а мы... Нам оставалась лишь живописная историческая легенда о том, как "собачий ген" уплыл с наших восточных берегов на Аляску, пересел американский континент и через другой океан, через Европу вернулся, наконец, в Россию уже с запада. Всего за сто лет!

Доживем до побед?

Впрочем, с недавних пор у нас во всех этих "собачьих" воп-

росах произошли большие перемены. Возрождение (или рождение?) ездового спорта России состоялось в 1998 году... нет, на самом деле это случилось раньше, в 1996-м: в Москву тогда приехали канадские гонщики и устроили показательный пробег собачьих упряжек от Москвы до Петербурга. Кто-то из московских "собачников", как их презрительно подчас называют, увидел гонки по телевизору и решил самостоятельно заниматься этим спортом. Созвонились, договорились, нашли иностранные журналы с картинками, раздобыли правила соревнований, самые "рунастые" занялись изготовлением по картинкам некоего подобия нарт, собачьей упряжи... Объявились любители из Подмоскovie, Нижнего Новгорода, и в 1998 году удалось провести на озере Селигер первый чемпионат России. Нынешней зимой он пройдет уже в пятый раз. И, наверное, снова среди лучших будут спортсмены с Камчатки — семья Сергея Панюхина, бывшего летчика, а теперь гонщика международного класса.

Появились в разных регионах страны питомники, в которых начали выращивать ездовых собак — без этого спорт был бы попросту несостоятельным. Например, питомник "Анулова гора" в подмосковном Пушкино создали супруги Уваровы: Любовь Викторовна — бывший научный сотрудник, Владимир Евгеньевич — бывший водитель. Сейчас они занимаются селекцией, выращивают и тренируют хаски, Владимир и сам выступает в соревнованиях и неизменно побеждает, а сын Уваро-

вых Саша — уже чемпион России.

Спортивный клуб ездовых собак возглавляет Татьяна Александровна Очкова — она была в числе тех, кто начинал с памятного примера канадцев. Кинолог Екатерина Богословская создала питомник по воспроизводству чукотских ездовых и ненецких оленегонных лаек "Северная собака". Мастера спорта Анастасия и Леонид Левинские, Константин Кондратьев были лыжниками-гонщиками, а теперь "гоняются" только вместе с собаками и тренируют подростков в подмосковном городе Пересвет. Недавно Анастасия Левинская добилась звания чемпиона России в своем новом спортивном амплуа.

И еще два факта. "Фирменное" увлечение надетов 3-го московского надетского корпуса — воспитание ездовых собак и гонки. Скоро, надо надеяться, будут и успехи в этом деле, предпосылки к тому уже есть. А в московском детском доме № 39 военнослужащий Сергей Алейников два года назад организовал для ребят спортивный клуб "Добрая воля", привел туда двух своих ездовых собак, еще двух хаски подарили "от имени внутренних войск" друзья Сергея, несколькими собаками поделился с детдомом Сергей Малышев из клуба любителей российских собак "Гард"... Эти примеры — из ряда многих и говорят они о том, что будущее новому для нас виду спорта, кажется, обеспечено. Стоит поторопиться, тем более, что одна из разновидностей гонки на ездовых собаках уже включена в программу зимних Олимпийских игр. ■

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и в первом полугодии 2002-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 36 руб., за три — 108 руб., полугодовая подписка — 216 рублей (по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера 35 рублей, такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 30 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

Наш адрес: Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам
257-30-55, 257-31-37
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров
по рекламе.**

...и дискотеки

С выходом в начале прошлого года альбома "Затурбись!", группа с не менее экстравагантным названием "Турбомода" сразу же стала символом "поколения XXI века". Без их песен не проходит ни одна вечеринка. Песня "Только ты" оказалась в ротации радио "РДВ" и "Русского радио", попала в тридцать сборников танцевальной музыки, "Позови" вошла в первую десятку хит-парада "Золотой граммофон", а "Зачем покинула меня" без конца крутят на дискотеках. Эти песни уверенно держатся в чартах многих радиостанций, без них не обходятся и крупные фестивали, такие как "Песня года" и "Бомба года". И так, "Турбомода" — это Дмитрий Кохановский, он профессиональный музыкант, когда-то сочинял интеллектуальный поп, а потом увлекся танцевальной музыкой и стал писать хаус. Именно он создал груп-

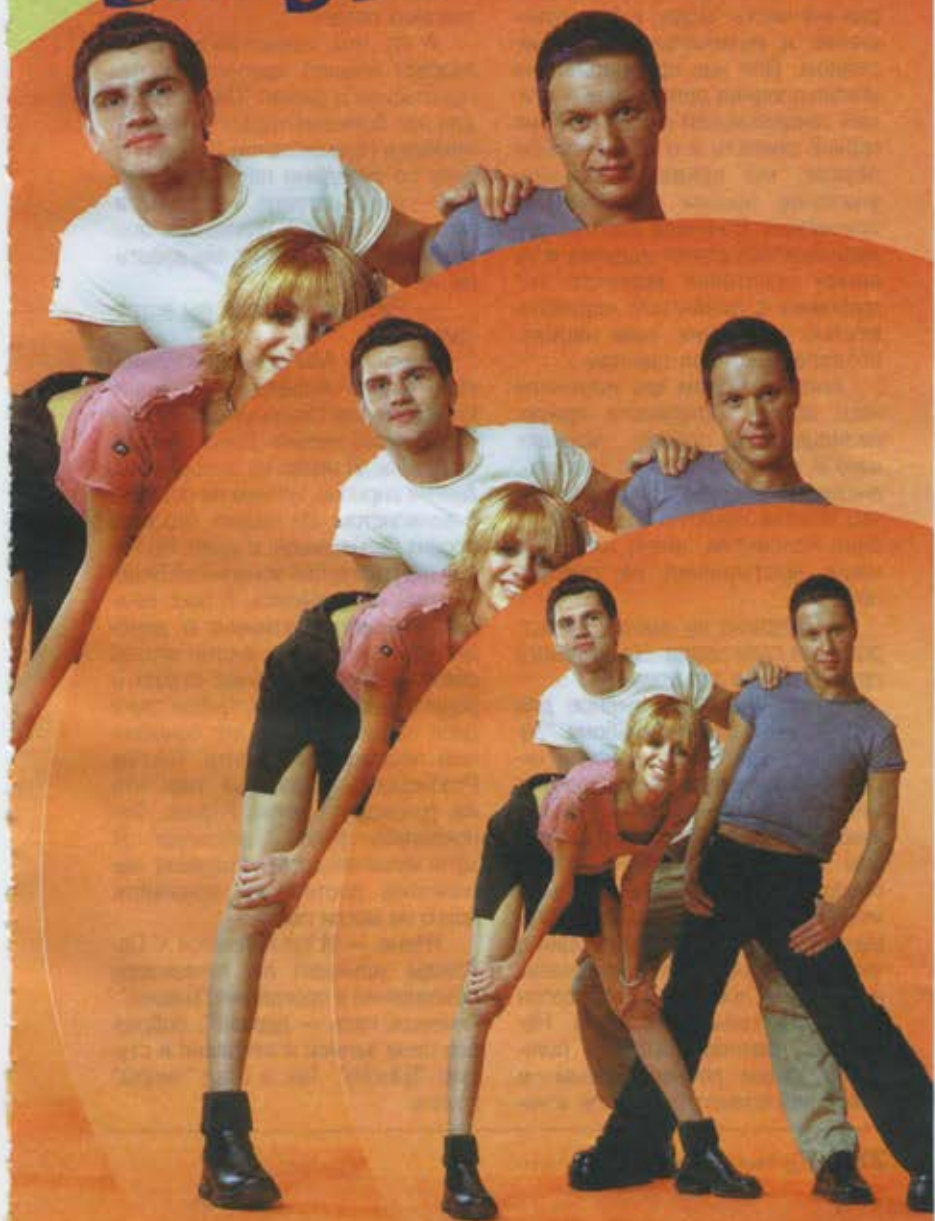
пу "Турбомода". Увлекается спортом, бодибилдингом. Играет на анкордеоне. Анна Пальцева — танцовщица, скрипачка. Увлекается модой. Следит за имиджем группы и создает концертные костюмы. А еще учится на физфоне МГУ. И, наконец — Евгений Холмский, вокалист. Закончил эстрадно-цирковое училище и музыкальную школу по классу классической гитары.

— Ребята, почему вы придумали такое странное название — "Турбомода"? Захотелось выделиться, пооригинальничать?

Дима: — Мы не из тех коллентивов, которые называют себя первым пришедшим в голову словом. Мы разработали целую концепцию, объединившую воедино стиль жизни, манеру

Затурбились!

одеваться и, конечно, музыку. Название группы состоит из двух частей. "Турбо" — это наше заводное, "турбическое" состояние души, помогающее завести публику во время выступления. Вторая же часть "мода" имеет отношение к музыкальным аранжировкам. Для нас принципиально использование современных стилей танцевальной музыки. То же можно сказать и о сценическом образе: мы придаем большое значение нашим костюмам и прическам. В начале работы придерживались стиля модного в то время сочетания военного камуфляжа с пикантной неряшливостью: цвет хаки, швы наружу, обтрепанные края одежды...

Аня: — Потом мы изменили наш образ. Придумали яркую, разноцветную одежду, мерцающую в темноте. И надо сказать, выглядим довольно гармонично, что вполне понятно, ведь мы — один коллектив, иначе на сцене наше выступление не смотрелось бы.

— *Впервые вы вышли на эстраду три года назад. Что важного произошло за это время?*

Дима: — Самое важное для нас, конечно, выход альбома "Затурбисы!". Для него написали огромное количество песен, соавтор многих из них — Сергей Жунов, участник дуэта "Руки вверх". Альбом писался достаточно долго: оноло полутора лет. За это время у меня менялось видение как собственной музыки, так и тенденций в мировой и российской танцевальной музыке, последних разработок в области технологий звука. Наверное, поэтому альбом и получился таким разноплановым: в нем присутствуют все стили и на-

правления, возможные в современной танцевальной музыке: хаус, прогрессив, джангл и даже элементы джаза. Достаточно прослушать полностью весь альбом, чтобы понять, что на нем нет двух похожих песен.

А то, что, несмотря на юный возраст нашего коллектива, нас пригласили в финал "Песня года", для нас большая гордость. Выступление в Кремлевском Дворце наряду со звездами первой величины — наша награда. Нас заметили, наша музыка оказалась востребованной — значит, мы работаем не зря!

— *Расскажите, как вы встретились?*

Дима: — Мы с Аней подружились еще в музыкальной школе. Искали выход своим мыслям и чувствам через музыку. Даже создали ансамбль. Я играл на аккордеоне, Аня на скрипке, но нам не повезло с вокалистом. Он решил, что наш проект безнадежен, и ушел. Но какая же группа без вокалиста! Впрочем, мы не отчаялись. Я свел весь накопившийся материал в демо-диск и практически пустил его по свету, в десятки разных студий и радиостанций. Через третьи руки диск попал в только что основанный продюсерский центр "B-funky Productions", известный тем, что им руководит Сергей Жунов. Так появилась группа "Турбомода". И хотя музыкального материала накопилось достаточно, вокалиста долго не могли найти.

Женя: — И тут появился я. Однажды услышал по телевизору объявление в программе "Башня": "Умеешь петь — дерзай!", собрал все свои записи и отправил в студию "B-funky". Так и стал "лицом" группы.

— В вашем репертуаре особняком стоит песня "Мама". Она как-то выбивается из дискотечного ритма...

Дима: — "Мама" действительно песня серьезная. Баллада, поднимающая вечную проблему "отцов и детей". А срежиссированный Сергеем Жуновым клип многих заставил усомниться в безнадёжности молодого поколения. Такого от танцевального по сути проекта не ожидал никто. Съёмки клипа проходили трудно и длились сутки без перерыва, так что к концу процесса все еле стояли на ногах от усталости. Был отснят огромный материал. Мы показали настоящую, чистую историю любви, без пошлости и грязи, любви, которая бывает раз в жизни и запоминается навсегда. Сейчас многие говорят, что клип получился слишком мрачным. Это не так. Просто в нем показана любовная трагедия, как она есть.

— Вы можете сказать, кто вас слушает, кто в основном приходит на ваши выступления?

Женя: — По независимым социологическим исследованиям, проведенным продюсерским центром "B-Funky Productions", сети Интернет и при участии фан-клубов, наши поклонники — молодые люди в возрасте от 14 до 20 лет. И не только в Москве и Питере, но и по всей России.

— Кто больше "виноват" в успехе вашего проекта: "Руки вверх!" или вы сами?

Женя: — Трудно сказать. Они дали нам шанс, стали нашими продюсерами и соавторами. Но и без нашего желания и упорства ничего бы не вышло.

— Как ваши близкие относятся к тому, что вы выбрали шоу-

бизнес? Ведь у вас талант и к другим занятиям.

Аня: — Родители смирились и теперь радуются нашему успеху, а моя мама даже помогает нам с эскизами костюмов. Что плохо, совсем нет времени общаться с друзьями.

— Сейчас много групп, играющих танцевальную музыку, и причем неплохую. Конкуренции не боитесь?

Женя: — Конкуренция — это, наоборот, хорошо! Есть конкуренция — есть стимул их обогнать, сделать лучше.

— Когда группа становится узнаваемой и известной, вполне естественно, про нее начинают говорить, и не всегда то, что хочется услышать. Вот и о вас говорят, что вы уж слишком похожи на "Руки вверх"...

Дима: — Естественно, мы чем-то похожи на группу, которая нам помогает писать песни и снимать клипы. У нас то же музыкальное направление, но на этом все сходство кончается.

На свете очень много людей, которые в силу своих комплексов и причин личного характера не любят и не умеют танцевать, именно они-то обычно и выступают ненавистниками танцевальных композиций и обвиняют музыкантов в примитивизме. На самом деле нужно просто поддаться радости альбома, дать захватить себя "турбовороту турбодвижения" так, чтобы ноги не могли устоять на месте и сами пускались в пляс. Нужно сказать самому себе только одно слово: "Затурбись!" и навени избавиться от страха перед танцами!

Беседовала
Ольга БЫСТРЫХ.

29—31 марта
2002 года

Всероссийский Выставочный
Центр (павильон № 5)

Организаторы: Министерство образования
Российской Федерации и Государственная
организация "Международное образование",
ОП ВВЦ "Наука и образование"

Дополнительное образование
Подготовка и переподготовка специалистов
Аспирантура
Новые образовательные технологии
Производители и дистрибьютеры
продукции для системы образования

Участники:

университеты, институты, колледжи, фирмы,
предоставляющие обучение за рубежом, кур-
сы, зарубежные образовательные организа-
ции, издательства и т.д.

Печатные издания, книги

*Традиционно в рамках выставки пройдут семи-
нары с участием российских и зарубежных спе-
циалистов, руководителей Министерства обра-
зования Российской Федерации*

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — КЛЮЧ
К ВАШЕМУ УСПЕХУ И ПРОЦВЕТАНИЮ
В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ!**

Оргкомитет выставки: тел.: 954-51-95,
тел./факс: 954-17-32, e-mail: edex@ins.ru

ГО "Международное образование"

предлагает: образовательные программы за рубежом в госу-
дарственных и частных учебных заведениях (языковых центрах,
общеобразовательных школах, колледжах, университетах) и
консультации по вопросам обучения за рубежом.

Тел./факс 954-54-14,
тел.: 954-50-47
e-mail: edex@ins.ru

NATURELLE

Варшавское шоссе, д. 17 тел.: (095) 9 555 888
www.naturelle.ru info@naturelleinc.com

Знакомьтесь, "Лита-Цвет"...

Всех почитателей продукции московской НПФ "Лита-Цвет", известной своими косметическими сериями "Прикосновение...", "Мастер и Маргарита", приглашаем познакомиться с новой разработкой фирмы — косметической линией "Лита-Цвет".

Во всех косметических средствах линии, а их — 26 наименований, присутствует "Эксолин" — уникальный, не имеющий аналогов биологический стимулятор регенерации тканей. "Эксолин" — производный коллагена, который содержит весь необходимый для кожи комплекс аминокислот, пептиды, уроневые кислоты, микроэлементы и минеральные вещества. "Эксолин", идеально усваиваясь, обновляет кожу, способствует синтезу новых коллагеновых клеток, отвечающих за упругость и эластичность кожи, обеспечивает полноценное питание и защиту кожного покрова от вредных воздействий окружающей среды.

Лита-Цвет — косметика для тех, кто хочет выглядеть молодо всегда, независимо от возраста.

Приобрести косметику "Лита-Цвет" можно в магазинах Москвы и России.

Приглашаем оптовых покупателей:

Москва, ул. 9-ая Парковая, дом 37, корп. 1.

Телефоны: (095) 965-20-38,
(095) 467-18-80, (095) 466-68-44,
(095) 165-90-01, (095) 965-05-39.

Saeco

GAGGIA

АВТОМАТИЧЕСКИЕ

КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени
помола кофе
Подогрев чашек,
таймер
Счетчик чашек

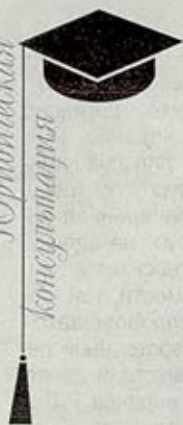
*Удивительный
эспрессо
и капучино*

**за 20
секунд**

**20 сортов
свежеобжаренного
колумбийского кофе**
Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

Хозяин — учредитель

"Нам, работникам муниципального унитарного предприятия, стало известно, что учредитель — комитет по имуществу, собирается сдать в аренду помещения предприятия без согласия последнего. Вправе ли он это сделать? Может ли муниципальное унитарное предприятие самостоятельно распоряжаться помещениями, приобретенными учредителем для этого предприятия?"

В.М.Шестаков, Орловская обл.

Статус государственных и муниципальных унитарных предприятий и особенности имущественного комплекса данных видов субъектов хозяйственной деятельности определяются положениями Гражданского кодекса РФ. Имущество государственного или муниципального унитарного предприятия находится соответственно в государственной или муниципальной собственности и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. В соответствии с п.2 ст.48, а также ст.113 Гражданского кодекса РФ правом собственности в отношении имущества унитарного пред-

приятия обладает его учредитель. Однако в данном случае правомочия собственника имущества ограничены тем, что имущество фактически выбыло из владения учредителя и находится на балансе предприятия. Распорядиться имуществом, переданным предприятию, в том числе, сдать его в аренду, собственник может только при реорганизации и ликвидации предприятия.

Что же касается возможности самого предприятия распоряжаться имуществом, переданным на его баланс, то ч.2 ст.295 ГК РФ запрещает государственному или муниципальному унитарному предприятию каким-либо способом распоряжаться недвижимым имуществом без согласия собственника.

У каждого свой налог

"В прошлом году умер муж моей матери. Дом он завещал своему сыну — моему сводному брату. Брат подарил мне часть дома как долю наследства. Должны ли с меня взимать налог за часть дома? Ведь брат уже заплатил налог за весь дом."

А.Г.Кузнецов, Воронежская обл.

Прежде всего нужно отметить, что ваш брат подарил вам часть дома не как долю в наследстве, поскольку вы не являетесь наследницей отчима ни по закону, ни по завещанию. Речь идет о простом дарении — сделке по безвозмездному отчуждению части жилого дома. В связи с этим в данной сделке применяется обычный порядок налогообложения дарения, установленный Законом РФ от 12.12.91 г. "О налоге с имущества, переходящего в

порядке наследования или дарения".

Плательщиками налога в соответствии с настоящим Законом являются физические лица, которые принимают имущество, переходящее в их собственность в порядке дарения. К такому имуществу относятся, в частности, жилые дома. Размер налога, полагающегося к уплате, определяется исходя из стоимости жилого дома, а точнее, части, подаренной вам. Так что независимо от того, что брат заплатил налог на наследование, вы должны заплатить свой налог — на дарение.

Вы освобождаетесь от налога только в том случае, если проживаете совместно с братом в том же доме и проживали в нем на момент оформления договора дарения.

Тайное становится явным

"Проживаю с мужем и двумя детьми в трехкомнатной неприватизированной квартире. Узнала случайно, что муж тайне от меня купил квартиру и собирается там жить один. Является ли купленная квартира общей собственностью?"

А.Литвиненко,
Новосибирская обл.

Безусловно, квартира, купленная вашим мужем, является общей собственностью, так как она приобретена в браке, и в соответствии со ст.34 Семейного кодекса РФ представляет собой совместную собственность, как и любое имущество, нажитое супругами во время брака. При этом не имеет значения, на чье имя оформлена квартира, или на чьи денежные средства она приобреталась.

В этой ситуации необходимо отметить также, что, согласно ст.35 Семейного кодекса РФ, есть случаи, когда для совершения сделки одним супругом требуется нотариально заверенное согласие другого супруга на сделку. К таким случаям относится и приобретение недвижимости, так как данная сделка сопровождается обязательной государственной регистрацией в соответствии со ст. 551 Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 21.07.97 г. "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним".

Поскольку ваше нотариально удостоверенное согласие не было получено, вы вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда вам стало известно о совершении сделки купли-продажи квартиры. Данное положение установлено в ч.2 п.3 ст.35 Семейного кодекса РФ. Так что у вас есть выбор: требовать оформления своих прав на половину купленной квартиры либо признания сделки недействительной и возврата уплаченной денежной суммы.

Нет сертификата — в очередь

"Моему другу — военнослужащему отказали в выдаче жилищного сертификата на том основании, что у него и его жены уже есть кооперативная квартира. Правильно ли это?"

Р.Г.Петраченко,
Свердловская обл.

Да, такое правило установлено в Постановлении Правительства РФ от 20.01.98 г. "О Федеральной целевой программе "Госу-

дарственные жилищные сертификаты". В соответствии с указанным Постановлением право на получение безвозмездных субсидий за счет средств федерального бюджета в целях приобретения жилья имеют военнослужащие, не имеющие жилых помещений для постоянного проживания на территории Российской Федерации и за ее пределами и признанные в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий. Применительно к настоящей Программе основаниями для признания в установленном порядке граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий по причине отсутствия жилых помещений для постоянного проживания на территории Российской Федерации и за ее пределами являются: отсутствие жилого помещения; проживание в общежитии и служебном жилом помещении при отсутствии другого жилого помещения для постоянного проживания; проживание на условиях поднайма при отсутствии другого жилого помещения для постоянного проживания.

Вместе с тем отказ в выдаче сертификата не препятствует получению военнослужащими жилых помещений в порядке ст. 15 Федерального закона от 27.05.98 г. "О статусе военнослужащих". Участие в Программе возможно только на добровольной основе, то есть военнослужащие имеют право, как и до утверждения Правительством Российской Федерации Федеральной программы "Государственные жилищные сертификаты", на улучшение жилищных условий, как очередники на получение государственного или муниципального жилья.

Нетрудоспособность — причина уважительная

"В текущем году я ухажу на пенсию. В прошлом году неоднократно болела. Будут ли учитываться выплаты по больничному листу при определении размера пенсии или только оплата за проработанное время?"

И. Мельникова, Тюмень

Состав заработка, из которого исчисляется пенсия, установлен в ст. 100 Закона РФ от 20.11.90 г. "О государственных пенсиях в Российской Федерации". В соответствии с этой статьей в заработок для исчисления пенсии включаются все виды выплат (дохода), полученных в связи с выполнением работы (служебных обязанностей), на которые начисляются страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. В настоящее время виды выплат, на которые не начисляются страховые взносы в Пенсионный фонд, и, соответственно, которые не учитываются при определении среднего заработка, установлены в Перечне, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 7.05.97 г. В Перечне, в частности, указаны: выходное пособие при прекращении трудового договора, денежная компенсация за неиспользованный отпуск и ряд других выплат.

Что касается пособия по временной нетрудоспособности, то, согласно п. "б" ч. 3 ст. 100 Закона РФ "О государственных пенсиях в РФ", оно включается в состав заработка при исчислении размера пенсии на общих основаниях наряду с оплатой за отработанное время.

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

1. В. СУРНОВ
 Рязань

2

2. Н. АКИМОВ
 Казахстан

б) Сg4-e8

2

3. В. ЖЕЛТОНОЖКО
 Екатеринбург

2

4. Ш. АНБУЛАТОВ
 Красноярск

3

5. В. ИВАНОВ
 пос. Повенец, Карелия

3

6. В. КОЗЫРЕВ
 Эстония

3

7. А. СЫГУРОВ
 Самарская обл.

3

8. В. КОВАЛЕНКО
 г. Большой Камень
 Приморского края

3

9. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
 Украина

3

10. Н. ВЛАСЕННО*Петрозаводск*

б) -п.д.д # 4

11. Ю. СЕРЕЖКИН*Саранск*

5

12. Л. ПРОНИН*Москва*

5

13. С. ТИАЧЕННО*Украина*

5

14. Н. КУЛИГИН*Украина*

5

15. А. ЛОБУСОВ*Москва*

9

Журнал "Смена" объявляет XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр на 2002-й год по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе устанавливаем денежные призы: первый приз 300, второй приз - 250, третий приз - 200, специальный приз - 150 рублей.

Оригинальные, нигде ранее не опубликованные задачи, изображенные на диаграммах, с полным решением следует направлять по адресу: Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП-4, 127994. Последний срок - 1 августа 2002-го года. Судья конкурса - международный арбитр по шахматной композиции Виктор Чепижный.

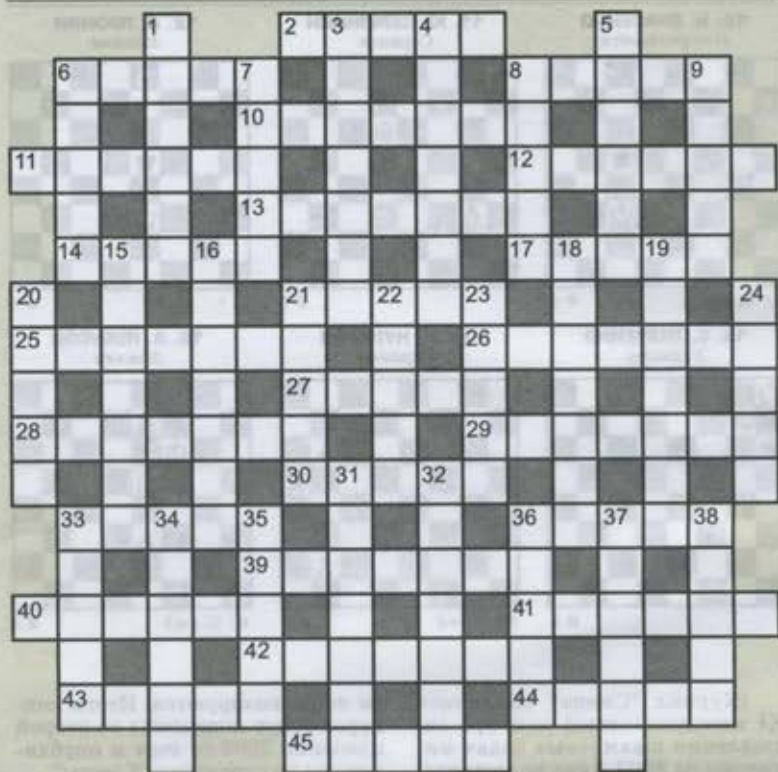
На конверте сделайте пометку "Конкурс составления шахматных задач". Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры будут опубликованы. Присланные зада-

чи не рецензируются. Итоги конкурса будут подведены во второй половине 2003-го года и опубликованы на страницах "Смены".

Приглашаем наших читателей принять участие также и в Конкурсе решения шахматных задач, напечатанных в "Смене". Фамилии наиболее активных решателей журнал опубликует. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные ответы на задачи, будут награждены почетными дипломами и годовой подпиской на журнал "Смена" на 2004-й год.

Решения задач следует посылать на открытках с пометкой "Конкурс решения шахматных задач" по редакционному адресу в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке укажите фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

К участию в наших конкурсах приглашаем всех желающих!

КРОССВОРД

По горизонтали. 2. Последняя преграда на пути к начальнику. 6. Одно из мест, где горожане тесно общаются друг с другом. 8. Немецкий романтик, 20 стихотворений которого перевел В. Жуновский. 10. Французский режиссер, ставивший, в частности, фильмы по произведениям Ф. Достоевского и Л. Толстого. 11. Немецкий архитектор и теоретик эстетики XIX века, любивший строить музеи. 12. Русский нитаевед Н. Бичурин в иночестве. 13. Бабочка, которую от любимых ею крыжовника и смородины отпугивают запахом бузины или мяты. 14. Раб азарта. 17. Титул японского императора. 21. "Пыльный дьявол" у многих народов. 25. Самая мелкая куриная птица. 26. Сила, любящая статус-нво. 27. Судовой деревянный блок без шнива. 28. Римский оратор и писатель древности, которому писал дружеские письма Петрарка, не находя понятливых в своем времени. 29. Теленок самого крупного нашего

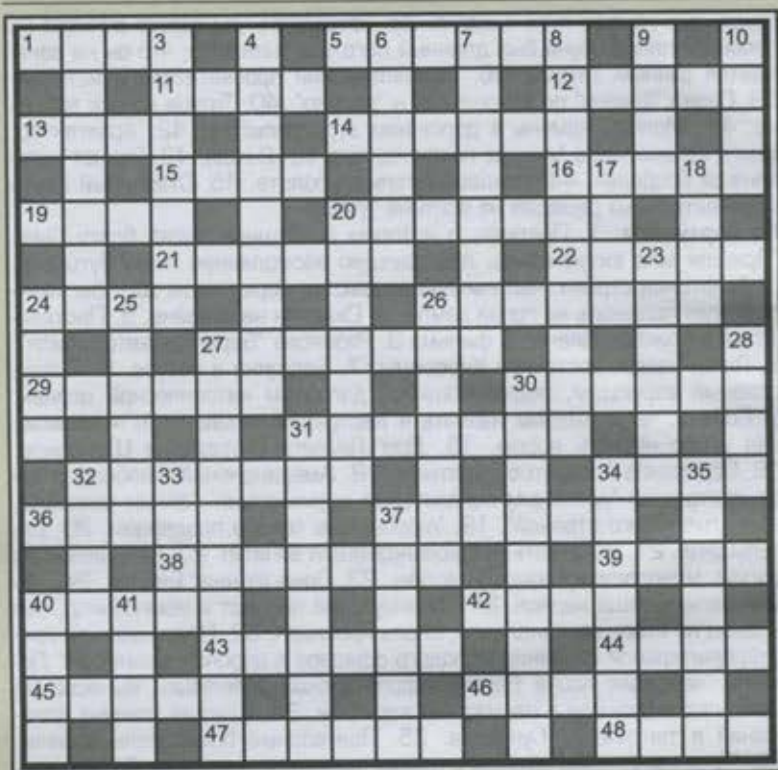
зверя. 30. Начало пути к омеге. 33. Затворник, у которого в Китае на большом пальце руки был длинный ноготь в знак того, что он не занимается ручным трудом. 36. Прибалтийский просветитель и историк. 39. Слово "близно" по отношению к "далено". 40. Тупица на все времена. 41. Мелкий камень в дорожном строительстве. 42. Архитектор, много строивший в Москве после пожара 1812 года. 43. Гложет человека от безделья. 44. Рекламодатель из болота. 45. Старинный центр художественных ремесел на востоке Туниса.

По вертикали. 1. Предмет, о котором А. Пушкин писал брату Льву: "Пришли мне витуку сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки". 3. Азиатская страна, чьи жители стараются перед сном хотя бы минуту другую полежать на голой земле. 4. Связник на стройке. 5. Противогонное приспособление в фильме Э. Рязанова "Берегись автомобиля". 6. Город северо-восточнее Хиросимы. 7. Барщина в натуре. 8. Православный верующий, подчиняющийся догматам католической церкви. 9. Собака, чьим именем назвать в Австралии человека то же самое, как у нас назвать вором. 15. Друг Гамлета в трагедии Шекспира. 16. Обдавание продуктов нипятком. 18. Американский философ и поэт, считавший "истинным показателем цивилизации" "облик человека, воспитываемого страной". 19. Удорожание товара продавцом. 20. Вяжальщица. 21. Жидкость, сопровождающая аппетит. 22. Понушение на догмы, монополизировавшие истину. 23. Одна из книг Библии. 24. Самая легкая пицца нарася. 31. Французский пианист и композитор, чья музыка не столь оригинальная, сколь красивая. 32. Шутивное или пренебрежительное название молодого офицера в царской армии. 33. Дельте, чей прах после Великой французской революции вынесли из Пантеона и бросили в парижский водосток. 34. Одно из главных положений в тактике А. Суворова. 35. Притворный блюститель морали. 36. "Троечник", чьим именем в народе называют поползенья. 37. Учредитель самой престижной в мире премии, лишивший ее математиков из-за того, что любимая им женщина выбрала не его, а математина. 38. Заключенный.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 7. Дизайн. 8. Лектор. 10. Обь. 13. Ублюдок. 15. Персона. 16. Грейдер. 17. Шорох. 19. Гоген. 20. Верстовский. 21. Сноу. 23. Мста. 24. Юсупов. 25. Реяние. 26. Цент. 29. Йеху. 31. Филонартист. 33. Чилим. 34. Тезис. 35. Кентавр. 37. Литовец. 38. Аунцион. 39. Эра. 41. Жостер. 42. Гривна.

По вертикали. 1. Озно. 2. Щель. 3. Милунов. 4. Залог. 5. Снвер. 6. Толстой. 9. Яблоко. 11. Бойнот. 12. Инденс. 14. Крестonosец. 15. Перспектива. 18. Херувим. 19. Гимнаст. 22. Уют. 23. Мей. 27. Наитие. 28. Мастер. 30. Ефимок. 31. Философ. 32. Тенцинг. 35. Ненти. 36. Рубин. 39. Эриа. 40. Агни.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Обычный банк в старину, куда люди носили сбережения. 5. Родственник белки с луга или с поля. 11. Кирпич мироздания. 12. Сказочно провалившаяся девочка. 13. Воевода варягов, нанятых Ярославом, позже прозванным Мудрым, для борьбы с напавшим на Киев братом Мстиславом. 14. Индейское жилище, которым пес Шарик показал кунищ ноту Матроснину. 15. Испанский художник-модернист, питавший слабость к черепам слонов. 16. Топтыгин, лазающий по бамбукам. 19. Оружейный завод, которому вермахт в 1938 году поручил срочно изготовить пистолет-пулемет для парашютных частей. 20. Русский историк, поборник славянского единства. 21. Первый из 14 в прямом смысле неразлучных химических элементов. 22. Вложить меч в ... (прекратить борьбу, вражду). 24. Одежда героя в повести А. Бестужева-Марлинского "Аммалат-Бек". 26. Орган законодательной власти в Швеции. 27. Иудейский пророк при царях Иосии, Иохазе, Иоаниме, Иехонии и Седении. 29. Голландский мореплаватель, открывший Шпицберген, хотя гораздо раньше это сделали поморы. 30. Знаменитый тромбонист, чей джаз-оркестр участвовал в филь-

ме "Серенада солнечной долины". 31. Самое опасное из жизненно необходимых для животных мест. 32. Вещество, делающее спорынью ядовитой. 34. Костюм, появившийся в Англии в XVIII веке как одежда для верховой езды. 36. Самолетохранилище. 37. Дерево; чай из коры черного вида с медом снимает боль. 38. Полное имя сказочного водителя самоходной печи. 39. Отец шутни. 40. Животное на гербе Ботсваны. 42. Между бугром и горой. 43. Родственник лимона, чьи плоды в 5-6 раз крупнее. 44. Дочь думы. 45. Великий архитектор Барселоны, раздавленный трамваем, который он так не любил. 46. Самый престижный колледж Великобритании. 47. Оружие, которым вполне мог пользоваться папа Остапа Бендера. 48. Остатки стеблей хлопчатника после уборки хлопка.

По вертикали. 2. Английский экономист, активно выступавший против налога в пользу бедных, считая, что он подрывает экономику. 3. Цикл гимнов в "Ригведе". 4. Представитель одного из самых рыжих народов. 6. Музыкальная уравниловна. 7. Тропическое дерево или кустарник, из чьих листьев получают хну. 8. Польский психиатр, сказавший: "из всех лекарств главное – сам врач". 9. Один из самых неразговорчивых народов Европы (представитель). 10. Самая крупная газель. 17. Положительный герой в учебнике физики. 18. Сто вьетнамских су. 20. Источник музыки на танцах. 23. Сестра С. Новалевской, русская писательница, вышедшая замуж за деятеля Парижской Коммуны. 24. Название известной лекарственной травы в стихах М. Волошина, например, в "Пустыне". 25. Профессия отца анадемина В. Парина. 26. Французский танец, названный, как считал Ж. Руссо, по имени его создателя. 27. Субстанция, от мощности потока которой зависит, быстро летит время или тянется. 28. Композитор, которому Ж. Конто посвятил брошюру-памфлет "Петух и Арленин". 30. "Замечательное" время в жизни человека. 31. Героиня в опере Д. Верди "Травиата". 32. Немецкий астроном, объединивший открытия П. Мешена, В. Гершеля и Ж. Понса – они открывали одну и ту же комету. 33. Кривляка и паяц на чужую потеху. 34. Печь для извлечения из расплавленных шлаков летучих компонентов, в основном свинца и цинка. 35. Заключительная сцена в опере М. Глинки "Жизнь за царя" по своей сути. 37. Название в старину обязанности, повинности, а также беременности. 40. Учреждение, где посетителей принимают парами. 41. Последнее слово Юлия Цезаря, если верить легенде. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 1. Щеголь. 9. Размножение. 10. Карамзин. 11. Завывание. 12. Энергетик. 14. Ислам. 17. Тройка. 20. Неон. 21. Чехонин. 23. Бром. 25. Лаж. 26. Едон. 27. Белотал. 29. Сниф. 31. Эснудор. 32. Ярвет. 36. Телевизор. 37. Чарльстон. 39. Феминист. 40. Психованализ. 41. Анналы.

По вертикали. 1. Щуна. 2. Геронтология. 3. Лампрокл. 4. Кан. 5. Умиак. 6. Вольтинский. 7. Шенапан. 8. Житие. 9. Рифей. 11. Зим. 13. Штабист. 15. Междусобица. 16. Анекдот. 18. Делос. 19. Пожар. 22. Хат. 24. Цемесная. 28. Юстиниан. 30. Фролиха. 33. Ден. 34. Ремез. 35. Лаиса. 36. Топаз. 38. Отцы... 39. Фич.

Павел ПЕНЬКОВСКИЙ

Его картины — словно воспоминания о прошлом. О нарядной, красивой жизни, протекавшей лет эдак сто назад. Когда мир еще не был перенасыщен информацией, опутан сетью Интернета, не раздражался от навязчивой рекламы. И художник создает свой, иллюзорный, мир, в котором нет агрессии, не кипит страсти, а, напротив, царит спокойствие и умиротворенность. Он пишет элегантных дам, прогуливающихся по тенистым аллеям,

юных барышень в цветущем саду, военных в щеголеватых мундирах, празднично одетых людей, сидящих за столиками летнего кафе; в осеннем парке играет духовой оркестр, а разноцветные листья неслышно опускаются под копыта грациозных лошадей... Но это только одна тема в творчестве Павла Пеньковского. Вторая — городские пейзажи. "Особое удовольствие доставляют мне, — говорит Павел, — прогулки по ночному городу. Я люблюсь особым ночным освещением, мерцанием уличных фонарей, мокрым асфальтом после дождя, отражением деревьев и домов в лужах; тихим прудом, реной, лениво плещущейся о набережную". Вот все это он и изображает. А еще улицы, дома, бульвары и скверы, мостины, перенинутые через городские речки. Впрочем, и здесь явно преобладает фантазия художника. Потому что и улицы, и дома, и дворники мы вряд ли найдем в каком-нибудь конкретном городе. Кажется, они взяты из зыбких, призрачных снов, и только воображение художника материализует их на холсте. Зато виды Парижа, Лондона, Венеции, Вены и Праги вполне реальны, узнаваемы. Павел пишет их только с натуры. Он вообще любит путешествовать, уже объездил почти всю Европу, и всегда привозит множество этюдов, зарисовок, рисунков — своеобразная иллюстрация его поездок. Там же, за границей, проходят его персональные выставки. А еще он сотрудничает с галереями США и Японии, а дома, в России, групповые и персональные выставки Павел проводит уже давно. Первая прошла, когда был он еще студентом московского Художественно-промышленного училища.

Стиль и манеру письма Павла можно определить как неимпрессионизм. Может, поэтому его любимые художники — Моне, Сислей, Писсаро, Ренуар. "В природе совершается постоянное движение, — говорит художник. — Все может измениться в любое мгновение. А моя цель — запечатлеть это самое мгновение". И

действительно, успеваает... Вот бездонное небо с пышными, изменчивыми в своей конфигурации облаками, трепещущие от легкого ветерка листья деревьев, брызги фонтанов, бегающие по лесной поляне солнечные блики и истаивающий под первыми лучами солнца утренний туман...

А еще у Павла есть (помимо путешествий, конечно) увлечение. В деревне, куда обычно отправляется летом, он сам построил небольшую обсерваторию. Когда наступает звенящая особыми звуками ночь, когда на небе начинают загораться звезды, тогда "...я забираюсь в свой "своречник", который гордо называю — моя обсерватория, и люблюсь бездонным небом, мерцанием звезд, загадочной луной... И пытаюсь понять себя... Свой внутренний мир. И всегда знаю заранее — эта ночь даст мне новый импульс, толчок для работы, для создания новой картины". ■

Людмила КАНДАЛОВА

Пленэр.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТОМ

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-31
факс: (3412) 78-58-9

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru